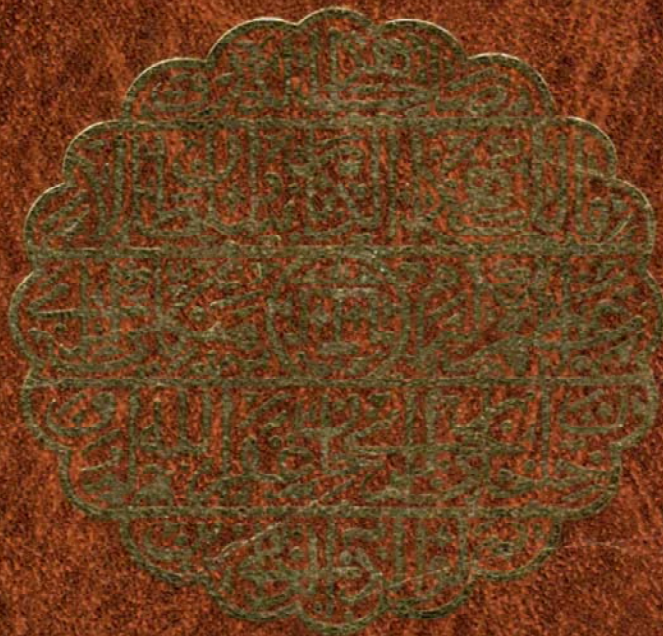

Олекса Гайворонский

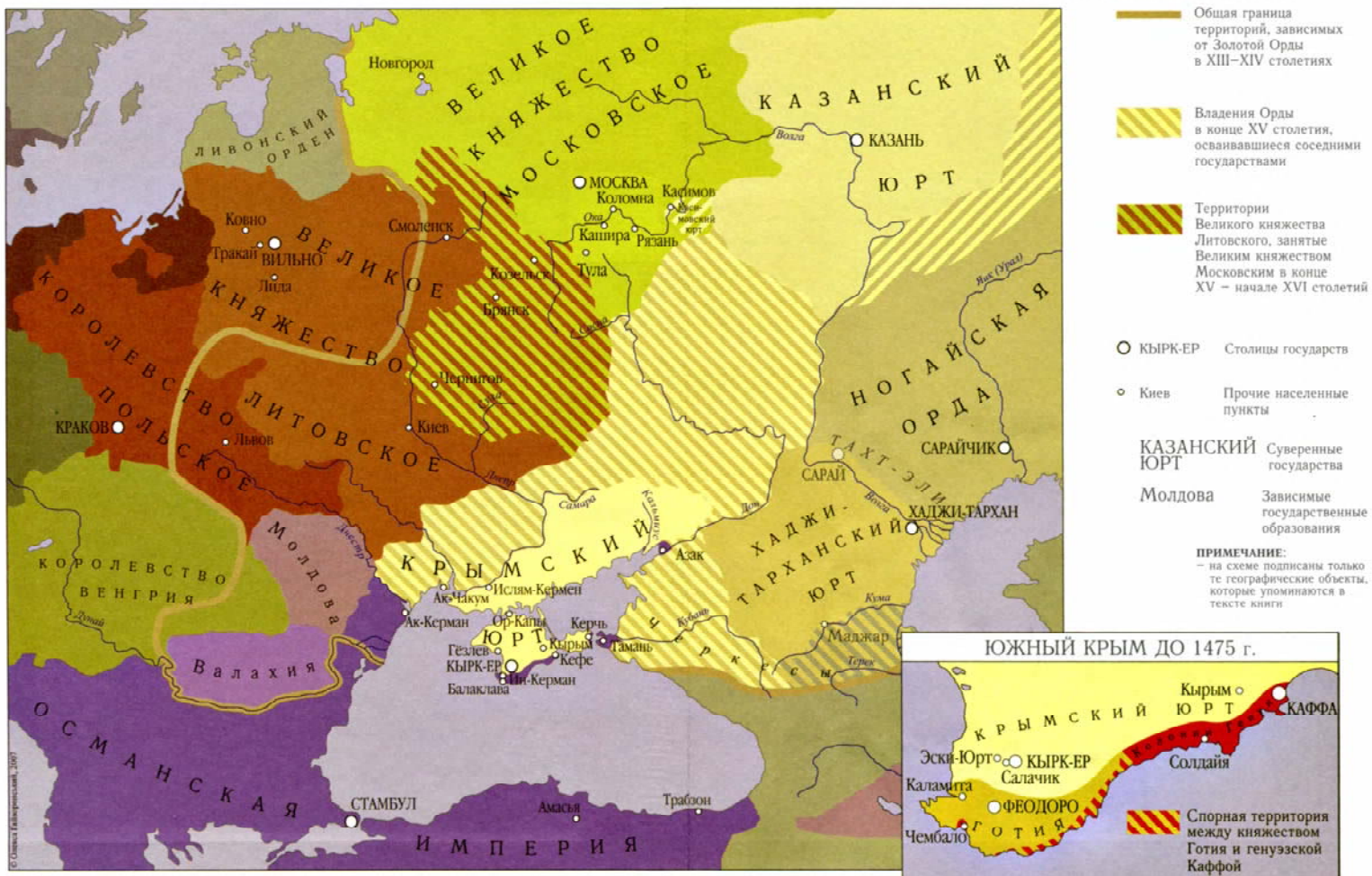
ПОВЕЛИТЕЛИ ДВУХ МАТЕРИКОВ

ТОМ I

Крымские ханы XV—XVI столетий
и борьба за наследство Великой Орды

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В НАЧАЛЕ XVI СТОЛЕТИЯ

© Санкт-Петербургский, 2007

· P · G · N · T ·

*В оформлении обложки и титульной
страницы использована арабская надпись
с портала Демир-Капы (1503 год):*

صاحب هذه الدار و
مالك هذا الديار سلطان الا
عظيم الاكرم منكلي كراى
خان بن خاجى كراى خان غفر الله له و
لو الديه فى لدارين

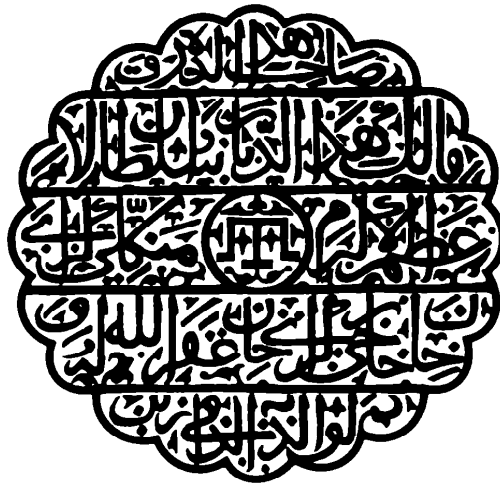
*«Владелец этого жилища и
царь этой области — султан
величайший, благороднейший, Менгли Герай
хан, сын Хаджи Герая хана, да простит Аллах ему и
его родителям в обоих мирах».*

Олекса Гайворонский

ПОВЕЛИТЕЛИ ДВУХ МАТЕРИКОВ

ТОМ I

Крымские ханы XV-XVI столетий
и борьба за наследство Великой Орды

Киев — Бахчисарай
2007

ББК 63.3(2)44

Г-14

Олекса Гайворонский

Повелители двух материков.

Том. I: Крымские ханы XV—XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды.

Киев – Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007, 368 с.

Oleksa Haiworoński

Powelitielei dwuch materikow.

vol. I: Krymskije chany XV-XVI stolietij i bofba za nasliedstwo Welikoj Ordy
[The Rulers of the Two Continents; The Crimean Khans of the 15th and 16th Centuries and The Rivalry for the Heritage of the Great Horde],

Kyiv – Bakhchisaray: Oranta, Majsternia knyhy, 2007.

ISBN 978-966-9617-1-2

Науково-популярна праця історика О. Гайворонського розкриває в своєму першому томі історичні постаті правителів Кримського ханату XV – XVI століть, їхню боротьбу за самостійність кримськотатарської держави та прагнення кримської правлячої династії успадкувати зверхність над колишніми володіннями Золотої Орди.

The first volume of the popular work by historian O. Haiworoński reveals historical personalities of the rulers of the Crimean khanate in the 15th and 16th centuries, their struggle for the independence of the Crimean Tatar state and the aspiration of the Crimean ruling dynasty to inherit the supremacy over the former possessions of the fallen Golden Horde empire.

© Олекса Гайворонський, текст, 2007

© Олекса Гайворонський, карти, обкладинка, 2007

© Юрій Нікітін, ілюстрації, 2007

© Оранта, дизайн, макет, 2007

© Майстерня книги, друк, 2007

ISBN 978-966-96917-1-2

ОТ АВТОРА

Название «Повелители двух материков» — это парафраз титула, присвоенного хану Менгли Гераю в монументальной надписи 1503 года на дворцовом портале: «*хакан двух морей и султан двух материков*». В этом титуле (византийском по происхождению и попавшем в Крым через османское посредство) отражена целая эпоха в истории Крыма — период длиною почти в полтора века, когда династия Гераев боролась за независимость Крыма с последними правителями Орды, одержала победу, а затем и сама попыталась овладеть наследством рухнувшей степной империи. Византийские императоры и османские султаны разумели под «двумя материками» и «двумя морями» Европу и Азию, Черное и Средиземное моря. В титуле крымского хана материки остались прежними, но перечень морей изменился: это Черноморье и Каспий, по берегам которых некогда простирались владения Улуса Бату-хана.

Прежде, чем начать повествование об этой борьбе, мне бы хотелось кратко рассказать о ее причинах, а также прокомментировать ту форму, что была избрана мной для изложения материала.

Как ни странно это прозвучит, монгольское завоевание Крыма в первой половине XIII столетия не внесло кардинальных изменений в структуру населения полуострова. Как и до нашествия, в степях по-прежнему звучала тюркская речь скотоводов-кыпчаков, а жители горных районов вели тот же образ жизни и хозяйства, что бытовал здесь уже многие века. Впрочем, те кыпчаки, что наполнили теперь Крым, были новопоселенцами, согнанными монгольским завоеванием со своих прежних кочевий на материке, а их собратья, обитавшие на полуострове ранее, были вынуждены потесниться и отступить из степей, пополнив собой разноплеменную смесь горцев (чьи предки в разное время сами были вытеснены с равнин в горы прежними волнами переселенцев). Сами монголы никак не повлияли на состав крымского населения: ничтожная прослойка завоевателей, как писали современники, уже через несколько десятилетий полностью растворилась среди покоренных тюркских народов.¹ Неудивительно, что империя Чингиз-хана почти сразу же после смерти своего основателя раскололась на несколько отдельных государств, которые, в свою очередь, продолжали дробиться далее. Одним из таких осколков и оказалась Великая Орда (Великий Улус, Улус Бату-хана), владевшая Крымом.

Несмотря на то, что монголы весьма быстро сошли с главной сцены истории, они надолго оставили в наследство завоеванным народам свою систему государственного правления. Сходные принципы государственности существовали среди древних тюрков еще за столетия до того, как Чингиз-хан взял эти обычаи на вооружение и объединил под своею властью всю Кыпчакскую Степь. Краеугольным камнем

---

¹ Как писал арабский автор ал-Омари (1299?-1349) о Золотой Орде: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто они одного рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их. Таким образом, долгое пребывание в какой-нибудь стране заставляло натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе» (Из сочинения Ибн Фадлаллаха ал-Омари, в кн. *Золотая Орда в источниках*, т. I, Москва 2003, с. 105).

этой властной системы был сакральный статус правящей династии и непререкаемый авторитет верховного правителя — кагана (хакана; великого хана). Это во многом объясняет, почему в тех государствах, что возникли на развалинах империи, надолго закрепились у власти династии потомков Чингиза — последние хранители монгольских политических традиций в среде иноплеменных подданных (тюрок, иранцев, индийцев и др.). В этом нет ничего странного: ведь ситуация, когда правящая династия отличается по происхождению от подвластного ей народа и культивирует идеалы своих далеких предков, обычна для мировой истории.

Монгольские государственные обычаи имели не столь много общего с традициями крымскотатарского народа, который благодаря географической обособленности полуострова и по мере распространения среди его жителей ислама сформировался в Крыму из кыпчаков-новопоселенцев, кыпчаков-старожилов и обитателей горных областей — потомков скифо-сарматского, гото-аланского и сельджукского населения. Тем не менее, именно на этих обычаях зиждились властные права Гераев и в значительной степени строилась их внешняя политика — ведь законы Чингиза являлись высшим авторитетом и для их противников в борьбе за самостоятельность Крыма: последних ханов Великой Орды, чья столица стояла на Нижней Волге. Сколь бы ни отличались между собой Крым и ордынское Поволжье, их правители говорили на языке одних и тех же символов и представлений.

Главным соперником дома Гераев являлся дом Намаганов — другая чингизидская ветвь, что занимала ордынский престол в последние десятилетия существования единого Улуса Бату. Спор двух династий за Крым увенчался победой Гераев: летом 1502 года последний ордынский правитель Шейх-Ахмед был свержен с трона Менгли Гераем. Победитель не ограничился военным разгромом соперника и, в соответствии с обычаем, присвоил себе также и все регалии власти поверженного врага, провозгласив себя ханом не одного только Крыма, но и всей Великой Орды. Таким образом, крымский хан формально унаследовал права на все бывшие ордынские владения — те самые «два моря» и «два материка», что были запечатлены в его новом титуле.

Эти претензии не объяснить заурядным экспансионизмом, ибо вся внешнеполитическая деятельность Крымского ханства убедительно показывает, что Гераи не ставили перед собой задач захвата и удержания чужих территорий. Крым славился как серьезная сила, способная наносить разрушительные военные удары — однако, сознательно стремясь ослабить ту из соседних держав, которая на данный момент наиболее усилилась, крымские ханы не проявляли интереса к завоеванию земель и расширению собственных границ. Мотивы их борьбы за ордынское наследство заключались в ином.

Если смотреть на Крым извне, в особенности со «славянского берега», то в XV-XVI столетиях он выглядел как грозная недостижимая крепость, от вылазок гарнизона которой можно было лишь с тем или иным успехом обороняться. Однако видимая с такой перспективы картина неполна, ибо при взгляде со своей стороны Перекопа крымские ханы хорошо сознавали уязвимость своего государства — другое дело, что угроза ему в то время исходила не со славянского Севера (который лишь значительно позже смог составить опасность для Крыма), а с ордынского Востока.

Поистине прав ал-Омари, заметивший, что «земля одерживает верх над природными чертами»: Гераи, чьи далекие предки-Чингизиды пришли править Крымской страной как завоеватели, повторили опыт всех прежних правителей Таврики и сами стали

опасаться кочевников Великой Степи, подобно тому, как боспорские цари опасались гуннов. Ведь именно там, в степных кочевьях Орды, десятилетиями шла ожесточенная борьба за власть, изнурявшая Крым чехардой правителей и непрерывной сменой волн вооруженных чужаков, скрывавшихся на полуострове после изгнания из ордынской столицы либо готовившихся к броску на Волгу; там правил дом Намаганов, оспаривавший у Гераев верховенство над Крымом; оттуда совершались разорительные набеги на полуостров, чью небольшую территорию тысячный отряд кочевников мог опустошить за считанные дни. Примеры таких набегов не ограничивались эпохой Тимур-Ленка и ордынской смуты: кочевники Поволжья и Прикаспия вторгались в Крым практически каждое десятилетие в 1470-1520-х годах; крымские ханы едва сумели сдержать этот натиск в 1530-1540-х, и всё еще были вынуждены стоять в готовности отразить его в середине 1550-х годов.

Взгляд на Крымское ханство как на жертву степных набегов — ракурс непривычный, однако он находит полное подтверждение в источниках, известных любому специалисту. Более того, именно защите Крыма от угрозы со стороны Степи и была в значительной мере посвящена внешнеполитическая деятельность крымских правителей той эпохи.

Прямая вооруженная борьба с правителями степных держав не могла полностью обеспечить безопасность Крыма, ибо для установления непосредственного военного контроля над гигантскими пространствами бывшей империи крымские ханы попросту не располагали достаточными людскими ресурсами — даже несмотря на то, что намеренно переселили в материковые владения ханства немалую часть покоренных ими ордынских улусов. Правителям Крыма пришлось избрать иной путь и призвать на помощь ту древнюю политическую традицию, силу которой признавали все бывшие подданные Орды: незыблемость власти верховного хана-Чингизида над всем множеством отдельных орд, племен и улусов. Оспаривать престол великого хана мог лишь другой Чингизид, а для всего остального населения, включая знатное сословие, не признавать эту власть считалось немыслимым.

В этом свете основная задача крымских ханов сводилась к тому, чтобы сместить соперничающее чингизидское семейство с ордынского престола и самим занять его место. Окончательно победить Орду было возможно, лишь став ее правителем; и лишь эта мера, а не военные акции, позволила бы гарантировать неприкосновенность владений Гераев. Такое формальное верховенство над всеми народами бывшей Ордынской империи уже не означало ни «колониального» владычества, ни даже экономической эксплуатации в виде, например, сбора дани. Оно предусматривало лишь признание подданными династического старшинства и номинального покровительства верховного правителя, а это, в свою очередь, обеспечивало мир между сюзереном и его вассалами — тот самый мир, в котором столь нуждались Гераи, стремившиеся обезопасить свой край от набегов и защитить власть своей династии от поползновений других чингизидских семейств.

Эта борьба между крымской и ордынской линиями Чингизидов велась многие десятилетия. Она не закончилась разгромом Шейх-Ахмеда и продолжилась в соперничестве двух семейств за влияние в тех государствах Поволжья, что возникли после распада Улуса Бату: в Хаджи-Тарханском и Казанском ханстве, а также в Ногайской Орде. Временами достигая в этой борьбе значительных успехов, Гераи год за годом

приближались к своей цели. Но вскоре в спор двух чингизидских кланов вмешалась третья сила — и разрешила его в свою пользу.

Великое княжество Московское, которое само долгое время являлось ордынским вассалом, тоже вступило в борьбу за земли Поволжья. Его стратегия сильно отличалась от стратегии Крыма, ибо целью Москвы была классическая территориальная экспансия. Не будучи Чингизидами, московские правители, естественно, не могли претендовать на династическое старшинство среди здешних правителей, и потому, в отличие от Гераев, стремились не к формальному подчинению волжских ханств, а к полной их ликвидации и присоединению их территорий к своему государству. Вначале московские правители избрали тактику поддержки слабеющего дома Намаганов в его сопротивлении Гераям, а затем решились и на прямой вооруженный захват ханств Поволжья и Прикаспия.

В новых условиях, когда волжские государства оказались не просто лишены самостоятельности, но полностью уничтожены как субъекты международных отношений, Гераи утратили политических партнеров, с которыми можно было выстраивать систему мирных вассальных договоренностей: отныне единственным субъектом права на северо-восточных границах осталось Московское царство, в отношениях с которым апелляции к законам Чингиза теряли свою силу. Это знаменовало конец борьбы за наследие Улуса Бату.

О том, как Гераи боролись с Намаганами за независимость Крыма и влияние в землях Орды, а также о том, как впоследствии место ордынской династии в этом споре заняла Москва, и расскажет эта книга. Знание мотивов, двигавших крымскими правителями, и знакомство с их идеологией исключительно важны для достоверного уяснения исторического пути крымскотатарского государства. Без этого история Крымского ханства (особенно в популярном представлении, независимо от «позитивной» либо «негативной» ее трактовки) превращается в россыпь бессвязных — и потому бессмысленных — сведений, чем никогда не может являться история любого человеческого общества. Такой упрощенный взгляд (порожденный лишь тем, что не многие брали на себя труд осмыслить и систематизировать имеющуюся фактологию) не раз приводил к серьезным заблуждениям относительно целей внешней политики Крыма, от чего, в свою очередь, страдают неполнотой и видение истории соседних государств, и концепция общеевропейской истории в целом.

В книге также рассматриваются отношения Гераев с султанами Османской империи — столь же важное направление крымской политики, как и контакты с государствами-наследниками Орды. Подчиненный статус крымских ханов в отношении османских падишахов имел двойное значение для Крыма. С одной стороны, османская военная мощь (особенно на раннем этапе) помогла крымским правителям защитить полуостров от ордынских вторжений. Однако последовавшее за этим вмешательство Стамбула во внутривосточную жизнь ханства привело в итоге к существенному ограничению самостоятельности Крыма. С течением времени эта тенденция лишь усиливалась, вызывая озабоченность и сопротивление крымских ханов. Противоречия между правителями Бахчисарая и Стамбула, конечно, не составляли всей сути тех крепких и разносторонних связей, что соединяли народы Крыма и Турции, но все же их никогда не следует упускать из виду — это важно, снова-таки, для верного представления об историческом пути Крымского ханства, внешнеполитические интере-

сы которого складывались самостоятельно, вне связи с завоевательными интересами Османского государства, и потому не только не являлись «продолжением» османской политики (как это порой трактуется) но довольно часто шли с ней вразрез.

Полагаю, следует прокомментировать и ту форму, в которую облечено мое повествование.

Личный исследовательский опыт взгляда на историю Крымского ханства «изнутри» — то есть, попытка увидеть мотивы действий героев и дать оценки событиям с точки зрения их современников — показался мне весьма ценным: он открыл такие ракурсы и закономерности, которые обычно остаются незамеченными. Я, конечно, не заблуждаюсь на тот счет, что сегодня можно досконально постичь образ мыслей человека XV или XVI столетия: для этого безвозвратно забыто слишком много незначительных нюансов, в сумме своей определявших сознание людей той эпохи. Однако даже в простейшем приближении подобные попытки могут оказаться весьма плодотворными для формирования всестороннего представления об историческом процессе (излишне уточнять, что успех такого опыта напрямую зависит от массива сведений, накопленных исследователем по данной теме). Вследствие этого книга получилась осознанно «пристрастной»: автор «болеет» за своих героев, разделяет их устремления, принимает оценки, которые дают событиям их участники, и пытается взглянуть на окружающий мир их глазами.

Всё это и определило научно-популярный жанр произведения: он позволяет напрямую вплетать в ткань авторского повествования бытовавшие в то время мнения, оценки и настроения, благодаря чему читатель получает возможность более полно ощутить атмосферу, в которой происходят описываемые события. Работа над таким текстом оказалась непростой; пожалуй, изложение по академическим стандартам либо свободная беллетристика задали бы меньше труда автору, которому приходилось неизменно выверять строгий баланс между живой подачей материала, обстоятельностью повествования и документальной достоверностью (бескомпромиссное стремление к которой и обусловило то, что текст снабжен справочным аппаратом и, по мере надобности, дополнительными комментариями).

К использованию научно-популярной формы был и еще один важный довод.

Нельзя сказать, что Крымское ханство остается вне поля научных исследований: в мировой исторической науке существуют целые школы, специализирующиеся на темах, связанных с историей крымскотатарского государства XV—XVIII столетий. В этой области есть свои признанные авторитеты, и специалисты без труда узнают в книге положения из хорошо известных в научном мире работ. Исследования, так или иначе касающиеся истории Крымского ханства, ведутся во многих научных центрах мира — однако исключительно редко становятся достоянием широкой общественности. Занимаясь популяризацией научных знаний по данной теме как в силу личной увлеченности, так и по долгу службы,² я вынужден с грустью констатировать, что хороших общедоступных книг о Крымском ханстве, которые можно было бы смело рекомендовать читателю-неспециалисту, практически не существует — несмотря на растущий интерес к этой теме, проявляемый и крымскотатарской общественностью, и много-

---

² Олекса Гайворонський — заступник директора Бахчисарайського державного історико-культурного заповідника з наукової роботи (*Примітка редакції*).

численными посетителями крымских исторических памятников, и широким кругом любителей исторической литературы в целом. Безусловно, не автору судить, насколько его произведение способно восполнить этот пробел, однако задача ознакомления читающего сообщества с основными материалами специальной литературы показалась мне достойной того, чтобы посвятить ей несколько лет работы над этой книгой, а затем продолжить работу над последующими томами цикла.

Параллельно с описанием длительного историко-политического процесса я стремился создать на страницах своей книги серию живых исторических образов крымских правителей XV—XVI столетий. Эта задача представляется мне весьма важной, ибо популярное представление об истории Крыма сильно обеднено отсутствием в нем тех ярких фигур крымских ханов, что предстают перед исследователем в источниках. Пространные повествования и отдельные фразы, разбросанные по старым документам и историческим трудам, раскрывают настолько рельефные характеры и захватывающие фабулы, что рядом с ними тускнеет любой художественный вымысел. Хочется верить, что воссозданные в этом произведении образы исторических личностей помогут крымскому читателю различать и узнавать их — благо, в Крыму, изобилующем средневековыми памятниками, постоянно встречаются разнообразные поводы вспомнить имена тех или иных ханов.

* * *

Стремясь осветить исторический процесс через отношения задействованных в нем участников; ставя личность во главу повествования и стараясь отобразить характеры исторических деятелей настолько живо, насколько позволяет доступная о них информация, уместно вспомнить и тех людей, которые так или иначе прикосновены к появлению этого издания.

Прежде всего, я хочу назвать здесь имя моей мамы Галины — первой читательницы этой книги и свидетельницы творческого процесса. Ей я и посвящаю свое произведение в благодарность за *всё*.

Этот труд не появился бы в его нынешнем виде без любезной помощи Марины Кравец из университета Торонто, открывшей мне библиотечные сокровищницы по ту сторону океана.

Книга написана в Крыму и для Крыма, но Константин Дорошенко заверил меня, что она не утратит своего интереса и за Перекопом — и это мнение деятельно подтвердили Павло Сачек и Надия Гончаренко, издавшие мою книгу в Киеве.

Хочу упомянуть и тех, с кем я делился замыслом произведения еще до его написания: Елену Каплюк, Евгения Петрова, Айдера Эмирова, Наримана Абдульваапа, Велядие Чапчакчи, Улькер Алиеву, а также всех, чье содействие помогло мне представить свою работу уважаемому читателю.

Отдельного слова заслуживает вклад замечательного киевского художника Юрия Никитина, иллюстрировавшего книгу серией портретов «повелителей двух материков».

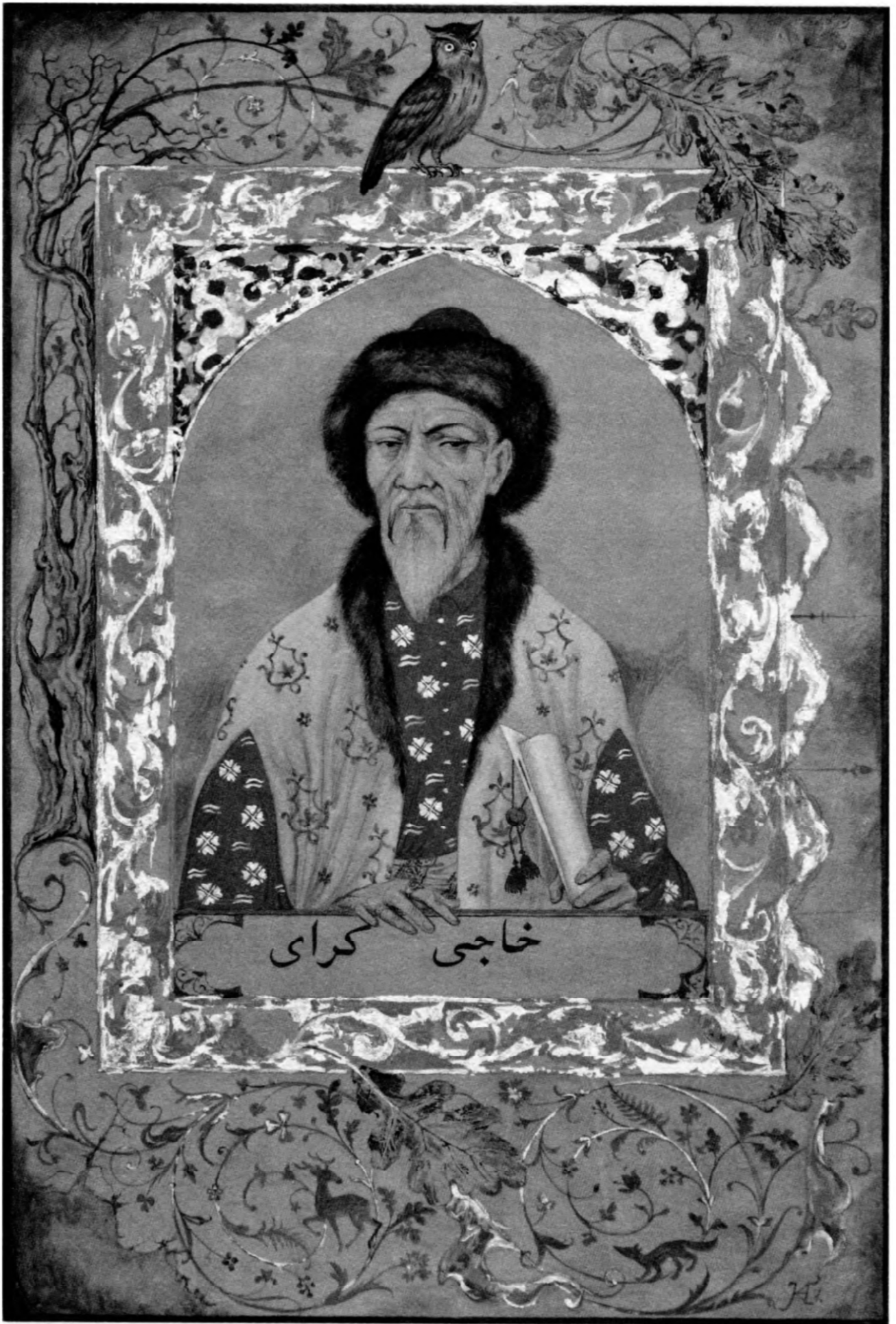
Четыре портрета из девяти (Менгли Герай, Девлет Герай, Мехмед II Герай и Гази II Герай) написаны по мотивам османских миниатюр и европейской гравюры XVI столетия, изображающих перечисленных правителей. Остальные пять изображений — творческая реконструкция, созданная художником с учетом рекомендаций автора, в которых учитывались и редкие описания внешности того или иного хана в письменных источниках, и запечатленный в средневековой графике облик его ближайших родичей, а порой и косвенные данные о мангытском (ногайском) либо черкесском происхождении его матери.

В отличие от текста, представленные портреты не претендуют на документальную достоверность (ведь даже те старинные миниатюры и гравюры, о которых говорится выше, являются лишь условными книжными изображениями). Предназначение портретной серии иное: стать украшением моей книги и превратить перечень ханских имен в созвездие ярких индивидуальных образов.

Олекса Гайворонский
Бахчисарай, август 2007

Ю.Никитин
«Основание Бахчисарая Сахибом Гераем»

Часть I

Хаджи Герай

1441-1466

ДВЕ СТРЕЛЫ

*Смута в Золотой Орде — Предки Хаджи Герая и его скитания в юности —
Правления Девлет-Берди, Улу-Мухаммеда, Сеид-Ахмеда I — Бегство Хаджи Герая
в Литву — Крымские беи избирают его ханом*

(1397-1441)

Как говорят предания литовских татар, Хаджи Герай появился на свет в Литве, в окрестностях замка Тракай. Его отцом был Гияс-эд-Дин, принадлежавший к многочисленному и разветвленному роду потомков Чингиз-хана, а матерью — Асия, дочь богатого мирзы.¹ Семейство, в котором родился будущий хан, составляло часть большой общины переселенцев из разных уголков Великого Улуса,² обосновавшихся в конце XIV столетия в землях Великого княжества Литовского. Хотя правитель здешних краев, великий князь Витовт, дал своим ордынским гостям все необходимое для достойного существования и переселенцы не испытывали ни нужды, ни притеснений, их жизнь нельзя было назвать благополучной — ведь все они были изгнанниками, покинувшими крымские предгорья и прикаспийские степи отнюдь не по собственной воле.

Великий Улус, еще недавно величаво покоившийся со своим несметным войском, процветающими городами и изобильными караван-сараями на плечах двух материков, в последние десятилетия превратился в бурлящий котел смуты. Бесчисленные потомки Чингиза, претендуя на ханский титул, яростно сражались между собой и чуть ли не ежегодно сменялись у власти. Единственным общепризнанным символом власти в этом море хаоса оставался священный престол великих ханов прошлого в столичном городе Сарае, что стоял на берегах Нижней Волги. Тот, кто сумел бы занять этот престол и прочно закрепить на нем, обретал надежду собрать расколотый Улус воедино и получить в свои руки всю былую мощь единой Орды.³

Этого уже добился было хан Тохтамыш — но и он был сброшен с трона и разгромлен среднеазиатским завоевателем Тимур-Ленком. Разорив Орду, Тимур-Ленк вернулся в Азию, а фактическим хозяином Улуса с той поры стал Эдиге — могущественный бей рода Мангыт, назначавший ханов по собственному выбору. Тохтамышу пришлось просить литовского князя об убежище для себя и своих приверженцев, и среди литовских лесов и украинских лесостепей поселилось множество ордынских эмигрантов, бежавших вместе с поверженным ханом от Эдиге и его ставленников.⁴

Отец Хаджи Герая, Гияс-эд-Дин, никогда не занимал трона, но имел все основания гордиться своей родословной: его предки были наследственными правителями Крыма. Еще во времена единства Великого Улуса, в 1260-е годы, верховный хан Менгу-Тимур отдал крымские владения Орды в управление своему дальнему родичу Уран-Тимуру.⁵ С тех пор потомки Уран-Тимура правили полуостровом в ранге эмиров — ханских наместников.⁶ Большая ордынская смута оттеснила их род от власти, но в 1395 году Таш-Тимур, наследник крымских эмиров, вернул себе достояние предков и провозгласил себя в Крыму самостоятельным ханом.⁷ Однако вскоре на Орду ударил Тимур-Ленк — и Таш-Тимур был изгнан из своих владений. Его сыновьям Гияс-эд-Дину и Девлет-Берди пришлось спасаться вслед за Тохтамышем в Литве, а Крым достался во власть Эдиге.

Тохтамыш еще надеялся вернуть себе трон. Заручившись поддержкой Витовта, он выступил со своими людьми против ставленников Эдиге — и потерпел окончательное поражение. В жестокой битве

погибли многие соратники Тохтамыша; в их числе, как полагают, был и Гияс-эд-Дин.⁸ В ордынском войске семьи бойцов нередко сопровождали армию, следуя за ней в обозе, и в случае разгрома становились добычей неприятеля. Предания сообщают, что слуга Гияс-эд-Дина едва спас малолетнего сына своего хозяина от истребления, постигшего сторонников Тохтамыша. Около шести лет слуга где-то скрывался с ребенком, пока не вернулся в родное селение и не передал мальчика на воспитание родственникам.⁹

Были и другие повествования о детстве Хаджи Герая. Согласно им, юный принц (правда, уже не младенцем, а подростком) чудом избежал гибели и несколько лет сам странствовал в степях. Говорили, что он был вынужден зарабатывать на пропитание, пойдя в услужение некоему суфию, причем юноше приходилось ночевать на голой земле и терпеть нападки сварливой супруги своего благодетеля.¹⁰ Рассказы о скитаниях будущего хана порой сильно отличаются один от другого, но вполне могут являться отголосками неких реальных событий: должно быть, над молодым потомком крымских эмиров действительно нависла смертельная угроза, и нашлись некие люди простого звания, укрывшие его в час бедствий.

Борьба, все не утихавшая на просторах Великого Улуса, принесла между тем важные перемены. В 1419 году всемогущий Эдиге сложил голову в боях с сыновьями Тохтамыша, и на смену его ставленникам к власти пришли вчерашние литовские изгнанники: Крымским улусом стал править сын Таш-Тимура — Девлет-Берди, а на общеордынский престол взошел его двоюродный брат Мухаммед.¹¹

Как только Девлет-Берди окончательно утвердился в Крыму, он поспешил известить о своей победе литовского великого князя и египетского султана. Любопытный эпизод, повествующий о втором из этих посольств, показывает, что дядька Хаджи Герая не был чужд изящной словесности и, похоже, считал себя утонченным поэтом.

Когда послание Девлет-Берди прибыло в Каир, султанская канцелярия встала в тупик: его письмо состояло из «прекрасных фраз, которые заключали в себе двести и более длинные стихотворения и поговорки, переполненные различными риторическими затеями, оборотами и украшениями. Оно было прочтено султану...но ни

читавший, ни другой кто не понимал содержащихся в нем тонкостей». ¹² С затруднением помог справиться посол крымского правителя, устно изложивший новости: Девлет-Берди овладел Крымом и окрестными землями, а Сараем правит Мухаммед, к которому с Востока подбирается новый соперник — Борак.

Девлет-Берди строил смелые планы и мечтал не только возвратить своему роду наследственный крымский удел, но и вознестись над всем Великим Улусом. Поэтому, когда упомянутый Борак добрался-таки до Сарая и изгнал Мухаммеда обратно в Литву, Девлет-Берди пришел на Волгу и в 1427 году сам овладел ордынской столицей. Но, подобно своему отцу, он не смог надолго удержаться у власти: не прошло нескольких месяцев, как Борак сверг и его. ¹³ Девлет-Берди наверняка погиб во время этого переворота: во всяком случае, при дворах иностранных правителей никто больше не получал его цветистых писем.

Не исключено, что Девлет-Берди-хана в этих походах сопровождал его племянник — Хаджи Герай. Но если Хаджи после гибели дядьки и надеялся стать его преемником, то эти надежды оказались тщетными: в 1428 году из Литвы вернулся Мухаммед, который снова овладел всем Великим Улусом, включая и Крым. ¹⁴

Не вполне ясно, как сложилась судьба Хаджи Герая при новом хане. Назначил ли его Мухаммед наместником Крыма? ¹⁵ Пытался ли расправиться с ним как с племянником недавнего узурпатора трона? ¹⁶ Или, быть может, Хаджи Герая не коснулись ни гнев, ни милость правителя, и он вел образ жизни «казака», ¹⁷ каких в ту пору немало было в Великом Улусе? Так или иначе, вскоре Хаджи Гераю опять довелось стать изгнанником.

Своим возвращением на трон Мухаммед был обязан родовой знати, которая вызвала его из Литвы и помогла вернуть трон. Наибольшим влиянием при дворе Мухаммеда обладали трое родовых старейшин: Навруз из клана Мангыт (сын самого Эдиге), Айдер, предводитель племени Конграт, и Тегене, бей рода Ширин. В отличие от первых двух староордынских кланов, которые издавна были влиятельны в Улусе Бату, Ширины были крымским родом, который выбился в ряды высшей аристократии относительно недавно (лишь при Тохтамыше) ¹⁸ — зато именно Ширины сыграли главную роль в возвращении Мухаммеда. ¹⁹

Отношения между ханом и беями сложились непростые: староордынскую знать не устраивало чрезмерное возвышение Ширинов, а сами Ширины считали, что хан, наоборот, пренебрегает их мнением.²⁰

Вскоре хану бросил вызов очередной претендент на престол, явившийся из Центральной Азии и тоже носивший имя Мухаммед. Если Мухаммед-старший принадлежал к потомкам крымских эмиров, то Мухаммед-младший происходил из другого колена чингизидского семейства — так называемого Намаганова юрта,²¹ в котором Эдиге издавна подбирал своих ставленников на ордынский трон. Едва Кучук-Мухаммед появился на горизонте, как Навруз с десятками тысяч своих сородичей переметнулся на его сторону.²² (Очевидно, Навруз мечтал вернуть обычаи своего отца, когда мангытский бей вершил судьбами империи через послушных ему Намаганов).

Кучук-Мухаммед выбил своего тезку из Сарая, но разгромить его до конца не смог. После нескольких ожесточенных стычек два Мухаммеда пришли к соглашению, что младший будет править в Сарая, а за старшим останется западная часть Орды вместе с Крымом.²³ Однако Улу-Мухаммед не удержал и того, что осталось у него в руках. На свою беду, он рассорился с одним из первых вельмож, Айдером Конгратом, и тот взялся отомстить хану. Айдер-бей разыскал внука Тохтамыша по имени Сеид-Ахмед, взял его под свое покровительство и привел в Крым. Осенью 1433 года Сеид-Ахмед был провозглашен ханом, а теснимому с двух сторон Улу-Мухаммеду в конце концов пришлось бежать далеко к северным окраинам Великого Улуса.²⁴

Овладев Крымом, Сеид-Ахмед немедленно взялся очищать полуостров от конкурентов. Разумеется, внук Тохтамыша считал себя единственным законным владельцем Крымского улуса, и не желал видеть тут потомства Таш-Тимура. Он объявил Хаджи Герая со всей его родней «врагами государства», и приказал перебить их всех до единого.²⁵ Хаджи Герай узнал об этом, и вместе со своим младшим братом Джанаем бросился прочь из Крыма — а вслед за ними погналось войско конгратского бея.

Отряд Айдера нагнал двух беглецов у переправы через Днепр. Те кинулись в воду, чтобы, вцепившись в гривы своих лошадей,

переплыть огромную реку. Преследователи натянули луки — и стрелы, взвившись над водою, посыпались вокруг плывущих. Конь, за которого держался Хаджи Герай, был ранен, и тогда слуга, плывший рядом, пожертвовал принцу свою лошадь, а сам скоро обессилел в изнурительном заплыве и пошел ко дну. Не удалось спастись и Джанаю.²⁶ Две стрелы вонзились в тело самого Хаджи Герая — но, к счастью, раны оказались неопасными, и он сумел выбраться из днепровских вод на противоположный берег.²⁷

Хаджи Гераю еще предстоит вернуть обе этих стрелы: одну — Тохтамышеву внуку, а вторую — Намаганскому юрту. Но этот час был не близок, а пока что Хаджи Герай оставался в полном проигрыше, потеряв в одночасье все, что имел. Куда теперь было податься беглецу? Очевидно, туда, где многие помнили его семейство, и куда не могли дотянуться руки преследователей — в Литву. Добравшись до литовского князя Зигмунта, Хаджи Герай был встречен им со всем сочувствием и получил почетный пост старосты в городе Лида,²⁸ где и поселился в ожидании перемен.

Сеид-Ахмед позабыл давнюю дружбу Тохтамыша с Ширинами и во всем полагался на Айдер-бея с его Конгратами. Крымская знать не питала симпатий к новому правителю,²⁹ и если не восставала против него — то лишь потому, что не решалась на открытое столкновение с 30-тысячным конгратским войском, над которым стоял Айдер. Но терпеть крымским аристократам довелось недолго: через несколько лет всеильный Айдер скончался, и пост первого бея перешел к Тегене Ширину.³⁰

Предводитель крымской знати не стал искать компромиссов с Сеид-Ахмедом: бей уже принял более радикальное решение.

За десятилетия смуты Крым устал от временщиков, которые использовали полуостров лишь как засаду для последующего прыжка на Сарай. Сопровождавшие каждого нового хана орды чужаков опустошали край; город Кырым, столица улуса, лежал в развалинах; а на бывших торговых путях бродили вооруженные шайки, не признававшие ничьей власти и грабившие всех встречных.³¹ Крым всегда стоял особняком среди прочих ордынских владений, а теперь, в эпоху неурядиц, и вовсе вышел из-под надзора обнищавшего и утратившего

былую мощь Сарая. По сути, Крымский улус уже давно превратился в отдельное государство — и ему недоставало лишь собственного вождя, который повел бы страну в самостоятельный путь прочь от тех бедствий, что продолжали сотрясать ордынскую сверхдержаву.

Вопроса о том, кто мог бы стать таким правителем, не стояло: ведь, помимо собственной аристократии, в Крыму издавна существовала и собственная правящая династия — потомки крымских эмиров из семейства Таш-Тимура, чьим единственным уцелевшим наследником остался проживающий в Литве Хаджи Герай. Посоветовавшись, крымские беи отправили посланцев в Литву, чтобы пригласить изгнанника на престол.

Так к великому князю Казимиру прибыло посольство от родов Ширин и Барын. Крымские гости пояснили литовскому правителю, что желают видеть своим ханом Хаджи Герая и просят отпустить его в Крым. Хаджи Герай был вызван Казимиром из Лиды в Киев, встретился там с бейскими посланцами, а затем в их сопровождении отправился из Киева в Крым.³²

Когда Хаджи Герай со свитой достиг крымских пределов, все беи и мирзы во главе с Тегене присягнули ему как правителю, а литовский военачальник Радзивилл, провожавший хана от Киева, утвердил его воцарение от имени великого князя. Затем, собрав подданных, Хаджи Герай выступил против своего давнего гонителя Сеид-Ахмеда. Осиротевшие после смерти Айдера Конграты не устояли перед натиском крымских беев, Сеид-Ахмед со своей ордой ушел с полуострова в приднепровские степи, а Хаджи Герай в 1441 году вступил в город Кырым, давнюю резиденцию его предков-эмиров.³³

В истории Крыма открылась новая глава: бывший ордынский улус стал независимым государством.

СТРАЖ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

*Личность Хаджи Герая глазами современников —
Окончательный разгром Сеид-Ахмеда I — Хаджи Герай как наследник
ордынских ханов — Передача Литве прав
на бывшие ордынские владения*

(1441-1461)

«О, Аллах, Ты — обладатель царства, и даруешь власть, кому пожелаешь!»³⁴ — эти слова Хаджи Герай избрал девизом своего правления и вырезал на большой ханской печати, которой скреплял свои указы.³⁵ У человека, который родился в изгнании и вырос в скитаниях, и впрямь были все основания считать свою победу немислимо щедрым подарком Всевышнего.

Хаджи Герай был глубоко религиозен: предания особо подчеркивают это, сообщая, что он углубленно изучал религиозные науки и еще в ранней юности совершил хадж, сопровождая из Литвы к Мекке своего родственника.³⁶ Как показало будущее, уроки благочестия не прошли для принца даром, ибо впоследствии и соотечественники, и иностранцы в один голос отмечали высоту моральных качеств Хаджи Герая, восхищавшего их гуманностью и благородством.³⁷ Впечатление, которое личность хана оказывала на современников, было настолько сильным, что сокрушало даже самые стойкие барьеры — барьеры межконфессиональной предубежденности. «Человек, исполненный гуманности, добронравия и скорый на доброе дело...ко всем христианам, что тянулись к нему со всех сторон, проявлял такую человечность и благородство, что трудно было бы признать в нем варвара, воспитанного в вере магометанской (ибо никогда не следует судить о человеке по его роду и происхождению)» — выражал революционную для своего времени мысль польский летописец, пораженный тем, насколько отличался образ благородного крымского правителя от традиционного средневекового представления о недруге-иноверце.³⁸

Хаджи Герай действительно давал основания к разрушению подобных стереотипов. Например, получил известность его поступок, который, возможно, и не выглядел чем-то странным для веротерпимого общества Крыма, однако сильно выделялся на общем историческом фоне той эпохи. Прося Аллаха и святых о победе в борьбе с соперни-

ками, Хаджи Герай обращался и к Майрум-Ана, матери Исы, — то есть, к Деве Марии, которой был посвящен греческий монастырь по соседству с ханской крепостью Кырк-Ер. После того, как борьба увенчалась победой, хан выстроил на свои средства новые мечети и медресе по всему Крыму,³⁹ а для того, чтобы почтить Майрум-Ана, Хаджи Герай продал двух своих лучших коней, купил на вырученные деньги воска, сделал из него две громадные свечи и отправил их в греческий монастырь Девы Марии, чтобы ханские свечи горели в нем из года в год.⁴⁰

Такова была личность, которой судьба поручила истерзанную многолетними смутами страну. Как писали о Хаджи Герае, он «умел привлекать сердца»⁴¹ и заслужил среди крымцев такой авторитет, что был прозван в народе “Мелек” — то есть, “Ангел”.⁴² Уважение подданных, пожалуй, сыграло не последнюю роль в том, что Хаджи Гераю удалось утвердить в стране порядок и спокойствие на все 25 лет своего царствования: повидав за последнее время длинную череду разных правителей, люди с готовностью приняли хана, который сумел стать моральным авторитетом для подвластного ему народа.

Однако покой, установившийся в Крыму, был очень зыбок: ведь на просторах Великого Улуса не утихла борьба, в любой момент грозившая перехлестнуться на полуостров. Орда развалилась на четыре части. Кучук-Мухаммед по-прежнему царствовал в Сарае, но его владения таяли на глазах: помимо Крыма, от империи отложилась ее северная окраина, превращенная Улу-Мухаммедом и его сыновьями в независимое Казанское ханство; а в западных землях от Дона до Днестра правил Сеид-Ахмед, изгнанный из Крыма и считавший себя правителем всей Орды.

Вместе со своей ордой Сеид-Ахмед бродил по степям, дожидаясь удобного момента для броска на Крым, а заодно стараясь ослабить союзника Хаджи Герая — князя Казимира. Видимо, дела Сеид-Ахмеда шли не слишком хорошо, если во время походов в земли великого князя ему приходилось преувеличивать свои силы и прибегать к трюку: хан сажал на спины запасных лошадей одетые в мужскую одежду манекены⁴³ (сделанные, видимо, из соломы) для того, чтобы издали обмануть литовских дозорных и внушить им ужас много-

численностью своего войска. Тем не менее, его частые набеги стали истинным бедствием для украинских владений Литвы. При нападениях Сеид-Ахмеда Казимир призывал на помощь Хаджи Герая, и тому не раз приходилось выступать в степь и отгонять опасного соседа подальше от крымских рубежей.⁴⁴

Наконец, в 1452 году Сеид-Ахмед нанес свой самый сильный удар по Великому княжеству, опустошив обширный край от Подолья до самого Львова. Собрав трофеи, Сеид-Ахмед развернул свою орду и пошел назад. Отягощенное добычей войско дошло до Днепра, переправилось через реку и остановилось передохнуть у переправы.

Здесь-то потомка Тохтамыша и настиг тот, кого Сеид-Ахмед хотел когда-то истребить с лица земли вместе со всем его родом. Застав Сеид-Ахмеда врасплох во время отдыха на днепровском берегу, Хаджи Герай молниеносно окружил его лагерь и обрушил на него свой удар. Сеид-Ахмед чудом избежал плена, ускользнув с остатком войск из окружения, в то время как многие из его людей сами перешли на сторону крымского хана.⁴⁵

Разгромленный Сеид-Ахмед пошел к Киеву в надежде получить помощь от своих друзей — литовских вельмож, которые ранее из вражды к Казимиру тайно поощряли орду к нападениям на земли своего правителя.⁴⁶ Но заговорщики испугались, что визит беглого хана разоблачит их союз с ним, и поспешили отвести от себя подозрения. Они арестовали своего гостя и отправили его к великому князю: предлогом послужила жестокая массовая драка, вспыхнувшая по какому-то поводу между киевлянами и татарскими всадниками из свиты Сеид-Ахмеда. Казимир поселил хана в почетном плену в городе Ковно, где тот и провел остаток жизни. Девять сыновей Сеид-Ахмеда осели среди литовских татар,⁴⁷ и род Тохтамыша навсегда сошел со сцены истории.

Так Хаджи Герай возвратил первую стрелу, выпущенную в него на днепровской переправе двадцать лет назад. Но победа Хаджи Герая значила гораздо больше, чем месть старому недругу.

Хотя Сеид-Ахмед с его «соломенным войском» и не шел ни в какое сравнение по авторитету и могуществу со своим великим дедом Тохтамышем, все же он являлся законным преемником ордынского

престола. Это признавали и Литва, и Великое княжество Московское, которое продолжало выплачивать дань обоим ханам расколовшейся империи: и Кучук-Мухаммеду, и Сеид-Ахмеду.⁴⁸ Символом власти ордынского хана являлась его кочевая ставка — «ордобазар» с тронным шатром. Где бы ни пребывал хан — в столичном городе, либо в походном лагере — тронный шатер всегда следовал за ним. Любой чингизид, захвативший эту ставку, овладевал вместе с ней титулом предшественника, и после того, как беи знатнейших родов утверждали его в ханском сане, обретал всю полноту власти.⁴⁹

Именно это и произошло теперь на берегах Днепра: прогнав Сеид-Ахмеда, Хаджи Герай вступил в брошенный шатер бежавшего соперника и воссел на его тронном месте. С этого дня Хаджи Герай, сын Гияс-эд-Дина, стал правителем не только Крыма, но и, номинально, всей Орды. Теперь мастера ордобазара чеканили на монетном серебре трезубую тамгу и имя Хаджи Герай,⁵⁰ а указы нового хана обращались отныне ко всему Великому Улусу: к Крыму, Кубани, всей Кыпчакской Степи — «и на все земли, на которые простирается моя власть».⁵¹

В Орде было принято, чтобы каждый новый хан своими указами подтверждал льготы и пожалования, выданные его предшественниками. Надо полагать, Хаджи Гераю в эти дни довелось подписать немало ярлыков, утверждающих давние распоряжения Тохтамыша и Сеид-Ахмеда о наделении подданных землями и привилегиями. Из этих документов сохранился один-единственный — зато и самый важный: в нем шла речь о самом грандиозном подарке, какой только мог сделать ордынский правитель.

В тех же походах, в которых были покорены Крым с Кыпчакской Степью, империя Чингиз-хана завоевала и почти все восточнославянские княжества. Ханы Золотой Орды унаследовали эти владения, собирали в них дань и утверждали местных правителей. Но со временем, когда Орда стала клониться к закату, эта зависимость сильно ослабла — а кое-где и вовсе исчезла, как, например, в украинских землях, уже давно освобожденных литовскими князьями от ордынской власти и включенных в состав многонационального Великого княжества Литовского.⁵² Тем не менее, Сарай еще долго считал эти земли своими — до тех пор, пока Тохтамыш, укрывшийся у Витовта от разгрома, не выписал в знак благодарности князю особого ярлыка,

которым официально передал под власть Литвы все бывшие владения Орды в украинских и западнорусских землях.⁵³

Этот указ по просьбе литовских послов и подтвердил Хаджи Герай. «Прежде брат наш старший на коне потном⁵⁴ к великому князю Витовту в Литву гостем приезжал, и встретил великий почет», — начинал Хаджи Герай свой торжественный акт, которым преподносил Казимиру в дар целую Украину: «Киев со всеми доходами, землями, водами и имуществом», «Подолье с водами, землями и всем имуществом», перечисляя затем длинный список городов Киевщины, Черниговщины, Смоленщины, Брянщины и многих других краев вплоть до самого Новгорода, которые Хаджи Герай от имени покоренной им Орды уступал дружественному соседу.⁵⁵

Конечно же, Орда уже давно не имела влияния в этих землях, и акт Хаджи Герая носил символический характер. Тем не менее, подобные символы имели в ту пору большое значение. Казимир не зря обратился к Хаджи Гераю за таким документом: ведь за некоторые из этих земель у Литвы шел спор с Московией, а поскольку Москва до сих пор формально подчинялась ордынскому престолу (еще Тегене Ширин участвовал в назначении московских князей, а Сеид-Ахмед получал от них дань⁵⁶), ханский ярлык мог стать в этом споре полновесным аргументом в пользу Казимира.⁵⁷

Так хан, который ради безопасности собственного государства из года в год оборонял соседнюю Украину от нападений Сеид-Ахмеда, окончательно подтвердил освобождение этой земли от многолетнего владычества Орды. Остается признать, что Хаджи Герай вполне заслужил ту славу «охранителя покоя украинских земель»,⁵⁸ которая закрепилась за ним в истории.

Одержав победу над ордынским ханом, Хаджи Герай не вступил на тот опасный путь, которым обычно следовали его предшественники: он не пошел на Волгу сражаться за Сарай. Без сомнения, Хаджи Герай хорошо помнил, как многие ханы прошлых лет, позарившись на волжскую столицу, увязали в бесконечной борьбе и бесславно гибли в ее водовороте. Удовлетворившись тем немалым, что уже имел, Хаджи Герай отказался от опасной погони за призрачной славой и вернулся с Днепра к себе в Крым.

«ОТЕЦ И ГОСПОДИН»

*Отношения Хаджи Герая с генуэзской Каффой —
Крым приглашен в антиосманский альянс — «Отец и господин»
готских князей — Победа Хаджи Герая над Махмудом —
Смерть Хаджи Герая*

(1451-1466)

Если крымцы и литовцы с поляками считали Хаджи Герая воплощенным ангелом, то генуэзцы сложили о нем совершенно иное мнение: они называли хана «timog», то есть, «устрашающий».⁵⁹ Генуэзские поселенцы были близкими соседями Крымского Юрта: еще Уран-Тимур, предок династии крымских эмиров, особым договором с Генуей передал под ее управление прибрежные земли на юго-востоке полуострова с городом Каффой.⁶⁰ Этот договор затем не раз подтверждался последующими правителями Крыма, которым генуэзцы выплачивали солидные отчисления с доходов от своей оживленной торговли на Черном море. Помимо Каффы, генуэзцам в Крыму принадлежали Солдайя (Судак) со всей его сельской округой до самой Алушты, Керчь, цепь небольших крепостей вдоль южного берега и, наконец, укрепленная твердыня Чембало (Балаклава). Каффинский консул управлял живущими в этих землях христианами, а делами здешних мусульман ведал тудун — ханский наместник в генуэзских владениях.⁶¹

Отношения итальянских поселенцев с Хаджи Гераем складывались непросто. Хан подозревал, что генуэзцы недовольны его приходом к власти и предпочли бы иметь дело с менее сильным и самостоятельным правителем — тем более, что в пору недавних смут Генуя уже пыталась с оружием в руках вмешаться в крымскую политику.⁶² Генуэзцы же, в свою очередь, были уверены, что Хаджи Герай мечтает захватить и разорить Каффу. Вряд ли хан действительно хотел нанести ущерб городу, откуда в его казну струился нескончаемый поток золота и серебра. Вместе с тем, стремясь предостеречь соседей от политических авантюр, он не упускал случая напомнить им, кто является хозяином Крыма.

Так, не довольствуясь сбором положенной дани, Хаджи Герай время от времени посылал в Каффу с «дружественными визитами» своих родичей, которых генуэзцы, согласно обычаю, были обязаны богато

одарить. В Каффу несколько раз приезжала мать Хаджи Герая — причем, как сообщали свидетели, почтенная дама осталась недовольна тем, что во второй ее визит дары не оказались более щедрыми, чем в первый. В городе побывал и один из сыновей Хаджи Герая, которого отец нарочно одел в наряд бедняка, чтобы генуэзцы за свой счет обеспечили высокого гостя дорогой одеждой (а заодно, разумеется, конем, тугим кошельком и прочими дарами). Подобные визиты к генуэзскому консулу совершали и другие родичи хана. Каждый их приезд был сущим разорением для каффинской казны, однако отказать семье могущественного соседа в гостеприимстве генуэзцы не смели.⁶³ Суровость хана оказалась действенным средством: генуэзские власти под страхом большого штрафа запретили своим подданным не только вмешиваться во внутренние дела ханства, но даже и беседовать с ханскими послами без ведома консула.⁶⁴

Летом 1454 года в Крыму стало известно, что на черноморские просторы вышла турецкая эскадра из 56 судов, грабящая генуэзские торговые поселения: османский султан Мехмед II, шаг за шагом покорявший Балканы и год назад прославившийся взятием Константинополя, послал суда в Черное море присматривать земли для будущих завоеваний.

Пройдя морем от Днестра до Кавказа, османские корабли покружились у Керчи, а затем повернули к Каффе. Это чрезвычайно встревожило горожан. Их волнение еще более усилилось, когда прокатился слух о том, что командир турецкой эскадры отправил посланцев к Хаджи Герая и договорился совместно с ним завоевать Каффу.⁶⁵ Сам Хаджи Герай хранил по этому поводу многозначительное молчание, и напряжение каффинцев росло — тем более, что обветшалые крепостные стены города не оставляли надежды на успешную оборону.

В начале июля турецкие суда причалили к крымскому берегу чуть поодаль от Каффы. Несколько десятков османов сошли на берег — якобы для того, чтобы пополнить в Каффе съестные припасы (но на деле, вероятно, стремясь разведать готовность города к осаде). Не желая конфликтовать с грозными гостями, генуэзские власти позволили небольшой группе турок мирно пройти в городские ворота. Едва те появились на базаре, как греческие и армянские торговцы сцепились

с ними в кровавой драке, которую каффинским властям едва удалось разнять. Вечером следующего дня к городу подошел другой отряд, уже вооруженный, который попытался пробиться в город штурмом. Атака была отбита — и тогда вся эскадра придвинулась чуть ближе к городским стенам, готовясь, очевидно, к решающему наступлению.

Неизвестно, чем могло бы закончиться это противостояние, если бы на третий день из степи к берегу не вышел Хаджи Герай, ведя за собой шеститысячное войско. Хан вступил в переговоры с командиром эскадры, Демир-кяхьей. Содержание их беседы осталось неизвестным — но на следующий день османы отступили от Каффы, а затем, потребовав у генуэзских властей продовольствия и получив его, ушли в море.⁶⁶

Сложно поверить, что полновластный хозяин Крыма был склонен отдать султану такой неисчерпаемый источник доходов, каким для крымских правителей всегда служила Каффа. Возможно, хан заявил заморскому капитану, что его предки издавна собирали дань в этих краях, и что распорядиться судьбой богатого города он предпочитает единолично. Так или иначе, на этот раз беда обошла Каффу стороной. Неудавшееся нашествие османов принесло Хаджи Гераю немалую выгоду: во-первых, генуэзцы были устрашены (и это обещало, что они будут покорны хану), а во-вторых, когда угроза миновала, Каффа преподнесла крымскому правителю огромную сумму серебром и обещала вдобавок увеличить ежегодную дань.⁶⁷

Помимо генуэзцев, у Хаджи Герая в Крыму имелся еще один «зарубежный сосед»: княжество Готия, занимавшее всю горно-лесную часть полуострова к югу от реки Бельбек. Разноплеменным христианским населением Готии правили грекоязычные князья, чьей столицей был неприступный город-крепость Феодоро на вершине горы Мангуп. Издавна будучи вассалом Орды, Готия считала крымского хана своим главным союзником в непрерывных войнах с генуэзцами, у которых она оспаривала южный берег Крыма и крепость Чембало.⁶⁸ Постоянная вражда Каффы и Феодоро объясняет, почему в тех генуэзских документах, где Хаджи Герай именуется «timor», нелестным прозвищем награжден и готский правитель Алексей, названный «dubius» («ненадежный»)⁶⁹. В военном отношении генуэзцы превосходили готских

князей, и тем оставалось полагаться лишь на заступничество своего покровителя, крымского хана.

Не желая, чтобы торговля Крыма с заморскими странами целиком зависела от генуэзских купцов, Хаджи Герай решил открыть собственные морские ворота. Местом для этого был избран порт Каламита (Ин-Керман) в Готии, обустроенный недавно князем Алексеем. У Крымского ханства появились собственные корабли,⁷⁰ а Каламита с ее удобной бухтой скоро приобрела такую популярность среди черноморских купцов, что стала соперничать в торговом обороте с самой Каффой. Терпя немалые убытки от этого, каффинские консулы упрекали готских князей в нарушении торговых соглашений, но те лишь дерзили в ответ, заявляя, что «пока жив их отец и господин император татарский, они ничего не боятся».⁷¹

Получая от османских послов победные извещения о том, как под ударами турок падает одна балканская крепость за другой, Хаджи Герай мог прийти к выводу, что Турция способна стать очень серьезным конкурентом крымскому влиянию в причерноморских странах. Похоже, что обеспокоенность хана стала известна в Европе — во всяком случае, у европейских правителей возникла надежда привлечь Крым к антиосманскому альянсу. В 1465 году к Хаджи Гераю прибыли послы от римского папы Павла II и австрийского императора Фридриха III, собиравших международный антиосманский союз. Они просили хана, чтобы тот убедил турецкого султана прекратить наступление на христианские страны. Если же Мехмед II не послушает Хаджи Герая, — советовали послы, — то пусть Крым присоединится к антиосманской лиге, вплоть до объявления султану войны⁷² (как это сделали правители тюркских эмиратов Малой Азии, отстаивавшие свою независимость от Османской империи и сами искавшие союза с Европой⁷³).

Выслушав гостей, Хаджи Герай попросил времени для раздумий и через несколько недель дал свой ответ. Хан сказал, что сожалеет о тех бедствиях, которые христианские страны терпят из-за османского нашествия, однако ему не подобает удерживать Мехмеда II от завоеваний (ведь турецкие султаны обосновывали свои походы высокой целью священной войны за веру, “газавата”,⁷⁴ и хан-мусульманин, при всем сочувствии к европейским соседям, был не вправе высту-

пать против этого). Что же касается войны с Османской империей, то здесь Хаджи Герай поступил как искушенный дипломат: он не отказал европейским гостям, и даже заготовил указ, объявляющий войну Турции — однако добавил, что окончательное решение остается за его союзником и покровителем Казимиром: если тот выступит против османов, то и Хаджи Герай встанет рядом с ним.⁷⁵

Весьма воодушевленное столь благосклонным ответом, посольство отправилось к Казимиру. Тот поначалу тоже согласился с предложенным планом, однако в итоге так и не решился затевать опасную войну с Турцией, и проект остался неосуществленным.

Сколь ни важна была тема, затронутая европейцами, внимание Хаджи Герая в ту пору было поглощено другим событием, которое свершилось за несколько дней до приезда папского посла и, без преувеличения, стало великой вехой во всей истории Крыма.

Победа Хаджи Герая над Сеид-Ахмедом не избавила Крым от угрозы со стороны ордынских ханов: хотя крымский правитель и овладел западным крылом Улуса Бату, его восточная часть, простиравшаяся от Дона до Урала, осталась под властью враждебного Кучук-Мухаммеда. В 1459 году Кучук-Мухаммед умер, и два его сына — Махмуд и Ахмед — схватились за престол. Победителем стал Махмуд, но и проигравший Ахмед не смирился со своим поражением и был намерен далее бороться за власть.⁷⁶

В 1465 году Махмуд собрал все подвластное ему войско в поход. Ордынцы снялись с волжских берегов и двинулись вслед за ханом. Дозорные Хаджи Герая внимательно следили за перемещениями волжан: ибо те направились на запад, к границам крымских владений.

В августе орда встала на Дону, откуда был открыт путь на Московию, литовскую Украину и Крым. Хаджи Герай не стал дожидаться, пока неприятель выберет, против кого повернуть оружие — он сам выступил к Дону и ударил на Махмуда первым. Завязалось кровопролитное сражение, из которого Хаджи Герай вышел победителем. Махмуд повернул было обратно в Сарай — но оттуда его изгнал Ахмед, который уже давно мечтал сместить брата с престола. Тогда сверженный правитель укрылся в городе Хаджи-Тархан близ устья Волги.⁷⁷ Часть его орды ушла к Ахмеду, а многих других волжан Хаджи Герай

увел за собой в Крым,⁷⁸ чтобы поселить их там и пополнить свое и без того уже немалое войско.

Эта победа стала вершиной достижений Хаджи Герая. Он одержал верх над сарайским ханом — а стало быть, овладел престолом всего Улуса Бату, обоих его крыльев, от края до края. Отказавшись когда-то от бессмысленного похода на Сарай, Хаджи Герай дождался счастливого часа, когда шатер верховного правителя сам пришел к нему в руки.

Хаджи Гераю пришлось почти тридцать лет дожидаться, чтобы вернуть роду Намаганов свой старый долг — вторую из двух достопамятных стрел — и теперь он, наконец, сполна рассчитался по давнему счету.

Падение Махмуда открывало для Хаджи Герая захватывающие перспективы: безусловно, на просторах Улуса многие признали бы потомка крымских эмиров своим законным повелителем, и это могло иметь важные последствия для истории всей Восточной Европы. Но бесполезно гадать, как могло бы сложиться будущее, ибо Хаджи Герай не успел воспользоваться плодами своей победы. Уже через год, в августе 1466 года, он скончался — причем ходили слухи, что хан был отравлен.⁷⁹

Кто посмел покуситься на жизнь Хаджи Герая? Надо сказать, что в Крыму того времени яд порой и впрямь применялся в политической борьбе. (Так, например, достоверно известно, что еще в 1440-х годах готский князь Алексей заказывал в Венеции для неких нужд отравленные конфеты.⁸⁰ Неохотно соглашаясь прислать требуемое, венецианцы выражали надежду, что сахарные орешки нужны Алексею «для борьбы с неверными»,⁸¹ хотя на самом деле смертоносный гостинец наверняка предназначался либо для стола каффинских чиновников,⁸² либо для неких недругов князя в самом Феодоро — ибо злоумышлять против своих мусульманских покровителей было бы со стороны князя полным безрассудством). Заподозрить в покушении на хана генуэзцев было сложно: их отношения с ханом в последние годы заметно улучшились, и любые перемены на крымском престоле принесли бы им лишь новые смуты, бедствия и, главное, огромные растраты.⁸³ Более серьезное подозрение могло бы падать на ордынских беев, однако и их причастность к смерти хана доказать нечем, — и обстоятельства кончины Хаджи Герая по сей день остаются тайной, которую хранят своды его погребального склепа под Салачикским мавзолеем.⁸⁴

¹ Т. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VI, Wilno 1841, p. 500; Михалон Литвин, *О нравах татар, литовцев и москвитян*, Москва 1994, с. 64. В татарском предании, изложенном у Т. Нарбутта, отец Хаджи Герая назван Девлетом. Это ошибка, и другие источники позволяют исправить ее. Отца Хаджи Герая звали Гияс-эд-Дин, а имя Девлет (точнее, Девлет-Берди) носил родной брат Гияс эд-Дина — то есть, дядька Хаджи Герая. Об этом свидетельствуют и восточные родословные (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или Краткая история Крыма*, Симферополь 2004, с. 12; Абуль-Гази-Бахадур-хан, *Родословное дерево тюрков*, Москва – Ташкент – Бишкек 1996, с. 102; *Дополнительные сведения из сочинения “Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могул”* в кн. *Золотая Орда в источниках*, т. I, Москва 2003, с. 440), и крымские памятники эпохи Хаджи Герая, где хан назван “сыном Гияс эд-Дина” в монументальной надписи на каменной плите и в чекане монет (О. Акчокраклы, *Новое из истории Чуфут-Кале*, “Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии”, №II (59), 1928, с. 166; О. Ретовский, *К нумизматике Гиреев*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №18, 1893, с. 76).

Ошибка легендарного повествования отразилась в некоторых исторических сочинениях, называющих первого крымского хана «Девлет-Хаджи-Гиреем» или «Хаджи-Девлет-Гиреем» (см., например, С. Сестренич-Богущ, *История Царства Херсонеса Таврийского*, т. II, Санкт-Петербург 1806, с. 237). Сам Хаджи Гирай, как однозначно свидетельствуют его документы, монеты и печати, нигде и никогда не называл себя ни «Девлетом», ни «Хаджи-Девлетом». См. также М. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu ve osmanlı himâyesinde yükselişi*, Ankara 1989, s. 1-4.

² Великий Улус — название государства, известного впоследствии под названием Золотой Орды. Большую часть территории этой империи составляли земли тюрков-кыпчаков, покоренных монгольскими завоевателями. После раздела завоеванных земель между сыновьями Чингиз-хана земли западных кыпчаков (“Дешт-и Кыпчак”, или “Кыпчакская Степь”), включая и Крым, достались в удел его старшему сыну Джучи, откуда произошло другое распространенное название Золотой Орды — Улус Джучи.

Уже вскоре после своего образования Улус Джучи перестал признавать верховенство монгольских правителей и стал самостоятельным государством. Он тоже разделился на две части: западную, от Дуная до Каспия (“Белая Орда” или Улус Бату) и восточную, от Каспия до Иртыша (“Синяя Орда” или Улус Орду-Ичена). Улус Орду-Ичена с самого начала сильно обособился от центральной власти, и под термином Великого Улуса и Великой Орды в этой книге всегда выступает именно Улус Бату. См. М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, Саранск 1960, с. 14; Г. А. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники*, Москва 1966, с. 242; Г. А. Федоров-Давыдов, *Общественный строй Золотой Орды*, Москва 1973, с. 55-63, 75-76, 138-144; В. В. Трепавлов, *Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности*, Москва 1993, с. 86-94; В. П. Юдин, *Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...*, в кн. *Утемиш-хаджи, Чингиз-наме*, Алматы 1992, с. 25-30.

³ Общий обзор борьбы различных государств за верховенство на территории бывшей Золотой Орды и роли Крыма в этой борьбе см. в: Г. Иналджик, *Борьба за Східно-Європейську імперію. 1400-1700 рр. Кримський ханат, османи та піднесення Російської імперії*, “Україна в Центрально-Східній Європі”, вип. 2, 2003, с. 119-135. См. также: Н. İnalçık, *Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature*, in *Passé turco-tatar, présent soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen*, Paris 1986, p. 178-180.

⁴ М. Żdan, *Stosunki litewsko-tatarskie za czasów Witolda*, w. ks. *Litwy*, “Ateneum Wileńskie”, t. VII, nr. 3-4, 1930, s. 539-541; Г. А. Федоров-Давыдов, *Общественный строй Золотой Орды*, с. 152-158; И. Б. Греков, *Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.)*, Москва 1975, с. 208-214, 223-232; И. М. Миргалеев, *Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана*, Казань 2003, с. 136-145; Б. Н. Флоря, *Орда и государства Восточной Европы в середине 15 века (1430-1460)*, в кн. *Славяне и их соседи*, вып. 10, Москва 2001, с. 174.

⁵ Абуль-Гази-Бахадур-хан, *Родословное дерево тюрков*, с. 100.

⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*, Москва 2005, с. 131; И. Абдуллаев, *Предки Гираев*, “Qasevet”, №27, 2000, с. 26; А. Г. Гаев, *Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи*, в кн. *Древности Поволжья и других регионов*, вып. IV, Нижний Новгород 2002, с. 20-21.

⁷ П. С. Савельев, *Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамышша*, “Записки Археологического общества”, т. XII, вып. 1, 1858, с. 312-315; В. Д. Смирнов *Крымское ханство*, с. 142-151; М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 167; М. Ürekli, *Kırım*

hanlığının kuruluşu, s. 4-5; М. Г. Крамаровский, *Джучиды и Крым*, “Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии”, т. X, 2003, с. 520-521.

⁸ T. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VI, s. 500-501.

⁹ T. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VI, s. 500-501; С. Сестренцевич-Богуш, *История Царства Херсонеса Таврийского*, с. 237. Предание ошибается в том, что была истреблена вся семья Хаджи Герая. Из генуэзских документов известно, что в бытность Хаджи Герая ханом его мать была в полном здравии и приезжала с визитом в Каффу (Э. В. Данилова, *Каффа в начале второй половины XV в. (по документам Codice)*, в кн. *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*, Киев 1974, с. 201).

¹⁰ См. разные варианты этого предания в: Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 12, 14-15; *Voyage de Crimée et Circassie par le pays des Tartares Nogais, fait l'an 1702 par le sieur Ferrand, medecin français*, en *Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères*, t. II, Lyon 1819, p. 226-227; *Memoirs of Baron de Tott, Containing the State of the Turkish Empire and The Crimea During the Late War with Russia*, vol. I, part II, London 1785, p. 232-233; С. Сестренцевич-Богуш, *История Царства Херсонеса Таврийского*, т. II, с. 237; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 186-187; М. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu*, s. 9-10. Имя человека, у которого скрывался Хаджи Герай, в различных версиях этого предания приводится по-разному: Девлет-Гельди, Гирей, Джангир-бей. В источниках нередко фигурирует рассказ о том, как после своего восхождения на престол Хаджи отблагодарил спасителя, присоединив его имя (Гирей) к своему собственному. Согласно другой версии предания, Гияс-эд-Дин назвал так своего сына еще при его рождении в честь своего старого воспитателя, также носившего имя Гирей. Эта вторая версия мне кажется более правдоподобной. О разнице форм “Гирей” и “Герай” см. Примечание 79 в разделе VI этой книги.

¹¹ Принято считать, что Девлет-Берди стал править Крымом лишь в 1426 году (см. М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, Саранск 1960, с. 232-233), однако в документах крымских генуэзцев “*imperator Dolatberdi*” упомянут под 1423 и 1424 годами (*Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XVe siècle*, pub. par N. Jorga, t. I, Paris 1899, p. 29-32; из тех же документов видно, что он уже тогда боролся с [Улу-] Мухаммедом), а недавно в Коктебеле был найден клад с монетами, выбитыми в Крыму ханом Девлет-Берди еще в 1421-22 годах (К. О. Хромов, *О правлении ханов в Крыму в 1419-1422 гг. по нумизматическим данным*, в кн. *X Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*, Москва 2002, с. 92-94). Стало быть, Девлет-Берди вступил в борьбу за крымский престол сразу же после гибели Эдиге.

“Крымский улус” — название, принятое для обозначения Крыма как провинции Золотой Орды. В качестве наименования независимого государства, возникшего впоследствии на основе Крымского улуса, в книге употребляется термин “Крымский Юрт”, равнозначный термину “Крымское ханство”. Об оттенках значений и разнице в употреблении слов “улус” и “юрт” см.: Г. А. Федоров-Давыдов, *Общественный строй Золотой Орды*, с. 43-44, 110-118.

¹² Из летописи *Бадр-ад-Дина ал-Айни*, в кн. *Золотая Орда в источниках*, т. I, Москва 2003, с. 235.

¹³ И. Шильтбергер, *Путешествие по Европе, Азии и Африке*, Баку 1984, с. 36; Х. М. Френ, *Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды*, Санкт-Петербург 1832, с. 35.

¹⁴ А. N. Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler*, İstanbul 1940, s. 14, 26; Из летописи *Бадр-ад-Дина ал-Айни*, с. 235; М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 234.

¹⁵ М. Г. Крамаровский, *Джучиды и Крым*, с. 523.

¹⁶ А. Г. Гаев, *Генеалогия и хронология Джучидов*, с. 37-39.

¹⁷ “Казак” в Орде называли лицо, принадлежащее к династии Чингизидов, не занимающее никаких государственных постов и свободно странствующее в сопровождении собственного семейства и свиты из нескольких десятков или сотен слуг. См. H. Inalcik, *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I*, “*Narward Ukrainian Studies*”, vol. III-IV, 1979-1980, p. 451-452. В Крымском ханстве существовало очень похожее понятие “казак-султан”: так назывался член ханского рода, не имеющий определенной должности в государственной иерархии управления.

¹⁸ U. Schamiloglu, *Tribal Politics and Social Organization of the Golden Horde*, Columbia University 1986, p. 183-184, 202-203.

¹⁹ U. Schamiloglu, *Tribal Politics and Social Organization of the Golden Horde*, p. 196; L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée composée principalement d'après les auteurs turcs et persans*, in G. Forster, *Voyage du Bengale à Petersbourg*, vol. 3, Paris 1802, pp. 390-391, 393.

²⁰ Это проявилось в событиях 1432 года, когда два претендента на московский великокняжеский престол, Василий и Юрий, обратились к хану с просьбой рассудить их. Ордынская знать раскололась на два лагеря: Ширины держали сторону Юрия, тогда как Мангыты и Конграты — Василия. Перевес остался за Мангытами и Конгратами. Описание этих событий показывает, что ширинский бей Тегене, в отличие от прочих, осенью покидал волжскую ставку ордынского хана и удалялся зимовать в Крым (М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 236-237).

²¹ Потомство Чингиз-хана делилось на многочисленные семейства, подразделяющиеся, в свою очередь, на множество ответвлений. Крымским улусом, как уже говорилось, долгое время правил род Уран-Тимура, от которого впоследствии произошли и Гераи. Главными соперниками Гераев в XV и начале XVI века стал правивший в Сарае род потомков Намагана (или Нумкана, именовавшегося также Тимур-Мелик), который происходил от брата Уран-Тимура. Гераи называли семейство своих соперников “Намаганским юртом” (*Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией*, т. I, “Сборник императорского Русского исторического общества”, т. XLI, 1884, с. 108-109). См. также В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 108, 109, прим. 16.

²² И. Барбаро, *Путешествие в Тану*, в кн. *Барбаро и Контарини о России*, Москва 1971, с. 140-141, 150-151.

²³ L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée*, p. 397; A. N. Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki*, s. 28. Для того, чтобы различать этих двух правителей под одинаковыми именами, современники прозвали их “Улу-Мухаммед” (“Большой Мухаммед”) и “Кучук-Мухаммед” (“Малый Мухаммед”).

Войско и все государство Золотой Орды подразделялись на два «крыла»: левое (восточное, Синюю Орду) и правое (западное, Белую Орду). Эта традиция была унаследована от Монгольской империи Чингиз-хана, которая, в свою очередь, заимствовала этот обычай от древнетюркских государств, где деление на крылья было принято еще в VI веке (В. В. Трепавлов, *Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности*, Москва 1993, с. 96-102; Г. А. Федоров-Давыдов, *Общественный строй Золотой Орды*, Москва 1973, с. 49-50, 58-59). Каждое из крыльев тоже делилось на две части. Договор Улу-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда предусматривал раздел Белой Орды: ее левое крыло (от Дона до Каспия) досталось Кучук-Мухаммеду, а правое (от Дуная до Дона, включая и Крым) Улу-Мухаммеду.

На два крыла, согласно древней традиции, был разделен и сам Крым, о чем будет идти речь в следующих разделах.

²⁴ L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée*, p. 398-399; U. Schamiloglu, *Tribal Politics and Social Organization of the Golden Horde*, p. 195; M. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu*, s. 6-7; Б. Н. Флоря, *Орда и государства Восточной Европы*, с. 177, 181-182.

²⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 185, 188; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 14; M. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu*, s. 9-10.

²⁶ Предание, на основе которого описан этот эпизод, повествует, что Джанай благополучно переправился через реку, затем с караваном купцов побывал на Волге, а после вернулся к Хаджи Гераю. Более правдоподобно, что брат Хаджи Герая был убит во время бегства: известен документ, где сообщается, что «султана Джан-Гирея убил кунгратский бей» (см. М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 240); кроме того, Джанай с тех пор больше не появляется на страницах источников.

²⁷ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 185; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 14.

²⁸ М. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka u wszystkich Rusi etc.*, Królewiec 1582, s. 598; *Хроника Быховца*, Москва 1966, с. 98; Т. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII, Wilno 1840, s. 53. Лида — ныне город в Гродненской области Беларуси.

²⁹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 187.

³⁰ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 187.

³¹ И. де Галлофонтibus, *Книга познания мира. Сведения о народах Кавказа (1404 г.)*, Баку 1979, с. 14; Р. Tafur, *Travels and Adventures (1435-1439)*, New York – London 1926, pp. 135-136; Ch. Potvin, J.-C. Houzeau, *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy: voyageur, diplomate et moraliste*, Louvain 1878, p. 63.

³² М. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka*, s. 598; *Хроника Быховца*, с. 98; *Хроника Литовская и Жомоитская*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XXXII, Москва 1975, с. 160; Б. Н. Флоря, *Орда и государства Восточной Европы*, с. 188. Разные источники подают разные даты для этого события: Стрыйковский – 1443 г., Быховец – 1446 г., а письмо Казимира, использованное Л. Коланковским и Б. Н. Флорей, в сборнике документов опубликовано под 1449 годом. Однако известны несколько видов монет, которые Хаджи Герай, уже будучи ханом, отчеканил в городе Кырыме еще в 845 (1441/42) году (см. О. Ретовский, *К нумизматике Гиреев*, с. 76-77; О. Retowski, *Die Münzen der Girei*, “Труды Московского нумизматического общества”, т. II, вып. 3, 1901, p. 242-243, Taf. I, 1-9). Рассматривая монеты, выпущенные самим ханом, как наиболее достоверный источник, отправку Хаджи Герая в Крым следует отнести к 1441 году. Это подтверждают и документы генуэзцев: еще в марте 1441 года власти Каффы преподносили дары посланцам Сеид-Ахмеда и Айдер-бея, а с мая 1442 в их записях появляется “imperator Agicarei” (*Notes et extraits pour servir a l’histoire des crusades*, p. 35-36). См. также М. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu*, s. 11-12.

³³ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 15; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 187.

Беи и мирзы (вариант: беки и мурзы) — титулы знати в Золотой Орде, Крымском ханстве и ряде других государств. Титул бея имел в Крыму несколько значений. В крымских аристократических семействах беem назывался старейшина рода. В каждом роду мог быть лишь один бей, а все его младшие родственники носили титул мирз. Когда старейшина рода умирал, бейский титул переходил к одному из этих мирз (как правило, младшему брату покойного), который и становился новым беem.

Впоследствии у этого титула появилось и второе значение: “беями” стали называть придворных и военных чиновников высокого ранга, независимо от знатности их происхождения. В этой книге слово “бей” употребляется в первом его значении: предводитель родовой общины.

³⁴ *Коран*, 3:26. Полный текст аята звучит так: «О Аллах, Владыка царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, у кого пожелаешь. Ты возвеличиваешь, кого пожелаешь, и унижаешь, кого пожелаешь. Всё благо – в Твоей руке. Воистину, Ты способен на всякую вещь».

³⁵ М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв.*, Казань 1979, с. 144, 155-156.

³⁶ Т. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VI, s. 501.

³⁷ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 12; J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, Kraków 1870, s. 443; Т. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII, s. 55.

³⁸ J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 443.

³⁹ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 12.

⁴⁰ М. Miechowita, *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej*, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1972, s. 59.

⁴¹ А. Ф. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. I, 1844, с. 381.

⁴² Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 15.

- ⁴³ J. Długosz, *Dzieła wszystkie*, t. IV, Kraków 1869, s. 542.
- ⁴⁴ T. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII, s. 82, 93.
- ⁴⁵ M. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka*, s. 617; J. Długosz, *Dzieła wszystkie*, t. V, s. 110; T. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII, s. 122.
- ⁴⁶ В 1447 году великий князь литовский Казимир был избран также и королем Польши, и под властью одного правителя оказались два государства (так называемая персональная уния Польши и Литвы). Часть литовской знати не желала этого объединения, что стало одной из причин ее враждебности по отношению к королю-великому князю.
- ⁴⁷ M. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka*, s. 617; J. Długosz, *Dzieła wszystkie*, t. V, s. 110-111, 201; T. Narbutt, *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII, s. 123; Б. Н. Флоря, *Орда и государства Восточной Европы*, с. 191, 192, прим. 121. «Ковно» — польское название Каунаса.
- ⁴⁸ А. А. Горский, *Москва и Орда*, Москва 2000, с. 146.
- ⁴⁹ Тронный шатер назывался “орда”, откуда и произошел термин, распространившийся на всю ханскую ставку, а затем и шире — на все подвластное хану государство (Г. А. Федоров-Давыдов, *Общественный строй Золотой Орды*, с. 63-65, 118-122; В. П. Юдин, *Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...*, в кн. Утемиш-хаджи, *Чингиз-наме*, Алматы 1992, с. 22-23; L. Collins, *On the Alleged “Destruction” of the Great Horde in 1502*, “Byzantinische Forschungen”, Band XVI, 1991, p. 381-384).
- Утверждение нового хана в должности со стороны беев было необходимой процедурой. Формально ханский пост считался выборным: кандидата следовало избрать из числа потомков Чингиз-хана, и эта символическая процедура проводилась беем нескольких наиболее знатных родов.
- ⁵⁰ О. Ретовский, *К нумизматике Гуреев*, с. 77-78; O. Retowski, *Die Münzen der Girei*, pp. 246-248, Taf. I, 10-24.
- ⁵¹ A. N. Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki*, s. 65, 67.
- ⁵² Ф. Шабульдо, *Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації*, в кн. *Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях*, Київ 2005, с. 20-23. L. Gołębiowski, *Dzieje Polski za panowania Kazimierza, Jana Olbrachta i Aleksandra*, t. III, Warszawa 1848, s. 230-231.
- ⁵³ М. С. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. IV, Київ 1993, с. 85-87, 457-462, нот. 20; F. Konieczny, *Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej*, “Ateneum Wileńskie”, rok III, zesz. 10-11, 1926, s. 2-7.
- ⁵⁴ «Брат наш старший на коне потном» — эта фраза указывает на эмиграцию в Литву Тохтамыша, который и подразумевается под «старшим братом». Ханы Орды и Крыма в официальных письмах называли всех чингизидских правителей прошлого своими «старшими братьями» (“ağa”, “ağa qardeş”), даже если находились с ними в гораздо более дальнем родстве. «На коне потном» является переводом стандартного для ханских писем выражения, означающего «в трудную минуту», «спасаясь от бедствий».
- ⁵⁵ L. Gołębiowski, *Dzieje Polski za panowania Kazimierza*, t. III, s. 230-231; Ф. Петрунь, *Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну)*, “Східний світ”, №2, 1928, с. 170-175.
- ⁵⁶ М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 236-237; Б. Н. Флоря, *Орда и государства Восточной Европы*, с. 184; А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 146-147.
- ⁵⁷ И. Б. Греков, *Восточная Европа и упадок Золотой Орды*, с. 224-228; F. Konieczny, *Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej*, s. 10-11, .
- ⁵⁸ А. Кримський, *Історія Туреччини*, Київ – Львів 1996, с. 117, 183.
- ⁵⁹ Н. В. Малицкий, *Заметки по эпиграфике Мангуна*, “Известия Государственной академии института материальной культуры”, №71, 1933, с. 42.
- ⁶⁰ В. Гейд, *История торговли Востока в средние века*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №52, 1915, с. 76-77. По-крымскотатарски Каффа называлась *Кефе*.
- ⁶¹ В. Гейд, *История торговли Востока в средние века*, с. 143.
- ⁶² *Diario del Concilio di Basilea di Andrea Gatari, 1433-1435*, in *Concilium Basiliense. Studien und Quellen zur Geschichte den Concils von Basel*, Band V, Basel 1904, pp. 406-408; Л. П. Колли, *Хаджу-Гурей-хан и*

его политика (по генуэзским источникам), “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №50, 1913, с. 116-120. Речь идет о событиях 1434 года, когда генуэзские войска под командованием Карло Ломеллино пытались атаковать город Кырым и были разбиты в сражении у с. Карагоз. Почти во всех научных трудах по данному вопросу, в том числе в новейших, утверждается, что в этой битве генуэзцам противостоял именно Хаджи Герай (В. Гейд, *История торговли Востока в средние века*, с. 155-156; Л. П. Колли, *Хаджи-Гирей-хан и его политика*, с. 109, 113-114; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 180-181; М. Balard, *Per una storia dell'insediamento genovese nel Mediterraneo medievale* in P. Stringa, *Genova e la Liguria nel Mediterraneo: insediamenti e culture urbane*, Genova 1982, pp. 22-23; А. Agosto, *Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434*, “Atti di Societa ligure di storia patria”, vol. XVII (XCI), fasc. II, 1977, p. 509; Н. İnalçik, *Hadjji Giray*, in *Encyclopaedia of Islam*, vol. III, Leiden 1986, p. 44, и др.). Мнению этих авторитетных исследователей некогда доверился и я сам, используя основные положения их трудов в собственных работах (напр., А. Гайворонский, *К вопросу об отношениях Крымского ханства и генуэзской Каффы в правление Хаджи Герая*, “Культура народов Причерноморья”, №3, 1998, с. 117). Однако углубленное знакомство с источниками показало, что документы нигде не называют главного противника генуэзцев по имени, всегда именуя противостоящую сторону только собирательно: «татары». Это, конечно, не исключает участия Хаджи Герая в конфликте 1434 года — однако ничем и не подтверждает его (ведь под «татарами» могли подразумеваться и войска Сеид-Ахмеда). Остается полагать, что исследователи, которые ввели в изложение хода событий отсутствующее в источниках имя Хаджи Герая, исходили из ошибочного представления, что уже с 1428 года Хаджи Герай бессменно находился на престоле (например, см. Л. П. Колли, *Хаджи-Гирей-хан и его политика*, с. 109). До окончательного выяснения вопроса о том, с кем именно воевал Ломеллино в 1434 году, я воздержусь от однозначного соотнесения этих событий с именем первого крымского хана.

⁶³ Э. В. Данилова, *Каффа в начале второй половины XV в.*, с. 201.

⁶⁴ В. Юргевич, *Устав для генуэзских колоний на Черном море, изданный в Генуе в 1449 году*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. V, 1863, с. 739-740.

⁶⁵ Л. П. Колли, *Хаджи-Гирей-хан и его политика*, с. 126; Э. В. Данилова, *Каффа в начале второй половины XV в.*, с. 201-202.

⁶⁶ Л. П. Колли, *Хаджи-Гирей-хан и его политика*, с. 123-132; Э. В. Данилова, *Каффа в начале второй половины XV в.*, с. 211.

⁶⁷ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 205, 216; М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453-1475*, Warszawa 1947, s. 158; А. Гайворонский, *К вопросу об отношениях Крымского ханства и генуэзской Каффы*, с. 119-120.

⁶⁸ А. Vasiliev, *The Goths in the Crimea*, Cambridge, Mass. 1936, p. 202-212; О. Гайворонский, *Крымское ханство и княжество Готия: очерк взаимоотношений*, “Qasevet”, №30, 2003, с.30.

⁶⁹ Н. В. Малицкий, *Заметки по эпиграфике Мангуна*, с. 42.

⁷⁰ Э. В. Данилова, *Каффа в начале второй половины XV в.*, с. 208.

⁷¹ Н. В. Малицкий, *Заметки по эпиграфике Мангуна*, с. 39; А. Vasiliev, *The Goths in the Crimea*, p. 213, n. 91.

⁷² J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 398.

⁷³ Этими государствами были Караманский эмират и государство Ак-Коюнлу в Малой Азии. Папский посол, прибывший в 1465 году к Хаджи Гераю, пятью годами ранее уже побывал в этих странах, приглашая их правителей к союзу (И. В. Зайцев, *Крымское ханство в 50-х—70-х годах XV века*, в кн. И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом (Джучидские государства, Москва и Османская империя в начале XV – первой половине XVI вв.)*, Москва 2004, с. 85.

⁷⁴ Г. Іналджик, *Османська імперія. Класична доба 1300-1600*, Київ 1998, с. 16-17.

⁷⁵ J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 397-399.

⁷⁶ М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 264.

⁷⁷ *Летопись по Типографскому списку*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XXIV, Петроград 1921, с. 186; J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 397-398; М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, с. 265.

⁷⁸ Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 12.

⁷⁹ J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 443.

⁸⁰ С. П. Карпов, *Регесты документов фонда Diversorum filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья*, в кн. *Причерноморье в средние века*, вып. 3, Москва – Санкт-Петербург, 1998, с. 51.

⁸¹ С. П. Карпов, *Регесты документов фонда Diversorum filze*, с. 51

⁸² A. Vasiliev, *The Goths in the Crimea*, p. 211-212.

⁸³ Улучшению отношений между ханом и генуэзцами поспособствовало то, что Каффа наладила дружественные контакты с главным союзником Хаджи Герая, Казимиром. Опасаясь турецкого завоевания, каффинские генуэзцы просили у польского короля защиты и даже соглашались передать свой город в подчинение Польше (*Listy genueńczyków z Kaffy do Kazimierza Jagiellończyka 1462 r.*, w *Pamiętniki historyczne*, t. I, Warszawa 1861, s. 7; M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 277).

⁸⁴ О месте захоронения Хаджи Герая см.: А. Ф. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, с. 381; У. Боданинский, *Татарские "Дурбе"-мавзолеи в Крыму*, "Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии", т. I (58), 1927, с. 198.

Часть II

Менгли Герай

1466-1515

ЗНАК, ПРИНОСЯЩИЙ УДАЧУ

*Воцарение Нур-Девлета и поворот в его политике —
Соперничество Менгли Герая и Нур-Девлета —
Ханом избран Менгли Герай — Нур-Девлет в каффинском плену —
Отношения Менгли Герая с генуэзцами*

(1466-1471)

Хаджи Герай оставил после себя обширное семейство. Старший из его восьми сыновей умер еще при жизни отца, и наследником престола стал следующий по старшинству брат — Нур-Девлет, которого беи и избрали ханом.¹

Как принято среди царствующих особ, Нур-Девлет разослал правителям соседних государств весть о своем восхождении на трон. Одно из его посольств прибыло к Казимиру, заверяя, что новый хан, по примеру отца, будет хранить давнюю дружбу с Польшей и Литвой. В ответ король выразил надежду, что Нур-Девлет пойдет по стопам своего выдающегося родителя и унаследует его достоинства.²

К пожеланию Казимира вполне могли бы присоединиться и крымские беи — но скоро им предстояло убедиться, что Нур-Девлет вовсе

не намерен быть продолжателем дела Хаджи Герая. Другое посольство Нур-Девлета отправилось в столицу Орды и, должно быть, немало удивило хана Ахмеда: новый крымский правитель просил волжского владыку, дабы тот утвердил его на крымском престоле и выдал ему соответствующий ярлык (как будто в прошлом не было двух побед Хаджи Герая над Ордою, вырвавших Крым из-под владычества Сарая)! Ахмед с готовностью выписал такую бумагу,³ — будучи, наверняка, немало обрадован тем, что благоразумный сын отбросил честолюбивые притязания отца и готов вернуть свою страну в подчинение ордынского престола.

Нур-Девлет пошел на это вовсе не из-за верноподданнических чувств в отношении Сарая, а, вероятно, лишь из стремления возвысить свой авторитет перед собственной родней — ведь уже с самого начала с Нур-Девлетом стал спорить за трон его младший брат, Менгли. Но если Нур-Девлет рассчитывал, что ярлык Ахмеда удержит родичей от посягательств на ханский титул, то он обманулся в ожиданиях. Шаг в сторону Орды стал его роковой ошибкой.

Менгли, которому шел тогда 22-й год, был, несомненно, самой яркой и одаренной личностью среди всех своих братьев. Еще при его появлении на свет домочадцы Хаджи Герая обратили внимание, что тело младенца от природы помечено неким «знаком судьбы» — ведь недаром принца назвали Менгли, что означает «имеющий родимое пятно». Подобные знаки считались хорошим предзнаменованием, и вполне возможно, что воспитатели ханского сына предрекали особое благорасположение судьбы к этому ребенку.

Говорили, что юный Менгли провел несколько лет в генуэзской Каффе, получив там образование по европейской системе и изучив иностранные языки, философию, математику, историю, юриспруденцию, медицину, литературу, поэзию и музыку.⁴ Этот перечень наверняка преувеличен — но, с другой стороны, известно, что Менгли Герай владел наречием генуэзцев, не был чужд поэзии, интересовался историей и всю жизнь относился к крымским итальянцам как к своим лучшим друзьям.⁵

Менгли был шестым по счету сыном Хаджи Герая и отнюдь не входил в число первоочередных преемников хана. Но по древнему, уже

полузабытому обычаю, наследником отцовского дома был именно младший сын. Когда-то этому правилу последовал и сам Чингиз-хан: он отдал старшим сыновьям все завоеванные области, а коренные кочевья и трон завещал младшему сыну от главной жены, Тулюю. Этот пример великого предка, возможно, и стал для Менгли поводом заявить о своих претензиях на престол.⁶ Дабы подчеркнуть свои особые права на отцовское наследство, Менгли присоединил имя отца к собственному имени и стал зваться Менгли Герай.

Когда осенью 1466 года ханом был избран Нур-Девлет, Менгли Герай выступил против старшего брата. Поначалу ему даже посчастливилось одолеть Нур-Девлета и занять столицу⁷ — но торжество оказалось недолгим: очень скоро Нур-Девлет вернулся и прогнал его прочь.

Менгли Гераю пришлось бежать в Каффу. Прибыв туда, он постарался убедить генуэзцев, чтобы они оставили свое невмешательство в дела крымских правителей и помогли ему добыть престол — взамен же будущий хан обещал значительно снизить дань, взимаемую Юртом с Каффы. Но главной задачей Менгли Герая было заручиться поддержкой беев, чье мнение являлось решающим во всех вопросах жизни ханства. Знаменитого Тегене Ширина уже не было в живых, и теперь предводителем крымскотатарской знати являлся его сын Мамак. Бей благосклонно отнеслись к молодому кандидату в правители: видимо, они и без того были возмущены проордынским курсом Нур-Девлета (в самом деле: они ведь вовсе не для того пригласили на трон Хаджи Герая, чтобы его преемник вернул страну волжским вельможам). Слово в пользу Менгли Герая замолвили перед беями и генуэзцы — и карьера Нур-Девлета была решена: собравшись, старейшины крымских родов постановили, что нынешний хан неспособен к правлению и должен уступить свое место брату.⁸

В июне 1468 года Менгли Герай верхом на белом коне торжественно вступил в городские ворота Каффы. Шествовал он, очевидно, из Эски-Кырыма — родового центра Ширинов, поскольку вместе с ханом в Каффу прибыл Мамак и весь цвет крымской аристократии. Консул Джентиле Камилла приготовил для высоких гостей лучшие апартаменты в своем дворце и устроил для них пышное празднество, продолжавшееся целую неделю. Здесь и произошло избрание Менгли

Герая в ханы. По давнему обычаю, беи должны были поднять своего избранника на белом войлочном полотне и, помолившись, препоручить Крымскую Страну во власть ее нового правителя.⁹

Новопровозглашенный хан выполнил все обещания, которые дал генуэзским союзникам: он подтвердил старые, еще ордынские, договоры, по которым итальянцы владели землями в Крыму, и особым указом снизил сумму, которую Каффа должна была выплачивать в ханскую казну. Затем, сопровождаемый отрядом генуэзских солдат и бейской конницей, Менгли Герай двинулся к столице Юрта, Кырк-Еру. Нур-Девлет отчаянно оборонялся, и борьба продолжалась с середины лета до конца года, когда Менгли Гераю, наконец, удалось одолеть брата и занять столицу.¹⁰

Вытесненный из Кырк-Ера, Нур-Девлет укрылся на Северном Кавказе. Он страстно желал вернуться в Крым, но не надеялся на собственные силы, и потому задумал призвать на помощь османского султана. Планировалось, что турки ударят с моря по генуэзским крепостям, а Нур-Девлет тем временем зайдет на полуостров с востока. К сверженному хану потянулись и разного рода авантюристы: один из них, генуэзец Гримальди, вызвался набрать отряд наемников для похода с Нур-Девлетом на Эски-Кырым. Менгли Герай перехватил тайное письмо, где было изложено это намерение, и передал бумагу консулу Каффы. Опасаясь ссоры с ханом, генуэзские власти арестовали Гримальди и приговорили его к казни, но Менгли Герай попросил помиловать преступника.¹¹

Этот случай заставил консула взяться за наведение порядка в удаленных северокавказских владениях Генуи, чтобы излишняя предприимчивость генуэзских подданных не навлекла впредь на Каффу ханского гнева. На кавказский берег был отправлен вооруженный отряд, чья экспедиция увенчалась неожиданным успехом: в плен к генуэзцам случайно попал сам Нур-Девлет вместе с тремя своими братьями.¹² Бывший хан был доставлен в Каффинскую крепость и поселен там под строгим надзором. Менгли Герай был крайне признателен генуэзцам за такую услугу и не возражал, чтобы пленники находились под их присмотром.¹³ Несколько позже, правда, Менгли Гераю еще придется сильно раскаяться в том, что его соперники оказались в чужих руках — но пока что радость победы ничем не была омрачена для хана.

Жизнь Нур-Девлета и его братьев в Каффе ничуть не походила

на арестантскую: хотя пленники и не могли покинуть крепости, они имели в ней собственный особняк, располагали четырьмя десятками слуг и свободно принимали гостей. Не прошло и года после пленения, как слуга Кобаш донес Нур-Девлету, что начальник стражи Джованни Барбо подговаривает его совместно убить Нур-Девлета (как подозревали, нить заговора тянулась к самому Менгли Гераю). Нур-Девлет созвал своих товарищей, чтобы решить, как ему поступить. Все сошлись на том, что Барбо следует заманить в дом Нур-Девлета, но далее мнения разошлись: генуэзец Дельпино настаивал, что злоумышленника надо убить, а Нур-Девлет хотел связать Барбо и отдать его под суд консула. Дельпино и Кобаш для вида согласились с Нур-Девлетом, однако действовать решили по собственному плану.

Ночью Кобаш явился к Барбо и доверительно шепнул ему, что настал удобный момент для расправы с Нур-Девлетом. Одураченный Барбо отправился к дому, где жили пленники. Едва он подошел к дверям, как Кобаш с Дельпино набросились на него и убили, а Нур-Девлет, не зная об этом, всю ночь напрасно провел в засаде, поджидая злоумышленника внутри дома и надеясь схватить его живым.

Наутро по Каффе разлетелся слух, что Нур-Девлет убил генуэзца. Вокруг жилища ханских братьев собралась разъяренная толпа, требовавшая возмездия. Началась драка: горожане наседали на дом Нур-Девлета, а тот с братьями и слугами защищался, как мог. Появились жертвы. Консулу стоило огромного труда разогнать бушующее скопище народа. Он переправил пленников на двух больших шлюпках из Каффы в неприступную крепость Солдайя, где и поселил их отныне.¹⁴

Консул тайно признавался своему начальству в Генуе, что смерть этих узников избавила бы Каффу от многих забот и опасений¹⁵ — но, видимо, несмотря на существовавшие подозрения, Менгли Герай все-таки не давал согласия на подобное решение проблемы.

Можно смело признать, что начало правления Менгли Герая сложилось удачно: конкуренты были сокрушены, беи с их войском и генуэзцы с их золотом твердо стояли на стороне хана, а главный недруг, Ахмед, пока что держался поодаль от крымских пределов.

Единственным, кто мог внушать Менгли Гераю опасения, был южный сосед — османский султан (недаром именно о нем вспомнил

Нур-Девлет, обдумывая свой реванш). Мехмед II продолжал свое победоносное шествие по Балканам, и не приходилось сомневаться, что османы способны покорить все побережье Черного моря. Такая перспектива давно приводила в ужас Каффу и Готию, наслышанных о печальной судьбе завоеванных турками балканских государств. И если Хаджи Герай предпочитал поддерживать в них этот страх, обращая его к собственной выгоде, то Менгли Герай уже не скрывал перед соседями своей тревоги по поводу намерений османов.¹⁶ Подобно тому, как крымских христиан пугал пример Балкан, хан мог видеть грозное предостережение в судьбе турецких эмиратов Анатолии, утративших независимость и присоединенных к Османской империи на правах обычных провинций.

Менгли Герай заключил с Каффой договор о взаимопомощи, обязавшись защищать соседей от всякого врага. К этому союзу (очевидно, по настоянию хана) присоединилась и Готия, прекратив, наконец, свой многолетний конфликт с Каффой. Договор не уточнял, против кого готовились вместе обороняться крымцы и генуэзцы, но другие документы указывают, что в качестве общего неприятеля подразумевался именно султан.¹⁷

Нужда в таком союзе подтвердилась летом 1469 года, когда к Каффе подошли турецкие галеры Якуб-бея. Высадив на берег десант, османы сожгли несколько окрестных селений и захватили в плен немало каффинских жителей. В ответ на этот демарш Менгли Герай направил письмо Мехмеду II. Обращаясь к султану в самых учтивых выражениях, хан, тем не менее, твердо настаивал на освобождении взятых в Каффе пленников. «Ущерб, причиненный Каффе, это ущерб, причиненный мне», — заявил он.¹⁸

Генуэзцы почитали за счастье, что крымский хан готов встать на их защиту. «Повелеваем нашим властям в Каффе при надобности прибегнуть к Вашей Светлости как к отцу и старшему своему и быть неизменно послушными в исполнении всех Ваших желаний»,¹⁹ — писали Менгли Гераю генуэзские должностные лица. Так, подобно Хаджи Гераю, прозванному «отцом и господином» в Готии, Менгли Герай удостоился того же именованья и из уст генуэзцев.

Что же до Мехмеда II — то султан был великим стратегом и умел годами поджидать своего часа, не торопя событий.

ОПАСНЫЙ КОЗЫРЬ

*Спор кандидатов на место ширинского бея —
Беем становится Эминек — Интрига матери Шейдака —
Генуэзцы вынуждают Менгли Герая назначить беем Шейдака —
Мятеж беев и свержение Менгли Герая*

(1473-1475)

Осенью 1473 года в доме ширинских беев царил траур: аристократы прощались со своим умершим предводителем Мамаком. Читая молитвы над его могилой, ни духовные лица, ни родичи покойного, ни сам хан не могли предвидеть, чем в итоге обернется для Крыма уход из жизни этого человека.

Взамен умершего бея следовало избрать нового. Собственно, об «избрании» как таковом речи не шло, поскольку древняя традиция четко определяла, что освободившееся место во главе родового курултая должен занять следующий по старшинству брат бея. Правда, окончательное решение все же принадлежало хану, который мог выдать ярлык на бейский титул и кому-нибудь иному из ближайших родичей покойного. Помимо того, в выборах бея имело вес и мнение генуэзского консула — ведь глава Ширинов являлся одновременно одной из ключевых фигур каффинской администрации, нося в ней титул “тудун” или “сеньор Кампаньи” (Кампаньей итальянцы называли принадлежавшую им по договору сельскую округу Каффы и Солдаи, мусульманское население которой подчинялось тудуну).

Мамак имел нескольких братьев, старшими из которых были Кара-Мирза и Эминек. Новым беем должен был стать Кара-Мирза — тем более, что его прочил в свои преемники и сам Мамак, когда еще был жив.²⁰ Но Эминек задался целью во что бы то ни стало добыть этот титул для себя. Достичь желаемого было не так-то просто: в отличие от Кара-Мирзы, находившегося в родстве с ханским братом Айдером, Эминек не имел влияния при ханском дворе, и Менгли Герай по каким-то причинам не питал доверия к нему. Тогда Эминек решил действовать через генуэзцев. Он приложил все старания, чтобы завоевать симпатии соседей, обещал каффинцам всяческие блага и выгоды, и в конце концов добился своего: генуэзцы стали просить

Менгли Герая, чтобы хан утвердил на бейском посту этого замечательного человека. Менгли Герай прислушался к горячим настояниям союзников и назначил беem Ширинов не Кара-Мирзу, как намеревался вначале, а Эминека.²¹

Почувствовав себя первым после хана лицом в Крыму, Эминек отбросил былую скромность и начал донимать Менгли Герая нескончаемыми просьбами, зная, что правитель целиком зависит от его поддержки и ни в чем не откажет ему. Пока требования Эминека касались привилегий и льгот, хан не имел причин отказывать своему главному вельможе, но вскоре запросы бея перешагнули пределы приличия: когда Менгли Герай в очередной раз гостил в Каффе, Эминек дерзко потребовал, чтобы хан отдал ему в жены свою мать, вдову Хаджи Герая! (Вероятно, Эминек хотел подражать великим ордынским беям прошлого, которые роднились с правящим домом и распоряжались страной от имени ханов-марионеток). Менгли Герай вскипел гневом и резко ответил, что он скорее готов лишиться власти и самой жизни, нежели допустить столь неслыханный позор, чтобы ханская вдова была выдана замуж за собственного подданного.²² С Эминека довольно и того, что он получил свой пост, — а напрашиваться к хану в названные отцы ему не позволено.

Эминек выслушал отказ спокойно, но от своего не отступился. Когда Менгли Герай уехал обратно в Кырк-Ер, бей обратился к генуэзцам, чтобы те добились от хана согласия на брак. Итальянцы уверяли, что ничем не могут помочь в этом деле, но Эминек многозначительно возразил: при желании найдутся и средства.²³

Консул сразу понял намек бея. Генуэзцы действительно располагали средством, способным вынудить хана к любой уступке: в их руках находился Нур-Девлет, содержащийся в Солдае. Если бы консул пригрозил хану, что в одну прекрасную ночь стража отомкнет засовы и пленники Солдайской крепости выйдут на свободу, то от Менгли Герая наверняка можно было бы добиться очень многого. Но генуэзцы понимали, что тем самым превратят хана из друга в смертельного врага, и ни за что не соглашались вынуть свой опасный козырь. Тогда Эминек пригрозил каффинцам, что они дорого заплатят за отказ помочь ему, и перекрыл пути, по которым в город из Кампаньи достав-

лялось зерно. Это больно ударило по Каффе, где сразу стали расти цены на хлеб и продовольствие.

Осенью 1474 года Менгли Герай снова приехал в Каффу и встретился там с Эминекком. Но скандала между ханом и зазнавшимся беем не произошло, поскольку оба были озабочены уже новой, куда более серьезной проблемой.²⁴

Кроме Эминека и Кара-Мирзы, вождем Ширинов мечтал стать и Шейдак, сын Мамака. По всеобщему мнению, этот человек был недостоин столь высокого сана. Тем не менее, Шейдак тоже вступил в борьбу за вожделенный пост. Примечательно, что основные усилия к этому прилагал не столько он сам, сколько его мать, супруга Мамакбея, в обход всех правил пробивавшая для сына путь к бейскому титулу. Как и Эминек, она обратилась за помощью к генуэзцам. Консул Джустиниани отказался вмешиваться в это заведомо проигрышное дело, зато другие каффинские чиновники приняли от вдовы Мамака мзду в несколько тысяч золотых, разделили деньги между собой и пообещали ей уладить дело.²⁵

Но, как сказано выше, беем стал Эминек, а Шейдак остался ни с чем. Потерпев неудачу, он — то ли по собственному разумению, то ли по наущению матери — решил искать помощи за пределами Крыма. Шейдак отправился на Дон и там встретился с ордынскими властями. Конечно же, те были рады поддержать обиженного бейского сына, ведь теперь у Сарая появился повод вмешаться в крымские дела и попытаться вернуть власть над полуостровом. Видимо, было уговорено, что Орда сделает Шейдака первым беем — а тот взамен поможет сместить Менгли Герая и признает правителем Крыма ордынского принца Джанибека.²⁶

Вести с донских берегов обеспокоили и Менгли Герая, и Эминека. Встретившись в Каффе, хан с беем задумались, как лучше организовать оборону от незваных ордынских гостей. Тут к Менгли Гераю подошли некоторые из генуэзцев и предупредили хана, что Эминек тайком от него давно ведет какие-то переговоры с Мехмедом II. Эта новость очень не понравилась Менгли Гераю: турецкий султан вовсе не числился среди его друзей, и союз заносчивого бея с турками не обещал хану ничего хорошего. Может ли Менгли Герай положиться

в грядущей борьбе с Ордою на столь неблагонадежного помощника, как Эминек?

Поразмыслив, Менгли Герай придумал, какобезопаситьсебяиотпроисков Шейдака, и от тайных интриг Эминека. Вначале хан издал указ, которым сместил Эминека с бейского поста. Каффинцы собрались уже было убить отставного бея, причинившего городу столько бедствий своей блокадой, но тот вовремя спохватился и бежал на Кавказ.

Затем, когда бейское место освободилось, Менгли Герай послал на Дон за Шейдаком. Хан приглашал его в Крым и обещал, что назначит его предводителем Ширинов. Это была лишь уловка, призванная выманить беглеца из Орды, пока тот не вернулся вместе с Джанибеком и ордынской армией. Как и рассчитывал хан, обнадеженный Шейдак не устоял перед искушением и прибыл из ордынских степей в Каффу, рассчитывая достичь заветного титула без боев и сражений.²⁷

Замысел Менгли Герая удался блестяще: одно подозрительное лицо было изгнано из Крыма, а второе, напротив, удалено из опасного соседства с Ордой. Теперь можно было назначить ширинским беем Кара-Мирзу, и поставить, наконец, точку в этом затянувшемся споре.

В феврале 1475 года Менгли Герай с братом Айдером и ширинскими мирзами прибыл в Каффу, чтобы утвердить Кара-Мирзу в новой должности. Ширины знали о сделке жены Мамака с генуэзскими вельможами, и заявили, что не войдут в город, пока консул не гарантирует, что беem будет назначен Кара-Мирза. Но прежний консул, когда-то напрочь отказавшийся от денег вдовы, уже ушел в отставку, а его менее принципиальный преемник, Кабелла, сам входил в долю с заговорщиками. Он заявил Ширинам, что должность тудуна уже обещана Шейдаку. Мирзы стали возражать — и тогда продажные чиновники вытащили свой главный козырь. Они потребовали у хана, чтобы бейский титул был присвоен не Кара-Мирзе, а укrywшемуся в Каффе Шейдаку — а иначе Нур-Девлет будет выпущен из Солдаи на свободу.²⁸

Можно представить, какое унижение на глазах у всех подданных пришлось пережить хану, и какой гнев разгорелся в его душе. Но делать было нечего: если бы Нур-Девлет вышел на волю и удалился в Орду, он стал бы стократно опаснее Шейдака, и выманить его обрат-

но было бы нечем. Негодуя от собственного бессилия, Менгли Герай выписал ярлык на имя Шейдака.

Празднества в честь новоназначенного бея гремели в Каффе шесть дней, но Менгли Гераю было не до увеселений. Он хорошо представлял себе, во что может вылиться эта история: Ширины презирали Шейдака и негодовали от того, что хан поступил вопреки их желанию и нарушил древний обычай. Кроме того, повторный отказ Кара-Мирзе рассорил Менгли Герая и с Айдером — а вражда с братьями, как показывал пример Нур-Девлета, была чревата очень опасными последствиями.

В свое время, отказываясь от сделки с матерью Шейдака, консул Джустиниани сказал, что избрание этого человека «не предвещает ничего другого, кроме гибели Каффы; и все татары против этого».²⁹ Жуткий водоворот событий, развернувшихся в Крыму вслед за злосчастной эпопеей с избранием ширинского бея, показал, что слова консула оказались пророческими. Семь тысяч золотых из кошелька вдовы оказались в конечном итоге той суммой, за которую мздоимцы, сами того не желая, погубили и самих себя, и генуэзскую Каффу.

Когда торжества в Каффе закончились, консул Кабелла бодро отрапортовал в Геную, что жители края приняли кандидатуру Шейдака с большим воодушевлением.³⁰ Это было явной ложью. Кучка сторонников нового бея действительно ликовала, но большая часть знати была возмущена как своим новым предводителем, так и поведением хана.

Менгли Герай вернулся из Каффы в Кырк-Ер, где ему предстоял очень неприятный разговор с крымской аристократией. Подробности событий, происходивших в крымской столице в марте 1475 года, остаются неизвестными, но, скорее всего, мирзы гневно напомнили Менгли Гераю, что он смог пробиться к власти лишь благодаря помощи знатных родов. И если хан полагает, что он вправе ломать древние обычаи и навязывать крымской знати недостойных вождей, то он весьма заблуждается, а беи вправе отказать такому правителю в дальнейшей поддержке.

Беседа закончилась тем, что собрание знати низложило хана, и в марте 1475 года Менгли Гераю пришлось вновь укрыться в Каффе.³¹

«КОЛЬЦО В УХО»

*Бунт Эминек и его контакты с османами —
Турецкое нашествие на Крым и завоевание Каффы —
Менгли Герай взят в османский плен
и доставлен в Стамбул*

(1475)

Изгнанный из Крыма Эминек был возмущен сотворенной над ним несправедливостью, когда ничтожный Шейдак занял его место благодаря подкупам и интригам. Этого нельзя было оставлять безнаказанным, и Эминек нашел способ покарать своих обидчиков. Бей уже давно установил связи со стамбульским двором. До сих пор эти контакты были тайными, поскольку их не одобрял Менгли Герай. Но теперь изгнаннику не от кого было таиться, и Эминек написал падишаху письмо, призывая его выступить войной на Каффу и обещая помочь османам в завоевании гегуэзских колоний.³²

Как только стало известно о свержении хана, Эминек вернулся с Кавказа на полуостров. С Айдером, которого беи возвели на престол вместо Менгли Герая,³³ у Эминек были прекрасные отношения: недавно они сообща совершили очень прибыльный набег на литовские владения и Эминек уже давно подбивал ханского брата к захвату власти.³⁴

С его возвращением наступила черная пора для Шейдака. Спасаясь от соперника, Шейдак спрятался у своих гегуэзских покровителей в Каффе, а Ширины привели войско к стенам города, чтобы добраться до интригана и покарать его.³⁵

Сидя в осажденной Каффе, Менгли Герай мог лишь с горечью наблюдать, как рушится порядок, который ему с таким трудом удалось выстроить в Крыму за годы своего правления. Каффинцы боялись теперь выходить за пределы города, в окрестностях которого бесчинствовали приверженцы Эминек. Менгли Герай все еще не терял надежды уладить дело миром и призывал восставших к переговорам,³⁶ но никто не обращал внимания на воззвания свергнутого правителя и не хотел с ним ни о чем договариваться. Видимо, мятежники уже загорелись мечтой захватить Каффу и завладеть ее несметными богатствами — ведь Эминек в своем письме султану выразил желание, чтобы при завоевании города все трофеи достались крымцам, а

Стамбул довольствовался бы лишь верховной властью над новозавоеванными землями.³⁷

Мехмед II уже давно следил за развитием событий на полуострове. Для него не составило бы труда справиться с Кафрой и Готией еще двадцать лет назад — но на страже этих крошечных государств стояли крымские ханы. Теперь же ситуация целиком переменялась: хан-покровитель генуэзцев сошел со сцены, а первые лица Крыма сами звали султана на помощь и обещали ему свое повиновение. Мехмед II не замедлил воспользоваться их приглашением — тем более, что интересы падишаха в Крыму заключались не только в покорении Каффы и Готии, но и в том, чтобы поставить себе на службу самих крымцев. Как раз в эти годы Мехмед II готовил большой завоевательный поход на Молдову, правитель которой, князь Штефан, оказался сильным и опасным противником. Для успеха будущей кампании Мехмед II нуждался в поддержке крымскотатарских войск, чтобы вместе с ними нанести Штефану удар с двух сторон. Подчинение беев Стамбулу предоставило бы в распоряжение султана всю военную силу Крыма — и потому Мехмед II, отложив все прочие планы, приказал готовить армию к походу на Крым, а сам выступил к Дунаю, поближе к молдавским границам.³⁸

Последний весенний день 1475 года стал, без преувеличения, днем эпохального события в истории Крыма, на столетия вперед определившего его дальнейшую судьбу. 31 мая по Каффе разнесся клич, которого тут уже давно со страхом ожидали: с моря к городу приближается огромная эскадра турецких кораблей! Горожане могли наблюдать, как на линии горизонта вырастает лес парусов: суда, шедшие впереди, были уже ясно различимы — а в морской дали тем временем появлялись всё новые и новые корабли. К Каффе направлялось почти полтысячи больших и малых судов;³⁹ крымским берегам еще не доводилось встречать такой колоссальной армады. На палубе большой флагманской галеры стоял везирь Гедик-Ахмед-паша — знаменитый полководец, албанец по происхождению, правая рука Мехмеда II в завоевательных походах.

Везирь решил высадить войско в стороне от Каффы и разбить там свой лагерь. Подойдя ближе, османы увидели на берегу большой отряд крымскотатарской конницы. Завоеватели насторожились: с одной

стороны, было известно, что крымская знать сама позвала турок на помощь — но разве было исключено, что Менгли Герай в последний момент вернулся к власти и приготовился оборонять свои владения? Едва турецкие посыльные заговорили с всадниками, как сомнения развеялись: османов встречало войско Эминека, который с нетерпением дожидался прибытия турецких союзников.⁴⁰

Сойдя на берег, армия Ахмед-паши подошла к стенам Каффы и начала пушечный обстрел городских укреплений.

Зная, что рассчитывать на пощаду не приходится, консул приготовился к упорной обороне. Но едва генуэзцы заняли боевые позиции, как греки и армяне, составлявшие большинство населения Каффы, заявили, что отказываются защищать город. Они потребовали от генуэзских властей, чтобы те сдали крепость туркам без всяких условий, угрожая, что в противном случае сами вырежут всех итальянцев⁴¹ (горожане рассчитывали, что за добровольную сдачу Ахмед-паша пощадит их жизни и ограничится лишь сбором дани⁴²). Сражаться, имея напротив себя османские пушки, а за спиной — бунтующую толпу, итальянцы не могли. Консул Кабелла был вынужден сложить оружие и поднести Ахмед-паше ключи от города.

6 июня турки вошли в ворота Каффы. Как и надеялись греки с армянами, завоеватели не стали устраивать массовых расправ: капитуляция консула спасла жизни тысяч горожан. Генуэзцам же пришлось гораздо хуже: три сотни защитников Каффы были казнены османами на месте.⁴³ Паша занял консульский дворец и приказал привести к себе всю каффинскую молодежь в возрасте от 7 до 20 лет. Отобрав из этого числа более тысячи юношей для янычарских частей и около пяти сотен девушек для гаремов Стамбула, османы заставили все население города выплатить огромную контрибуцию и заново отстроить разрушенные обстрелом городские стены.⁴⁴ Затем горожанам было объявлено, что они могут возвращаться к своим повседневным занятиям, а уцелевшие генуэзцы были погружены на суда, вывезены в Стамбул и поселены там в специально отведенном квартале.⁴⁵

Собрав со всего города огромную дань и дочиста ограбив всех застигнутых в Каффе иноземных купцов, Ахмед-паша стал обладателем несметных богатств. Наивная надежда Эминека на то, что турки

поделятся с ним этими сокровищами, рухнула. Впрочем, и Эминек не остался без награды: ворвавшись в Каффу вслед за османами, он разыскал ненавистного Шейдака и отрубил ему голову.⁴⁶

Захватив Каффу, паша отправил свою армию на завоевание остальных генуэзских крепостей. Турки с легкостью смяли сопротивление малочисленного гарнизона Солдайи и двинулись дальше — к Чембало, Каламите и готской столице Феодоро, а освобожденный османами из солдайского застенка Нур-Девлет вышел на волю и направился в Кырк-Ер.

В генуэзской Каффе проживало немало крымских татар — и хотя большинство из них присоединилось к Эминеку,⁴⁷ другие остались верны Менгли Гераю и не покинули его в осажденном городе. Несмотря на свое бедственное положение, сверженный хан старался выполнить давние обязательства покровителя Каффы: едва османы высадились на побережье, как хан с полуторатысячным отрядом своих приверженцев вступил с ними в бой — но не устоял против огромной армии и отступил обратно в крепость.⁴⁸

Когда османы вошли в Каффу, Менгли Герай был схвачен и доставлен к Ахмед-паше, причем в его задержании участвовали не только турки, но и враждебно настроенные к нему соотечественники.⁴⁹ Вооруженное выступление Менгли Герая против османского войска служило достаточным основанием, чтобы казнить его, подобно генуэзским защитникам крепости. Но Менгли Герай был не простым пленником, а мусульманским монархом (пусть и лишенным престола) и наследником великого рода Чингиза. Ахмед-паша не отважился самостоятельно решать судьбу коронованной особы и решил отправить бывшего крымского правителя на суд султана.

Менгли Гераю пришлось признать свое поражение и примириться с тем, что свершилось. Он заявил Ахмед-паше, что признает себя подданным падишаха и благодарит его за вызволение из заточения в кефинских стенах (где он, вследствие мятежа Ширинов, был вынужден безвыездно находиться еще с начала весны).⁵⁰ Видя это, османы горделиво сообщали соседним правителям: «Некоторые из начальников татарских, воочию засвидетельствовав превосходство победоносных армий наших... облеклись в одеяние покорности и вдели в ухо кольцо повиновения».⁵¹

Враги Менгли Герая, первыми среди которых были Нур-Девлет и Эминек, спешили отомстить бывшему хану за все свои давние обиды и усердно очерняли его перед султаном. Еще находясь в Каффе под надзором паши, Менгли Герай писал стамбульскому везиру, на мощь которого рассчитывал: «Хотя мои враги многочисленны — я не произнесу ложных слов и не унижусь до интриг. Я опасаясь, что вы поверите их клевете. Не возбуждайте же в себе гнева против меня прежде, чем выслушаете меня самого».⁵² Через некоторое время у Менгли Герая появилась возможность лично высказаться в свою защиту: Гедик-Ахмед отправил царственного пленника кораблем в Стамбул.⁵³

О пребывании крымского правителя в османской столице существует несколько повествований. Одно из них сообщает, что Менгли Герай вместе с прочими каффинскими пленниками был отправлен для продажи на невольничий рынок. Тем временем в Стамбул прибыли крымские послы, просившие султана дать им правителя на опустевший престол Крыма. Случайно зайдя на работорговый базар, они узнали в толпе «живого товара» своего бывшего хана, бросились перед ним ниц и немедленно сообщили султану о своей удивительной встрече. Мехмед II освободил пленника и принял его с почетом.⁵⁴ Второе предание еще более драматично: встретившись с Менгли Гераем, падишах бросил его в застенок и присудил к смерти. Настал день казни, и палач уже ждал, когда Менгли закончит читать последнюю молитву, чтобы отрубить ему голову, — но в последний момент Мехмед II передумал, отменил приговор и сделал бывшего смертника своим приближенным.⁵⁵ Третий вариант наиболее краток (и, скорее всего, наиболее достоверен): он говорит, что султан поселил Менгли Герая у себя при дворе, где тот и прожил три года, пользуясь уважением и благосклонностью турецкого правителя.⁵⁶

Несмотря на разноречивость в деталях, эти сказания сходятся в главном: будучи доставлен в Стамбул, Менгли Герай оказался гостем султана. Жизнь на положении пленника — пусть даже и почетного, проводящего свои дни среди великолепия стамбульского дворца, — никак не могла быть по нраву Менгли Гераю, лишившегося в одночасье и трона, и родины.

Но иного выбора у него, собственно говоря, и не было.

ОСИРОТЕВШАЯ СТРАНА

*Беспорядки в Крыму —
Вторжения в Крым Джанибека и его краткий приход к власти —
Эминек просит султана вернуть Менгли Герая на престол —
Возвращение Менгли Герая в Крым —
Новые отношения Крымского Юрта и Османской империи*

(1475-1479)

Менгли Герай оказался за морем, а взбудораженный османским завоеванием Крым все не мог найти ни мира, ни покоя: хрупкое равновесие, установившееся ранее в стране, было разрушено до основания.

Ночами с высот столичной крепости Кырк-Ер наверняка были видны зарева пожаров, пылавших вдали над горными грядками: это Гедик-Ахмед-паша осаждал Феодоро. Как и в Каффе, там поначалу тоже нашлись приверженцы добровольной капитуляции — но в итоге возобладало решение стоять до конца.⁵⁷ Построенная на неприступном горном плато, готская столица успешно отражала атаки везира целых полгода, надолго задержав Ахмед-пашу в Крыму. Осада Феодоро стала одной из самых тяжелых и затяжных завоевательных кампаний Мехмеда II, османы потеряли в Готии тысячи своих солдат, однако к декабрю 1475 года Ахмед-паша покорил и эту твердыню.⁵⁸

Хозяином ханской столицы снова стал вернувшийся из заточения Нур-Девлет, и Айдеру (конечно, не без настояния беев) пришлось уступить ему трон. Он сделал это не по своей воле, и отношения между братьями сложились теперь очень напряженные.

Не было мира и в доме Ширинов. Эминек полной мерой пожинал последствия поднятого им мятежа: обретя вкус к бунтам, многие мирзы перестали повиноваться ему самому и выдвинули из своей среды новых искателей бейского чина. Против Эминекы восстал его младший брат Хаджике, который пошел по стопам покойного Шейдака и сделал ставку на союз с Ордой. Хаджике увлек за собой добрую половину людей Эминекы и позвал на помощь Джанибека, который давно уже томился в ожидании подходящего момента для вторжения в Крым. Вскоре произошло то, чего в свое время опасался Менгли Герай: Джанибек в компании своих союзников вступил на полуостров, и Эминеку лишь с огромным трудом удалось отбить его назад. Тогда Джанибек с Хаджике

направились за подмогой к ордынскому хану Ахмеду и нашли у него полное сочувствие и поддержку. Не было сомнений, что вскоре они вернуться, многократно усиленные ордынской военной силой.⁵⁹

Тем временем Мехмед II, покончив с Кафрой и с Готией,⁶⁰ смог взяться и за Молдову. Султан приказал крымцам собираться в поход на Штефана. Тревожная пора, когда в Крыму со дня на день ожидали ордынского вторжения, была не лучшим временем для походов в чужие страны, но Эминеку пришлось выполнять свое обещание, и летом 1476 года он повел десять тысяч воинов в направлении Днестра. Экспедиция выдалась неудачной: крымцы дважды атаковали Штефана — и каждый раз молдаване успешно отбивали их удар.⁶¹

Прознав, что лучшая часть крымскотатарских войск удалилась в дальний поход, Ахмед-хан послал на Крым Джанибека, который вновь ворвался на полуостров и разграбил страну. Когда Эминек получил эту страшную новость, он немедленно покинул молдавский фронт и двинулся назад защищать Крым. Едва он прибыл на полуостров, как неприятели бросились схватить его, и бею едва удалось скрыться от преследователей под защитой стен Эски-Кырыма.⁶² В этот раз победа осталась за ордынцами: Нур-Девлет был свергнут, и новым правителем Крыма стал Джанибек.

Этот переворот не мог не напомнить крымцам о подзабытых уже ими временах, когда каждые несколько лет страна переходила от одного чужака к другому, и жители едва успевали запомнить имя очередного правителя. Сам Джанибек, похоже, неплохо знал историю ордынской смуты и потому не рассчитывал надолго удержаться у власти. Едва заняв крымский престол, он стал тайно договариваться с московским князем, чтобы тот на всякий случай подготовил ему убежище в своей стране.⁶³

Спор за титул ширинского бея очень дорого обошелся Крымскому Юрту. Прошло каких-то четыре года со дня смерти Мамака — а страна изменилась до неузнаваемости: потомство Хаджи Герая было устранено от власти, юг полуострова стал турецким, а остальной частью Крыма опять завладела Орда!

Джанибек не зря заранее позаботился о политическом убежище: менее, чем через год крымцы одолели его и вернули на престол Нур-

Девлета.⁶⁴ Это, впрочем, ничуть не помогло восстановить порядок в стране — хан крупно поссорился с Айдером и, поглощенный дворцовой склокой, забросил все государственные дела. Нур-Девлет выпустил страну из-под контроля, а Эминек был бессилён в одиночку защитить государство.⁶⁵ Между тем, в ордынских степях перемещались войска, готовые опять ринуться на Крым.

На фоне всех этих бедствий, грозящих самому существованию Крымского государства, спокойное и благополучное правление Менгли Герая вспоминалось теперь жителями Крыма как сказочный «золотой век» всеобщей безопасности и благоденствия. Глубоко раскаиваясь в своем мятеже против хана, весь Юрт теперь в один голос клялся, что желает снова видеть Менгли Герая своим повелителем и готов беспрекословно повиноваться ему.

Эминеку пришлось вновь сесть за письмо в Стамбул. Ему, наверное, было непросто вынудить себя к этому (ведь бею приходилось противоречить своим предыдущим посланиям, направленным против Менгли Герая) — но времена настали такие, что заботиться приходилось уже не о собственном престиже, а о спасении страны.

«Нур-Девлет и Айдер не желают примириться и не слушают моих советов, — писал султану предводитель Ширинов. — Если Менгли Герая вернется в Крым, то все население покорится ему и будет соблюдать его приказы... Сделайте милость, назначьте Менгли Герая, пока [ордынский хан] не подступил к Крыму: лишь так мы сможем сохранить нашу страну... Если Вы немедленно отправите к нам Менгли Герая — Вы восстановите порядок в нашем государстве, и Аллах вознаградит Вас в обоих мирах. Народ и беи Крыма не желают видеть ханом Нур-Девлета: он не годится к правлению, он враждует со своим братом и не заботится о стране, он тягостен для подданных. Наше желание таково, чтобы Вы повелели Менгли Гераю: “Займись усердно делами страны и не отвергай советов Эминекы”. Прочее же зависит от Вашей милости».⁶⁶

Для Нур-Девлета не было секретом, что аристократы шлют неблагоприятные отзывы о нем в Стамбул султану. Хан не оставался в долгу и жаловался Мехмеду II, что подданные клеветают на него, а Эминекы и вовсе объявил мятежником.⁶⁷ На глазах у султана разворачивалась целая эпистолярная война между ханом и его первым беём: в осман-

скую столицу прибывали всё новые послания, подписанные то одним, то другим из них. Мнение падишаха складывалось не в пользу Нур-Девлета: во-первых, хан разочаровал Мехмеда II своей бездеятельностью во время молдавской кампании,⁶⁸ а во-вторых, склонность Нур-Девлета жаловаться на собственных подданных лишь подтверждала его неспособность самостоятельно управляться с ними.

В конце концов, прошения крымской знати возымели успех. Мехмед II признал, что Менгли Герая и впрямь стоит вернуть на родину: за три года, прожитые под пристальным надзором в Турции, крымский гость успел внушить султану достаточное доверие. В случае своего возвращения к власти Менгли Герая обещал стать добрым союзником Турции — тем более, что его противники-ордынцы, опасавшиеся союза Османов с Гераями, начали проявлять враждебность к султану (так, например, Джанибек в свое короткое правление успел пообещать венецианцам 200 тысяч бойцов для борьбы с турками⁶⁹).

Поэтому весной 1478 года Менгли Герая на турецком корабле отправился в долгожданное обратное путешествие к крымским берегам. Он прибыл в Кефе — правда, двинуться далее ему позволено не было: видимо, султан, опасаясь нового взрыва вражды в Крыму, не спешил выполнять просьбу Эминика и желал сперва понаблюдать, как крымцы отнесутся к появлению своего бывшего правителя. Менгли Герая был поселен в Кефе под присмотром, не имея права покидать пределы города.⁷⁰ Стоит полагать, это очередное пленение было трудным испытанием для Менгли Герая: совсем близко за городскими стенами простирались знакомые холмы и равнины родного Юрта, а хан снова оказался заперт в Кефе и не мог повидать свой край. Менгли Герая писал султану о бедности и разрухе в той местности, где его поселили, и просил позволения сменить место жительства⁷¹ — но Стамбул пока что молчал в ответ.

Народ был чрезвычайно воодушевлен возвращением своего прежнего правителя.⁷² Видя это, Менгли Герая связался со своими сторонниками в Кырк-Ере. Старейшины ханской столицы обещали поддержать его возвращение и не признавать над собой иного правителя, взамен же хан клятвенно пообещал им всяческие льготы и милости.⁷³ Твердо убедившись в симпатиях соотечественников, Менгли

Герай решил добраться до своей столицы, не дожидаясь соизволения Стамбула. Вскоре ему, как рассказывали современники, представился весьма неожиданный способ обмануть бдительность османских стражников.

Как-то раз в Кефе были устроены состязания местных джигитов в стрельбе из лука: на открытом ровном месте были вкопаны высокие столбы с перекладиной, к которой на тонкой нити была подвешена дорогая серебряная чаша. Удалец должен был на всем скаку пронестись между столбами, обернуться в седле назад и выпустить стрелу с серповидным наконечником. При метком попадании стрела перерезывала нить, и упавшая наземь чаша доставалась стрелку в качестве приза.

Менгли Герай тоже вызвался принять участие в соревновании. Он взял лук и поскакал к столбам, однако, пронесаясь между ними, не стал разворачиваться и стрелять, а лишь сильнее пришпорил коня и умчался за пределы города, оставив своих сторожей в полной растерянности. За городом его уже дожидалась сотня верных товарищей. К Менгли Гераю стали стекаться люди со всего Крыма во главе с Эминком. Вскоре хан занял Эски-Кырым, а затем двинулся на Кырк-Ер, где и взошел на свой трон.⁷⁴

Нур-Девлет и Айдер сочли за лучшее покинуть страну. Общий провал примирил враждовавших братьев: они вместе ушли искать убежища у Казимира, который и поселил их в Киеве.⁷⁵

Вернув престол и обосновавшись в Кырк-Ере, Менгли Герай отправил посла к своему новому союзнику и «старшему брату» — османскому падишаху.⁷⁶ Отношения, сложившиеся отныне между ханом и султаном, вовсе не означали, что Юрт превратился в турецкое владение. Ханство по-прежнему оставалось суверенным государством, а хан — суверенным правителем. Как и прежде, султан не мог командовать ханскими подданными или распоряжаться делами Юрта, а в ханской и султанской частях полуострова действовали разные законы и ходила разная монета.⁷⁷ Тем не менее, отныне на крымском правителе лежала обязанность предоставлять свои войска на помощь султану по первой его просьбе, да и в целом, в отношениях с падишахом хан считался теперь подчиненным лицом. Это, впрочем, можно было признать не столь уж и существенной потерей, если учесть, что потрясения последних лет — переворот, осада, плен и чужбина —

поначалу и вовсе не оставляли Менгли Гераю надежды когда-либо вернуться на родину, а тем более на трон.

Кроме того, уния с Турцией несла в себе ту несомненную выгоду, что Османская империя была очень сильным союзником, и как раз теперь наступали годы, когда хану предстояло отчаянно защищать Крым от посягательств Орды, а султану — сказать свое веское слово в защиту Менгли Герая.

«КТО ВСТУПИЛ НА МОЕ ЦАРСТВО КОПЫТОМ...»

Гибель ордынского хана Ахмеда — Пребывание в Крыму его сыновей — Нашествие Сеид-Ахмеда II на Крым и Кефе — Новая внешняя политика Крыма: союз с Москвой и разрыв с Литвой — Поход Менгли Герая на Киев

(1480-1486)

Если Менгли Герай имел все основания торжествовать по поводу своего чудесного возвращения на родину, то у Ахмед-хана новости из Крыма могли вызвать лишь досаду и разочарование. В самом деле: едва у Сарая появилась надежда вернуть под свою власть мятежную крымскую провинцию, как, вопреки всем ожиданиям, Менгли Герай вернулся на престол, да теперь еще и в новом статусе османского союзника.

Потерпев неудачу в Крыму, Ахмед решил поправить свой пошатнувшийся авторитет в другом владении Орды — Московии.⁷⁸ Ахмед отправил московскому великому князю Ивану III суровое письмо, требуя от него беспрекословного подчинения и исправной выплаты дани. Князь ответил дерзостным отказом — и тогда в 1480 году ордынский правитель выступил против непокорного вассала. Хан дошел до пограничной реки Угры, но, встретив хорошо подготовленное княжеское войско, не решился вступить в бой и повернул обратно.⁷⁹ Отступая, Ахмед пригрозил Ивану, что еще вернется, и попытался утратить его своими былыми победами: «Недруг встал на моем цар-

стве копытом, и [тогда] я встал на его царстве всеми четырьмя копытами»⁸⁰ — писал хан, намекая на недавнее вторжение Орды в Крым (и умалчивая, что эта победа давно сменилась поражением). Угрозы Ахмеда остались невыполненными. На обратном пути его повстречали давние недруги: сибирский хан Ивак и ногайский бей Ямгурчи. Подкараулив момент, они напали на спящий ордынский лагерь, ворвались в шатер Ахмеда и убили его.⁸¹

Сыновья погибшего хана — Сеид-Ахмед, Муртаза и Шейх-Ахмед — оказались в бедственном положении. Теперь, когда их войска разбежались, им приходилось опасаться любой шайки грабителей, каких немало рыскало тогда по степям. Главный ордынский бей, Темир из рода Мангыт, повел принцев в Крым, чтобы там попросить помощи у Менгли Герая. Расчет бея оказался верен: крымский правитель гостеприимно встретил скитальцев и за собственный счет снабдил их лошадьми, одеждой и всем необходимым. Хан надеялся, что сможет сделать вчерашних врагов своими союзниками и даже принять их на свою службу — но не тут-то было: поправив силы в Крыму, беженцы покинули Менгли Герая и со всем подаренным добром ушли в степи. Хан погнался было за неблагодарными гостями — но сумел задержать лишь одного Муртазу, который теперь из гостя превратился в заложника.⁸²

Взамен погибшего Ахмеда ордынским ханом стал его сын, Сеид-Ахмед II. Под предлогом освобождения Муртазы из крымского плена он начал собирать войска в поход на Менгли Герая. Правда, Сеид-Ахмед весьма опасался, что на помощь к Менгли Гераю придут османы, и потому заранее постарался разузнать, много ли турецких войск стоит сейчас в Крыму.⁸³ Видимо, разведка донесла, что османский гарнизон в Кефе невелик, и опасаться нечего. Кроме того, совсем недавно, в 1481 году, Мехмед II умер, и вместо свирепого завоевателя, наводившего ужас на соседние страны, Османской империей стал править его сын Баезид II — человек добросердечный и миролюбивый.⁸⁴ Получив эти обнадеживающие сведения, Сеид-Ахмед с Темиром двинулись в бой.

Удар ордынских войск на Крым был настолько силен, что Менгли Герай не удержал позиций и, раненый, бежал в крепость Кырк-Ер.

Муртаза вышел на свободу и присоединился к брату. Цель похода была достигнута, но Сеид-Ахмед не пожелал остановиться на этом и решил завоевать Крым. Видимо, взять Кырк-Ер ордынцам оказалось не по силам, и Сеид-Ахмед, грабя встречные села, направился к Эски-Кырым. Он осадил город, но старая столица крепко удерживала наступление, и взять ее удалось лишь хитростью: Сеид-Ахмед пообещал, что не причинит жителям никакого вреда, если те прекратят сопротивление и впустят его. Горожане, поверив, открыли ему ворота. Как только хан добился своего, он отрекся от принесенной клятвы — и ордынское войско разграбило город, истребив в нем многих жителей.⁸⁵

Опьяненный успехом, Сеид-Ахмед задумал вслед за этим проучить и турок, продемонстрировав новому султану, кто является истинным хозяином причерноморских земель. Огромная ордынская армия приблизилась к Кефе. Уверенный в своем превосходстве, Сеид-Ахмед направил посольного к османскому наместнику Касым-паше с требованием сложить оружие и сдать Кефе ордынцам. Касым-паша принял ханского представителя на удивление любезно, предложив ему подождать до завтра, покуда для высокостепенного хана будут приготовлены дары. Посол отправился на ночлег, а паша тем временем незаметно отдал кое-какие распоряжения.

Наутро Касым-паша пригласил посла в беседку полюбоваться дарами, приготовленными для вручения хану вместе с ключами от городских ворот. Неспешный осмотр подарков еще продолжался, когда в помещение стремительно вошел турецкий офицер. Он доложил паше, что падишах прислал из Стамбула флот, дабы покарать Сеид-Ахмеда за творимые им бесчинства. Касым подозревал ордынского гостя, чтобы тот взглянул на море — и ханский посол увидел, что из-за прибрежного мыса в Кефинский залив выходит вереница турецких галер. Суда выстроились в линию вдоль берега и дали дружный залп из бортовых орудий. В ответ им грянули выстрелы османских пушек с башен Кефинской крепости. Сбросив маску приветливости, Касым-паша грозно заявил ордынскому посланнику: «Пойди и скажи своему хану, что слуга падишаха не может стать слугой кому-либо другому, и пусть он готовится к битве!»

Ордынские воины, стоявшие на морском берегу под стенами Кефе, ранее не сталкивались с тяжелой артиллерией, и вид грохочущих пушек произвел на них очень сильное впечатление. Когда перепуганный посланник вернулся от паши и пояснил, в чем дело, у ордынцев дрогнули нервы, и они стали отступать, пока турки не расстреляли их из своих смертоносных орудий. Отступление превратилось в поспешное бегство, и Касым-паше, наблюдавшему за этой сценой, оставалось лишь гордиться своей находчивостью: ведь и «внезапный визит стамбульского посланца», и военная демонстрация кораблей были подготовлены им самостоятельно, без всякой помощи из столицы.

Менгли Герай со своими беями бросился в погоню за отступавшим врагом. Напуганное османами ордынское войско стало теперь легкой мишенью для крымцев, которым удалось отбить у Сеид-Ахмеда всю добычу и пленников, захваченных им в Крыму.⁸⁶

Опасность миновала, а османы показали, что могут оказать Крыму неоценимую помощь в обороне от ордынских набегов. И все же сам факт нашествия, пусть и успешно отраженного, не мог не вселить в хана тревоги за будущее страны: было очевидно, что новое поколение правителей-Намаганов вступило в яростную борьбу с Гераями за Крым и не откажется так просто от своих намерений. Сражаться с ними в одиночку Менгли Гераю было тяжело, и он занялся поиском союзников.

Растеряв собственные окраины, Орда лишилась и бывших славянских вассалов. Потерю Украины и ее переход в состав Великого княжества Литовского признал еще Тохтамыш. Что же касалось Великого княжества Московского, то и оно успешно продвигалось к освобождению от ордынского господства, о чем свидетельствовал недавний провал Ахмеда. Борьба с общим противником, Сараем, делала Крым и Москву союзниками, и Менгли Герай, давно уже пытавшийся наладить контакты с Иваном III, продолжил прерванные турецким нашествием переговоры. Вскоре хан и великий князь принесли друг другу обязательство сообща бороться против Ахмеда, а затем и его сыновей.⁸⁷

С точки зрения Крыма этот союз означал, что Москва признаёт крымского хана повелителем всей Великой Орды и переходит к нему в формальное подданство, сбросив зависимость от Сарая. Унаследовав

традиционное ордынское верховенство над московским великим князем, Менгли Герай отказался от привилегий, унижавших союзника: он освободил Ивана от выплаты дани и стал называть его в письмах «своим братом». Щепетильный вопрос о титуле был очень важен для Ивана III, ведь хан как представитель господствующей династии был бы вправе называть ордынского вассала и «холопом», однако вместо этого признал московского правителя равным себе, что сильно укрепило авторитет Ивана среди соседей.⁸⁸

Правда, соглашение с Иваном стоило хану старинной, наследственной дружбы с Казимиром, ведь Московия, издавна посягавшая на земли Литовской Руси, была непримиримым врагом Литвы. Пытаясь найти управу на Ивана, король завел переговоры об антимосковском союзе с ордынскими ханами. Эта новая политика стала большой ошибкой польско-литовского правителя: слабеющая Орда ничем не помогла ему в борьбе с московскими притязаниями, зато сближение с Сараем надолго рассорило короля с гораздо более ценным союзником — Крымом.

Готовя свой роковой поход 1480 года, о котором говорилось выше, Ахмед попросил у Казимира помощи, и тот пообещал прислать ему литовские силы для совместного удара на неприятеля. Отряды Казимира уже готовились выступить на подмогу Орде — но Менгли Герай бросил им навстречу крымские войска, и вместо похода на Московию литовцам пришлось защищать свои владения. Это и стало причиной поражения Ахмеда, который, не дождавшись прибытия союзников, не рискнул сражаться с русскими в одиночку и отступил назад навстречу своей гибели.

Оценив успех этой крымской кампании, Иван III неуклонно настаивал, чтобы хан не оставлял борьбы с Литвой и нанес свой следующий удар в самый центр Литовской Руси — Подолье либо Киев.⁸⁹ Менгли Герай согласился, что Казимира следует предостеречь от дружбы с Сараем, и приказал своим войскам собираться в поход вдоль Днепра.

Киевский воевода Иван Хоткевич узнал о приближении крымской армии за четыре дня до ее прихода и стал готовиться к обороне. Под защиту стен Киевской крепости собрались жители всего города и

окрестных селений, туда же были перенесены казна и драгоценности из Киево-Печерской лавры.

Менгли Герай подошел к Киеву 10 сентября 1482 года. Приближаться вплотную к крепости, а тем более идти на ее штурм, хан не стал: ведь в этом случае для воеводы не составило бы труда обстрелять наступающее войско из пушек и отбить атаку. Поэтому, держа основные силы на расстоянии от укреплений, крымские воины зажгли с двух сторон окружавшие крепость деревянные жилые кварталы и, чуть отступив, стали дожидаться, пока огонь сделает свое дело. Пламя быстро охватило ветхие постройки, перекинулось внутрь укрепленной цитадели — и Киев пал без всякой битвы. Те, кто надеялся укрыться в крепости, были изгнаны пламенем наружу, а те, кто спрятался в монастырских пещерах, задохнулись от дыма. Покидая горящие укрепления, защитники Киева попадали в плен к крымскому войску; среди пленников оказался и сам воевода с семьей. Крымские войска вошли в поверженный город и собрал там богатую добычу, а затем хан повел своих людей домой.⁹⁰

Менгли Герай немедленно сообщил о победе московскому союзнику и послал ему в подарок два драгоценных трофея из знаменитого собора Софии Киевской: золотую причастную чашу и золотой поднос для богослужений.⁹¹ Нанеся Казимиру сокрушительный удар чужими руками, Иван от души благодарил Менгли Герая за его верность данному слову.⁹²

Король не мог отплатить хану ответным ударом и предпочел уладить дело миром. Впрочем, он не упустил случая остро уязвить крымского соседа, справившись у него через послов: мол, ходят слухи, что хан воюет с Литвой по приказанию Москвы? Выпад попал точно в цель. Менгли Герай возмутился: разве московский князь, его подданный, вправе повелевать хану?!⁹³ Этим спор и ограничился, и Казимир взялся за восстановление разрушенного города.

Казимир, похоже, знал, какую струну задеть в душе Менгли Герая — ведь Иван, несмотря на свой статус «младшего брата», все-таки располагал одним средством, которое если и не позволяло ему приказывать хану, то, во всяком случае, придавало немалую убедительность тем смиренным челобитиям, что направлялись им из Москвы в Крым.

Дело в том, что волею судеб в руках московского князя оказался тот самый козырь, которым когда-то со столь сокрушительными последствиями распорядились генуэзцы: в гостях у Ивана пребывал ханский брат Нур-Девлет.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Нур-Девлет и Айдер в Московии — Менгли Герай желает вернуть Нур-Девлета на родину — Последнее ордынское вторжение в Крым — Менгли Герай заключает брак с Нур-Султан и становится названным отцом казанского хана

(1486-1491)

Отношения Менгли Герая с его братьями складывались по-разному. Старшие сыновья Хаджи Герая, Нур-Девлет и Айдер, перебравшись из Крыма в Киев. Оз-Демир искал было пристанища в Орде, но затем и он переселился во владения Казимира. Младшие же, Ямгурчи и Мелек-Эмин, предпочли остаться на родине и жили в мире с ханом, причем Ямгурчи получил сан калги — ханского наследника.⁹⁴

Менгли Гераю навсегда запомнилась неприятная история с Нур-Девлетом и генуэзцами, и потому эмиграция братьев в Литву стала для хана источником постоянных тревог — ведь Казимир, отношения с которым ухудшились, при желании легко мог использовать беглых братьев хана для борьбы с крымским правителем. Поэтому настоящим облегчением для Менгли Герая стала весть о том, что осенью 1479 года Ивану III удалось переманить Нур-Девлета и Айдера на жительство в свое государство.⁹⁵

Перебравшись в Московию, Айдер вызвал к себе из Крыма жену с сыном и жил как частное лицо, не вмешиваясь в большую политику. Вскоре появились слухи, что Казимир хочет тайно переправить Айдера обратно к себе. Менгли Герай, по-видимому, уже не опасался Айдера и отнесся к эти известиям безразлично, но Иван счел за лучшее

отправить гостя под арест в Вологду, вне досягаемости королевских посланников. Там крымский изгнанник и умер через несколько лет.⁹⁶

В отличие от Айдера, Нур-Девлет стал весьма заметной фигурой. Иван дал ему во владение город Касимов с окрестными землями — взамен же Нур-Девлет обязался служить великому князю. Удел Нур-Девлета представлял собой целое маленькое ханство — «Касимовский юрт», где крымский гость располагал собственным двором и даже собственным татарским войском, с которым по указанию Ивана ходил против Орды. Рассказывали, что в одном из таких походов он настиг ордынский стан и уже собрался разорить его дотла, но один из приближенных Нур-Девлета убедил своего господина, что не годится во славу чужого правителя искоренять достояние своих родичей.⁹⁷

То, что Нур-Девлет превратился в грозу Намаганов, не могло не радовать Менгли Герая. Вместе с тем, хана удручало, что его брат по-прежнему находится в руках чужеземцев. Безусловно, Менгли Гераю было бы намного спокойнее, если бы Нур-Девлет вернулся в Крым; ради этого хан был готов примириться с братом и дать ему на родине все, что тот пожелает — конечно, за исключением трона.

Менгли Герай поделился своими раздумьями с Иваном и спросил князя: как он полагает, согласится ли Нур-Девлет вернуться в Крым на том условии, чтобы никогда больше не претендовать на престол? Иван III ответил, что Нур-Девлет, пожалуй, без труда даст такое обязательство, — но, в свою очередь, уверен ли Менгли Герай, что брат сдержит свою клятву? Нур-Девлет уже когда-то правил Крымом, — писал князь, — и ему служили те, кто теперь служит тебе. Можешь ли ты поручиться, что они не пожелают вновь сделать его ханом?⁹⁸

В этом вопросе и заключалась основная сложность. Даже если Менгли Герай был готов положиться на слово брата, то доверять целиком своим вельможам он, конечно, не мог, да и ордынцы не упустили бы столь удобного случая вновь разжечь вражду между сыновьями Хаджи Герая.

Между тем, Орда и впрямь нашла Нур-Девлету место в своих планах относительно Крыма. В 1486 году Муртаза направил в Москву

два письма. Первое было адресовано Ивану III. Обращаясь к князю, ордынский правитель не скрывал своего желания свергнуть Менгли Герая и поставить вместо него над Крымом Нур-Девлета. Муртаза писал Ивану, чтобы тот отпустил своего крымского гостя в Орду и даже предлагал оставить в залоге у князя жен и детей Нур-Девлета, пока тот не придет к власти в Крыму.⁹⁹

Второе письмо предназначалось самому Нур-Девлету. «Исстари и по сей день мы одного отца дети, — писал Муртаза, напоминая об общем происхождении от Чингиза, — правда, впоследствии так случилось, что наши предки рассорились за сладость господства над Юртом,¹⁰⁰ и потому между ними было много зла и вражды. Но после они это зло от себя удалили, и потоки крови, что текли между ними, вновь стали течь молоком, а огонь вражды был угашен водою любви, иваш юрт с нашим юртом стали как бы одним, когда ушел на покой святой Ахмед-хан. И когда мы уже примирились, то брат твой, Менгли Герай-хан, вновь возжег огонь брани, и попраля справедливость, и учинил нам незаслуженное насилие...Негоже видеть, что ты, твое величество, брат наш, живешь среди неверных... И если ты пожелаешь покинуть эту нечистую землю, то я к Ивану с тем же послом Шейх-Баглулом отправил послание о том же; если же не пожелаешь — то будь здоров, где бы ты ни был, а нас в братстве не забывай».¹⁰¹

Сложно судить, как ответил бы на это обращение Нур-Девлет. Иван III не пропустил письма к адресату, а вместо того переправил послание Муртазы к Менгли Гераю. Ознакомившись со столь откровенным изложением планов Орды, хан был вынужден отказаться от замысла вернуть брата на родину: риск новых потрясений и смут был слишком велик.

Витиеватое, украшенное замысловатыми поэтическими оборотами письмо Муртазы свидетельствовало, что во главе Орды встали образованные и хитроумные правители. Учась на своих прежних ошибках, сыновья Ахмеда неутомимо изобретали новые способы справиться с Менгли Гераем. Урок, полученный Сеид-Ахмедом II у стен Кефе, показал, что пытаться одолеть османов военной силой бесполезно, да и хан теперь стоял настороже в ожидании ордынского наскока. По-

этому было решено перед очередным вторжением усыпить бдительность и Баезида, и Менгли Герая.

Муртаза вновь взялся за перо. На этот раз письмо предназначалось падишаху. «Наш старший брат Менгли Герай писал тебе, — сетовал Муртаза, — что мы враждуем с ним и чиним ему зло, но это дело прошлое, а теперь мы живем с ним в миру и братстве».¹⁰²

Провозглашая крымского хана своим другом (и более того — своим «старшим братом!»), ордынский правитель полностью противоречил собственным же письмам в Москву и намеренно обманывал султана. Муртаза обладал несомненным талантом составлять изысканные послания: ему удалось убедить Баезида в искренности своих слов. Падишаху давно была не по душе вражда двух мусульманских государств — Орды и Крыма. Возрадовавшись, что между ними наконец-то воцарился мир, Баезид спроста отменил отправку в Кефе дополнительных турецких войск, о которых его уже давно просил крымский хан. Вместо янычарских отрядов Баезид послал Менгли Герая письмо с призывом примириться с Ордой.¹⁰³

Менгли Герай, давно мечтавший о мире и спокойствии для своего государства, последовал совету падишаха. И когда летом 1491 года в Крым прибыли ордынские послы с дружескими посланиями волжских правителей, Менгли Герай охотно заключил с ними мирное соглашение.

В предыдущие годы хану приходилось постоянно держать свое войско на страже крымских границ от ордынских вторжений, но поскольку теперь Намаганы уверяли в своей миролюбии, Менгли Герай мог распустить бойцов по домам — тем более, что наступало время жатвы, и крымцам пора было обрабатывать свои поля.¹⁰⁴

Именно на это и рассчитывали сыновья Ахмеда.

Едва крымское ополчение разошлось по жнивам, как Сеид-Ахмед и Шейх-Ахмед ворвались в Крым, опустошили обширные территории полуострова (в особенности пострадали владения рода Барын) и отошли к Нижнему Днепру, где стали собирать силы для следующего сокрушительного удара. Менгли Герай — проклиная, наверняка, свою доверчивость — выставил войско на пути врага и приказал всей стране прятать зерно и все прочее добро в крепостях. Затем он срочно отправил калгу Ямгурчи в Стамбул за военной подмогой, а другие ханские посланцы поскакали с тем же поручением в Москву и в Казань.¹⁰⁵

Как только султан узнал от Ямгурчи об истинном положении дел в Крыму, он без лишних слов отправил в Кефе две тысячи янычар. Тем временем с севера к тылам ордынской армии подступили отряды сына Нур-Девлета Сатылгана и казанского хана Мухаммед-Эмина, усиленные вдобавок русской артиллерией. Это заставило Сеид-Ахмеда и его союзников отступить; Крым был спасен.

Сыновья Ахмеда не оставляли надежды покорить полуостров и уже замыслили новые вторжения — но этому их походу было суждено остаться в истории последним ударом Орды по Крымскому Юрту. Противоборство Намаганов с Гераями близилось к развязке.

В событиях 1491 года показал свою силу международный альянс, собранный Менгли Гераем для борьбы с Намаганами. Помимо Крыма, Стамбула и Москвы с Касимовым, в него вошла также и Казань, с правителями которой у Менгли Герая в последнее время установились не просто дружеские, но и родственные отношения: если в Касимове у Менгли Герая был брат, то на казанском престоле у него неожиданно появился названный сын!

Неудача Улу-Мухаммеда, вынужденного в 1438 году бежать от недругов на север, в конце концов обернулась успехом. Хотя хан и его сыновья никогда больше не вернулись в Сарай, они, обжившись на новом месте, стали основателями нового государства — Казанского юрта, где отныне стала править династия потомков Улу-Мухаммеда. Но, как это часто бывает, со временем в ханском семействе разгорелся спор за власть, в который не преминули вмешаться и соседи. Эти события в итоге и привели к сближению Казани с Крымом.

У внука Улу-Мухаммеда, Халила, была жена по имени Нур-Султан — дочь того самого Темира из рода Мангыт, что служил первым вельможей при сыновьях Ахмеда и ходил вместе с ними на Крым. В 1462 году Халил взошел на казанский трон. Он правил недолго и умер, не оставив наследников. К власти пришел его брат Ибрагим, который взял овдовевшую Нур-Султан себе в жены. Однако над семейным счастьем этой женщины как будто нависло проклятье: в 1479 году она потеряла и второго мужа, но теперь на ее попечении остались два сына, родившиеся от Ибрагима: десятилетний Мухаммед-Эмин и четырехлетний Абд-уль-Лятиф.

Между тем очередным правителем Казани стал Ильхан, старший сын Ибрагима от другой жены. Видимо, при новом правителе Нур-Султан стала неуютно чувствовать себя в Казани и потому решила переехать в Крым: во-первых, там занимал высокий пост ее двоюродный брат, а во-вторых, было известно, что Менгли Герай с большим радушием принимает ордынскую знать, желающую обосноваться у него в стране. Особым почетом хана пользовался род Мангыт — самый влиятельный род Орды, который Менгли Герай хотел привлечь на свою сторону.

Менгли Герай не только приветливо встретил высокородную гостью, но и сделал ее своей супругой. Так Нур-Султан нашла в Крыму надежное пристанище, став хозяйкой ханского дома. Менгли Гераю эта женитьба принесла немалую политическую выгоду: во-первых, с ним теперь примирился Темир,¹⁰⁶ а во-вторых, его приемными сыновьями стали дети Нур-Султан, будущие казанские ханы. Знатная гостыя привезла с собой в Крым лишь младшего сына, тогда как старший проживал на воспитании у Ивана III. Московский правитель поселил Мухаммед-Эмина у себя при дворе, рассчитывая когда-нибудь возвести его на казанский престол как своего протеже. Менгли Герай не возражал против этого, потому что московские ставленники в Казани были для него гораздо предпочтительнее ордынских.¹⁰⁷

Вскоре план князя осуществился: в 1485 году Ильхан был свержен, а Мухаммед-Эмин с помощью Ивана стал казанским правителем. С этих пор Казань присоединилась к союзу Крыма и Москвы, и Мухаммед-Эмин по просьбе Менгли Герая посылал свое войско в тылы Орды, когда та нацеливалась на Крым.¹⁰⁸

Мухаммед-Эмин никогда не виделся со своим крымским отчимом, но хранил к нему глубочайшее почтение. В переписке казанский хан называл крымского «братом», подразумевая под этим термином не столько родственные отношения, сколько равенство по ханскому рангу. Точно так же он именовал и своего покровителя Ивана, однако Менгли Герай, сверх того, удостаивался в устах Мухаммед-Эмина чрезвычайно возвышенных эпитетов, ставивших крымского хана превыше всех прочих правителей, не исключая и турецкого султана.¹⁰⁹ Как уже говорилось, термины и эпитеты официальных документов много значили в те времена, и слова Мухаммед-Эмина

выражали нечто большее, чем просто сыновнюю благодарность за заботу о матери. Хотя пышные фразы казанских писем были несомненным преувеличением, их целью было показать, что Мухаммед-Эмин признаёт Менгли Герая старшим среди всех мусульманских государей, подобно тому, как в старину удельные ханы Улуса Джучи признавали первенство верховных повелителей Чингизидской империи — хаканов.

Это было исключительно важно для Менгли Герая. Династическое старшинство над Казанью стало первым шагом к исполнению его величественного замысла — не только навсегда пресечь претензии Намаганов на владычество в Крыму, но и заступить их место во главе всего Великого Улуса; ведь для того, чтобы Орда, наконец, перестала тревожить Крым, крымскому хану оставалось лишь взять ее под собственный контроль и самому стать ее повелителем.

ВОЗВРАЩЕННАЯ ПОБЕДА

*Шейх-Ахмед пытается прорваться в крымские владения —
Противостояние крымских и ордынских войск у реки Сосны —
Поход Менгли Герая 1502 года и разгром Орды*

(1500-1502)

После очередной неудачи в Крыму ордынское войско удалилось в свои прикаспийские кочевья. Для Намаганов настали трудные времена. Все богатые окраины бывшей империи с многочисленными городами и оживленными рынками стали для них зарубежьем, а владения Сарая сузились до полосы пустынных степей между Доном и Каспием. Большой Орде попросту не оставалось места на карте.

На просторах былых кочевий оставалось все меньше уголков, где ордынцам удавалось пасти свои стада и табуны без риска очутиться под градом чужих стрел. Они шли к предгорьям Кавказа — но там на них, пробираясь из горных ущелий, нападали черкесы; границу

лесных краев охраняли казанские татары; а на зеленых приднепровских лугах одна за другой выросли крепости Менгли Герая, преградившие привычную дорогу на запад. На востоке, за Волгой, земли были беднее — но тем ревностнее сторожила их сильная Ногайская Орда, обосновавшаяся в этих местах. От дельты Каспия ордынцев отрезал хаджи-тарханский хан, который, хотя и приходился сыновьям Ахмеда двоюродным братом, захлопнул двери своей столицы перед бедными родственниками, когда те пришли к нему в поисках пропитания и военной помощи.¹¹⁰

Подданные тысячами бежали из Большой Орды в более зажиточные земли и оставались там навсегда. Таких беженцев во множестве принимал и Крым.¹¹¹ Вчерашние ордынцы пополняли войско крымского хана и были готовы сражаться за своего нового господина, давшего им пристанище в изобильном краю.

Великая некогда империя превратилась, по сути, в огромную толпу обнищавших скитальцев, которых везде принимали как нежеланных гостей.

В 1500 году Шейх-Ахмед повел свои улусы на запад, к сочным пастбищам Нижнего Днепра, где Орда издавна откармливала свой скот на густых летних травах.¹¹² Эти места были хорошо знакомы ордынцам, но теперь раздольный край было не узнать: там и здесь на речных переправах поднялись крымские крепости, возведенные Менгли Гераем за последние годы. Жерла турецких пушек, направленные с крепостных стен в степные дали, молчаливо предостерегали кочевников держаться подальше от Днепра и Перекопа.

Наткнувшись на этот заслон, Шейх-Ахмед попробовал решить затруднение переговорами — но не с самим крымским ханом (чей отказ заранее не вызывал сомнений), а с его «непосредственным начальством»: османами. Ордынский правитель обратился к сыну султана Баезида, Мехмеду, который в то время был наместником Кефе, прося у него позволения кочевать между Днепром и Днестром.

Мехмед, который глубоко уважал Менгли Герая и был женат на его дочери, пресек эту попытку распорядиться ханскими землями без участия хана. Он ответил Шейх-Ахмеду, что побережья Днепра принадлежат не османам, а суверенному государю Менгли Герая,

у которого и подобает просить позволения: «Если будешь другом и братом Менгли Гераю — то будешь другом и братом и мне, а пока что я не позволяю тебе кочевать к Днепру; и отец мой об этом знает». ¹¹³

Уразумев, что договориться с Мехмедом невозможно, Шейх-Ахмед обратился с той же просьбой к самому Баезиду II. Но и здесь его постигла неудача: рассердившись за пренебрежение к словам своего сына, султан холодно принял ордынского посла и твердо повторил отказ. ¹¹⁴

Конечно же, такой ответ не устроил Шейх-Ахмеда, ведь спор шел уже не о титулах и славе, а о насущном хлебе: Орда голодала, и новые кочевья были крайне необходимы ей. Однако мириться с Менгли Гераем правители Сарая упорно не желали и решили снова сразиться с ним. Последние походы показали, что попытки завоевать Крым с каждым разом становятся все более опасной затеей — но зато в случае удачи Намаганам достался бы цветущий богатый край, где не было ни черкесских разбойников, ни безводных песков.

Так днепровские берега стали ареной смертельной схватки двух держав: Орды, силившейся отвоевать прежние владения, и Крыма, защищавшего свою независимость.

Крымский правитель был хорошо осведомлен о планах противника: во-первых, у Менгли Герая были свои агенты в ордынской ставке, а во-вторых, осенью 1500 года в Крым переселился главный мулла Шейх-Ахмеда. Он предупредил Менгли Герая, что весной или летом следующего года Орда планирует ударить на Крымский Юрт.

С наступлением весны Менгли Герай созвал к себе всех первых лиц государства и бросил по стране клич собираться в поход. На защиту Крыма призывались все мужчины старше 15 лет, «А кто останется дома, — предупреждал ханский указ, — тот не слуга ни мне, ни моим сыновьям, ни беям; тот будет ограблен и казнен». ¹¹⁵ На сборы было отпущено две недели.

Миролюбивый султан Баезид в очередной раз попытался предотвратить кровопролитие между мусульманами. Он обещал предоставить Менгли Гераю всю необходимую военную помощь, но попросил вначале испробовать все пути к примирению. Впрочем, и сам Менгли Герай вовсе не жаждал крови: он рассчитывал, что при встрече с ним

ордынские подданные попросту бросят Шейх-Ахмеда и перейдут на сторону крымцев¹¹⁶ — ведь если крымский хан позволит подчинившимся ордынским пастухам кочевать в своих землях, то зачем им во-евать за Шейх-Ахмеда?

Наконец, к хану поступили точные сведения, что ордынская армия вышла на запад и уже приблизилась к Дону.

Эта кампания Орды мало походила на слаженную военную операцию. Шейх-Ахмед и без того пребывал в натянутых отношениях со своими младшими братьями, а новая война против Крыма лишь породила новые разногласия в семействе Намаганов. Сеид-Ахмед с самого начала не верил в успех кампании и старался отговорить от нее Шейх-Ахмеда, но тот и слышать не хотел об отмене похода,¹¹⁷ и Сеид-Ахмеду пришлось с неохотой последовать за братом. Разведав, что крымцы уже идут им навстречу, братья остановились у места впадения реки Сосны в Дон и построили здесь укрепление, готовясь отбить удар. Однако даже угроза близкой схватки с противником не удержала Намаганов от ссор между собой: когда два обнищавших кочевых лагеря Шейх-Ахмеда и Сеид-Ахмеда съехались у Дона и смешались между собой, Шейх-Ахмед выкрал из ставки брата двух самых богатых купцов (и наверняка ограбил их, потому что крайне нуждался в средствах). Сеид-Ахмед отправил к брату слугу, чтобы потребовать возмещения, но Шейх-Ахмед не пожелал выслушивать нотаций и без лишних слов убил посыльного. Возмущенный Сеид-Ахмед в гневе развернул свою армию и повел ее прочь, к Хаджи-Тархану.¹¹⁸

Казалось, что расчет Менгли Герая оправдывается: враги рассорились между собой и силы их ослабли. Но Шейх-Ахмед быстро восполнил потерю: он призвал на помощь Ногайскую Орду, которая хотя и не слишком приязненно относилась к сыновьям Ахмеда, все же приняла приглашение в надежде поживиться добычей в Крыму.¹¹⁹

Встретившись с ордынцами на реке Сосне, Менгли Герай сразу увидел, что силы неравны: даже после отхода Сеид-Ахмеда у противника оставалось на 5 тысяч воинов больше, чем у крымского хана. Вдобавок выяснилось, что крымское войско неважно подготовилось к кампании: съестные запасы быстро иссякли, люди стали голодать. Хану пришлось отступить в Крым. К нему уже шли на помощь русские — но оставаться на Дону хотя бы еще неделю Менгли Герай не

рискнул, потому что с востока к ордынцам спешили ногайцы, и если бы они успели прибыть сюда раньше русских, то крымцев ожидал бы разгром, а полуостров — разорение.¹²⁰

Шейх-Ахмед радовался удаче: хотя он и не пробился в Крым, зато пастбища от Дона до Днепра были теперь в его распоряжении. Здесь можно было провести осень и зиму, а на будущий год продолжить наступление. Ордынский правитель продвинулся еще далее на запад и пригласил литовского князя Александра (который в 1492 году сменил умершего Казимира) вместе выйти против крымского хана следующей весной.

Над Крымом нависла страшная угроза. Если раньше ордынская ставка располагалась где-то далеко на волжских просторах, то теперь она со всей своей армией обосновалась почти вплотную к воротам Крыма. Десятки тысяч нищих, голодных и отчаявшихся воинов в любой миг могли ринуться на полуостров с днепровских берегов.

Осенью, пока степи еще не укрылись снежным покровом, Менгли Герай приказал поджечь сухую траву вокруг тех мест, где стояла Орда — и на огромных степных пространствах запылали пожары, обрекая ордынский скот и лошадей на зимнюю бескормицу.¹²¹

Зима в этом году выдалась поистине лютая: на равнинах свирепствовали невиданные ранее морозы, губя людей и стада Шейх-Ахмеда. Ордынцы — и простолюдины, и знать — тайно покидали своего правителя и бежали в Крым, где хан, по обыкновению, охотно принимал их в свое подданство. Шейх-Ахмед терял сторонников одного за другим и поссорился со своим первым беем Таваккулом.¹²² Предводители ордынского войска не раз и не два являлись к хану с требованием прекратить губительное противостояние с Крымом и позаботиться о подданных, умиравших от мороза и голода.¹²³ Но Шейх-Ахмед оставался непреклонен — и в конце концов это обернулось для него личной драмой: собственная супруга хана, устав от бесконечных скитаний и тягот жизни в морозной степи, покинула мужа и в сопровождении немалого военного отряда направилась в Крым¹²⁴ (наверняка в этом ее решении не последнюю роль сыграл пример Нур-Султан).

Учтя грустный опыт предыдущего похода, Менгли Герай стал готовиться к следующему гораздо тщательнее: в этот раз права на ошибку у него не было. Дав на сборы вместо прежних двух недель целых два месяца, хан потребовал, чтобы армия была сполна снабжена всем необходимым, и приказал бойцам взять с собой по одной телеге и паре волов на каждых пять воинов, по два запасных коня на каждого всадника и запас продовольствия по меньшей мере на два месяца. Затем Менгли Герай лично отправился в Кефе к Мехмеду и вернулся от него с турецкими пушками и янычарами.¹²⁵

Менгли Герай был готов биться до конца: «Не может быть и мысли, чтобы не пойти или, выйдя, вернуться: я иду непременно. Если встретим своих недругов в какой-нибудь крепости и придется стоять под ней — я буду стоять все лето, но прочь не отступлю... В прошлом году мы просчитались: пришли на них без пушек; но теперь речь идет о том, что останется либо Шейх-Ахмед, либо мы, — как пожелает Аллах». ¹²⁶ Об этой решимости стало известно и в Орде. Шейх-Ахмед, похоже, уже и не знал, кого позвать на помощь: осознав обреченность Орды, литовский князь не прислал своих войск, ногайцы тоже предпочли сохранить нейтралитет, а московский правитель ответил точь-в-точь как турецкий султан: помирись вначале с Менгли Гераем — и тогда сможешь стать нашим другом.¹²⁷

Следуя своему обычаю, Баезид II вновь воззвал к примирению крымцев и ордынцев. Ради сохранения мира он был готов позволить Орде переправиться через Днепр и кочевать у Южного Буга. С этими предложениями он отправил посла в ордынскую ставку. Тот добрался до Днепра и стал разыскивать Шейх-Ахмеда — но ордынцы, встретив османского гостя, убили его и тем самым лишили себя всякой надежды на благосклонность Стамбула.¹²⁸

Сама природа дала Менгли Гераю шанс основательно подготовиться к великой битве. Хан планировал выступить в поле весной, и весенние месяцы уже наступили, но свирепая зима надолго укрыла крымские горы и степи снегами. Настоящая весенняя погода настала лишь к маю: «В эту пору у нас всегда уже жнут, а жаворонки выют гнезда, — писал Менгли Герай Ивану, — но теперь зима пришла необычная. Лишь когда Хаджи Герай-хан Орду взял, такая же была зима, а кроме нее я другой такой зимы не припомню». ¹²⁹

Менгли Герай недаром вспомнил знаменательный год своего двадцатилетия, 1465-й, когда его отец разбил на Дону ордынского хана Махмуда. Великая победа Хаджи Герая канула в историю бесследно: его скорая смерть, длительные ссоры между сыновьями-наследниками, перипетии османского завоевания и ордынских вторжений почти на сорок лет выбили из рук Гераев тот главный приз, что добыл в бою Хаджи Герай: обладание всеордынским престолом. И теперь Менгли Гераю, который в молодости сам немало поспособствовал междоусобным спорам, предстояло повторить отцовский подвиг и вернуть своему роду утраченную победу.

3 мая 1502 года Менгли Герай оседлал коня и повел крымцев на север — туда, где расположилась ставка Шейх-Ахмеда.

Орда, осенью насчитывавшая 60 тысяч воинов с сотней тысяч женщин и детей при них,¹³⁰ сильно поредела в эту страшную зиму из-за голода и бегства многих улусов в Крым и в Ногайскую Орду. На стороне Менгли Герая стояли Османская империя, Молдова, Московия с Касимовым и Казань. Бывшие союзники Сарая (Литва, Хаджи-Тархан и Ногайская Орда) отступили в сторону и не стали вмешиваться в заведомо проигрышное дело. Шейх-Ахмед остался встречать Менгли Герая в одиночестве.

Большое крымское войско стремительно продвигалось вдоль Днепра. По пути ему то и дело встречались толпы ордынских беженцев, бросивших своего хана и бегущих от него в Крым. Как выяснилось, Шейх-Ахмед спешно строит укрепление там, где река Сула впадает в Днепр, но отряд турецких пушкарей, наверное, лишь усмехнулся этой новости: в прежних походах им доводилось брать и не такие твердыни, как наспех слепленный из ила и веток земляной вал. Наконец, к середине июня крымцы подошли к ордынской ставке.¹³¹

Сохранилось немало сведений о том, как Менгли Герай подготавливал свой поход, однако само сражение не было подробно описано ни в одном из известных источников. Падение Великой Орды и переход венца Бату-хана к Гераям свершились вне поля зрения летописцев.

Существует лишь немногословная реляция Менгли Герая, составленная им 15 июня, когда все уже было завершено: «Слава Аллаху,

я прогнал нашего недруга Шейх-Ахмеда, а его орду и все улусы Аллах передал в наши руки».¹³²

Хотя точный ход сражения остается неизвестным, очевидно, события развернулись так, как и предвидел заранее Менгли Герай: ордынские воины отказались сражаться и предпочли покориться ему, потому что, прогнав Шейх-Ахмеда, Менгли Герай сразу повел его обессиленных подданных к Перекопу, к заветным нижнеднепровским лугам, чтобы несчастные могли, наконец, накормить свой отощавший скот.¹³³ Несомненно, для многих ордынцев победа Менгли Герая стала долгожданным освобождением от бесконечных лишений. Шейх-Ахмед сумел избежать плена и скрылся в степях, но лишился всего своего войска и подвластного народа: при нем осталось лишь около трех сотен человек.¹³⁴

Эту примерную дату (15 июня 1502 года) и приблизительную местность (место впадения Сулы в Днепр) следует знать и помнить, ибо в те дни на украинском пограничье свершилось одно из величайших событий в средневековой истории Европы: здесь, покоренная Крымом, пала Великая Орда.

ТРОН «ПОВЕЛИТЕЛЯ МИРА»

*Крым становится центром Великого Улуса —
Менгли Герай обновляет столицу государства — Строительство соборной мечети,
Зынджирлы-медресе, мавзолея Хаджи Герая и дворца Девлет-Сарай —
Новые титулы Менгли Герая*

(1498-1503)

Разгром Шейх-Ахмеда означал для Менгли Герая гораздо больше, чем удачная военная операция, и даже больше, чем окончательное избавление Крыма от ордынской угрозы. Это была грандиозная перемена в статусе самого Крымского государства. После победы над Намаганами Гераи обрели право считаться повелителями всей

Великой Орды и носить новый, более высокий титул хакана, то есть “хана над ханами” — титул, который изначально принадлежал одному-единственному лицу во всей Чингизидской империи: ее верховному повелителю. Собственно говоря, разгром Шейх-Ахмеда не означал ликвидации подвластной ему империи: Великой Ордой отныне стало именоваться государство Гераев, а престол Великого Улуса переместился с Волги в Крым.¹³⁵

Все это было для Менгли Герая не похищенным в бою военным трофеем, а наследственным достоянием собственной династии: он не раз повторял соседям, что вернул престол своего отца.¹³⁶ Готовясь к решающей схватке с Намаганами, Менгли Герай не только снаряжал войска и укреплял границы, но и заранее обустроивал в Крыму новую имперскую столицу, в которую и вернулся с триумфом с Днепра.

Города Бахчисарая, известного позже как столица Крымского ханства, в ту пору еще не существовало. Однако в долине, где в будущем встал знаменитый дворец, уже давно располагалось несколько селений, а на горном мысу, что воздымался над ней, с незапамятных времен стояла крепость, называвшаяся Кырк-Ер.¹³⁷ Когда-то Хаджи Герай переселился в эту местность из столицы предков, Кырыма, и перенес сюда свою резиденцию. Как показали последующие десятилетия, основатель Крымского ханства не ошибся в выборе: во время недавних ордынских вторжений город Кырым не раз подвергался опустошениям, тогда как горная твердыня Кырк-Ер, укрепленная самой природой, всегда оставалась неприступной для противника. В мирное же время правитель мог разместить свой двор в селениях низины: в Эски-Юрте, что лежал при выходе из долины, либо в Салачике, скрытом в ущельях ее верховий.¹³⁸

Салачик располагался в поразительно красивой местности: он как будто лежал на дне глубокого каменного котла, окруженный со всех сторон отвесными скалами и утопая в яблоневых садах и виноградниках.¹³⁹ Горы защищали его от пронизывающих зимних ветров, расщелины скал щедро источали родниковые струи, а по дну долины бежала чистая речушка Ашлама.¹⁴⁰ Золотоордынские владетели полуострова оценили эти живописные и безопасные места задолго до Хаджи Герая — говорили, что здесь стоял старый дворец с железными

воротами и с четырьмя башнями по углам, построенный якобы еще основателем Великого Улуса, Джучи-ханом.¹⁴¹ И хотя Джучи никогда не бывал в Крыму, вовсе не было исключено, что ордынские наместники Кырк-Ера уже издавна могли иметь тут свои резиденции. В этих местах и поселился Хаджи Герай, и его прах уже тридцать лет покоился в подземном склепе в Салачике.

Теперь, по замыслу Менгли Герая, в этой местности должна была встать новая столица Великого Улуса. В главном городе любого мусульманского государства можно было встретить традиционный набор сооружений, присущих исключительно столице: дворец правителя, главная мечеть при нем, медресе при этой мечети, усыпальница правящей династии и общественные постройки, сооруженные правителем для горожан — как, например, фонтаны и городские бани. Этой традиции решил последовать и Менгли Герай.

Конечно, с самого начала встал вопрос о немалых средствах, которых требовало подобное начинание. Не довольствуясь золотом собственной казны, Менгли Герай обратился за помощью к своим друзьям. Семнадцать лет назад, когда умер султан Мехмед II, его преемник Баезид послал Менгли Гераю торжественное извещение о своем восшествии на престол. К письму были приложены драгоценные реликвии в память о покойном султанине: халат и золотой перстень с алмазом, принадлежавшие некогда Мехмеду. Нуждаясь теперь в средствах для постройки новой столицы, Менгли Герай решился расстаться с этим подарком. Хан отправил перстень великого завоевателя в дар своему союзнику Ивану, добавив в письме: «Его тебе, брату моему, на руке носить подобает; как взглянешь на него — вспомнишь меня в сердце своем, и будут между нами братство и любовь».¹⁴² Само собой подразумевалось, что князь должен преподнести достойный ответный дар, и Менгли Герай подсказал ему, что уместным воздаянием станет присылка из Москвы 70 тысяч денег. (Речь шла именно об обмене дарами, ибо о продаже памятного перстня нельзя было и помыслить: это оскорбило бы Баезида). Хан не делал тайны из того, зачем ему потребовалась столь значительная сумма: «Я дал обет украсить дом Аллаха, средств в моих руках мало, жемчугов мало — что мне делать?».¹⁴³ Следует понимать, что речь здесь идет о ханской соборной мечети, со строительства которой Менгли Герай приступил к обновлению своей столицы.

В 1500 году, когда мечеть, очевидно, была закончена, неподалеку от нее было выстроено и ханское медресе, где предназначалось постигать премудрости духовных наук будущим муллам, судьям и законооведам. Крым в то время располагал сотнями тысяч отважных воинов¹⁴⁴ — но страна не менее нуждалась и в образованных государственных мужах, и потому хан считал строительство медресе чрезвычайно важным делом. По преданию, Менгли Герай собственноручно копал землю и клал камни на стройке, а когда работа была завершена, напутствовал подданных торжественной речью: «Разум делает человека совершеннейшим из всех созданий. А совершенствование разума — в знании. Кто не почитает знание, то будь он даже хан или падишах, не сможет создать ничего основательного, ничего долговременного, и рано или поздно не избежит позора. Я повесил цепь в этих дверях, чтобы каждый, кем бы он ни был, склонял свою голову при входе в этот священный храм наук в знак почтения к знанию», после чего сам с глубоким поклоном прошел под цепью в помещение.¹⁴⁵ По этой тяжелой раздвоенной цепи («зынджир»), повешенной над входом, столичное духовное училище и получило свое название — Зынджирлы-медресе.

В следующем году над склепом Хаджи Герая, что располагался рядом с медресе, Менгли Герай возвел великолепный мавзолей с богато украшенным порталом. Этим он не только увековечил память отца, но и обустроил фамильную усыпальницу для себя самого, своих родичей и потомков.¹⁴⁶ Когда в 1503 году в Касимове скончался Нур-Девлет, Менгли Герай пожелал похоронить брата на родине, и попросил Ивана, чтобы тот переправил к нему останки покойного. Через некоторое время в Крым переехала жить жена Нур-Девлета, привезшая в своем обозе его гроб.¹⁴⁷ Скорее всего, Менгли Герай поместил его именно в новом мавзолее.

Одновременно с постройкой мечети, медресе, мавзолея и городских бань у подножия Кырк-Ера возводилась (либо основательно перестраивалась) и новая резиденция правителя. Подобно древней ставке ханов Великого Улуса, она была названа «Сараем» — то есть, просто «Дворцом», а по примеру стамбульского Счастливого Порога («Девлет-и Алийе», как торжественно называли дворец султана) к имени

Сарая был добавлен торжественный эпитет “девлет” — “счастливый”. Прежде Менгли Герай подписывал свои ярлыки и письма в Кырк-Ере, а теперь под текстом ханских повелений указывалось новое название: «написано в Счастливом Сарае». ¹⁴⁸

Рассматривая затейливую конструкцию Зынджирлы-медресе и резное каменное кружево на портале мавзолея, легко заключить, что хан призвал к делу лучших архитекторов своего времени, и остается лишь догадываться, сколь прекрасна была построенная ими новая ханская резиденция. К сожалению, ныне от нее не осталось ни подробных описаний, ни каких-либо следов.

Никаких, кроме одного-единственного.

Если началом большого строительства в Салачике была ханская мечеть, то завершительным аккордом стал роскошный дворцовый портал, украсивший ханскую столицу неожиданной для Крыма стилистикой Ренессанса и появившийся тут благодаря чистой случайности. Необычная история его создания достойна того, чтобы изложить ее особо.

В 1499 году послы Ивана III наняли в итальянских городах нескольких мастеров для благоустройства московского Кремля. Одним из них был архитектор Алоизио Ламберти да Монтаньяна, ¹⁴⁹ который в сопровождении нескольких своих коллег и московских дипломатов отправился к новому месту работы. Путь из Венеции в Москву пролегал через Молдову. По несчастью, накануне этого путешествия Иван всерьез рассорился с молдавским князем Штефаном, и едва московское посольство с итальянскими мастерами вступило в молдавские земли, как попало под арест. Не сумев добиться освобождения своих людей, Иван позвал на помощь Менгли Герая, чтобы тот убедил Штефана отпустить пленников. Хану удалось выполнить его просьбу, и послы с мастерами под охраной крымского отряда прибыли на полуостров. Они были готовы двинуться далее на север — но тут возникли недоразумения уже между Менгли Гераем и Иваном, и путникам пришлось снова задержаться, на этот раз в Крыму. Пока хан и князь вели переговоры, Алоизио Ламберти да Монтаньяна построил в ханской столице тот изумительный портал Демир-Капы, что ныне стоит в Бахчисарайском Ханском дворце, а первоначально, судя по всему, украшал вход Девлет-Сарая в Салачике. ¹⁵⁰ Наконец, спор двух

правителей был улажен (примечательно, что в знак примирения Менгли Герай отправил московскому князю еще один перстень из своей коллекции: чудодейственный перстень из носорожьего рога, лизнув который, можно было не опасаться отравленной пищи¹⁵¹), и архитектор со своими спутниками благополучно добрался до Москвы, снабженный похвальным письмом Менгли Герая.¹⁵²

Так за несколько лет уютный поселок под скалами превратился в настоящий столичный город — небольшой, но весьма красивый и вполне достойный своего нового статуса. Стремясь подчеркнуть этот статус, Менгли Герай запечатлел свои новые титулы в каменной резьбе монументальных надписей. И если на закладной плите, вмурованной в стену Зынджирлы-медресе за два года до разгрома Намаганов, крымский правитель упоминался просто как «Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана», то надпись над фамильным мавзолеем, начертанная в год великой победы, называла его уже иначе:

*«Эту священную, покойную и красивую гробницу приказал соорудить великий хан, знаменитый хакан, повелитель мира, Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана».*¹⁵³

На портале Демир-Капы, среди пышного великолепия итальянских резных узоров, золотом горят буквы арабской надписи:

*«Этот величественный порог и эта возвышенная дверь построены по приказу государя двух материков и хакана двух морей, государя, сына государя, Менгли Герай-хана, сына государя Хаджи Герай-хана».*¹⁵⁴

“Великий хан”, “знаменитый хакан”, “повелитель мира”... Это не исхищрения красноречивых придворных стихописцев, а священные веками старинные титулы, принадлежавшие ранее верховным правителям Великого Улуса. Хакан — это повелитель не одного лишь Крыма, но и всех необъятных владений бывшей Золотой Орды, протянувшихся через Европу и Азию, Черноморье и Каспий; это «повелитель двух материков» — как и гласит высеченная в мягком известняке золотая вязь.¹⁵⁵

Так, в истории Крыма было славное время, когда райский уголок, укрывшийся среди отвесных скал, готовился стать столицей гигантской империи, некогда раскинувшей свои крылья от Дуная до Сибири. Повествование о том, как род Гераев стремился вновь собрать эти необозримые пространства воедино под собственным верховенством, и является главной темой моей книги.

ОДИНОКИЙ ПЛЕННИК

*Шейх-Ахмед пытается собрать силы для реванша —
Ногайская Орда признаёт верховенство Менгли Герая —
Бегство Шейх-Ахмеда в Киев и его арест —
Шейх-Ахмед в почетном плену в Литве*

(1502-1505)

«Слава Аллаху: отцовскую Орду в руки взял — и теперь в добром имени хожу»,¹⁵⁶ — говорил Менгли Герая и, пожалуй, ничуть не льстил себе в том, что касалось доброй славы его имени. За те годы, что он провел у власти, его имя и впрямь стало весьма почитаемым как в Крымском Юрте, так и далеко за его пределами. В сражениях на сторону Менгли Герая без единого выстрела переходили тысячные ордынские улусы, он без всякого принуждения сумел собрать вокруг себя могучий альянс союзников, его по доброй воле признала отцом Казань, османский падишах не кичился перед ним своим первенством и был готов выполнить любую просьбу крымского правителя, а сын падишаха, наместник Кефе, учтиво называл хана «дядею».¹⁵⁷ Ни одну из этих побед не возможно было бы одержать при помощи оружия, и доброе имя правителя здесь действительно значило гораздо больше.

У Менгли Герая, конечно, оставалось достаточно недоброжелателей: разгромленное семейство Намаганов, их родичи на престоле Хаджи-Тархана, гордые потомки Эдиге в Ногайской орде. Но даже и они не смогли бы оспорить, что в землях Великого Улуса в ту пору не было более уважаемого владыки, чем Менгли Герая. И если род Герая во главе со своим мудрым патриархом вступал в эпоху могущества и славы, то наследникам Ахмеда, растерявшим остатки былой мощи, предстояло вскоре окончательно покинуть сцену истории.

После того, как в 1502 году бесчисленные кибитки кочевого народа Орды бросили своего хана и потянулись на юг за Менгли Гераем, Шейх-Ахмед умчался от Днепра к Волге.

Нельзя не оценить упорства Шейх-Ахмеда, который даже в столь плачевной ситуации не сдался на милость судьбы, а тотчас взялся за подготовку реванша. Он по-прежнему рвался в бой с Менгли Гераем, и для этого ему требовалось одно: раздобыть где-нибудь войска и

снова бросить их на Крым. Отойдя к волжскому берегу, Шейх-Ахмед принялся за поиск союзников. Ими могли стать правитель Хаджи-Тарханского ханства Абд-уль-Керим (двоюродный брат Шейх-Ахмеда) и бей Ногайской Орды Ямгурчи. К ним свергнутый хан и обратил свой призыв.¹⁵⁸

Ногайцы кочевали где-то далеко за Волгой, и собрать их вместе было делом небыстрым, а хаджи-тарханский хан оказался союзником только на словах: благосклонно приняв кузена, он не оказал ему никакой действенной помощи. У Шейх-Ахмеда, которому не терпелось скорее приступить к делу, появился замысел сбросить равнодушного Абд-уль-Керима с трона и самому овладеть Хаджи-Тарханом: тогда у него появилось бы достаточно бойцов для заветного рывка на запад... Сознавая, что не может взять город самостоятельно, Шейх-Ахмед написал письмо Ивану III: хан обещал, что готов разорвать свой союз с Литвой и стать другом Московии — лишь бы русские помогли ему завоевать Хаджи-Тархан! Великий князь согласился помочь, но поставил условие, чтобы Шейх-Ахмед примирился с Менгли Гераем. Разумеется, сверженный хан был готов выполнить любые требования, лишь бы снова обрести власть.¹⁵⁹

Тем временем ногайский предводитель Ямгурчи обсуждал со своими мирзами предложение Шейх-Ахмеда. Крым научился отлично обороняться: стоит ли губить ногайских бойцов только ради того, чтобы Шейх-Ахмед вновь наслаждался ханскими почестями? Стоит ли идти в бой за хана, не имеющего ни двора, ни войска? Не пора ли потомкам великого Эдиге покинуть своих давних подопечных, Намаганов, уронивших венец Орды, и перейти на сторону Гераев, на чьей стороне стоят сила и удача? В итоге Шейх-Ахмед получил отказ, а к Менгли Гераю, напротив, отправилось письмо, в котором Ямгурчи признавал его своим верховным государем.¹⁶⁰

Это стало очередной большой победой крымского хана — одержанной, снова-таки, без сражений. Ногайская Орда обладала немалой силой и, при желании, могла бы оказать весомую помощь Сараю. Письмо Ямгурчи-мирзы воодушевляло Менгли Герая не только дружеским тоном, но и тем, что теперь его старшинство признало еще одно государство на просторах Великого Улуса: Ногайская Орда. Ста-

ринный титул хакана, правителя над правителями, обретал реальное наполнение.

Ногайские беи и их подданные принадлежали к многочисленному роду Мангытов, пустившему ветви во многих уголках Великого Улуса: в степной части Крыма, в Хаджи-Тархане, и, конечно, в Сарае, где мангытские беи издавна служили первыми вельможами при ордынском дворе. Мангытом был и главный бей Шейх-Ахмеда — Таваккул, сын Темира. По сути, именно он, а не хан, являлся главным командиром ордынского войска, и не исключено, что его ссора с Шейх-Ахмедом весной 1502 года как раз и стала причиной тому, что ордынцы без боя покинули хана. Таваккул тогда тоже оставил Шейх-Ахмеда и вскоре прибыл в Крым, где жила его родная сестра Нур-Султан. Здесь он встретился с Менгли Гераем и присягнул ему. Крымский правитель был чрезвычайно обрадован прибытием столь могущественного гостя: ведь вслед за мангытским беем на крымские и приднепровские равнины потянулись из степей тысячи его единоплеменников, оседая здесь и приращивая силу крымского войска. Менгли Герая поставил Таваккула во главе всех крымских Мангытов и сделал его одним из своих первых приближенных, что, конечно, скоро стало известно и в Ногайской Орде.¹⁶¹

Впрочем, полного единогласия на курултае ногайской знати достичь не удалось. Некоторые мирзы, жаждавшие военной добычи, не подчинились слову Ямгурчи и решили все-таки идти с Шейх-Ахмедом. Они собрали свои отряды и летом 1503 года прибыли к кочевому стану ордынского хана. Шейх-Ахмед был, по-видимому, так рад прибытию союзников, которых уже и не чаял увидеть, что не стал дожидаться помощи из Москвы и вместе с подоспевшими ногайцами атаковал Хаджи-Тархан. Взять город ему не удалось: Абд-уль-Керим выдержал удар, и нападавшим пришлось отступить.¹⁶²

Тогда, оставив Хаджи-Тархан в покое, Шейх-Ахмед повел ногайских мирз в сторону Крыма. Ямгурчи был возмущен непослушанием своих подданных. Он предупредил Менгли Герая об их наступлении и заявил, что считает врагов крымского хана своими собственными врагами.

Продвигаясь все дальше на запад, союзники Шейх-Ахмеда начали осознавать всю рискованность своей затеи: им поочередно пришли

предупреждения от крымского и казанского правителей, а главное — от Ямгурчи, который мог легко наказать ослушников, конфисковав весь оставшийся у них дома скот и имущество. Подумав, мирзы решили не рисковать и развернулись в обратный путь. Шейх-Ахмед следовал за ними вспять до самой Волги, уговаривая мирз не бояться и продолжать поход, но ногайцы не прислушались к его словам и разошлись по своим улусам.¹⁶³

На этот раз Шейх-Ахмеду уже нельзя было долго оставаться в Поволжье: он опять лишился войска, и Абд-уль-Керим мог легко отомстить ему за попытку штурмовать Хаджи-Тархан. Несчастливому хану снова пришлось бежать: на этот раз он задумал укрыться у османского султана. В сопровождении своих братьев и трехсот слуг он поскакал от Волги к устью Днестра, где находилось ближайшее турецкое владение, крепость Ак-Керман. Но выяснилось, что об убежище в Турции не может быть и речи. Ак-керманский паша передал Шейх-Ахмеду и его братьям гневные слова Баезида II: «Каким путем вы пришли к нам — тем же путем возвращайтесь: мы вас не знаем; наш друг и брат — Менгли Герай-хан, а мы друзья ему. Кто Менгли Герай-хану недруг — тому и мы недруги, и пути в наше государство вам нет».¹⁶⁴ Турки намерились не только отогнать, но и арестовать Намаганов — и беглецам пришлось поскорее удалиться от Ак-Кермана вместе с остатками своего отряда, который теперь сократился всего до полусотни.¹⁶⁵

Положение Шейх-Ахмеда стало бедственным: теперь ему, будто беглому разбойнику, приходилось скрываться везде и ото всех. Наступившую зиму Шейх-Ахмед и его спутники провели в приднепровских лесостепях, но там их нашли сыновья Менгли Герая, и лишь зимние метели с глубокими снегами позволили Намаганам ускользнуть от погони.¹⁶⁶

Не имея иного выбора, Шейх-Ахмед решил податься в Великое княжество Литовское и прибыл в Киев.

Можно лишь посочувствовать беглому хану, чьи надежды рушились одна за другой. Не оправдалась и надежда на Литву: вместо помощи и поддержки он нашел здесь плен. Киевский градоначальник припомнил Шейх-Ахмеду, что зимою тот грабил украинские пограничья, и взял его под стражу. Для большей надежности пленник был

переправлен в крепость Вильно, а его братья разосланы по другим городам Великого княжества. Так Шейх-Ахмед почти в точности повторил путь Сеид-Ахмеда I: поражение в борьбе с Крымом, бегство в Киев и плен в Литве!¹⁶⁷

Король Александр не стал обращаться со столь знатным пленником как с простым арестантом. Он пригласил хана в Брест, где сам пребывал в то время. В знак почтения к царственному гостю Александр вышел встречать Шейх-Ахмеда за милю от города и усадил рядом с собой в богатом шатре во время торжественного приема литовской и татарской знати.¹⁶⁸ Проживая в Литве, Шейх-Ахмед ни в чем не знал нужды, польские государственные мужи спрашивали у него совета по вопросам восточной политики и даже обнадеживали перспективой возвращения на трон — и все же, при всех внешних почестях, плен оставался пленом, и гость короля не мог сделать и шагу без позволения своих стражей. Энергичный и деятельный Шейх-Ахмед, привыкший к степному раздолью и никогда не знавший над собой начальников, был недоволен такой жизнью, о чем прямо заявлял королю.¹⁶⁹

Александр немедленно сообщил Менгли Гераю, что за гость оказался в его стране. Король намекнул, что в любой момент может освободить Шейх-Ахмеда и послать его в поход на Крым: все зависит от поведения крымского соседа.¹⁷⁰ Но Менгли Герай не боялся Шейх-Ахмеда: двухлетние скитания бывшего ордынского правителя доказали, что тот неспособен собрать достаточно войска для войны с Крымом. Сам Александр тоже понимал это и, убедившись в невозмутимости крымского хана, утратил интерес к пленнику, чье имя больше не сулило политических выгод.

Отставного хана поселили в Тракае — неприступном литовском замке, что стоит на озере и с трех сторон окружен водой. Мечтая вернуться к борьбе и не вынося бездеятельности, Шейх-Ахмед пытался бежать оттуда — но был пойман и водворен на прежнее место. Медленно потекли бессчетные дни в тракайской ссылке. Редким развлечением для хана стали встречи с заезжими дипломатами, охотно заезжавшими в Тракай, чтобы отобедать за одним столом с необычайной личностью — последним ханом знаменитой «Заволжской Тартарии», «Азиатской Сарматии», что когда-то грозила Европе из восточных

далее. Иногда ему доводилось повидаться и с давними товарищами — ногайскими мирзами, что приезжали к королю с просьбой освободить Шейх-Ахмеда и неизменно получали отказ.¹⁷¹

Юрт сарайских Намаганов, разгромивший когда-то самого Тохтамыша, растаял на глазах у современников за каких-то три года. Многотысячная армия, выступившая в 1501 году к Днепру, в одночасье превратилась в небольшой отряд, который затем тоже стремительно сократился: вначале до кучки измученных странников под стенами Киева, а теперь и до одинокого пленника в богатых хоромах среди озерных туманов чужого края.

Волжская Орда ушла в небытие, но ее поверженный правитель все еще ждал, что рано или поздно настанет его счастливый час. Оснований к таким ожиданиям не оставалось практически никаких, но, как известно, последнее, что умирает — это надежда.

«ДВЕ БАРАНЬИ ГОЛОВЫ В ОДИН КОТЕЛ НЕ ЛЕЗУТ»

*Отношения Менгли Герая и Баезида II с сыновьями —
Османские принцы на посту наместников Кефе —
Селим восстает против султана и просит помощи у Менгли Герая —
Конфликт Селима и Мехмеда Герая —
Селим I становится султаном*

(1507-1512)

Проследив за бесславным падением главного противника Менгли Герая, дома Намаганов, обратимся теперь к отношениям крымского хана с его главными союзниками, Османами.

Крымский и турецкий правители были почти ровесниками (хан был на два года старше) и оба уже разменивали седьмой десяток. Однако провести старость каждому из них было суждено по-разному.

Менгли Герай являлся почтенным патриархом многочисленного семейства, украшением которого были его сыновья — Мехмед, Ахмед,

Махмуд, Фетх, Бурнаш, Мубарек, Саадет и Сахиб. Младший из восьми братьев, малыш Сахиб, едва вышел из младенческого возраста, а старший, Мехмед, был уже сорока лет от роду — но для всех них авторитет Менгли Герая был абсолютно непререкаем. Никто из ханских сыновей не смел помыслить о том, чтобы перечить отцу либо ссориться у него на глазах с братьями. После недавней кончины калги Ямгурчи, последнего брата Менгли Герая, титул главного наследника по обычаю перешел к Мехмеду Гераю, и вопроса о том, кто будет преемником престола, в Крыму не стояло.¹⁷²

Совершенно в ином положении оказался владетель султанского дворца по другую сторону Черного моря. Старому и тяжело больному Баезиду II не посчастливилось насладиться спокойною старостью в окружении почтительного потомства. Султан тоже желал завещать трон старшему сыну, Ахмеду, но отцовское мнение ничего не значило для остальных его детей, каждый из которых считал себя более достойным кандидатом и готовился сразиться с братьями за власть, едва отец отойдет в мир иной. Наиболее энергичный и нетерпеливый из султанских сыновей, Селим, считал, что дожидаться кончины Баезида — пустая трата времени, и что беспрестанно хворающему старцу пора бы отправиться в отставку уже теперь.

По традиции, султаны назначали своих взрослых сыновей наместниками османских провинций, чтобы те на практике постигали искусство управления государством. Каждому из детей Баезида была назначена своя область. Поскольку среди провинций Османской империи числился и город Кефе с прилегающими землями Южного Крыма, то и там тоже появился наместник из султанского дома: шахзаде Мехмед, один из младших сыновей Баезида.¹⁷³

Это назначение поначалу обеспокоило Менгли Герая. До сих пор наместниками в Кефе назначались не султанские сыновья, а офицеры-паши, и Менгли Герай имел влияние на подбор их кандидатур. За кого-то из них он мог замолвить слово перед султаном, а кого-то лишить поста своей жалобой в Стамбул, и потому паши стремились заслужить симпатии хана.¹⁷⁴ Но теперь хозяином Южного Крыма стал наследник османского престола, который никак не зависел от благорасположения крымского правителя. Менгли Герай выражал свои опасения вслух: «Сейчас он молод и слушается наших слов, но когда

подрастет — то лишь Аллаху известно, как он поведет себя с нами. У нас среди старых людей есть пословица: “две бараньи головы в один котел не лезут”. И если он нас не слушает, а мы — его, то быть между нами беде, чего мы и остерегаемся». ¹⁷⁵

Пока что Мехмед-шахзаде не подавал никаких поводов для тревог и во всем слушался своего «дядю», как называл он Менгли Герая. Султанский сын породнился с крымским правителем, женившись на его дочери Айше, ¹⁷⁶ и стал надежным помощником Крыма в борьбе с Ордой — достаточно вспомнить и его суровый ответ на письмо Шейх-Ахмеда, и отправку артиллерии на помощь Менгли Гераю.

Тем временем три других сына Баезида II правили в своих провинциях: Ахмед в Амасьи, Коркуд в Сарухане, а Селим в Трабзоне. Всем им было строго запрещено покидать место службы без позволения султана. Селим очень беспокоился, что престарелый падишах передаст трон своему любимцу Ахмеду, и страстно желал переселиться из далекого Трабзона поближе к столице, чтобы в момент смерти отца первым оказаться у опустевшего трона. Он просил Баезида дать ему в управление какую-нибудь провинцию в европейской части Турции, но султан, понимая умысел сына, отвечал ему отказом. ¹⁷⁷

Вскоре 23-летний Мехмед умер в Кефе, и новым наместником турецких владений в Крыму был назначен другой высокородный юноша — Сулейман, сын Селима. Селим сразу сообразил, как обратить это себе на пользу: под предлогом встречи с сыном он покинул Трабзон и отплыл к Кефе, переправив туда же и свой военный отряд. ¹⁷⁸ Появившись в Крыму, турецкий гость с подчеркнутым уважением отнесся к Менгли Гераю и называл его даже не «дядею», как Мехмед, а «отцом»! ¹⁷⁹ Селим стремился стать как можно ближе к хану и войти в круг его родственников. Вначале он предложил Менгли Гераю поженить Сулеймана и овдовевшую Айше, но затем (желая, видимо, завязать еще более тесные родственные узы) сам взял ее в жены. ¹⁸⁰ Причины такой приязни Селима к Менгли Гераю очевидны: султанский сын нуждался в поддержке крымского хана, чтобы осуществить свой давний замысел и добыть османский трон.

Баезид забеспокоился, приказал непокорному сыну немедленно возвращаться в Трабзон и призвал Менгли Герая на помощь как по-

средника. Хан передал в Стамбул ответ Селима: «Если бы даже каждый камень в Трабзоне был драгоценным, я не соглашусь вернуться на этот пост».¹⁸¹

Повидавшись с сыном и набрав в Крыму вооруженных добровольцев, Селим продолжил свой путь — снова движимый, по его словам, родственными чувствами: теперь он направлялся в Стамбул «поцеловать руку отцу, которого не видел двадцать шесть лет».¹⁸² Путь его лежал от Крыма к Дунаю и далее вдоль западного берега Черного моря — так ему было легче подступить к Стамбулу, нежели двигаясь от Трабзона. Баезид выставил на пути сына военные отряды, однако янычары, обожавшие Селима за смелость и мечтавшие видеть его своим правителем, без помех пропустили мятежника на юг. Вскоре его отряды приблизились к столице — но сражение с султанскими войсками оказалось неудачным. Селим отступил к Варне и оттуда на корабле вернулся в Кефе, чтобы основательнее подготовиться к повторному броску.¹⁸³ Селим не достиг своей цели, но его демарш показал всей Турции, что этот кандидат на престол не остановится ни перед чем на пути к власти.

Снова высадившись на крымском берегу, Селим приказал кефинским корабелям срочно строить на верфях военные суда, а сам отправился собирать по Крыму армию для будущего похода. Здесь нельзя было обойтись без помощи Менгли Герая.

Султанский сын прибыл в ханскую столицу и был принят там с большим почетом. Когда приветствия и церемонии закончились, тесть с зятем уселись обсудить дела, и Селим попросил у хана десять-пятнадцать тысяч крымскотатарского войска для наступления на Стамбул будущей весной. Просьба заставила Менгли Герая крепко задуматься: ведь Селим приглашал хана к мятежу против законного султана, который, к тому же, всегда хорошо относился к своему крымскому соседу.

Задача еще более осложнилась, когда во время встречи с Селимом Менгли Гераю принесли письмо от Ахмеда. Тот писал: «Брат мой Селим нашел у вас прибежище. Его цель — пробраться в пределы румелийские,¹⁸⁴ но если вы ему не поможете, ему это не удастся. Вот наш скромный подарок его величеству хану, состоящий в высочайшей

грамоте, по которой все находящиеся в Кефинской области владения с девятью славными и известными крепостями пусть будут ваши, только не пропускайте, пожалуйста, в ту сторону моего брата». ¹⁸⁵

У любого правителя могло бы захватить дух от предложенных условий — ведь в обмен на помощь хана Ахмед соглашался отдать ему все турецкие владения на Крымском полуострове и Азовском море с их девятью крепостями: Кефе, Балаклавой, Ин-Керманом, Мангупом, Судаком, Керчью, Таманью, Темрюком и Азаком! Приняв предложение Ахмеда, Менгли Герай мог стать хозяином всего Крыма, с 1475 года разделенного по горной гряде на две части, ханскую и османскую.

Хану стоило шевельнуть пальцем — и Селим, связанный, отправился бы в Турцию, на верную казнь к отцу или к братьям. Однако Селим был гостем (и, более того, зятем), а в Крыму в те времена еще не привился дурной обычай султанского двора предательски губить родичей. Но и это было не главным. Менгли Герай, конечно, знал о том, что большая часть османских войск настроена против Ахмеда и, стало быть, тот вовсе не обязательно станет падишахом и сможет выполнить свое обещание. Не было сомнений, что дни дряхлого Баезида сочтены, а у Селима наибольшие шансы стать его преемником. И если крымцы помогут будущему султану уже сейчас, то он будет обязан им до конца своих дней, а иметь на османском престоле вечного должника — фактически, своего ставленника — было бы очень выгодно для Крымского Юрта.

Поэтому Менгли Герай отложил письмо Ахмеда в сторону.

Когда об этом послании узнал калга Мехмед Герай, он стал горячо убеждать отца немедленно выполнить просьбу Ахмеда, ведь тот предлагает столь ценный дар! Но Менгли Герай возразил: «Сын, если твою цель составляют крепости и владения, то тебе и Селим в них не откажет: проси у него».

Вскоре после этого хан устроил пир в честь своего гостя, собрав множество приглашенных. Ночью, в разгар празднества, Мехмед Герай встал с чашей в руках и обратился к султанскому сыну:

— Селим-султан, отцу твоему недолго осталось жить, и тебе скоро придется сесть на престол. Если я в ту пору у тебя попрошу кое-что, то ты исполни!

— Чего же ты желаешь? — спросил Селим.

— Отдай нам во владение находящиеся в Кефинской области крепости и пристани, и мы их заберем во дни твоего благополучия.

Многоголосье пира, навряд ли, мгновенно стихло и все присутствующие прислушались в ожидании, что ответит турецкий гость.

— Падишахи берут земли, но никому не отдают, — наконец произнес Селим. — Проси сколько хочешь золота, серебра — только земель у меня не проси: земля ценнее всего на свете.¹⁸⁶

С этими словами гость оставил пирующих и удалился в свой шатер. Ответ был исключительно смелым, ведь сила была на стороне Мехмеда Герая, и отказывать калге, хозяину положения, было крайне рискованно.

Мехмед Герай возмутился:

— Вот, посмотри-ка, — обратился он к Менгли Герая, — что говорит этот шут! Султан Ахмед с расстояния в два месяца пути жалуется на области, крепости, шлет грамоты на владение ими, а этот, сам будучи у нас в руках, в нашем кулаке, — слышал ли ты, какие речи говорит? Этот скверный шут не то, что не даст нам владений, но, если станет падишахом, еще и наши заберет! Я не упущу случая и захвачу его.

Не обращая внимания на уговоры хана, негодующий калга (который, наконец, осмелился поспорить с отцом) встал и тоже покинул пир, чтобы собрать военный отряд и поступить согласно своему намерению.

Видя непреклонную решимость Мехмеда, Менгли Герай срочно призвал своего любимого сына — 20-летнего Саадета Герая, который, по всеобщему признанию, блистал среди братьев особой одаренностью и острым умом. Юный красавец, «милый, как глазной хрусталик»,¹⁸⁷ по мнению отца, более всего годился, чтобы стать глазами и голосом Крыма при дворе будущего падишаха. Хан дал ему военный отряд и приказал как можно скорее увести Селима с полуострова. Не мешкая, ханский сын и османский наследник тотчас пустились в путь и ушли за Перекоп к Днепру. Когда Мехмед Герай вернулся с войском, чтобы схватить надменного гостя, того уже давно не было на месте.¹⁸⁸

Поход Селима против собственного отца увенчался победой. Подступив с крымским отрядом Саадета Герая и прочими своими сторон-

никами к стенам Стамбула, он начал переговоры с султаном, и Баязиду II пришлось признать Селима первым наследником престола. Стамбульские янычары ликовали, когда их кумир вступал в османскую столицу. Убедившись, что сила на его стороне, Селим выдвинул к отцу новые требования и заставил его отречься от престола.

Собрав из дворца все свое имущество, старый султан отправился на пожизненный пенсион в дальнее имение. Через тринадцать дней, еще не добравшись до места назначения, старик скончался. Поговаривали, что Селим I приказал отравить отца, дабы не тратиться на его содержание¹⁸⁹ — ведь отставному султану была обещана огромная пенсия в 200 тысяч аспров ежегодно.

Едва заняв престол, Селим I отправил войско на восток, чтобы расправиться со своим главным соперником, Ахмедом. Задача была поручена Саадету Гераю и Герсек-заде Ахмед-паше, которые безупречно выполнили султанский приказ, настигнув Ахмеда и покончив с ним.¹⁹⁰

Так началось правление Селима I — одного из наиболее знаменитых османских султанов, вошедшего в историю как Селим Явуз (Грозный). Крыму довелось сыграть выдающуюся роль на его пути к вершинам власти, и Селим, помня об услугах крымских союзников, ввел Саадета Герая в число своих наиболее доверенных лиц, женил его на своей дочери¹⁹¹ и, как прежде, с большим почтением относился к Менгли Гераю.

Расчет хана на дружбу благодарного султана, на первый взгляд, оправдался. Но приближался час, когда крымский престол должен был перейти к Мехмеду Гераю, к которому грозный султан питал куда менее дружеские чувства.

УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ

*Итоги правления Менгли Герая — Ногайская Орда нападает на Крым —
 Поход Мехмеда Герая на Волгу — Распад союза Крыма и Московии —
 События в Казанском ханстве — Смерть Менгли Герая*

(1507 – 1515)

Шло время — и правители, вершившие судьбами Восточной Европы в предыдущие десятилетия, один за другим сходили с подмостков истории. К середине 1510-х годов в мир иной отошло уже большинство прежних политических партнеров Менгли Герая: польские короли Казимир IV и Александр I, московский великий князь Иван III, ногайский бей Ямгурчи, молдавский князь Штефан, османский султан Баезид II. Разве что Шейх-Ахмед еще длил свое существование в литовском плену, но и его уже давно можно было списать со счетов. Менгли Герай оставался последним представителем своего поколения правителей; на смену старикам шли энергичные наследники.

Какой итог мог подвести Менгли Герай своему долгому правлению?

С одной стороны, хан добился немислимого успеха: он превратил Крым в великую державу, которая теперь сама претендовала быть покровительницей соседних стран и народов. Он навсегда избавил Крымский Юрт от угрозы со стороны Великой Орды, сам ставши ее повелителем. Он переселил в крымские владения многие тысячи ордынских Мангытов, прибавив их силу к прежним «четырем столпам» своего Юрта — крымским кланам Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак.¹⁹²

«Я буду как великий хан Тохтамыш, а ты как его главный бей» — провозглашал Менгли Герай, возводя своих аристократов в бейское звание.¹⁹³ Но до того, чтобы действительно стать новым Тохтамышем, объединителем Великого Улуса, хану предстояло пройти еще очень неблизкий путь. Волжская Орда рухнула, но род Намаганов не пресекся на Шейх-Ахмеде. Ветвь этого семейства процветала на престоле Хаджи-Тархана и, в противовес Гераям, считала свой юрт прямым преемником Великой Орды.¹⁹⁴ Эти претензии мало заботили бы крымского правителя — в конце концов, где-то по степям до сих пор скиталось несколько уцелевших братьев Шейх-Ахмеда, тоже мнивших себя повелителями империи, да и силами Хаджи-Тархан

обладал весьма незначительными. Однако в спор вмешалась могучая Ногайская Орда — и Крыму, как в прежние времена, вновь пришлось с тревогой взглядываться в восточные горизонты.

Ногайцы ревностно защищали независимость своей орды и не желали видеть над собой ни Намаганов, ни Гераев. В 1503 году бей Ямгурчи признал было Менгли Герая своим господином — но правление этого бея было недолгим, а его преемники решительно отвергли верховенство Крыма. Более того, они задумали разгромить крымского хана, чтобы тот не смел считать ногайцев своими подданными.

В 1507 году, когда крымская армия ушла в поход на Литву, ногайская конница попыталась ворваться на полуостров. Наперерез ей успел выступить калга Мехмед Герай. На пути у него случилась неприятность: Мехмед упал с лошади и сильно расшибся, но, к счастью, это не помешало его войску перекрыть дорогу в Крым и отбросить ногайских мирз прочь от ханских владений.¹⁹⁵

Неудача не смутила ногайского вождя Агиш-бея. Поднакопив сил, через два года он снова решил отправиться к крымским пограничьям, и на этот раз к нему присоединился хаджи-тарханский хан Абд-уль-Керим.

Новости о недобрых намерениях соседей сильно встревожили Менгли Герая. Получалось, что победа 1502 года не принесла Крыму желанной безопасности: над страной по-прежнему нависала угроза с востока — только теперь вместо Шейх-Ахмеда с его Мангытами жителям Крыма следовало опасаться Абд-уль-Керима с союзными ему ногайцами.

Попытку возрождения волжской Орды следовало пресечь на корню, и потому Менгли Герай поднял в бой всю военную силу, какую только смог собрать в своем государстве. Когда переписчики закончили подсчет войска, получилась гигантская цифра в 250 тысяч воинов!¹⁹⁶ Такой колоссальной армии Крым никогда еще не собирал. В значительной части она состояла не из старожил-крымцев, а из ордынцев, совсем недавно поселившихся в Крыму — стало быть, Менгли Герай не зря в последние годы потратил столько усилий, чтобы собрать под свою руку бродячие ордынские улусы.

Над всей этой несметною ратью встал Мехмед Герай, который летом 1509 года повел воинов на восток, к Волге. Калга подрос как раз

в тот момент, когда ногайцы перебирались через реку: половина их уже переправилась на западный берег, а прочие всё еще оставались в заволжской степи. Мехмед Герай без труда разгромил неприятельское войско, пополам разрезанное широкой рекой. Множество ногайских воинов попало в плен, и когда Мехмед Герай привел их в Крым, то шествие пленных через Перекоп продолжалось более 20 дней.¹⁹⁷

Угроза миновала, и было очевидно, что ногайский бей теперь не скоро отважится вновь напасть на Крым. Но не менее очевидным стало и то, что спор с юртом Намаганов далек от завершения и еще принесет Гераям немало хлопот в будущем — тем более, что за спиной Абд-уль-Керима, помимо ногайцев, начал вырисовываться и другой сильный союзник.

Готовя волжский поход, Менгли Герай попросил нового правителя Московии, Василия III, чтобы тот отправил вниз по Волге к Хаджи-Тархану несколько судов с пушками. Такую помощь предусматривал договор, по которому Крым и Москва обязывались вместе бороться с Намаганами — «Ахматовыми и Махмутовыми детьми».¹⁹⁸ Но вместо ожидаемого подкрепления хан получил уклончивый отказ: князь просил не гневаться и оправдывался, что из-за войны с Литвой не может заняться постройкой и снаряжением кораблей.¹⁹⁹

На самом деле причины отказа заключались вовсе не в литовской войне.

Менгли Герай делал явные успехи на международном поприще, и пышная фраза его титула «великий хан Великой Орды» с каждым годом все больше соответствовала реальному положению дел: Крым стал сильнейшим из всех государств, возникших на осколках бывшей империи. В Москве появились опасения, что Великий Улус, возродившись под венцом Гераев, вернет и прежние отношения со своими московскими данниками, чего князья, разумеется, не желали. Поэтому между Москвою, Хаджи-Тарханом и ставкой ногайских беев все чаще стали курсировать неприметные в степных пустошах гонцы. Московские придворные писари составляли послания мастерски — так, чтобы ни один крымский шпион, случайно прочтя грамоту, не смог доказать, что князь призывает ногайцев неустанно громить Крым. Зато мирзы выражались в ответ прямо и были готовы воевать

вместе с Василием против Крыма — «лишь дай нам знать, хотя бы птичьим свистом».²⁰⁰ Просьбы князя подкреплялись подарками и не оставались без ответа: так, первая ногайская атака на Крым 1507 года была устроена с прямого одобрения Москвы.²⁰¹

Впрочем, дружба Крыма с Московией дала первую трещину еще ранее того: яблоком раздора между бывшими союзниками стала Казань.

Пока Мухаммед-Эмин, храня хорошие отношения и с Москвой, и с Крымом, правил Казанским юртом, при дворе Менгли Герая подрастал его младший брат — Абд-уль-Лятиф. Когда тот вышел из детского возраста, Иван упросил Менгли Герая и Нур-Султан прислать юношу в Москву, что и было сделано. В 1497 году великий князь возвел его на казанский престол, но скоро раскаялся в этом, потому что Абд-уль-Лятиф, в отличие от старшего брата, сбросил всякую зависимость Казани от Московии. Неудивительно, что Иван сместил его с трона и возвратил в Казань верного себе Мухаммед-Эмина.

Менгли Герай не одобрял устремлений Абд-уль-Лятифа, чья вражда с Москвой была лишь на руку Орде. Хан не стал возражать против его отставки, но был всерьез оскорблен тем, что князь отправил его названного сына в унижительную ссылку. Так не подобало поступать с членами семьи своего главного союзника. Менгли Герай даже угрожал Москве расторжением союза и после длительных переговоров добился того, что провинившийся был освобожден из-под ареста и поселен при княжеском дворе.²⁰² И Менгли Герай, и Нур-Султан много раз просили Василия вернуть Абд-уль-Лятифа в Крым, а князь столь же упорно отказывал.

Но и Мухаммед-Эмин, вернувшись в Казань, не оправдал надежд своего московского благодетеля. Видя, как русские поступили с его братом, и желая избавиться от тяготившей его зависимости, он отказался подчиняться Москве, а когда Иван умер, Мухаммед-Эмин заявил, что не приносил присяги верности Василию III и не связан перед ним никакими обязательствами.²⁰³ Тогда новый князь отправил на Казань войска. В 1505-1507 годах татарская армия отбила несколько русских наступлений, а Мухаммед-Эмин разослал послов в Крым и Польшу с призывами о помощи.²⁰⁴

Это стало концом крымско-московского союза.

Тот общий интерес, что объединял Крым и Москву в борьбе с Сараем, исчез после победы Менгли Герая над ордынским ханом. Еще в марте 1502 года, за считанные месяцы до разгрома Орды крымцами, московский князь опасался вставшего близ его границ Шейх-Ахмеда и даже впервые за многие годы выплатил ему дань.²⁰⁵ Теперь же Москве было некого и нечего бояться.

Видя, как поворачивается ситуация, Менгли Герай решил восстановить союз с прежним другом Крыма и давним соперником Московии — Польско-Литовской державой. Король Зигмунт I был рад, что Крым снова готов стать союзником его государства. Но он не мог оказать действенной помощи ни Крыму, ни тем более Казани, поскольку и сам едва справлялся с московским наступлением на восточные окраины Великого княжества Литовского — даже несмотря на военную поддержку, которую ему оказывали ханские сыновья.

Таков был узел противоречий, распутывать который предстояло уже наследнику Менгли Герая, Мехмеду. Крым поднялся на невиданную ранее высоту и значительно увеличил свою силу — но получил взамен одного противника на востоке сразу трех неприятелей с востока и севера: Абд-уль-Керима, Агиш-бея и Василия. С точки зрения крымского престола все трое были удельными правителями провинций Великого Улуса,²⁰⁶ и тот, кто принял на себя сан хакана, был просто обязан оправдать свой титул, склонив соседей если не к покорности, то к миру.

Менгли Герай провел на крымском престоле почти полвека — 43 года. На его глазах Крым сильно изменился: с южных побережий навсегда исчезли друзья-генуэзцы,²⁰⁷ лесной край готских князей стал турецкой провинцией, а равнины севера наполнились многолюдьем степняков-новопоселенцев. Хан помнил свою страну в разные эпохи и в разных обличьях; он и сам менялся вместе с ней: юный принц, растолкавший братьев на пути к трону; тридцатитрехлетний пленник стамбульского двора, чудом вернувшийся на родину; семидесятилетний патриарх, обладатель престола покоренной им империи...

17 апреля 1515 года великий хан Великой Орды Менгли Герай отошел туда, где ничего не значат самые высокие титулы, но где много

стоит обретенное при жизни доброе имя. На следующий день прах хакана был погребен в Салачикском мавзолее.²⁰⁸

Взоры Крымского Юрта обратились к Мехмеду Гераю.

Калга распорядился, чтобы два его брата немедленно отправились с войсками на Перекопский перешеек и наглухо перекрыли его, никого не впуская на полуостров и не выпуская с него. Исключений не делалось ни для кого: и простые, и знатные путники с обеих сторон были вынуждены остановиться и ждать, пока крепость Ор-Капы снова откроет свои засовы. Весь полуостров превратился в эти дни в укрепленную твердыню, затворившую свои врата.²⁰⁹ Предосторожность Мехмеда Герая понятна: ведь известие о кончине хана вполне могло вдохновить соседей на какие-нибудь смелые шаги. Чем позже за пределами полуострова станет известно о смерти Менгли Герая — тем безопаснее будет для Крыма.

Поставив на перешейке сторожевые отряды, Мехмед Герай разослал гонцов за всеми остальными своими братьями: предстояли выборы нового правителя, и все ханское семейство было обязано явиться в столицу. Торжество предстояло тем более выдающееся, что в 1515 году избирался не просто хан Крыма, а великий хан Великого Улуса.

¹ Восточные генеалогии говорят о 8 либо 12 сыновьях Хаджи Герая (В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, Санкт-Петербург 1863, с. 98, прим. 47; Н. İnalçık, *Yeni vesikalara göre Kırım hanlığının osmanlı tâbiliğine girmesi ve ahidname meselesi*, “Belleten”, vol. VIII, nr. 30, 1944, s. 200). Наиболее достоверным принято считать родословие, приведенное Абуль-Гази, который перечисляет 8 имен: Девлет-Яр, Нур-Девлет, Айдер, Кутлуг-Заман, Кельдиш, Менгли Герай, Ямгурчи и Оз-Тимур. Документальные источники добавляют к этому списку имя Мелек-Эмин (“Mulchamat” геноуэзских документов и “Милкоманъ” московских) — возможно, что это иной вариант имени Кутлуг-Заман.

Рано умерший старший сын Хаджи Герая — Девлет-Яр: его имя не встречается в других источниках, кроме родословных. Высказывалось мнение, что ранее отца умер и Кельдиш (А. М. Некрасов, *Возникновение и эволюция Крымского государства в XV-XVI веках*, “Отечественная история”, №2, 1999, с. 50), однако это не так: в 1470-х годах Кельдиш был жив и пребывал вместе с Нур-Девлетом в Каффе, о чем свидетельствуют геноуэзские источники (M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453-1475*, Warszawa 1947, s. 280).

² J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, Kraków 1870, s. 450.

³ A. Fisher, *The Crimean Tatars*, Stanford 1978, p. 9.

⁴ С. Сестрэнцевич-Богущ, *История Царства Херсонеса Таврийского*, т. II, Санкт-Петербург 1806, с. 204; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №54, 1918, с. 131.

⁵ Сохранилось стихотворное произведение, написанное Менгли Гераем (см. О. Акчочкьякылы, *Эсерлер топلامы*, Акъмесджид 2006, с. 102-103). О том, что хан увлекался историей, известно из его переписки: так, заказав в Стамбуле книжную новинку (многотомную хронику османской истории) и получив первый том, Менгли Герай нетерпеливо напоминал османскому везиру, что ждет присылки продолжения (см. письмо хана в *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, P. N. Boratav, D. Desai, Ch. Lemerrier-Quellejau, Paris 1978, p. 92). Знакомство Менгли Герая с языком геноуэзцев может подтверждаться тем, что Генуя составляла свои письма к хану не на официальной латыни, которой переписывалась с каффинскими властями, а на лигурийском народном диалекте — очевидно, для того, чтобы адресат, владевший этим наречием, мог самостоятельно прочесть послание без помощи переводчиков.

⁶ Обычай, при котором старшие сыновья поселяются отдельно, а все отцовское владение по смерти родителя переходит к младшему сыну — один из наиболее распространенных порядков наследования у множества народов древности и средневековья. По этому же принципу разделил свое государство и Чингиз-хан: три его старших сына получили новозавоеванные области империи, тогда как центральная часть империи, то есть сама Монголия, досталась в удел его четвертому сыну Тулюю (В. В. Трепавлов, *Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности*, Москва 1993, с. 102-110).

В этой связи А. М. Некрасов предположил, что Менгли, шестой сын Хаджи Герая, заявил о своих правах на трон именно потому, что в год смерти отца оказался четвертым из ныне живущих братьев — после Нур-Девлета, Айдера и Мелик-Эмина (А. М. Некрасов, *Возникновение и эволюция Крымского государства*, с. 50-51). Однако для обретения Менгли Гераем четвертого порядкового номера исследователю приходится предполагать и раннюю смерть Кельдиша, что не подтверждается источниками. Тем не менее, предположение о том, что Менгли Герай мог основывать свои требования на порядке раздела империи Чингиз-ханом, мне кажется вполне уместным. Для этого Менгли Гераю было достаточно являться не *четвертым* среди всех сыновей хана, а лишь *младшим* среди детей главной жены Хаджи Герая — ибо и Чингиз-хан делил государство только между сыновьями от своей старшей супруги. К сожалению, имена жен Хаджи Герая, а тем более перечень сыновей каждой из них неизвестны. О матери Менгли Герая известно лишь то, что она была дочерью некоего «Индиаву»-бея (*Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией*, т. I, “Сборник императорского Русского исторического общества”, т. XLI, 1884, с. 270).

⁷ Н. İnalçık, *Yeni vesikalara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi*, s. 200. Об этом кратковременном успехе Менгли Герая свидетельствует ярлык, изданный им в Кырк-Ере в 1467 г. (И. Н. Березин,

Тарханные ярлыки крымских ханов, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. VIII, 1872, с. 5; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*, Москва 2005, с. 213). Примечательно, что юный хан — не успевший, очевидно, в спешке переворота изготовить собственной печати — скрепил этот документ большой печатью своего отца (М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв.*, Казань 1979, с. 33).

⁸ J. Dhugosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 488.

⁹ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 278-280; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 132-133. Поднятие бееми новоизбранного правителя на войлочном полотне — обычай, который возник в древнетюркских государствах Евразии, был впоследствии перенят Монгольской империей, а затем и Ордой (В. В. Трепавлов, *Государственный строй Монгольской империи XIII в.*, с. 70). Эта церемония бытовала и в Крыму. О том, что она имела место в 1468 году при избрании Менгли Герая, источники не сообщают, но трудно сомневаться в том, что она состоялась, поскольку известно, что данный обычай продолжал соблюдаться в Крыму даже в начале XVII века (см. В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 346).

¹⁰ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 279-280.

¹¹ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 133-134; M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 291-292. Хан амнистировал Гримальди по просьбе его друзей, которые выплатили Менгли Гераю большую сумму — очевидно, в качестве выкупа за его жизнь.

¹² Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 135; M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 280.

¹³ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 166. Менгли Герай проявил доверие к генуэзским союзникам и тогда, когда ему по какой-то причине пришлось изолировать другого своего брата, Мелик-Эмина: тот по ханскому приказу был отправлен в генуэзскую крепость Чембало.

¹⁴ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 144-146; M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 304.

¹⁵ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 304-305.

¹⁶ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 136. Прибыв в начале 1470 г. в Геную, отставной консул сообщал, что и Менгли Герай, и каффинцы встревожены известиями о начавшихся сборах турецкого флота, цель похода которого оставалась неизвестной.

¹⁷ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 137, 140, 148; M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 281.

¹⁸ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 44; A. N. Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarluk ve Bitikler*, İstanbul 1940, s. 85; H. İnalçık, *Yeni vesiklara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi*, s. 203.

¹⁹ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1466-1475)*, с. 137.

²⁰ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 324.

²¹ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 312-313; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, № 55, 1918, с. 149.

²² M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 314; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 149.

²³ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 314.

²⁴ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 314-315; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 149-150.

- ²⁵ С. Сестренцевич-Богущ, *История Царства Херсониса Таврийского*, с. 206; В. Гейд, *История торговли Востока в средние века*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №52, 1915, с. 178; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 150; М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 320.
- ²⁶ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 150.
- ²⁷ М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 321; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 155.
- ²⁸ С. Сестренцевич-Богущ, *История царства Херсониса Таврийского*, с. 207; В. Гейд, *История торговли Востока в средние века*, с. 178; Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 150; М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 324.
- ²⁹ Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 156.
- ³⁰ М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 325.
- ³¹ М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 326; Н. İnalçık, *Yeni vesiklara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi*, s. 205.
- ³² И. Барбаро, *Путешествие в Тану*, в кн. *Барбаро и Контарини о России*, Москва 1971, с. 155; Н. İnalçık, *Yeni vesiklara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi*, s. 205.
- ³³ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 97; С. Сестренцевич-Богущ, *История Царства Херсониса Таврийского*, т. II, с. 208.
- ³⁴ М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 325, not. 159. В июне 1474 г. Айдер, Мелик-Эмин и Эминек совершили военный поход на литовскую Украину (Подолье и Галичину). Оттуда ими было приведено большое количество скота и невольников, проданных впоследствии через готский порт Каламита в Турцию. Этот поход, по сути, являлся обычным набегом (см. о разнице этих понятий в Примечании 5 в части VII этой книги), поскольку был совершен против воли хана. Однако когда генуэзцы попросили Менгли Герая остановить этот набег, он не сделал этого — либо потому, что опасался лишний раз конфликтовать с первыми лицами своего государства, либо из-за своего недовольства наметившимся сближением польского короля с ордынским ханом (Л. П. Колли, *Падение Каффы (1474-1475)*, с. 149-150; J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 574-575; М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 316-317).
- ³⁵ М. Cazacu, К. Kévonian, *La chute de Caffa en 1475 a la lumière de nouveaux documents*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XVII, nr. 4, 1976, p. 532, not. 66.
- ³⁶ М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 326.
- ³⁷ М. Cazacu, К. Kévonian, *La chute de Caffa en 1475*, p. 532, not. 66.
- ³⁸ Л. П. Колли, *Исторические документы о падении Каффы*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №45, 1911, с. 9, 10, 14-15.
- ³⁹ Л. П. Колли, *Исторические документы о падении Каффы*, с. 12, 17; М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 330-331; М. Cazacu, К. Kévonian, *La chute de Caffa en 1475*, p. 536, not. 76. Источники называют разное количество турецких судов, участвовавших в этом походе: от 350 до 482. Оценивали, что османская армия, отправленная на Крым, состояла из 10000 янычар, 10000 пехотинцев и 1000 всадников.
- ⁴⁰ М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 329, not. 172.
- ⁴¹ Л. П. Колли, *Исторические документы о падении Каффы*, с. 15, 16; М. Małowist, *Kaffa – kolonija genueńska na Krymie*, s. 333.
- ⁴² Ф. Х. Хайбуллаева, *Новый турецкий источник по истории Крыма*, “Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии”, т. VIII, 2001, с. 364.

- ⁴³ Л. П. Колли, *Исторические документы о падении Каффы*, с. 16.
- ⁴⁴ M. Cazacu, K. Kévonian, *La chute de Caffa en 1475*, p. 522, 538, not. 103.
- ⁴⁵ M. Małowist, *Kaffa – kolonija genuieńska na Krymie*, s. 333-337.
- ⁴⁶ M. Cazacu, K. Kévonian, *La chute de Caffa en 1475*, p. 532, not. 66.
- ⁴⁷ Л. П. Колли, *Исторические документы о падении Каффы*, с. 15.
- ⁴⁸ Л. П. Колли, *Исторические документы о падении Каффы*, с. 14, 16.
- ⁴⁹ Л. П. Колли, *Исторические документы о падении Каффы*, с. 12.
- ⁵⁰ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 57.
- ⁵¹ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 50.
- ⁵² *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 57; A. N. Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki*, İstanbul 1940, s. 89.
- ⁵³ В старых крымскотатарских и османских исторических сочинениях выражены два мнения касательно отправки Менгли Герая в Стамбул: одно из них подтверждает этот факт, а другое отрицает. См. обзоры этого вопроса в: Y. Öztürk, *Osmanlı hakimiyetinde Kefe, 1475-1600*, Ankara 2000, s. 34; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, 1863, с. 99-112; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 225-226. Более достоверной представляется первая версия, утверждающая, что после падения Каффы Менгли Герай действительно был доставлен в Стамбул. Она изложена в большинстве восточных источников и подтверждена европейскими хрониками (J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 594-595).
- ⁵⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 226.
- ⁵⁵ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 101-102.
- ⁵⁶ L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée composée principalement d'après les auteurs turcs et persans*, in G. Forster, *Voyage du Bengale à Petersbourg*, vol. 3, Paris 1802, pp. 404; С. Сестрэнцевич-Богущ, *История Царства Херсонеса Таврийского*, т. II, с. 256.
- ⁵⁷ A. Vasiliev, *The Goths in the Crimea*, Cambridge, Mass. 1936, p. 254-256; Ф. Х. Хайбуллаева, *Новый турецкий источник по истории Крыма*, с. 365.
- ⁵⁸ А. Г. Герцен, *По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма*, “Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии”, т. VIII, 2001, с. 366-386.
- ⁵⁹ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 62.
- ⁶⁰ Территории бывших генуэзских владений и княжества Готии были включены в состав Османской империи на правах обычной провинции. Что же касается Крымского ханства, то османы не вступали на его территорию и оно осталось независимым государством. Таким образом, по горным грядам полуострова пролегла граница: земли к югу от нее (горы и южные побережья) принадлежали Турции, а предгорья и степи — Крымскому Юрту. Такое разделение Крыма на две части сохранялось до 1774 года, когда турецкие владения на полуострове были присоединены к Крымскому ханству.
- ⁶¹ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 63.
- ⁶² *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 65; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 112.
- ⁶³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 14. Указаний на происхождение Джанибека в источниках нет, однако существуют аргументы, позволяющие видеть в нем сына Сеид-Ахмеда I, то есть, правнука Тохтамыша (I. Väsàry, *A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qırq-*

yer from 1478/79, "Central Asiatic Journal", vol. XXVI, nr. 3-4, 1982, p. 289-300). В таком случае могут быть объяснены его претензии на владение Крымом: Джанибек, по-видимому, считал Крымский Юрт наследственным владением своего отца и прадеда.

⁶⁴ Уже весной 1478 года Нур-Девлет отправил новое посольство к Казимиру (см. J. Długosz, *Dziela wszystkie*, t. V, s. 632).

⁶⁵ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 71.

⁶⁶ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 71.

⁶⁷ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 67.

⁶⁸ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 106.

⁶⁹ И. В. Зайцев, *Крымское ханство в 50-х—70-х годах XV века*, в кн. И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом (Джучидские государства, Москва и Османская империя в начале XV – первой половине XVI вв.)*, Москва 2004, с. 89; *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв.*, Москва 1984, с. 84.

⁷⁰ И. Барбаро, *Путешествие в Тану*, с. 155.

⁷¹ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 69-70. Место, где было составлено это послание, в письме не указано, но его можно определить по времени написания (май-июнь 1478) и смысла текста (упоминание о разоренном крае, в котором с немалой вероятностью узнается Кефе в первые годы после завоевания). См. также А. N. Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki*, s. 99. Еще одним подтверждением этому может являться прямое указание И. Барбаро на то, что в данный момент хан пребывал именно в Кефе и стремился покинуть город.

⁷² И. Барбаро, *Путешествие в Тану*, с. 155.

⁷³ I. Vászary, *A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy*, p. 289-300.

⁷⁴ И. Барбаро, *Путешествие в Тану*, с. 155-156, прим. 122. Иосафат Барбаро, сообщая эти сведения, добавляет, что Менгли Герай, овладев Крымом, убил Эминек-бея. Это явная ошибка: многочисленные документы доказывают, что Эминек еще более десяти лет являлся первым беєм при Менгли Герае, причем выступал как его союзник. Вероятно, до автора в искаженном виде дошли слухи о борьбе Менгли Герая с Нур-Девлетом или с врагами Эминека из числа ширинских мирз. Крымские и османские источники не упоминают этих подробностей, сообщая лишь, что Менгли Герай, назначенный султаном на ханский пост, прибыл в Крым с турецким военным отрядом и овладел государством (В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 102, 106; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 226-229).

Ряд исторических сочинений добавляет к этому, что между ханом и султаном был заключен соответствующий договор (L. Langlès, *Notice chronologique des khans de Crimée*, p. 405-406; M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", t. XII, 1833, p. 351; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 236-239). В позднейших исследованиях справедливо указывалось, что в документах крымско-османских отношений ссылок на такой договор ни разу не встречается, да и сами его пункты отражают реалии более позднего времени (см. аргументацию к отсутствию такого договора в: В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 236-241; Н. İnalçık, *Yeni vesiklara göre Kırım Hanlığının Osmanlı tabiliğine girmesi*, s. 223-228). Тем не менее, Менгли Герай все же был связан определенными обязательствами перед султаном. Во-первых, как известно из его письма (*Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 57), еще до отправки в Турцию он в присутствии Гедик-Ахмед-паши признал себя подданным султана и обязался держать с ним союз. Во-вторых, тот факт, что турки приглашали хана к участию в своих военных кампаниях, показывает, что Менгли Герай был обязан помогать османам военной силой (что являлось обычным и едва ли не главным условием вассальных соглашений во всем мусульманском мире).

⁷⁵ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 126-128.

⁷⁶ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 77.

⁷⁷ Признаками суверенитета правителя в мусульманском мире считалось право “сикке” и “хутбе” — т.е. право чеканить собственную монету и право быть поминаемым в пятничной соборной молитве, читаемой по всей стране. Это право осталось за крымской династией и после признания Менгли Гераем верховенства османского султана. См. также: A. Fisher, *Crimean Separatism in the Ottoman Empire*, in *Nationalism in a Non-National State. The Dissolution of the Otoman Empire*, Columbus 1977, p. 64-69; A. Bennigsen, Ch. Lemerquier-Quellejau, *Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole a la suzeraineté ottomane*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XIII, nr. 3, 1972, p. 327; Примечание 34 в VII части этой книги.

⁷⁸ В источниках и исторической литературе встречаются разные наименования страны, которая с XVII века станет называться Россией: “Московское государство”, “Русское государство”, “Московская Русь” и др. В Европе эта страна была известна как “Московия”. Эта краткая форма используется в книге наравне с основной: “Великое княжество Московское”.

⁷⁹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. V, Москва 1872, с. 95-103; В. В. Каргалов, *Конец ордынского ига*, Москва 1980, с. 102-113. В популярной исторической литературе это событие принято за веку окончательного освобождения Великого княжества Московского из-под ордынской зависимости. В русской и мировой историографии не раз высказывалась обоснованная критика этого тезиса, однако поход Ахмеда действительно стал последним в истории нападением Орды на Московскую Русь.

⁸⁰ А. А. Горский, *Москва и Орда*, Москва 2000, с. 198.

⁸¹ *Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XXXVII, Москва-Ленинград 1950, с. 93-94; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VI, Санкт-Петербург 1842, с. 91-100.

⁸² В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 123; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 116.

⁸³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 53.

⁸⁴ А. Крымський, *Історія Туреччини*, Київ-Львів 1996, с. 122; Г. Іналджик, *Османська імперія. Класична доба 1300-1600*, Київ 1998, с. 40-41.

⁸⁵ M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 354-355.

⁸⁶ M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 355-356; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 235.

⁸⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 1-11, 18-20, 25-26 и др.

⁸⁸ А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв.*, Москва 2000, с. 113; F. Kopieczny, *Sprawy z Mengli Girejem*, “Ateneum Wileńskie”, rok I, nr. 3-4, 1923, s. 143. Династическое неравенство между двумя правителями сохранялось и признавалось обеими сторонами, хотя и не подчеркивалось. Московский князь писал свои письма в Крым в форме прошений (“челобитий”), а хан отвечал ему повелениями (“ярлыками”) — в точности так же, как это ранее было принято во взаимоотношениях Москвы и Сарая. Хотя Московия и была освобождена от выплаты дани, за великим князем сохранилась обязанность ежегодных подношений хану и его двору, что на двустороннем уровне трактовалось теперь не как дань (“выход”), а как личные подарки хану (“поминки”). См. также А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 116-123, 137-139, 240-258; М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса*, с. 195-202; С. Ф. Фаизов, *Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом*, “Отечественные архивы”, №3, 1994, с. 49-52; С. G. Kennedy, *The Juchids of Muscovy: A Study of Personal Ties Between Émigré Tatar Dynasts and the Muscovite Grand Princes in the Fifteenth and Sixteenth Century*, Harvard University 1994, p. 53-58.

⁸⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 34.

⁹⁰ М. І. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. IV, Київ 1994; В. І. Ульяновський, *Київський восвода в Криму: “змова князів” і трагедія Києва 1482 р.*, “Сугдейский сборник”, вып. II, 2005, с. 367-369.

⁹¹ *Софійская вторая летопись*, в *Полное собрание русских летописей*, т. VI, Санкт-Петербург 1853, с. 234.

⁹² *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 35.

⁹³ F. Konieczny, *Sprawy z Mengli Girejem*, s. 155. К слову, сами русские именно так и воспринимали эту ситуацию, говоря в своих летописях: «Князь же великий послал к Мен Гирею крымскому, повелел воевать королю землю» (*Софійская вторая летопись*, с. 234).

⁹⁴ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, “Ученые записки Московского государственного университета”, вып. 61, 1940, с. 18-19.

⁹⁵ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 91-93, 126-130; *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 17-18.

⁹⁶ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 131; *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 35, 74.

⁹⁷ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 132-138.

⁹⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 75-76.

⁹⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, 68-69.

¹⁰⁰ Я привожу здесь приближенное истолкование поэтической фразы, которая в изначальном старорусском переводе (тюркский оригинал письма утерян) передана так: «предние наши о кости о лодыжном мозгу юрта деля своего розбранилися», то есть, «наши предшественники рассорились за костный мозг своего юрта». Выражение «костный мозг» — присущий мусульманской литературе фразеологизм, означающий, в широком смысле, «лакомая сердцевина», «ценная суть чего-либо».

¹⁰¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 69-70.

¹⁰² *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 111-112.

¹⁰³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 112.

¹⁰⁴ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 108.

¹⁰⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 108, 112, 116. Тактика нападения на Крым, когда его население занято жатвой, показалась ордынцам очень удачной. Шесть лет спустя Шейх-Ахмед заявлял, что собирается повторить этот маневр (В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 11).

¹⁰⁶ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 124.

¹⁰⁷ И. В. Зайцев, «*Дешт-и Кыпчак*» в османской титулатуре: политические претензии и реальное содержание в системе османских представлений о власти, в кн. И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом (Джучидские государства, Москва и Османская империя в начале XV – первой половине XVI вв.)*, Москва 2004, с. 184.

¹⁰⁸ Об основании Казанского ханства и событиях, связанных с эмиграцией в Крым Нур-Султан см.: В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 3-13; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Москва 1991, с. 22-53; J. Pelenski, *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology*, The Hague – Paris, 1974, p. 23-29; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552): Internal and External Factors that Led to Its Conquest by Ivan the Terrible*, New York University 1984, p. 130-174; Д. М. Исхаков, *Тюрко-татарские государства XV-XVI вв.*, Казань 2004, с. 8-10; М. Н. Бережков, *Нур-Салтан — царица крымская*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, №27, 1897, с. 1-17.

¹⁰⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 146, 207. В оригинальном старорусском переводе послания употреблены фразы: «над турским господарем и над азымским господарем волен еси» и «над азымским и над турским свыше государь еси» («азымский» означает «персидский»). См. также: М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса*, с. 198. Точно такую же форму употреблял московский великий князь при обращении к османскому султану (*Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 162).

¹¹⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 255, 263, 279; И. В. Зайцев, *Шейх-Ахмед — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.)*, в кн. И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом (Джучидские государства, Москва и Османская империя в начале XV – первой половине XVI вв.)*, Москва 2004, с. 99-100.

¹¹¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 323.

¹¹² *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 301.

¹¹³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 321.

¹¹⁴ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 354.

¹¹⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 354.

¹¹⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 356.

¹¹⁷ А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 155.

¹¹⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 367.

¹¹⁹ Пояснение употребления терминов «Ногайская Орда» и «ногайцы» представляется исключительно важным. В практике современного разговорного крымскотатарского языка словом «*noğaylar*» принято называть всех лиц, происходящих из степных районов Крыма и обладающих монголоидными признаками в своем антропологическом типе. Однако во времена Крымского ханства использование термина «ногаец» было иным и зависело не от внешнего облика либо культурных особенностей, а исключительно от родовой принадлежности.

Ногайцами назывались потомки нескольких тюркских полукочевых племен (главным образом, Мангытов), которые в XV-XVII веке обитали у северного берега Каспийского моря в междуречье рек Волги, Урала и Эмбы. По мере ослабления Золотой Орды этими племенами было создано особое государственное образование — Ногайская Орда, отношения которой с Крымским ханством в силу ряда причин чаще всего были напряженными. В середине XVI века Ногайская Орда была подчинена Московией и раскололась на две части — Большую Ногайскую Орду (оставшуюся на прежних кочевьях и признавшую власть московских царей) и Малую Ногайскую Орду (переселившуюся на Кубань и подчинявшуюся крымским ханам). В XVII веке население Большой Ногайской Орды было вытеснено со своих прикаспийских кочевий пришедшими из Центральной Азии калмыками. Это повлекло массовое переселение ногайцев в 1630-х годах в земли Крымского ханства — в основном, в причерноморские степи от Дона до Дуная. Переселившись на эту территорию, ногайцы сохранили некоторую политическую автономию (организовав несколько орд: Буджакскую, Едисанскую, Джембойлукскую и Едичкульскую, которыми в XVIII веке управляли специальные наместники, назначавшиеся крымскими ханами) и оказывали немалое влияние на политические события в Крымском ханстве. После аннексии Крымского ханства Российской империей в 1783 году значительная часть ногайцев покинула завоеванную Россией территорию и откочевала дальше вдоль берега Черного моря в османские владения — Добруджу, Болгарию и собственно Турцию, где их потомки составляют теперь немалую долю крымскотатарской диаспоры.

С другой стороны, население степных районов Крымского полуострова издавна включало многочисленные группы, которое по облику, быту и способу хозяйствования не отличались от ногайцев, однако к ним никогда не принадлежали и этим термином не обозначались, поскольку их предки не проживали в междуречьи Волги и Эмбы. Исключение составляли лишь подданные рода Мансур — крымской ветви рода Мангыт, которая обосновалась в Крыму задолго до образования Ногайской Орды.

В документах ханской эпохи «татары» и «ногайцы» всегда четко различаются и разделяются (см. Примечание 10 в части III этой книги), причем под названием ногайцев выступают не все крымские

степняки без исключения (ведь часть этих степняков была подчинена *крымским* беям и потому включалась в число *крымских* татар), а лишь потомки жителей Ногайской Орды и Мансуры. Все остальное мусульманское тюркоязычное население Крымского Юрта, независимо от антропологического типа и способа хозяйствования, входило в категорию, обозначенную в ханских документах как «татары» (крымские татары, крымцы). Главным принципом этого разделения была не географическая и не этнографическая, а родовая, административная, принадлежность. Ногайцы — это прежде всего подданные *ногайских* родовых старейшин, традиционно составлявшие особое, правое крыло крымского войска (крымцы же, включая и тех из них, кто обитал в степях, составляли левое крыло, основное).

Таким образом, употребление этого термина в современной разговорной практике несколько изменилось по сравнению с его употреблением в эпоху Крымского ханства, и противопоставление крымцев и ногайцев, о котором часто приходится говорить при описании событий XVI-XVIII столетий, не имеет отношения к делению современного крымскотатарского народа на субэтнические группы. Говоря практически, ногайцем сегодня правомерно может называться лишь тот, кто достоверно осведомлен о своем происхождении от ногайских родов: Мансур, Едисан, Джембойлук и др. либо о проживании своих дальних предков во владениях этих родов: гёзлевских и керченских степях (а также на причерноморских равнинах за пределами полуострова, где в XVII-XVIII веках обитали переселившиеся с Волги ногайские орды). При отсутствии таких сведений различить современных потомков *ногайцев* и степных *крымцев* невозможно.

См. фундаментальный труд об истории формирования ногайского народа, историческом пути Ногайской Орды и ее взаимоотношениях с Крымом: В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002. Множество ценного материала из источников XVI-XVII столетий приведено также в сочинении: А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.* Москва – Ленинград 1948.

¹²⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 368-369; А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 155-156.

¹²¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 377.

¹²² *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 417, 419.

¹²³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 381, 417; А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 156; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, Москва 1988, с. 182.

¹²⁴ М. Miechowita, *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej*, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1972, s. 41; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 182-183.

¹²⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 378, 379, 414, 417.

¹²⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 414-415.

¹²⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 384.

¹²⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 417-418.

¹²⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 414.

¹³⁰ М. Miechowita, *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej*, s. 41.

¹³¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 419. Место при впадении Сулы в Днепр, где произошло сражение Менгли Герая с Шейх-Ахмедом, расположено на территории современной Полтавской области и, вероятно, скрыто ныне под водами Кременчукского водохранилища. Уместно поднять вопрос об увековечении этого исторического события памятным знаком.

¹³² *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 420. Примерная хронология этих событий такова: 14 апреля Менгли Герай вернулся в Кырк-Ер из Кефе после встречи с Мехмедом, планируя выступить в поход на 10-й день после окончания Уразы, то есть, 27 апреля. Однако он задержался из-за прибытия московского посла и потому вышел «на пятой неделе после Пасхи, в субботу», что соответствовало 3 мая 1502 года (по григорианскому летосчислению, в соответствии с которым приведены все даты в этой книге для удобства их соотнесения с современным календарем). Покинув Крым, Менгли Герай на

некоторое время остановился в районе реки Самары (окрестности современного Днепропетровска). Путь от Перекопа к ставке Орды занимал от 9 до 15 дней, как сообщали бежавшие в Крым ордынские улусы. С Самары хан писал Ивану III, чтобы тот к 20-25 июня прислал к нему в помощь отряд ружейных стрелков — очевидно, он рассчитывал, что встреча с ордынским войском придется именно на эти даты. Однако московская подмога не понадобилась: уже 15 июня Менгли Герай известил Ивана о своей победе над Шейх-Ахмедом. См. *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 414, 416, 417, 419, 420. В старорусском переводе ханского письма дата указана так: «июня в шестой день, в неделю» (т.е. в воскресенье), тогда как 6 (16 по григорианскому стилю) июня 1502 года было понедельником. Исходя из того, что ошибка источника в переводе даты более вероятна, чем ошибка в обозначении дня недели (который был един в мусульманском и юлианском календаре), я уточняю дату написания письма как воскресенье 15 июня.

¹³³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 419; M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 356.

¹³⁴ M. Miechowita, *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej*, s. 41. Некоторые ранние исторические сочинения, а вслед за ними и ряд современных исследователей, утверждают, что Менгли Герай в этом походе достиг Нижней Волги и полностью разрушил Сарай (Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 20; H. İnalçık, *Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature*, in *Passé turco-tatar, présent soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen*, Paris 1986, p. 181; M. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu ve osmanlı himâyesinde yükselişi*, Ankara 1989, s. 23; Ch. Lemercier-Quelquejay, *Les khanats de Kazan et de Crimée face à Moscovie en 1521*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XII, nr. 4, 1971, p. 483). Менгли Герай действительно был готов к столь дальнему выступлению, заявляя перед началом похода: «если они побегут к Волге — мы их не отпустим» (*Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 414). Но такой необходимости не возникло, и преследовать ордынцев до самого Сарая крымцам не пришлось. Последующая дипломатическая переписка хана ясно свидетельствует, что Менгли Герай вернулся с Днепра в Крым. Очевидно, факт взятия кочевой ставки Шейх-Ахмеда на Днестре был истолкован рядом историков как взятие самого волжского Сарая.

¹³⁵ L. Collins, *On the Alleged “Destruction” of the Great Horde in 1502*, “Byzantinische Forschungen”, Band XVI, 1991, p. 361-399; А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 98-99, 162-163. Ранние примеры именованья Крымского ханства “Великой Ордой” и “Великим Улусом” см. в: *Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией*, т. II, “Сборник Императорского русского исторического общества”, т. ХСV, 1895, с. 19-30, 70-76; М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса*, с. 192.

Это наименование сохранялось за Крымским государством на протяжении всего его дальнейшего существования. Примеры тому имеются и в XVII столетии (см., например, *Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел*, изд. Ф. Ф. Лашков, Симферополь 1891, с. 42, 55, 73, 79 и др.; С. Ф. Фаизов, *Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654-1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперяславского времени*, Москва 2003, с. 28-30) и, реже, в XVIII веке (И. Тунманн, *Крымское ханство*, Симферополь 1991, с. 23).

О значении титула “хакан”: см.: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. V, Москва 1968, с. 602, 604; М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса*, с. 158-159; В. В. Трепавлов, *Государственный строй Монгольской империи XIII в.*, с. 59-62.

¹³⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 475; А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 99; L. Collins, *On the Alleged “Destruction” of the Great Horde in 1502*, p. 380.

¹³⁷ Ныне крепость Кырк-Ер известна под более поздним названием Чуфут-Кале, получившим распространение с XVII века.

¹³⁸ Следует уточнить, что приведенные здесь названия селений фигурируют лишь с XVII века и, скорее всего, не являются изначальными. Известно, что в XVI столетии Кырк-Ером называлась не только

крепость, но и весь прилегающий к ней край вместе с поселением в низине (В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 62, прим. 17). Ныне Эски-Юрт и Салачик (переименованные в 1948 г. в Подгороднее и Староселье) — соответственно западный и восточный микрорайоны города Бахчисарая. Подробнее о поселениях-предшественниках Бахчисарая и их значении для первых крымских ханов см.: У. Боданинский, Б. Засыпкин, *Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928-1929 гг.)*, “Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии”, № III (60), 1929, с. 181; О. Гайворонский, *Мысли об Эски-Юрте*, “Qasevet”, №31, 2005, с. 13-24.

¹³⁹ М. Броневский, *Описание Крыма*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. VI, 1867, с. 345.

¹⁴⁰ Позже, когда в XVII веке на речке будут построены сильно загрязняющие воду кожевенные мастерские Бахчисарая, ей дадут другое имя — Чурук-Су, означающее «гнилая вода» (*Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667)*, Симферополь 1999, с. 39). Это позднее название речка носит и сейчас.

¹⁴¹ *Книга путешествия*, с. 39.

¹⁴² *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 267-268.

¹⁴³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 268. В старорусском переводе ханского письма употреблено выражение «храм Божий», которое я передаю здесь как «дом Аллаха».

¹⁴⁴ В разных источниках приводятся разные оценки численности крымского войска. Следует учитывать, что в те годы оно быстро росло за счет иммигрантов из Орды. Например, в 1501 году Менгли Герай вывел в поле 25 тысяч человек (видимо, несмотря на строгий наказ, в бой пошли не все его воины), в следующем году у хана насчитывали 100 тысяч бойцов, а в 1509 году (т.е. уже после подчинения улусов Большой Орды) Менгли Герай смог собрать 250 тысяч воинов (*Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 70). Насколько известно, этот максимум был однажды повторен при Сахибе Герае, но никогда более не был превзойден. См. также: В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 43; L. Collins, *On the Alleged “Destruction” of the Great Horde in 1502*, p. 397.

¹⁴⁵ C. S. Kırtner, Önsöz, “Emel”, nr. 60, 1970, s. 12-13, N. Abdülvahap, “İlim mabedi”. *Zincirli medresenin tarihindeki bazı bir tartışmalı meselelere dair*, “Günsel”, №4, 2000, s. 14.

¹⁴⁶ Существует предание, что Менгли Герай перенес прах отца в этот новый мавзолей из некоего другого места (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 14). Последние реставрационные исследования показали, что подземная погребальная камера мавзолея сооружена значительно ранее надземной части постройки (очевидно, лишь эта надземная часть и была обновлена Менгли Гераем в 1502 году). Склеп наверняка уже существовал на момент смерти Хаджи Герая и вполне мог служить первоначальным местом его погребения.

¹⁴⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 544, 553.

¹⁴⁸ Первые упоминания о салачикском Сарае (Девлет-Сарае) как о месте подписания ханских документов относятся к 1502-1503 годам. (*Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 431, 446, 468, 475, 476).

¹⁴⁹ Мастер, известный под этим именем в итальянском искусстве, в московских источниках именуется «Алевиз Новый» (см.: С. С. Подъяпольский, *Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV — начале XVI века*, “Советское искусствоведение”, №20, 1986, с. 81, прим. 57; С. Е. В. Brett, *Towers of Crim Tartary. English and Scottish Architects and Craftsmen in the Crimea, 1762-1853*, Donington 2005, p. 29).

¹⁵⁰ Н. П. Кондаков, *О Бахчисарайском дворце и его реставрации*, “Искусство и художественная промышленность”, №6, 1899, с. 440; Н. Л. Эрнст, *Бахчисарайский Ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III фрязин Алевиз Новый*, “Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии”, т. II (59), 1928, с. 42.

¹⁵¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 476.

¹⁵² История путешествия итальянских мастеров и московского посольства изложена в статье: Н. Л. Эрнст, *Бахчисарайский Ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III*, с. 47-51, с многочисленными ссылками на *Памятники дипломатических сношений*, т. I.

¹⁵³ *Бахчисарайские арабские и турецкие надписи*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. II, 1850, с. 526. Надпись датирована месяцем шеввалем 907 года. Это означает, что она создана несколькими неделями ранее победы Менгли Герая над Шейх-Ахмедом, буквально накануне выступления хана на Орду, поскольку шевваль 907 года в григорианском летосчислении соответствует 18 апреля—16 мая 1502 года. Выше в тексте показано, что в эти дни Менгли Герай заканчивал последние приготовления к походу и покинул Крым 3 мая (16 шевваля).

¹⁵⁴ См. версии перевода в: *Бахчисарайские арабские и турецкие надписи*, с. 491-492; Н. Д. Эрнст, *Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III*, с. 39. Чтение надписи приведено с уточнением перевода слова «султан» как «государь» (см. М. А. Усманов, *Жалованные акты Джучиева Улуса*, с. 157-158).

¹⁵⁵ Титул «султан двух материков и хакан двух морей» («sultan ül-berreyn ve haqan ül-bahreyn») по своему происхождению был османским и имел еще более ранние аналоги в Византии. Османы, начиная с Мехмеда II, использовали его как символ преемственности своей власти от византийских императоров (А. Fisher, *Crimean Separatism in the Ottoman Empire*, p. 60-61). Менгли Герай, очевидно, сознательно соединил в своем титуле чингизидские и османские компоненты, чтобы показать причастность истоков своей власти к обеим великим империям. Если и в Турции, и в Крыму под «двумя материками» могли понимать только Европу и Азию, то «морья», несомненно, подразумевались разные: для османов это были Черное и Средиземное, а для Менгли Герая — Черное и Каспийское (над которым стояла древняя столица Орды). Извещая польского короля о своей победе над Шейх-Ахмедом, Менгли Герай назвал себя «ханом двух орд» (А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 99) — то есть Крымского Юрта и Великой Орды. Примечательно, что еще в 1492 году тот же титул использовал в письмах к Менгли Гераю и казанский хан Мухаммед-Эмин: за искаженным русским переводом «от воды и земли создан еси» (*Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 146), очевидно, скрывалась та же стандартная формула — «султан [двух] морей и [двух] земель» (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*, с. 296, прим. 1).

¹⁵⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 475.

¹⁵⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 283,

¹⁵⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 456.

¹⁵⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 456, 482, 489; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, Москва 2004, с. 64.

¹⁶⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 474; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 133, 163.

¹⁶¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 518; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 131-132; В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 36.

¹⁶² *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 486; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 64.

¹⁶³ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 477-478, 490.

¹⁶⁴ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 516.

¹⁶⁵ М. Miechowita, *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej*, s. 41; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 182-183; *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 516.

¹⁶⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 516.

- ¹⁶⁷ М. Miechowita, *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej*, s. 41; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 182-183; *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 522, 527. «Вильно» — польское название Вильнюса. На сходство участи Шейх-Ахмеда и Сеид-Ахмеда I обращал внимание Менгли Герая и Иван, высказывая мнение, что король не отправит Шейх-Ахмеда с войском на Крым, а оставит его плену пожизненно, так же, как ранее это было сделано с Сеид-Ахмедом I.
- ¹⁶⁸ М. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka u wszystkich Rusi etc.*, Królewiec 1582, s. 690; М. Miechowita, *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej*, s. 41; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 183.
- ¹⁶⁹ М. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka*, s. 693.
- ¹⁷⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 521-522.
- ¹⁷¹ М. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka*, s. 693; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 183.
- ¹⁷² В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 19-20.
- ¹⁷³ Y. Öztürk, *Osmanlı hakimiyetinde Kefe (1475-1600)*, s. 48-49. «Шахзаде» — титул сыновей осанских султанов.
- ¹⁷⁴ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 81; *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 288.
- ¹⁷⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 288.
- ¹⁷⁶ A. D. Alderson, *The Structure of the Ottoman Dynasty*, Oxford 1956, p. 88, tab. XXIX; М. Kravets, *From Nomad's Tent to Garden Palace: Evolution of a Chinggisid Household in the Crimea*, "Toronyo Studies in Central and Inner Asia", nr. 7, 2005, p. 53.
- ¹⁷⁷ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 81; S. N. Fisher, *The Foreign Relations of Turkey 1481-1512*, Urbana 1948, p. 96-97.
- ¹⁷⁸ Y. Öztürk, *Osmanlı hakimiyetinde Kefe (1475-1600)*, s. 49-51; S. N. Fisher, *The Foreign Relations of Turkey 1481-1512*, p. 98-99.
- ¹⁷⁹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 296.
- ¹⁸⁰ Менгли Герай сам сообщал османскому везиру, что Селим предлагал женить Сулеймана на его дочери, ранее выданной за Мехмеда (*Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 91). Однако впоследствии в списках жен Сулеймана крымская принцесса нигде не упоминается, тогда как брак самого Селима с дочерью крымского хана, иногда называемой Айше, — факт общеизвестный в истории Турции и зафиксированный европейскими источниками (S. N. Fisher, *The Foreign Relations of Turkey 1481-1512*, Urbana 1948, p. 98; М. Kravets, *From Nomad's Tent to Garden Palace*, p. 53). Остается полагать, что Селим отменил сватовство сына и сам взял вдову Мехмеда в жены.
- В научных трудах и в популярных представлениях широко распространено мнение, что в браке с ханской дочерью у Селима родился сын Сулейман, будущий султан (см., например, A. Fisher, *The Life and Family of Suleyman*, in: H. İnalçik, C. Kafadar (eds.), *Süleyman the Second and His Time*, İstanbul 1993, p. 9, n. 20). Однако, по данным вакуфных архивов, мать султана Сулеймана, Хафса-Султан (называемая также Айше-Хафса), была новообращенной в ислам, что полностью исключает возможность ее происхождения от мусульманского правителя Крыма (G. Veinstein, *Süleymân*, in *Encyclopaedia of Islam*, vol. IX, Leiden 1997, p. 883a; М. Ç. Uluçay, *Padişahların Kadınları ve Kızları*, Ankara 2001, s. 29-30). Вероятно, причиной путаницы послужило одинаковое имя — Айше, которое носили и Хафса-Султан, и дочь Менгли Герая.
- ¹⁸¹ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 91.
- ¹⁸² S. N. Fisher, *The Foreign Relations of Turkey 1481-1512*, p. 99.
- ¹⁸³ S. N. Fisher, *The Foreign Relations of Turkey 1481-1512*, p. 100, Y. Öztürk, *Osmanlı hakimiyetinde Kefe (1475-1600)*, s. 53-54.

- ¹⁸⁴ Румелия (от “Rum Eli”) — название европейской части Турции.
- ¹⁸⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 286.
- ¹⁸⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 287; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 28; М. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu*, Ankara 1989, s. 22, p. 94
- ¹⁸⁷ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 292.
- ¹⁸⁸ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 287-288.
- ¹⁸⁹ S. N. Fisher, *The Foreign Relations of Turkey 1481-1512*, p. 103.
- ¹⁹⁰ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 288.
- ¹⁹¹ A. D. Alderson, *The Structure of the Ottoman Dynasty*, p. 88, tab. XXIX; М. Kravets, *From Nomad's Tent to Garden Palace*, p. 53.
- ¹⁹² Вследствие своей многочисленности и традиционной значимости в Орде переселившиеся в Крым Мангыты стали вторым по влиянию кланом после Ширинов. Однако вплоть до времен Сахиба Герая они не считались «крымским родом» и не входили в состав “четырёх карачи” — совета беев четырёх знатнейших кланов Крыма. Состав этого совета менялся на протяжении истории ханства. При Менгли Герае его составляли беи родов Ширин, Барын, Кыпчак и Аргын, а в XVII веке карачами называли уже беев родов Ширин, Мансур (т. е. Мангыт), Барын и Сиджеут. Первенство всегда оставалось за Ширинами. См. U. Schamiloglu, *The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire*, “Archivum Eurasiae Medii Aevi”, vol. IV, 1984, p. 284; B. F. Manz, *The Clans of the Crimean Khanate (1466-1532)*, “Harvard Ukrainian Studies”, vol. II, nr. 3, 1978, p. 284, 287-288; A. Bennigsen, Ch. Lemercier-Quelquejau, *Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle*, p. 330; В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 28-32; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 31.
- ¹⁹³ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 172; А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 163.
- ¹⁹⁴ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 59-63.
- ¹⁹⁵ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 164.
- ¹⁹⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 70; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 164.
- ¹⁹⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 70-80; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 70-71. Следует заметить, что пленных ногайцев привели в Крым не для казни и не для продажи, а для поселения в ханских землях — в точности так же, как поступали ранее с ордынцами. Очевидно, пленники были отданы в распоряжение бея рода Мангыт, который и расселил их в своих улусах. В 1511 году несколько мирз, пришедших из Ногайской Орды, пытались отбить от Перекопа улусы с женщинами и детьми — очевидно, они таким образом пытались вернуть в родные кочевья своих соотечественников, переселенных Менгли Гераем в приднепровские степи.
- ¹⁹⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 19, 71. «Ахматовы дети» — Шейх-Ахмед, Сеид-Мухаммед, Муртаза и прочие их братья. «Махмудовы дети» — Абд-уль-Керим и вся династия хаджи-тарханских ханов.
- ¹⁹⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 20, 64, 65. Василий III, сын Ивана III, занял московский великокняжеский престол после смерти своего отца в 1505 году.
- ²⁰⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 13. В оригинальном старорусском переводе — «птичьим языком».
- ²⁰¹ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 164; А. Б. Кузнецов, *Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI вв.*, в: *Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв.*, Москва

1979, с. 68-69; А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 175-179.

²⁰² Переговоры по делу об Абд-уль-Лятифе послужили причиной, по которой Менгли Герай отложил отправку в Москву освобожденных им из Молдовы русских дипломатов с итальянскими мастерами (в числе которых был Алоизио Ламберти да Монтаньяна, см. главу “Трон «повелителя мира»”). Упомянутый Менгли Гераем в письме «чудодейственный перстень» был подарен им великому князю в знак примирения по вопросу о дальнейшей судьбе пасынка.

²⁰³ А. Л. Хорошкевич, *Русь и Крым: от союза к противостоянию*, с. 166-167.

²⁰⁴ *Книга посольская Великокого княжества Литовского. 1506*, “Сборник кн. Оболенского”, №1, 1838, с. 22; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 55-69; J. Pelenski, *Russia and Kazan*, p. 30-33; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552)*, p. 175-186.

²⁰⁵ А. А. Горский, *Москва и Орда*, с. 182-183.

²⁰⁶ Гераи признавали за хаджи-тарханским правителем сан “хана”, оставляя титул “великих ханов”, “хаканов”, исключительно за собой. Чин московского великого князя в крымской иерархии соответствовал статусу улусного бея. Так он порой назван и в ханских документах (Ch. Lemerrier-Quelquejay, *Les khanats de Kazan et de Crimée face à Moscovie en 1521*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XII, nr. 4, 1971, p. 483).

²⁰⁷ Выше говорилось, что большинство кефинских генуэзцев было вывезено османами в Стамбул. Небольшая их группа, однако, сумела избежать этого и после возвращения Менгли Герая в Крым попросила убежища в Крымском ханстве. Хан выделил беженцам землю возле села Сююр-Таш и принял некоторых из них на дипломатическую службу. Община потомков генуэзских беженцев, постепенно утрачивая родной язык и обычаи (но долго сохраняя римско-католическое вероисповедание) просуществовала в Крыму до конца XVII века. Постепенно община утратила и конфессиональную идентичность, частично приняв ислам, а частично православие, вследствие чего к началу XVIII века полностью растворилась среди окружающего населения — греков и крымских татар. См.: *Описание Черного моря и Татарию, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д’Асколи, префект Каффы, Татарию и проч. 1634*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. XXIV, 1902, с. 127-129; М. Броневский, *Описание Татарию*, с. 345-346; R. J. Loenertz, *Le origine della missione secentesca dei Domenicani in Crimea*, “Archivum fratrum praedicatorum”, vol. V, 1935, p. 269-285; О. Гайворонський, *Колонія генуезьких біженців у Кримському ханаті*, Бахчисарай 2002, с. 3-13 [<http://www.eskiyurt.iatp.org.ua/depository/fotisala.pdf>, retrieved 06 May 2007].

²⁰⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 131, 143. В некоторых хрониках приведен рассказ о том, будто Мехмед Герай, находясь в момент смерти отца за Перекопом, приказал скрыть этот факт от подданных до тех пор, пока сам не прибудет в столицу. Вследствие этого Менгли Герай был похоронен якобы только через 40 дней после смерти (M. Ürekli, *Kırım hanlığının kuruluşu*, s. 24). В свете данных московских послов, находившихся на месте событий и приводящих точные даты смерти Менгли Герая и восшествия на престол Мехмеда Герая, эти сведения следует признать легендой. В середине апреля 1515 года Мехмед Герай находился в Девлет-Сарае и ему ничто не мешало похоронить отца в полном соответствии с мусульманским погребальным обрядом, на следующий день после смерти. Однако факт смерти хана действительно мог стать известен за пределами полуострова с опозданием, поскольку Мехмед Герай принимал специальные меры к этому.

²⁰⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 131.

Часть III

Мехмед I Герай

1515-1523

«ПАДИШАХ ВСЕХ МОГУЛОВ»

*Воцарение Мехмеда I Герая — Его взаимоотношения с Селимом I —
Новый титул хана — Неудавшийся поход
против Хаджи-Тархана и Ногайской Орды —
Ногайские беи добровольно подчиняются Крыму*

(1515–1517)

Тот, кому предстояло стать новым правителем Крыма, был хорошо знаком своим подданным: Мехмед Герай вырос у них на глазах и в последние годы все чаще заменял стареющего отца в боевых походах и на заседаниях государственного совета. Столица готовилась к торжественной церемонии избрания нового хана, и для этого в Девлет-Сарай собирались беи и мирзы в сопровождении многочисленной свиты. Процедура выборов была лишь данью традиции: обычай предписывал, чтобы правителем стал старший в ханском роду, и лишь очень серьезные причины могли изменить этот порядок. Но обстоятельств, которые могли бы помешать избранию Мехмеда Герая, не предвиделось: после смерти отца пятидесятилетний Мехмед остался старшим в ханской фамилии, он уже давно стоял у руля государства и

зарекомендовал себя как отважный воин и проницательный стратег. Представить кого-либо иного на его месте было невозможно.

Бремя ханских обязанностей легло на Мехмеда Герая еще до дня выборов: первой нуждой подданных было подтвердить свои старые ярлыки на владение землей или освобождение от налогов. Несомненно, в эти дни в столицу стекалось множество людей, несущих на подпись новому правителю свои бережно хранимые свитки, и Мехмеду Гераю пришлось выписывать подтвердительные грамоты уже на следующий день после похорон отца.¹

Наконец, в пятницу 23 апреля 1515 года беи торжественно возвели Мехмеда I Герая на престол Великого Улуса, а пост калги перешел к следующему по старшинству сыну Менгли Герая — Ахмеду.²

Выборы хана обычно сопровождались всенародным праздником с бесплатным угощением для жителей столицы и пиром для ханских приближенных. В столицу Крыма один за другим прибывали послы из Польши и Молдовы, Московии и Ирана, Египта и других арабских стран с поздравлениями от своих государей. Некоторые из них, не вполне доверяя известиям о кончине Менгли Герая, на всякий случай везли с собой два послания: одно к прежнему хану (на случай, если он, вопреки слухам, жив), а другое, приветственное, — к новому.³

С особым вниманием в ханском дворце ждали гостей из Стамбула: что скажет султан Селим, когда на крымский престол взойдет тот, с кем он имеет личные счета?

Султан, пожалуй, действительно мог бы многое сказать по этому поводу. Его почтение к Менгли Гераю было общеизвестно, но турецкие хроники раскрывают истинное отношение султана к крымцам, которых он, не таясь, опасался. Однажды ночью, среди долгих бессонных раздумий, Селим призвал к себе в покои главного везира и задал ему вопрос: «Кто для нас самый страшный враг?». «Персы», — не задумываясь, ответил везир. «Ты ошибаешься, — возразил султан, — больше всего я опасаюсь татар, быстрых, как ветер, охотников на неприятелей...».⁴ Селим знал, о чем говорил: захватив Стамбул с помощью крымского отряда Саадета Герая, он успел оценить боевые качества крымских соседей.

Неприязнь султана к Мехмеду Гераю стала настолько известна, что Василий III даже предложил Турции заключить военный союз

против Крыма.⁵ Но в итоге султан все же решил оставить свое мнение при себе: он уклонился от предложения русских и отправил послов с поздравлениями к Мехмеду,⁶ продемонстрировав, что признаёт его избрание ханом. Другого выбора султан и не имел: воцарение Мехмеда Герая было безупречным с точки зрения всех законов и обычаев.⁷

Мехмед Герай тоже предпочел сохранить видимую приязнь с Селимом, с нарочитым смирением подписываясь в письмах к нему «скромный Мехмед Герай, слабейший из всех созданий». Однако текст, подписанный столь смиренно, твердо давал понять султану, чтобы тот не рассчитывал на услуги крымских войск в своих европейских кампаниях.⁸

Мечта стать объединителем Великого Улуса была столь же близка Мехмеду I Гераю, как и его отцу. Похоже, что примером для нового крымского правителя служил уже не Тохтамыш и не Бату, а сам Чингиз-хан, ибо Мехмед Герай присвоил себе титул, подобающий лишь Чингизу: «падишах всех могулов» — то есть, «монголов»!⁹

Живые настоящие монголы обитали где-то в немыслимых далях евразийского континента; и если сам хан мог гордиться родством с их знаменитым правителем, то подвластный Гераям крымскотатарский народ имел к монголам лишь то отношение, что его предки были когда-то жестоко покорены монгольским оружием.

Но Мехмеда Герая не следует подозревать в безумстве, простершемся до претензий на Гоби и Алтай. Скорее всего, дело было в другом.

Много лет назад, двинувшись завоевывать мир, потомки Чингизхана присваивали покоренным народам старые монгольские названия, к которым сами привыкли в родных степях. Так, земледельческие народы в их устах получали название “тат” (в самой Монголии так называли уйгуров), а кыпчаки-скотоводы — “татар” (так называлось монгольское племя, истребленное Чингиз-ханом). Эти имена прижились: свои “таты” и свои “татары” были в Центральной Азии, на Кавказе, в Крыму и во многих других краях, где правили Чингизиды. Разноплеменные “татары” в разных уголках Великого Улуса сильно отличались между собой, и объединяла их лишь власть монгольской династии и одинаковое название, присвоенное им завоевателями.

Но теперь, когда центр Великого Улуса переместился в Крым, когда тут встал хаканский престол — разве уместно было называть здешних жителей прежним названием “татар”, годившимся лишь для покоренных окраинных племен? Население хаканского юрта, главного юрта империи, должно называться “могулами”, в точности, как при Чингиз-хане! Видимо, в этом значении Мехмед Герай и употребил этот термин, желая лишний раз подчеркнуть свой статус правителя Великого Улуса. Его нововведение, впрочем, не прижилось ни в Крыму (чьи жители предпочли остаться “татарами”, “татами”, “крымскими татарами”, “крымцами”, “крымским народом”, но не приняли имени “могулов”), ни за пределами полуострова.¹⁰

Правитель был вправе примерять сколь угодно пышные титулы, но все они оставались пустым звуком до тех пор, пока Крымскому Юрту по-прежнему, как во времена господства Сарая, приходилось опасаться угрозы с востока. Но Мехмед Герай не был пустословом: заявляя о грандиозных планах, он был готов немедленно претворять их в жизнь.

На восточных рубежах Юрта стояла напряженная тишина: Хаджи-Тархан и Ногайская Орда были усмирены, но не приходилось сомневаться, что они (поощряемые, к тому же, Московией) рано или поздно снова пошлют своих всадников к крымским границам. Разведка донесла хану то ли тревожную, то ли курьезную новость: на виду снова показались сыновья Ахмеда — Хаджике и Муртаза, каким-то образом избежавшие печальной участи своего старшего брата. Удалившись в северокавказские степи и собрав там вокруг себя кучку случайных попутчиков, они «воссоздали» Великую Орду, провозгласив ее ханом Хаджике.¹¹ Само по себе это никак не угрожало Крыму — но кто-либо из более могучих обитателей тех краев вполне мог использовать беглых Намаганов в очередных кознях против Гераев, а это уже заслуживало пристального внимания хана.

Вскоре стало известно и то, что ногайцы с хаджи-тарханцами снова переправляют войска из Заволжья на западный берег Волги. Это вселяло подозрения, что степняки задумали очередное наступление на Крым. Пока перекопские окрестности снова не покрылись кибитками чужаков, Мехмед Герай решил ударить первым и поднял сво-

их бойцов в новый поход на восток — дорога туда была ему хорошо известна.

В начале лета 1515 года крымская армия вышла за Перекоп. Хан планировал, как в прошлый раз, застать противника врасплох на переправе. Но, миновав речку Сют-Су,¹² Мехмед Герай встретил табунщиков, гнавших в Крым лошадей из Хаджи-Тархана. Расспросив их о последних событиях на волжских берегах, хан узнал, что ногайцы с хаджи-тарханцами уже проведали о приближении крымской армии и вернулись за Волгу.¹³

Мехмед Герай собрал военный совет. Было ясно, что бросаться в погоню и переправляться через широчайшую реку под дождем вражеских стрел будет безрассудством. Посовещавшись, командиры решили: хотя неприятелю и удалось скрыться, но к зиме степные бураны и голод обязательно выгонят его из заволжских полупустынь обратно на запад. А крымское войско пока что пусть вернется по домам, отдохнет и подкормит лошадей, а весной повторит поход. Беи настаивали, чтобы хан на следующий год непременно добился от Василия присылки судов, которые закроют ногайцам переправы. Порешив на этом, беи развернули поводья в Крым.¹⁴

Через несколько месяцев проблема отношений с Ногайской Ордой разрешилась сама собой, без всякого боя.

Как выяснилось, скрывшиеся от крымцев за Волгой союзники перессорились между собой, а два брата-предводителя Ногайской Орды, Ал-Чагыр и Шигим, поспорили за власть. Проигравшему Ал-Чагыру пришлось бежать из Орды. Он направился в Крым, прибыл к Мехмеду Гераю и, прося у него приюта, клялся быть его верным слугой.

Победитель схватки, Шигим, недолго радовался своей победе: узнав, куда убежал Ал-Чагыр, он встревожился, что тот заключит с ханом союз и с помощью крымского войска овладеет всей Ногайской Ордой. Поэтому Шигим следом за Ал-Чагыром отправил своих послов к Мехмеду Гераю, чтобы опередить брата и склонить Крым на свою сторону. Он предлагал хану самые выгодные условия: признал себя его подданным, обещал вместе выступить против Хаджи-Тархана, а в подтверждение своей преданности был готов породниться с крымским правителем и отдать свою сестру в жены хану, а дочь — ханскому сыну.

Как только Ал-Чагыр услышал, что в Крым прибыли послы Шигима, он незамедлительно покинул полуостров. «Ал-Чагыр убежал от меня, — удивлялся Мехмед Герай, — не знаю, чего он опасается». ¹⁵ Пугливость ногайского гостя показалась хану странной — ведь Шигим уверял в своих посланиях, что не будет больше враждовать с братом. Но Ал-Чагыр, разумеется, гораздо лучше знал, насколько искренними могли быть эти обещания. ¹⁶

Уладив дело с Ногайской Ордой и приняв ее в свое подданство, Мехмед Герай испытал большое облегчение — по его собственным словам, у него «сердце на место встало». ¹⁷ Повод к радости у хана и в самом деле был. Без всяких усилий со стороны Крыма, без сражений и кровопролитий, была устранена угроза с востока. Опасный союз между хаджи-тарханскими Намаганами и ногайцами рухнул сам собою, а бывшие противники превратились в добрых соседей и близких родичей.

СВОЕВОЛЬНОЕ СЕМЕЙСТВО

*Отношения хана с Ахмедом Гераем — Ахмед Герай покидает Крым
и пытается вести самостоятельную внешнюю политику —
Попытки примирения — Ахмед Герай просит у султана помощи против хана —
Гибель Ахмеда Герая — Заговор Ширинов*

(1516–1519)

Если на внешнем фронте правление Мехмеда Герая началось с крупных побед, то во внутрикрымских делах хану пришлось столкнуться с серьезным конфликтом, главную роль в котором сыграл его брат Ахмед Герай.

Ахмед ничем не выделялся среди прочих сыновей Менгли Герая — за исключением, разве что, хромоты. Будучи следующим по старшинству братом после Мехмеда Герая, он с полным основанием претендовал на пост калги, и хотя отношения Мехмеда с Ахмедом были не слишком теплыми, в день воцарения нового хана Ахмед получил

причитавшийся ему по обычаю чин. Это, впрочем, не принесло ему ожидаемого влияния и почета: вторым лицом в государстве фактически стал не он, а старший сын Мехмеда, Бахадыр Герай. Сам воспитав себе надежного помощника и советчика, Мехмед Герай поручал сыну все важные дела и полностью доверял его мнению, а Ахмед Герай оказался лишенным всякого веса при дворе. Придворные поговаривали: «У Бахадыр-султана в руках и отец его, и все люди — что он захочет, то и сделает».¹⁸

Невнимание хана и пересуды челяди глубоко уязвляли самолюбие Ахмеда Герая. Раздраженный тем почетом, которым пользовался при дворе племянник, Ахмед Герай досадливо сетовал: «Когда отец наш был хан — то он один и был ханом, а мы, дети, его слушались; и беи, и все люди его тоже слушались. А теперь брат наш хан, и сын у него — тоже хан, и беи у него — тоже ханы... Как не стало отца — мне от своего брата никакого почтения не было».¹⁹

Не вынеся такой жизни, оскорбленный калга покинул Крымский полуостров и удалился в свой удел на Нижнем Днепре у крепости Ак-Чакум (Очаков). Если, по его словам, при нынешнем дворе все были «ханами», то теперь «ханом» позволил себе стать и он сам, действуя в своем улусе как независимый правитель и не появляясь более в ханской столице. Может быть, Ахмед Герай рассчитывал, что Мехмед станет упрашивать его вернуться обратно — но тот не жаждал общения с вечно обиженным братом и, казалось, вовсе позабыл о нем. Почувствовав вкус к вольной жизни, калга решил самостоятельно заняться внешней политикой.

Если раньше Ахмед охотно участвовал в походах на московские окраины, то теперь, назло брату, вызвался быть верным другом Московии. Невзирая на мир, заключенный между Крымом и Литвой, Ахмед Герай намеренно посылал своего старшего сына Геммета в походы на украинские владения Литовского княжества, а Василию, напротив, писал длинные послания, полные дружественных заверений. Калга извещал князя о положении дел в ханстве и планах крымской армии, клялся непрестанно громить польского короля и строил фантастические планы совместного с Василием завоевания Киева и Вильна.²⁰ Ахмед Герай называл себя в письмах «холопом великого князя», чем неслыханно унижал достоинство ханского рода, а при встрече

с московскими послами выводил перед ними своего младшего сына и демонстративно спрашивал его: «Чей ты сын?». «Я великого князя сын», — заученно отвечал мальчик, но московский посланец видел фальшь и писал в отчете своему правителю: «А что у него в сердце, государь, — кто знает...».²¹

Ахмед Герай заискивал перед московским князем, дабы тот поддержал его в борьбе против хана — но Василий III не верил его внезапно проявившемуся дружелюбию, относился к своему новоявленному «холопу» без всякого почтения и не воспринимал его всерьез: для Ахмеда не осталось секретом, что в какой-то беседе Василий назвал его «ни к чему не годным хромцом и глупцом».²²

Мехмеду Гераю поначалу было мало дела до этой добровольной ссылки брата, но когда стало известно, что тот, помимо Московии, хочет завязать дружбу и с Хаджи-Тарханом, хан решил встретиться с Ахмедом. Калге было послано приглашение на заседание государственного совета. Посчитав, вероятно, что своим отсутствием он наконец-то заставил хана считаться с собой, Ахмед Герай отправился в Салачик. Но когда калга встретился с братом, оказалось, что дела хана отнюдь не разладились за год отсутствия Ахмеда при дворе, и что хан пригласил его вовсе не для того, чтобы покаяться перед ним. Мехмед Герай объяснил, что Крым нуждается в мире с Польшей и Литвой, а Ахмед Герай мешает этому, беспрестанно нападая на литовскую Украину. Хан попросил калгу, чтобы тот ушел из-под Ак-Чакума, примирился с королем и отправил к нему своего младшего сына Юсуфа (согласно обычаю, по которому сын или близкий родич одного правителя, гостящий при дворе другого, становился залогом мирных отношений двух стран).

Услышав все это, разочарованный Ахмед Герай свирепо плюнул перед ханом на пол, покинул дворец и удалился обратно в свой улус.²³

Как ни был задет Мехмед Герай этой выходкой, ему пришлось вернуться к вопросу об отправке кого-либо из младших членов ханского семейства в Польшу: король Зигмунт настаивал на этом для заключения мирного договора. Вопрос был непростой и вызывал много споров, поскольку при дворе были как сторонники, так и противники такого союза. Бахадыр Герай, выступавший за тесную дружбу с

Польшей и Литвой, убеждал отца, что это совершенно необходимо, и Мехмед Герай был согласен с ним.

Хан позвал свою супругу Нурун-Султан, чтобы та привела двух младших братьев Бахадыра — Гази и Бабу Гераев. Когда мальчики явились на собрание, Мехмед Герай подвел второго из них к Бахадыру: «Вот сын мой и брат твой, отдай его в Литву. Ты знаешь, что делаешь».

Бахадыр Герай обрадовался, что отец прислушался к его совету, но тут один из придворных тихо сказал маленькому принцу: «Беги скорей к матери, не то отдадут тебя литовцам, и ты умрешь там!». Испуганное дитя в слезах умчалось к матери, которой уже нашептали, как опрометчиво она согласилась на путешествие сына. Нурун-Султан забрала детей и отправилась прочь, передав хану: «Когда меня не будет — тогда и отдавайте моих детей в Литву, а до того, пока я жива, детям моим там не бывать!».

Узнав об этом, Бахадыр Герай в возмущении бросился к отцу: «Какой же ты хан, когда тебя женщина не слушается!».

Раздраженный Мехмед Герай, которому уже порядком надоело своеобразие родичей, взорвался и с издевкой бросил сыну насмешливый «совет», как заставить всех повиноваться: «Что ж, поедь, догони ее — и я возьму твою мать за волосы, а ты отрежь ей голову, и тогда заberi своего брата!!!». ²⁴ Действительно: упрекать всегда легче, чем терпеливо управляться со столь своевольным семейством... Мира в ханском доме не было уже давно, и Нурун-Султан не стыдилась опускаться до мелочных жалоб на собственного мужа перед московскими послами — мол, хан проматывает деньги в пиршествах со своими остальными, любимыми, женами. ²⁵

Союза с королем так и не получилось, мир сменился войной. Хан вновь позвал к себе калгу, и тот, узнав о перемене в ханской политике, прибыл к Мехмеду Гераю. Ахмед Герай упал перед ханом на колени, раскаиваясь в своем своеволии и обещая впредь полное повиновение. Обняв брата и подняв его с пола, Мехмед Герай заверил, что прощает его. ²⁶

К сожалению, примирение оказалось недолгим. Неизвестно, что именно послужило причиной нового скандала между братьями — но

уже через несколько месяцев калга снова был за Днепром, в Ак-Чакуме. Убедившись, что московский князь не слишком заинтересован в нем как в союзнике, Ахмед Герай задумал нанести брату страшный удар с другой стороны: навести на него османского султана.

Селим I навсегда запомнил те дни в Крыму, когда калга Мехмед Герай требовал связать его и отправить на расправу в Турцию. Султан ничего не забыл и ничего не простил хану, хотя и хранил до сих пор молчание. При османском дворе жили двое ханских братьев: Саадет Герай и присоединившийся к нему Мубарек Герай. Они писали Мехмеду Гераю из Стамбула любезные письма, уверяя, что вовсе не собираются оспаривать у него трон и титул.²⁷ Но обмануть крымского правителя было невозможно: хан знал, что на самом деле они намерены оспорить и то, и другое, и что Селим при случае охотно поможет им, мстя за свое давнее унижение.

Стамбульские гости слали письма не только в Салачик, но и в Ак-Чакум, и содержание этих посланий оставалось для хана секретом. Столь же таинственными были и переговоры калги с султанскими посланцами, которые беспрестанно наведывались к нему.

Наконец, тайна открылась: в начале 1519 года Ахмед отправил в Турцию своего сына Геммета Герая за военной помощью против хана.²⁸ Будучи первым наследником, Ахмед Герай, не иначе, рассчитывал свергнуть брата с помощью янычар и завладеть ханским тронном.

На этот раз терпение Мехмеда Герая лопнуло и он оставил свое обычное миролюбие. Узнав об открытой измене Ахмеда Герая, он приказал двум своим сыновьям выйти с войском и разгромить его. Те отправились к Днепру. Бахадыр Герай встал на Перекопе и заградил подступы к Крыму, а Алп Герай разыскал мятежника в степях и убил его. «Такова была воля Аллаха, — подвел итог Мехмед Герай, — брат мой Ахмед Герай-султан поверил слову злого человека и отложился от меня, и пошел по пути зла, и Аллах ему воспрепятствовал...».²⁹

Хотя Ахмед Герай и был покаран самым суровым образом, дурной пример его своеволия оказался заразителен. Видя долготерпение хана по отношению к неприкрытому мятежу калги, крымские вельможи стали вести себя намного смелее. Агиш, бей рода Ширин, похвалялся:

«Меня беем сделал Аллах и Менгли Герай — а этого хана ханом сделал Аллах и я во главе четырех карачи-беев».³⁰

Ширины давно были настроены против хана. В его споре с Ахмедом они держали сторону калги, женатого на Ширин-Бек, внучке Эминека. Причиной к недовольству вельмож послужило то, что Мехмед Герай, по их мнению, слишком высоко вознес Мангытов в ущерб привилегиям старых крымских родов.³¹ После гибели Ахмеда Герая рознь между Ширинами и ханом усилилась. Ширины укрыли у себя супругу мятежного калги с двумя его младшими сыновьями, Юсуфом и Бучкаком Гераями. Появились подозрения, что в клане Ширинов зреет заговор — и эти подозрения лишь усиливались от того, что ширинские предводители избегали встречи с ханом и игнорировали заседания государственного совета.³²

Тем не менее, Мехмед Герай надеялся поладить с аристократами миром. Хан приблизил к себе племянника Агиш-бея, Бахтияр-мирзу — одного из наиболее влиятельных представителей Ширинского клана. Он защищал его от обвинений в измене, которые выдвигал Бахадыр Герай и даже тайно платил Бахтияру жалование, скрывая это от своих сыновей.³³ Но мирзу не тронули попытки хана подружиться с ним. Вместе со своими родичами и единомышленниками из других кланов он тайно готовил переворот, намереваясь свергнуть хана (стало быть, обвинения Бахадыра были не беспочвенны).

Из-под пера Бахтияр-мирзы и его сообщников за море к Саадету Гераю летели письма, где Мехмед Герай изображался в самых черных красках: хан обвинялся в распущенности, пьянстве, дружбе с шиитскими еретиками и даже в сговоре со злейшим врагом османов — персидским шахом. Мирзы упрашивали Саадета Герая прибыть в Крым и взять власть в свои руки: «Мы все готовы положить за Вас свои головы!» — клялись заговорщики во главе с Бахтияром.³⁴

В Кефе побывал посланец, тайно посланный к Ширинам от Саадета и Геммета Гераев. Он сообщил, что Селим I готов помочь своим фаворитам и даже назвал точную дату переворота. Бахтияр нетерпеливо ожидал турецкого десанта — но назначенная дата миновала, не ознаменовавшись никакими событиями, и мирза снова писал стамбульским принцам, с досадой спрашивая: почему намеченное не осуществилось и когда следует ждать следующей попытки?³⁵

Селиму I было некогда сейчас вмешиваться в крымский спор: в эти годы он был занят завоеванием Египта и Мекки. Он лишь указал хану в письме, чтобы тот не смел причинять какого-либо вреда семье Ахмеда Герая,³⁶ — продемонстрировав тем самым, что потомки мятежного калги и весь род Ширинов взяты под личное покровительство падишаха.

Казалось, недоброжелатели обложили хана со всех сторон — и все же, несмотря на немалые сложности в отношениях со знатью, Мехмед Герай оставался хозяином положения, и его наиболее блистательные достижения были еще впереди.

ОТПРЫСК НАМАГАНОВ

*Ногайцы спасаются в Крымском ханстве от нашествия казахов —
Смерть казанских ханов Абд-уль-Лятифа и Мухаммед-Эмина —
Московский ставленник Шах-Али на казанском троне —
Свержение Шах-Али и воцарение в Казани Сахиба Герая*

(1519–1521)

Летом 1519 года в Крыму появились послы ногайского правителя Шигима, сообщившие, что ногайцы атакованы с востока страшным противником и просят у хана убежища в крымских землях.

Оказалось, что у северного берега Каспия появились неожиданные гости, о которых в тамошних краях давно уже не слыхали. Это были казахи, которые много лет странствовали далеко на юге, а теперь повернули к степям между Уралом и Волгой — туда, где обитала Ногайская Орда. Казахский хан Касым считал эти земли своими владениями и решил вернуть их в повиновение.

Гигантское войско казахов несло через безлюдные полупустыни к волжским берегам. Уж на что ногайцы считались отважными воинами, но противостоять этому натиску они не могли. Ногайские улусы тысячами бежали к Волге и перебирались на ее западный берег. Здесь

их подстерегал хаджи-тарханский хан, грабивший обессиленных беженцев в отместку за их недавний союз с Крымом. Подданным Шигима оставалась одна дорога — дальше на запад, во владения Мехмеда Герая. Сам Шигим до Крыма не добрался: успев попросить хана об убежище, он погиб в схватке на переправе. Во главе ногайцев встали новые правители: двоюродные братья Агиш и Мамай.³⁷

Вытеснив ногайские улусы на запад и достигнув берега Волги, казахи остановились и стали разведывать, что за земли лежат далее. Мехмед Герай был начеку. Когда Селим I пригласил его в военный поход против Польши, хан отказался, пояснив причину: «В землях, что были ранее населены племенем ногайцев, которых мы недавно подчинили, обосновались разбойники, называемые казахами, под предводительством своего хана. Они пришли, как бродяги, и встали там, внимательно наблюдая за нами. Если мы предпримем войну против польского короля, то они объединятся с ханом Хаджи-Тархана, который также является нашим давним недругом, и разорят нашу страну».³⁸

Казахи еще никогда не встречались в бою с крымцами, и Касым-хан считал за лучшее остаться на месте — тем более, что на территории к западу от Волги он не претендовал.

Теперь, когда в причерноморских степях кочевали десятки тысяч вооруженных ногайцев, обязанных хану своим спасением и подчиненных ему, Мехмед Герай мог гораздо увереннее чувствовать себя в отношениях со своенравной крымской знатью. Хан окружил себя аристократами из племени Мангытов — и теми, которые только что примчались из-за Волги, и теми, что уже давно жили в Крыму. Мангыты стали его первыми друзьями и приближенными особами. Даже в соседних государствах стало известно о предпочтениях хана, который «крымских татар перестал любить, а сильнее стал любить ногайских татар, которых у него было множество, держа их близ себя и считая их своими доброжелателями».³⁹ Естественно, это не нравилось крымским вельможам, но поделаться они ничего не могли: объединенные силы крымских и волжских Мангытов не уступали мощи Ширинов.

Укрепив таким образом свои позиции и покончив с мятежом Ахмеда, хан наконец-то смог вернуться к делам Великого Улуса — тем более, что там разворачивались важные события, затронувшие его сводных братьев в Казани.

Мухаммед-Эмин, который в 1505 году восстал против своих московских покровителей, вышел победителем из двухлетней войны и заключил с Василием мир. Внешне мало что изменилось в отношениях хана и великого князя, но на деле Московия лишилась бывшего влияния на Казанский юрт.⁴⁰ В 1516 году Мухаммед-Эмин серьезно заболел — да столь тяжко, что не приходилось сомневаться в скорой кончине хана. Возникал уместный вопрос о преемнике престола. Детей у Мухаммед-Эмина не было, но в любом случае первым наследником хана являлся его младший брат, Абд-уль-Лятиф.

Как уже говорилось, судьба Абд-уль-Лятифа в Московии сложилась трагично: он был отстранен от власти, многие годы провел на положении пленника, и все попытки Менгли и Мехмеда Гераев вернуть его в Крым оказались напрасными. Когда всем стало очевидно, что Мухаммед-Эмин скоро умрет, Василий не посмел в открытую нарушить древний чингизидский обычай и был вынужден публично признать своего пленника наследником казанского трона. Однако князь решил любыми средствами не допустить Абд-уль-Лятифа к власти. Василий ждал случая, чтобы вновь подчинить Казань, и мечтал о таком правителе, который находился бы в полной зависимости от Москвы. Разумеется, непокорный Абд-уль-Лятиф не годился на эту роль, и потому князь готовил казанцам в правители совсем другого кандидата.

Касимовским юртом, бывшим уделом Нур-Девлета, более двадцати пяти лет управляла крымская династия: после Нур-Девлета там правил его старший сын Сатылган, а затем младший, Джанай. Но когда в 1512 году Джанай умер, линия потомков Хаджи Герая в Касимове пресеклась. Желая продолжить ее, Мехмед Герай предлагал Василию в касимовские ханы Сахиба Герая или кого-нибудь из своих сыновей, но тот отдал юрт Шейх-Авлияру — скрывшемуся в Московии после разгрома Орды двоюродному брату Шейх-Ахмеда.

Не вызывало сомнений, что московский князь назло крымскому хану пытается возродить из пепла дом Намаганов, с которым сообщались их предки. Мехмед Герай гневно возражал против этого, а крымские Ширины (чьи родичи занимали в Касимове первые посты при дворе) заявляли, что пойдут войной на Касимовский юрт и выбьют оттуда ордынскую династию, — но ни хан, ни беи ничего не

добились. В 1516 году Шейх-Авлияр умер, оставив трех сыновей-подростков: Шах-Али, Джан-Али и Тохтамыша. Старшего из них князь и вознамерился сделать казанским ханом, но до поры держал свой замысел в секрете.⁴¹

Что же касалось законного наследника казанского трона, Абд-уль-Лятифа, то в те времена было известно немало хитрых снадобий, позволявших быстро избавиться от неугодных лиц. Почти сразу же вслед за тем, как князь признал Абд-уль-Лятифа будущим ханом Казани и поселил его в Подмосковье, тот скоропостижно скончался от некоей таинственной болезни. Странная своевременность его кончины вызывала подозрения. Стараясь отвести их, слуги великого князя даже допустили к смертному ложу Абд-уль-Лятифа крымского представителя, дабы тот убедился в ненасильственной природе смерти.⁴²

Как и Мухаммед-Эмин, Абд-уль-Лятиф не имел сыновей: эти два бездетных брата оказались последними представителями династии Улу-Мухаммеда.⁴³ Теперь наследниками казанского трона по праву становились сводные братья казанских правителей: дети Менгли Герая. Младшего из них, Сахиба, отец с рождения прочил на волжский престол: еще в 1510 году, когда Нур-Султан ездила в Казань и Москву повидаться со своими сыновьями, Менгли Герай отправил с ней и девятилетнего Сахиба Герая, чтобы познакомить беев Казанского юрта с их будущим повелителем.⁴⁴ Законность такого порядка наследования не вызывала сомнений, и потому Мехмед Герай открыто сообщил Василию, что после смерти Мухаммед-Эмина в Казань будет отправлен Сахиб Герай. Князь лишь промолчал в ответ, не желая до времени раскрывать свои карты.⁴⁵

В декабре 1518 года Мухаммед-Эмин, обессиленный мучительной болезнью, скончался. Весть об этом быстро достигла Крыма. Сахиб Герай был готов ехать в Казань — но тут в Крыму случился мятеж Ахмеда Герая, и хану пришлось отложить все свои ближайшие планы: и весенний поход на Хаджи-Тархан, и отправку младшего брата на казанский престол.

Тем временем Москва, давно уже поджидавшая этого момента, возвела на казанский трон своего ставленника Шах-Али. Прибыв в Казань под защитой русского военного отряда, тринадцатилетний

хан подписал с великим князем вассальный договор. Зависимость Казани от Москвы не только возобновилась, но и значительно усилилась.⁴⁶ Крымские послы в Москве возмущались назначением ордынца в казанские правители — но бояре лицемерно разводили руками: мол, мы предлагали татарам в ханы родича Мехмеда Герая, но они отказались и настойчиво требовали себе в правители Шах-Али.⁴⁷

Новый хан вызвал неприязнь подданных при первой же встрече: уродливая внешность юноши — огромный живот, короткие ноги, бабье лицо с длинными ушами — никак не соответствовала народным представлениям о царственном облике. Сами русские тоже потешались над его безобразием, добавляя: «Такого им, татарам, нарочно избрали царя в унижение и насмешку».⁴⁸ Очень скоро Шах-Али дал казанцам гораздо более серьезные поводы к ненависти: всеми делами юрта стал заправлять от его имени боярин Карпов, по татарской столице разгуливали отряды русских стрельцов, и все это весьма походило на чужеземное завоевание. Бей попытались втолковать хану, что ему не следует излишне потакать иноземцам — но в результате очутились в темнице, а кое-кто и на плахе.⁴⁹

Казанские посланцы отправились в Крым. Они просили Мехмеда Герая прийти на помощь татарам и отправить в Казань, как было уговорено, младшего брата. И если вначале бунт калги помешал Мехмеду Герая вовремя помочь казанцам, то теперь хан мог осуществить свой давний план. Весной 1521 года Мехмед Герай снабдил Сахиба Герая тремястами лучших воинов и благословил его в путь.⁵⁰ Малая численность отряда не должна удивлять: ведь речь шла не о захвате Казанского юрта крымскими войсками, а лишь о присылке правителя со свитой. Казанцы намеревались справиться с ненавистным Шах-Али и его стрельцами собственными силами.

Как только крымский принц появился в волжской столице, татары подняли восстание против московского засилья. Стоявший в городе русский гарнизон был истреблен полностью вместе с гвардией Шах-Али. В руки восставших попался и сам потомок Намаганов. Казанцы хотели немедленно казнить навязанного им в ханы чужака, но победитель, Сахиб Герай, удержал их от этой меры: каков бы

ни был Шах-Али, он принадлежал к царственному потомству Чингиза, а проливать ханскую кровь считалось недопустимым деянием.⁵¹ Во внимание следовало принять и молодой возраст хана-неудачника, оказавшегося марионеткой в чужих руках. Можно было надеяться, что урок пойдет юнцу на пользу, и в будущем Шах-Али воздержится от участия в сомнительных интригах иноземцев. (Забегая вперед, стоит отметить, что благие надежды Сахиба Герая не оправдались: повзрослев, Шах-Али превратился в заклятого врага Гераев, а татарам еще не раз пришлось испытать на себе его тяжелую руку тирана).

Помиловав противника, Сахиб Герай отпустил его на все четыре стороны. С Шах-Али сняли дорогие одежды, оставив одну рубаху, посадили на худую лошадь, и вместе с тремя сотнями свиты вывели вон за городские ворота. Вслед за бывшим ханом отправился и разоруженный русский воевода — его оставили в живых, дабы тот из первых уст доложил князю о казанском разгроме.

Изгнанники двинулись к Москве, путь к которой оказался очень непростым. Чтобы избежать встреч с разбойниками, Шах-Али и его безоружным спутникам пришлось обходить стороной торные дороги и блуждать по лесам, питаясь падалью, ягодами и травой. Наконец им все же удалось добраться до русской столицы, где Василий III, уже не чаявший дожидаться своего любимца, был чрезвычайно рад увидеть его снова.⁵²

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

*Цель борьбы крымских ханов за воссоединение Великого Улуса —
Мехмед и Сахиб Гераи совершают поход на Москву —
Нападение Хаджи-Тархана на Крым и возвращение крымской армии из похода*

(1520-1521)

Будь жив Менгли Герай, он, без сомнения, гордился бы сыном, который овладел отцовским умением одерживать победы без боев и сражений. Теперь под венцом Гераев, помимо Крыма, были собраны Ногайская Орда и Казанский юрт. Надежды воссоединить Великий Улус становились все более основательными. Для того, чтобы они наконец стали реальностью, Мехмеду Гераю оставался последний шаг: овладеть центральным улусом бывшей Орды, что располагался на Нижней Волге.

Эта полупустынная, засушливая и удаленная от Крыма область не представляла бы никакого интереса для крымского хана, если бы не одно обстоятельство: эти земли были освящены вековой традицией как центр великой империи, и над безбрежными ковылями тамошних степей поныне высились развалины запустевшей столицы золотоордынских ханов. Обладание этой землей, именовавшейся Тахт-Эли (“Престольный Край”), искони составляло первую цель всех, кто боролся за ордынский трон. Наряду с обладанием белым шатром великого хана, оно служило признанным символом наивысших полномочий и ключом к власти над всею Ордой.⁵³ Владелец этой территории имел право требовать, чтобы все народы Кыпчакской Степи признавали его верховным государем. Именно к этому и стремился Мехмед Герай.

После падения Орды пустоши Тахт-Эли вошли в границы Хаджи-Тарханского юрта. Мехмед Герай давно уже приглашал Василия III вместе ударить на этот последний оплот Намаганов. Хан не возражал, чтобы после совместной победы русские поставили в Хаджи-Тархане свой гарнизон и пользовались природными богатствами края. «И рыба, и соль, и все, что нужно, — то пусть будет брату моему, великому князю, — писал Мехмед Герай, оставляя за собой главное: — А мне бы только слава была, что город — мой».⁵⁴

В этих словах Мехмеда I Герая заключается вся суть великоимперской политики Крыма.

В мире, где столетиями тянулись войны за малейшие клочки земли, где великие державы поглощали целые континенты (вспомним, что Менгли и Мехмед — современники Колумба и Кортеса), Крым вел странную войну без завоеваний и аннексий: войну за символы власти рухнувшей под собственным весом империи. Крымское ханство не расширяло своей территории и даже не собирало дани с подчинившихся ему тюркских государств: целью Гераев была та самая «слава» — то есть, признание всеми окраинами Орды династического старшинства крымских ханов, что автоматически означало вечный мир с правителями этих окраин. Крошечный Крым, который несколько тысяч кочевников могли дотла разорить за считанные недели, выстраивал вокруг себя широкий пояс вассалов-союзников, чтобы не опасаться, как в прежние годы, внезапных нашествий из степи. А других противников у Крыма пока еще не появилось...

Василий III не соблазнился каспийскими осетрами и солью. Князь не стал помогать Крыму против Хаджи-Тархана: московский правитель вовсе не собирался ослаблять тамошних Намаганов, а напротив, старался помочь поверженной династии, поставив ее отпрысков над Касимовым и над Казанью. Стало очевидным, что Московия в нарушение договора о совместной с Крымом борьбе против «детей Ахмеда и Махмуда» круто развернула свой прежний курс и встала на сторону недругов Крыма. Поэтому хан счел нужным предостеречь московского соседа, дабы тот прекратил свою дружбу с Намаганами и оставил надежды свергнуть в Казани Сахиба Герая. Приняв такое решение, Мехмед Герай стал готовиться к походу против Василия III — первому крымскому походу на Москву.

Прежде, чем начинать эту кампанию, Мехмед Герай попытался примириться с хаджи-тарханским правителем Джанибеком и предложил ему заключить союз против Василия. «Мы с тобою братья, — писал хан, — я дружил с московским князем, но он изменил мне: Казань была нашим юртом, а он посадил там султана из своей руки, которого Казанская земля, за исключением одного сеида, не хотела. Казанцы прислали ко мне человека просить у меня султана — и я им в Казань

отпустил султана, а сам иду на московского князя со всей своею силою. И если ты хочешь быть со мной в дружбе и в братстве, то выйди и сам на московского князя». ⁵⁵ Мехмед Герая не добился желаемого: Джанибек остался при своих промосковских симпатиях.

Хан планировал вывести свою армию на Москву весной 1521 года, сразу вслед за отъездом Сахиба Герая, чтобы отвлечь на себя русские силы, пока брат укрепится в Казани. ⁵⁶ Но поход пришлось отложить до лета: крымскому выступлению воспротивился Стамбул.

Осенью 1520 года скончался грозный султан Селим I, так и не успевший отомстить Мехмеду Герая за свое давнее унижение. Наследник Селима, Сулейман I, относился к хану столь же холодно ⁵⁷ — ведь пребывая в Крыму рядом с отцом, и он не избежал бы гибели, если бы последнее слово в том давнем споре осталось за Мехмедом Гераем.

Сулейман вел войну с Венгрией, на стороне которой стояла Польша — и потому Московия, давний враг польских королей, рассматривалась в Стамбуле как ценный союзник. ⁵⁸ Узнав о приготовлениях хана, Сулейман пригрозил ему: «Мы слышали, что ты хочешь пойти на землю московского князя. Побереги свою жизнь и не ходи на него, ибо он мой большой друг, а если пойдешь на московского князя — то я пойду на твою страну». ⁵⁹ Мехмеда Герая это раздосадовало, но отнюдь не испугало: разумеется, султан не бросил бы войну в Европе ради того, чтобы сражаться с Крымом.

Смена на османском престоле сильно обеспокоила Саадета и Геммета Гераев. У молодого султана в начале правления было бесчисленное множество более важных проблем, нежели вмешательство в крымские семейные ссоры. Не в силах более бездействовать, крымские гости падишаха отправились к устью Днестра и созвали к себе всех обитавших там кочевников — очевидно, для того, чтобы вторгнуться в Крым. Но у Мехмеда Герая уже было собрано все крымское войско, с которым он и встал за Перекопом, готовый во всеоружии встретить беспокойных родичей. Хан отправил к Геммету и Саадету гонца с письмом, но те изорвали его послание в клочья: «Не нужен нам ни посол твой, ни твои грамоты!». ⁶⁰ Заговорщики явно нервничали: они прекрасно понимали, что своих сил для борьбы с Мехмедом у них недостаточно, а султану некогда прийти им на помощь. Понял это и

Мехмед Герай. Не колеблясь более ни минуты, он повел своих людей на Москву.

В июле крымское войско пересекло пограничья Московии, быстро продвинулось вглубь страны и достигло берегов Оки. Растерянность застигнутых врасплох воевод еще более усилилась от известия, что от Казани к Москве навстречу Мехмеду Гераю движется и Сахиб Герай. Двое ханов-братьев шли на противника с разных сторон, и Василий III оказался меж двух огней. Не желая рисковать головой, князь бежал из своей столицы, скрываясь по пути от ханских дозорных отрядов в стогах сена. Наместником в осажденной Москве остался царевич Петр — бывший Худай-Кул, брат по отцу Мухаммед-Эмина и Абд-уль-Лятифа.⁶¹ Мехмед и Сахиб встретились у селения Коломна и, объединив свои силы, в начале августа подошли к московским стенам.

Столица, куда от пожаров и разрушений в разгромленных крымцами и казанцами подмосковных селах сбежались огромные толпы крестьян с имуществом и телегами, оказалась не готова к обороне. В Кремле имелся артиллерийский отряд, но его многопудовые пушки были разбросаны по всему городу, а запасов пороха к ним приготовлено не было.⁶² Как говорили очевидцы, город вполне можно было бы взять приступом или сжечь, но целью Мехмеда Герая был не захват и разрушение Москвы, а устрашение князя Василия.

Поэтому, не растрачивая сил на штурм Кремля, Мехмед Герай легко согласился на мирные переговоры с осажденными. Он принял посланные ими дары⁶³ и заявил, что готов покинуть земли Московии, если Василий III признает его верховенство на тех же условиях, на которых прежние московские князья признавали господство ордынских ханов. Стремясь любой ценой отвести грозу от столицы, Петр с боярами выдали хану от имени князя соответствующую грамоту, содержанием которой Мехмед Герай остался вполне доволен.

Ханские армии отошли от Москвы к Рязани и занялись сбором выкупа за пленных, которых во множестве захватили в землях Московии. Мехмед Герай приказал наместнику Рязани Ивану Хабару, как слуге своего московского вассала, лично явиться в ханскую ставку и выдать крымскому войску провиант. Желая оттянуть время для

подготовки артиллерии к обороне, Хабар ответил, что ничего не знает о вассальной зависимости Василия III от Мехмеда Герая. Тогда ему направили княжескую грамоту, в которой Москва признала свое вечное данничество в отношении Крыма. Пока Хабар внимательно знакомился с содержанием документа, его пушки с крепостной стены начали обстрел ханских позиций. Крымские командиры уже были готовы штурмовать город — но тут по войску внезапно разнесся ханский приказ немедленно возвращаться домой. Сборы были спешными: как говорили, крымцы снялись с места и стремительно ушли на юг, даже не успев забрать у Хабара ту самую грамоту, что должна была стать главным трофеем московского похода.⁶⁴

Выяснилось, что пока крымская армия находилась в Московии, полуостров подвергся нападению хаджи-тарханцев. Их пришло всего шесть сотен, но поскольку защищать Крым было некому, незваные гости сотворили здесь все, что им заблагорассудилось: они захватили в плен большое число женщин с детьми и угнали несметные стада скота. Спасаясь от набега, крымские жители покидали обжитые места и бежали в Кефе под защиту турецкого бея.⁶⁵

Примчавшись в Крым, ханская армия уже не застала хаджи-тарханцев на полуострове и не успела перехватить налетчиков: забрав добычу, те успели скрыться от возмездия. До сих пор Хаджи-Тархан не осмеливался нападать на Крым, и эта вылазка, сорвавшая московский поход, стала для хана окончательным доводом в пользу военного удара по Нижней Волге. События московской кампании показали, что хаджи-тарханские Намаганы, сдружившиеся в последние годы с Москвой, не оставят Крым в покое до тех пор, пока не будут разгромлены окончательно.

Что до Василия III, то бегство князя из Москвы и подписание унижительного договора (лишь благодаря случайности не сохранившегося в руках у хана), конечно, отнюдь не укрепили его авторитета. Наказав виновных и невиновных, Василий попытался защитить свою пошатнувшуюся репутацию, собрав огромное войско на Оке и вызвав Мехмеда Герая на бой. В ответ хан безучастно заявил, что призыв начинать войны лишь тогда, когда решит это сам.⁶⁶ (Не исключе-

но, впрочем, что князь, знавший военные обычаи крымской армии, именно на такой ответ и рассчитывал).

Несмотря на досадную утрату главного трофея, Мехмед Герай добился своей цели: князь был предупрежден о тяжелых последствиях, которые может повлечь за собой вражда с ханом. Теперь Мехмеду Герая можно было смело выступать на Хаджи-Тархан: не приходилось сомневаться, что Василий еще долго не осмелится чинить ему каких-либо препятствий.

ХОД ЧЕРНОГО ШАХА

*Взятие крымским войском Хаджи-Тархана —
Хаджи-тарханским ханом становится Бахадыр Герай —
Бегство Гази и Бабы Гераев в Крым —
Заговор ногайских беев — Убийство Мехмеда и Бахадыра Гераев —
Нашествие ногайских беев на Крым*

(1522-1523)

Осенью 1522 года Мехмед I Герай пересек донские степи и вышел к волжскому берегу. За ним следовало войско в 130 тысяч крымцев и ногайцев.⁶⁷ Ногайцы отлично зарекомендовали себя в прошлогодней московской кампании, и Мехмед I Герай не сомневался, что может целиком положиться на своих новых подданных во главе с их предводителем Мамай-беем.

Наступление на Хаджи-Тархан увенчалось полной победой: хаджи-тарханский правитель бежал, а Мехмед I Герай вошел в покоренный город и устроил там выборы нового хана. Теперь повелителем Хаджи-Тарханского юрта стал Бахадыр Герай.⁶⁸

В ханской семье царило ликование. Зима и начало весны 1523 года стали временем, когда давняя мечта Гераев стала явью: под крыльями Крымского Юрта, наконец, были собраны все земли Улуса Бату. Как говорили о Мехмеде I Герае, в эти дни он был преисполнен гордости.⁶⁹ Надо признать, у него были к тому все основания.

Участники похода самозабвенно праздновали победу, а приближенные ханских сыновей и вовсе чувствовали себя на вершине славы. Еще бы: теперь они стали первыми лицами при правителе Хаджи-Тарханского государства. В особенности ликовали слуги младших братьев Бахадыра — Гази и Бабы Гераев, и для некоторых из этих слуг искушение властью оказалось непосильным. Новоиспеченные управители, в одночасье скакнувшие высоко вверх по служебной лестнице, ринулись исполнять свои полномочия — и вскоре к хаканскому порогу стали стекаться хаджи-тарханцы, жалующиеся на самоуправство и притеснения.

Узнав о происходящих в городе безобразиях, Мехмед I Герай сильно разгневался. Он не для того шестнадцать лет готовился к взятию Хаджи-Тархана, чтобы теперь придворные служки разжигали своим поведением вражду к крымцам среди волжан. Он разыскал и строго наказал зарвавшихся приказчиков, а затем взялся и за сыновей, разбаловавших своих слуг.⁷⁰

Отцовское наставление о правилах управления государством наверняка прошло очень бурно, поскольку Гази и Баба вышли из ханского шатра сильно оскорбленными. Еще бы: они были уже не детьми, а мужчинами (Гази Гераю недавно стукнуло целых девятнадцать лет, а Баба был лишь немногим младше), и получать от отца нагоняи — да еще, наверняка, в присутствии подданных — было для них крайне унижительно.

К пылающим обидой молодым принцам тут же подступили некие беи. Очевидно, это были Ширины, которые с самого начала не желали идти в Хаджи-Тархан (ибо разжиться в пустынном краю было нечем, а ханская «слава» их заботила мало) и давно уже были раздражены благоволением хана к Мангытам.⁷¹ Возможно, они и нашептали вспыльчивым юношам, что отец не должен обращаться с ними, как с младенцами, и что раз Мехмед Герай позволяет себе так унижать своих сыновей, то пусть сам и управляет покоренной страной. Эти или другие доводы привели безвестные благожелатели, но в тот же вечер Гази и Баба Гераи вскочили на коней и вместе с беями (а заодно и с бейскими войсками) поскакали обратно в Крым.⁷² Если отец настолько не ценит их — что ж, гордые принцы не держатся за свои новые посты и готовы вернуться домой.

Мехмед Герай далеко не сразу узнал о ночном бегстве своих сыновей и крымских беев, а Мамай-бей с братом Агишем уже были в курсе всех новостей и зорко наблюдали за событиями. Убедившись, что Гази с Бабою и частью крымских войск покинули Хаджи-Тархан, ногайские предводители принялись за дело: настал час осуществить тайный план, задуманный ими задолго до похода.

Перейдя несколько лет назад в крымское подданство, ногайские правители — Шигим, а затем Мамай — сделали это вовсе не по доброй воле, а лишь потому, что были изгнаны с родных мест казахами. Мехмед Герай, конечно, знал это, но наверняка надеялся, что гости обживутся в крымских степях и останутся здесь навсегда, как это было с ордынцами при Менгли Герае. Потому-то он, несмотря на нарекания крымских беев, и окружил ногайскую знать особым почетом. Однако гордых степняков это положение не устраивало. Ногайцы издавна привыкли подчиняться только своим собственным беям, и статус ханских вассалов был для них тягостен.

Пока в землях Ногайской Орды хозяйничали казахи, беженцам оставалось лишь смириться с властью крымского хана, приютившего их в своих владениях. Но грозный казахский правитель недавно умер, его подданные вернулись обратно в Среднюю Азию, и Ногайской Орде пора было возвращаться на прежние кочевья.⁷³

Потому-то Мамай с такой готовностью и двинул свою многотысячную армию к Волге вслед за Мехмедом Гераем: он собирался вернуться в родные края и больше не появляться в крымских пределах. Но тут выростала новая проблема: воцарение в Хаджи-Тархане Бахадыра Герая сулило ногайцам, что их орда, даже вернувшись на прежние земли, навсегда останется под надзором ханского ока. Этого Мамай-бей, конечно, не хотел.

У бея состоялся очень серьезный разговор с братом, который сказал, что ногайцы совершенно напрасно помогают крымцам в борьбе за Хаджи-Тархан. Влияние Крыма растет с каждым днем, и Мехмед Герай уже стал властелином Волги. Все закончится тем, — убеждал Агиш, — что невероятно усилившийся хан однажды захочет избавиться от Мамаея с Агишем и убьет их.⁷⁴ Мамай согласился, что это вполне возможно. И действительно: почему бы хану, воцарившему

родичей над всеми волжским ханствами, не поставит кого-нибудь из своих сыновей и над Ногайской Ордой?

Так было решено избавиться от хана и его сына, самим завладеть Хаджи-Тарханом и вернуть народ на старые кочевья. Это было явным предательством по отношению к Мехмеду Гераю, но, как рассудили ногайские вожди, свобода была дороже.

Обнаружив наутро, что Гази и Баба бежали в Крым, Мехмед Герай пришел в растерянность. Еще более тяжким ударом для него стало бегство бейских отрядов. Но тут к хану вошел его преданный соратник, Мамай-бей. Он пообещал, что поможет догнать и наказать беглецов.⁷⁵ Эти слова вернули Мехмеду Гераю уверенность: пусть часть крымцев сбежала, но с ханом по-прежнему остаются верные ему ногайцы. Хан и его старший сын собрали оставшиеся крымские войска и отправились вместе с Мамаем по следам ночных дезертиров. За городом к ним присоединился Агиш с многотысячной ордой, а также друзья и родичи ногайских беев — хаджи-тарханские и крымские Мангыты во главе с Тениш-мирзой. Настал вечер, и войско остановилось на ночлег. Мангытские беи и мирзы собрались в шатре Мехмеда Герая на ужин.⁷⁶

Как говорит предание, ходившее между кавказскими ногайцами еще сто лет назад, после обильного пиршества Мехмед Герай сел играть с Мамаем в шахматы. Зрители столпились вокруг клетчатого поля, наблюдая за сражением белого шаха с черным. За спиной хакана встал племянник Мамаю, Урак-мирза, носивший прозвище Дели (“Бешеный”). Он внимательно следил за руками Мамаю.

Хан подвинул свою фигуру. Бей надолго задумался над своей шахматной армией, затем осмотрелся вокруг — и впечатал в доску очередной ход. Бешеный Урак, давно ожидавший этого заранее условленного знака, выхватил саблю и отрубил Мехмеду Гераю голову, затем рванулся к Бахадыру Гераю и тоже обезглавил его. В ту же минуту были перебиты и все ханские приближенные, что оказались в компании игроков.⁷⁷

Тем временем большое ногайское войско по команде набросилось на крымскую армию, которая уже устроилась на ночевку и, разумеется, не ожидала нападения от расположившихся рядом союзников. Те, кто не был истреблен в этой ночной атаке, бросились наутек.

Мамай с Агишем вышли из залитого кровью шатра и пустили своих бойцов в погоню за отступавшими крымцами. Хаджи-Тархан и Заволжье теперь никуда не уйдут от бея, а пока что следовало ненадолго вернуться на запад — туда, где лежал совершенно незащищенный и богатый всяким ценным добром Крым.

Весть о гибели хана и разгроме крымского войска быстро разнеслась по всему краю. Ногайцы, остававшиеся в Хаджи-Тархане, покинули город и помчались вслед за Агишем и Мамаем — никто не хотел упустить возможности поживиться в Крыму. Город опустел, там не осталось ни крымцев, ни ногайцев: одни бежали прочь, а другие гнались за ними. Свергнутый хаджи-тарханский хан беспрепятственно вернулся в свою столицу и занял оставленный трон.⁷⁸

Тысячи крымских воинов, ошеломленных смертью главнокомандующего, беспорядочно отступали, разбегаясь мелкими группами по степям, где их отыскивали и истребляли ногайцы. Крымцы стремительно удалялись от Волги, но вскоре перед ними встал преградой Дон. Стоял март, и уже начался ледоход: теперь реку нельзя было перейти по льду, а переплывать ее в холодной воде среди кружащихся льдин было смертельно опасно. Но выбирать не приходилось — преследователи приближались — и беглецы бросались в воду, надеясь добраться до западного берега. Кое-кому повезло, но для многих Дон превратился в могилу. Странники, что проезжали этими краями спустя несколько месяцев, на протяжении нескольких дней пути встречали на речном берегу трупы утонувших людей, лошадей и верблюдов, а также множество брошенных телег.⁷⁹

Гази и Баба Гераи с отрядом в полсотни человек примчались в Крым 7 апреля. Их догоняли ногайцы, к которым присоединился и Шейх-Айдер — сын последнего ордынского хана Шейх-Ахмеда. Едва достигнув Перекопа, ханские сыновья немедленно попытались укрепиться там и заслонить врагу проход на полуостров, однако наспех организованная оборонительная линия продержалась лишь три дня, а на четвертый день лавина неприятельской армии прорвала ее и хлынула на крымские просторы. Здесь вражеское войско разделилось на два потока, из которых первый направился к Кырк-Еру, а второй — к Кырым. Степнякам не удалось взять этих укрепленных городов,

где скрылась семья Мехмеда Герая, но вся прочая территория полуострова оказалась в их полном распоряжении.

Тем временем к укреплениям Ор-Капы из степей подошли остатки бейских отрядов Мемиша Ширина и Девлет-Бахты Барына, за которыми следовали также бей рода Сиджеут, уцелевшие бойцы ханской гвардии и ханский сын Ислям Герай. Им удалось собрать по степям 12 тысяч человек из разбежавшейся крымской армии и даже разбить несколько отставших ногайских улусов. Бей подошли к Перекопу 29 апреля, но здесь их встретил Шейх-Айдер. Битва закончилась разгромом крымцев. Ислям Герай попал в плен, а разбитое бейское войско бросилось под защиту крепости Ор-Капы — однако турки, служившие в крепостном гарнизоне, в страхе за свою жизнь не отперли ворот и лишь затащили веревками на крепостную стену уцелевших беев и мирз, а всех остальных оставили снаружи, на волю судьбы и неприятеля.⁸⁰

Больше защищать Крым было некому.

Орда безнаказанно грабила Крым на протяжении целого месяца. В ее руки перешел весь найденный в Крыму скот и лошади, а также масса пленных — в основном, жителей горно-лесных районов. Также из Крыма были выведены улусы тех ордынцев и ногайцев, что поселились на полуострове в последние десятилетия. Когда добыча была собрана, неприятель повернул назад и удалился к Хаджи-Тархану. Узнав, что ногайцы покинули полуостров, в Крым потянулись тысячи его жителей, разбежавшихся от погрома по причерноморским степям.⁸¹

Избежавшие пленения крымцы подсчитывали потери, а бей и мирзы съехались вместе для избрания нового хана. Поскольку старшим из всех членов ханского рода, остававшихся на тот момент в Крыму, оказался девятнадцатилетний Гази Герай, то он и стал правителем страны. Калгою при нем был назначен Баба Герай.⁸²

Так великая победа сменилась ужасающим разгромом, равного которому полуостров не помнил со времен Тимур-Ленка.

- ¹ Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией, т. II, “Сборник Императорского русского исторического общества”, т. XCV, 1895, с. 140.
- ² Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 131.
- ³ Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 131-135, 156.
- ⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*, Москва 2005, с. 290-291.
- ⁵ Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 113-117, 121; Ch. Lemerrier-Quelquejey, *Les khanats de Kazan et de Crimée face à Moscovie en 1521*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XII, nr. 4, 1971, p. 484; H. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Volga-Don Canal (1569)*, “Ankara Üniversitesi Yıllığı”, vol. I, 1947, p. 54.
- ⁶ Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 156.
- ⁷ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejey, *Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole a la suzeraineté ottomane*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XIII, nr. 3, 1972, p. 328.
- ⁸ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, P. N. Boratav, D. Desai, Ch. Lemerrier-Quelquejey, Paris 1978, p. 114; Ch. Lemerrier-Quelquejey, *Les khanats de Kazan et de Crimée face à Moscovie en 1521*, p. 490, 481-484.
- ⁹ Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел, изд. В. В. Вельяминов-Зернов, Санкт-Петербург 1864, с. 1. В оригинале: “بار چا مغول پادشاهی” (“barça moğul padişahı”).
- ¹⁰ В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. V, Москва 1968, с. 559-561; В. А. Бушаков, Этноним “татары” во времени и пространстве, “Qasevet”, №23, 1994, с. 24-29; Ф. Д. Люшкевич, Термин “тат” как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье, “Советская этнография”, №3, 1971, с.25-28; С. Е. Bosworth, Ё. Jergemikhs, *Tat*, in *Encyclopaedia of Islam*, vol. X, Leiden 2000, p. 368. О происхождении и использовании терминов “тат” и “татар” существует обширная дискуссионная литература, ссылки на которую приведены в перечисленных изданиях.
- Еще один яркий пример, когда в титулах крымских ханов использовался утративший первоначальное значение монгольский термин, можно видеть в традиционном перечислении народов, подвластных крымским правителям. Приведу один из многих образцов стандартного ханского титула XVII столетия (Ислям III Герай, 1652): “Uluğ Orda ve Uluğ Yurtniñ, ve Taht-i Qırımniñ, ve barça Noğayniñ, ve tağ ara Çirkesniñ, ve Tat milân Tavgaçniñ, ve Deşt-i Qırçaqniñ, ve barça Tatarniñ uluğ padişahı” — «Великой Орды и Великого Юрта, и Крымского Престола, и всех ногайцев, и горных черкесов, и татов с тавгачами, и Кыпчакской Степи, и всех татар великий падишах» (*Материалы для истории Крымского ханства*, с. 459). Изначально “татами” и “тавгачами” в монгольском улусе Чингиз-хана называли соседние народы: уйгуров и китайцев, затем эти же термины были распространены на самые разные народности в разных областях империи. В Крыму термином “тат” обозначали население горной части полуострова, тогда как название “тавгач” не было присвоено ни одной из народностей, населявших полуостров. Этот компонент чингизидского титула утратил в Крыму всякий смысл — однако в силу освященного веками обычая традиционная формулировка “таты и тавгачи” использовалась Гераями на протяжении всего XVII столетия. См. С. Ф. Фаизов, *Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654-1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперелазского времени*, Москва 2003, с. 29, прим. 49.
- ¹¹ Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 144-145; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 150-152.
- ¹² Ныне известна как река Молочная; окрестности г. Мелитополя Запорожской области.
- ¹³ Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 147, 150.
- ¹⁴ Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 151.

- ¹⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 378.
- ¹⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 291, 292, 311, 378, 364, 311; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 153-154; А. Исин, *Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI в.*, Семипалатинск 2002, с. 59-60.
- ¹⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 297.
- ¹⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 438; В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, "Ученые записки Московского государственного университета", №61, 1940, с. 53. Бахадыр Герай здесь наделен титулом "султан", что следует разьяснить подробнее. Слово "султан" использовалось во всем мусульманском мире в значении "государь", "правитель", будучи арабским аналогом тюркского титула "хан" ("хакан") и персидского "шах" ("падишах"). В Орде, Турции и многих других странах этим словом обозначался держатель высшей власти. И если в Турции эта традиция сохранялась на протяжении всего существования Османской империи, то в Крыму практика применения этого титула со временем изменилась. Вначале в Крыму (как и в Орде), "султаном" называли только верховного правителя (хана): здесь примером могут служить надписи Хаджи Герая на монетах («султан справедливый») и Менгли Герая на столичных постройках в Салачике («султан, сын султана»). Однако уже в первой половине XVI века ханов перестали называть "султанами", оставив этот титул только для тех представителей династии Гераев, которые никогда не занимали престола: ханских братьев, сыновей, племянников и т.д. Таким образом, в Крыму титул "султан" стал обозначать не самого правителя, а лишь его родственников. В этом значении его и следует понимать везде, где говорится о «Герай-султанах», «крымских султанах» и т.п.
- ¹⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 359, 304. Приведены фразы из двух разных писем Ахмеда Герая к Василию III.
- ²⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 212, 348, 367, 394; В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 54.
- ²¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 368.
- ²² *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 366.
- ²³ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 360, 472, 473, 501, 502.
- ²⁴ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 502-503.
- ²⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 364.
- ²⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 513.
- ²⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 272.
- ²⁸ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 607.
- ²⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 636.
- ³⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 313.
- ³¹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 299; В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 58; А. Bennigsen, Ch. Lemerquier-Quellejeay, *Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle*, p. 334.
- ³² *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 668, 670.
- ³³ В. F. Manz, *The Clans of the Crimean Khanate (1466-1532)*, "Harvard Ukrainian Studies", vol. II, nr. 3, 1978, p. 301, 303-304.
- ³⁴ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 106-107. Обвинения Мехмеда I Герая в пьянстве, помимо этого письма и упоминавшейся выше жалобы Нурун-Султан московскому послу, звучат также в сообщении Аппак-бея (*Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 272). Подобная частота свидетельств может указывать, что обвинения были небезосновательными (это, впро-

чем, не оправдывает тех категоричных уничижительных характеристик, что были вынесены хану на этом основании позднейшими историками, см. Н. Н. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*, part II, London 1880, p. 477; Ch. Lemerrier-Quelquejay, *Les khanats de Kazan et de Crimée face à Moscovie en 1521*, p. 480). Достоин внимания, что сам Мехмед I Герай четко разграничивал время для развлечений и для государственных дел. Однажды, когда Агиш-бей явился к хану обсудить внешнеполитические вопросы, он застал его на пиру. «Сегодня мы пьяны, — сказал бею Мехмед Герай, — напомни с утра, тогда и поговорим» (*Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 372).

³⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 670.

³⁶ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 670.

³⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 668; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 155-160; А. Исин, *Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI в.*, с. 59-65.

³⁸ Ch. Lemerrier-Quelquejay, *Les khanats de Kazan et de Crimée face à Moscovie en 1521*, p. 488-489; *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 114.

³⁹ *Книга Степенная царского родословия*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XXI, ч. II, Санкт-Петербург 1913, с. 603; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 168. Конечно, это противопоставление крымцев ногайцам следует распространять не на всё население страны, а лишь на соперничающие группировки знати: Ширинов (которых хан действительно едва ли мог «любить») за их планы свергнуть его) и Мангытов, на которых он рассчитывал как на противовес Ширинам.

⁴⁰ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Москва 1991, с. 61-69; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552): Internal and External Factors that Led to Its Conquest by Ivan the Terrible*, New York University 1984, p. 179-185.

⁴¹ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 377-378, 663; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царицах*, Санкт-Петербург 1863, с. 247-251; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, «Исторические записки», № 27, 1948, с. 24-27.

⁴² М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 72-73; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 25, прим. 33.

⁴³ Мухаммед-Эмин и Абд-уль-Лятиф действительно оказались последними наследниками династии Улу-Мухаммеда, несмотря на то, что у них был брат по отцу — Худай-Кул, имевший собственных сыновей. Но еще в 1487 г. Худай-Кул был увезен из Казани в Москву в качестве пленника, обращен в православие и получил имя Петр. Сменив вероисповедание, он утратил всякие права на престол Казанского юрта и ничем, кроме происхождения, не отличался от русских бояр. В 1521 г. он оборонял Москву от Мехмеда и Сахиба Гераев. См.: С. Герберштейн, *Записки о Московии*, Москва 1988, с. 170-171; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царицах*, с. 177-189.

⁴⁴ *Постниковский летописец*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XXXIV, Москва 1978, с. 10; М. Н. Бережков, *Нур-Салтан, царица крымская*, «Известия Таврической ученой архивной комиссии», №27, 1897, с. 14; *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 678.

⁴⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 520, 597-598; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 26. Единое имя «محمد», которое носили ордынский (Улу-Мухаммед), крымский и казанский ханы, приведено в разных диалектных формах: так, для ордынских и казанских деятелей употреблена кыпчакская форма «Мухаммед», а для крымских — используемая в крымскотатарском языке форма «Мехмед».

⁴⁶ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 27.

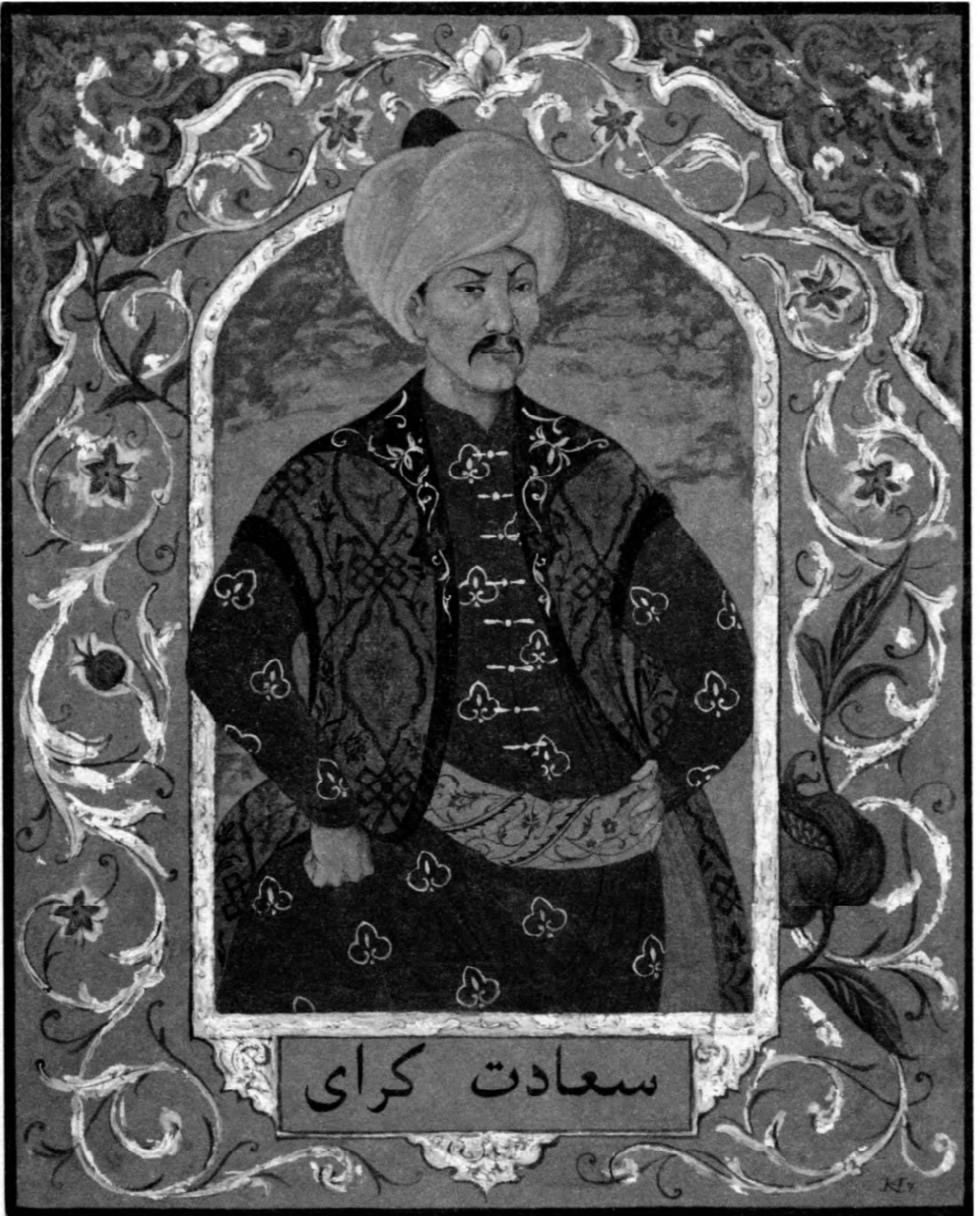
⁴⁷ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 661.

⁴⁸ С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 172; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царицах*, с. 258.

- ⁴⁹ *История о Казанском царстве (Казанский летописец)*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XIX, Санкт-Петербург 1903, с. 31; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 80.
- ⁵⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 678.
- ⁵¹ *История о Казанском царстве*, с. 32.
- ⁵² *История о Казанском царстве*, с. 32-33; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 172-173.
- ⁵³ Н. İnalçık, *Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature*, in *Passé turco-tatar, présent soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen*, Paris 1986, p. 179.
- ⁵⁴ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 377.
- ⁵⁵ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 679. Сеиды — представители высшего мусульманского духовенства, возводившие свое происхождение к пророку Мухаммеду. См. об этой категории в: Д. М. Исхаков, *Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах*, Казань 1997.
- ⁵⁶ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 38.
- ⁵⁷ Московский агент в турецком Азаке доносил Василию III: Мехмед Герай, желая поссорить Стамбул и Москву, писал Сулейману, что московский правитель продает артиллерийское вооружение врагу султана, персидскому шаху — «а османский государь этому не потакал, знает его собачьи уловки, а хочет, государь, дружбы с тобой, как и его отец» (*Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 706). Неприязненное отношение султана к Мехмеду Гераю подтверждает и процитированная ниже в тексте угроза хану на случай, если тот ударит на Московию.
- ⁵⁸ Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 54; K. Wawrzyniak, *Ottoman-Polish Diplomatic Relations in the Sixteenth Century*, Bilkent University 2003, p. 31-32.
- ⁵⁹ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 682.
- ⁶⁰ *Памятники дипломатических сношений*, т. II, с. 678; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 38.
- ⁶¹ Об обстоятельствах, приведших Худай-Кула на службу великому князю, см. Примечание 43 в этой же главе.
- ⁶² Этот беспорядок в подготовке обороны дал основание Сигизмунду Герберштейну (австрийскому послу при московском дворе) сделать следующее наблюдение: «Таков неизменный обычай москвитов: держать все под спудом и ничего не готовить заранее, но если приступит нужда, тогда только делают все впопыхах» (С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 173).
- ⁶³ Любопытный бытовой штрих: источник сообщает, что «наместник и другие защитники города сочли за лучшее умиловить царя Мухаммед-Гирея, послав ему обильные дары, в особенности же мед» (С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 174). Здесь наверняка подразумевается не пчелиный мед (водившийся в Крыму в таком изобилии, что его продавали в Стамбул, и вряд ли представлявший ценность для хана), а распространенный у русских алкогольный напиток того же названия. Можно предположить, что Петру было известно о пристрастии Мехмеда Герая, и он рассчитывал подобным подарком вывести главнокомандующего армии противника «из строя».
- ⁶⁴ С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 173-175; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. V, Москва 1872, с. 336-338; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 39-43.
- ⁶⁵ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, Москва 2004, с. 87; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 43-44.
- ⁶⁶ С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 176.
- ⁶⁷ *Вологодско-Пермская летопись*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XXVI, Москва 1959, с. 312.

- ⁶⁸ С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 183; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 90-94; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 166.
- ⁶⁹ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 90; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 167.
- ⁷⁰ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 299; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 24.
- ⁷¹ Об этом Ширины заявляли в своем послании к Саадету Гераю. Желая настроить султана против хана, они добавляли, что Мехмед Герай хочет взять Хаджи-Тархан ради того, чтобы объединиться затем с персидским шахом против османов (*Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 106).
- ⁷² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 299; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 24-25.
- ⁷³ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 161-162, 169.
- ⁷⁴ С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 184.
- ⁷⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 300.
- ⁷⁶ В. Д. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 184; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 300.
- ⁷⁷ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 92-93.
- ⁷⁸ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 95. Когда войска ушли, жители Хаджи-Тархана нашли тела Мехмеда Герая и его сына и похоронили у себя в городе (М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", t. XII, 1833, p. 361-362; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 22). Точное место погребения неизвестно.
- ⁷⁹ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 57.
- ⁸⁰ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год*, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. V, 1863, с. 235-236; В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 57; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 96.
- ⁸¹ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 235; В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 57-58; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 46-47.
- ⁸² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 300.

Часть IV

Саадет I Герай

1523-1532

ЛЮБИМЕЦ СУЛТАНА

*Бей опасаются возмездия за гибель Мехмеда I Герая —
Мемиш Ширин просит султана прислать ханом Саадета Герая —
Опыт, приобретенный Саадемом Гераем в Стамбуле —
Прибытие нового хана в Кефе и казнь Гази I Герая —
Саадет Герай готовится оборонять Крым*

(1523)

Итак, бегство оскорбленных принцев от сурового отца закончилось весьма неожиданным образом: они оказались на самой вершине власти. Конечно, любой ханский сын мечтал когда-нибудь стать ханом — но, разумеется, не такой ценой. Ханский венец Гази I Герая был оплачен гибелью отца и неприятельским нашествием — и потому вряд ли Гази и Баба Гераи были счастливы в тот день, когда их избрали ханом и калгой. Двум потрясенным юношам досталась в управление разоренная страна, где еще дымились руины и звучал плач по убитым и угнанным в степь соотечественникам.

Избирая Гази Герая ханом, бей наверняка рассчитывали, что станут полновластными хозяевами страны при юном правителе, контролируя каждый его шаг и направляя его действия в нужное для себя

русло. Этот расчет не оправдался. Похоже, что Гази I Герая, едва заняв трон, с юношеской прямоотою заявил: в гибели Мехмеда Герая и последовавшей катастрофе виновны не два ханских сына, бежавшие в Крым с полусотней человек, а интриганы-беи, воспользовавшиеся этим предлогом, чтобы бросить хана на произвол судьбы. Гази I Герая наверняка пообещал, что никто из предавших своего повелителя не останется безнаказанным.

Точное содержание первых тронных речей Гази I Герая остается скрытым, но зато известно, что тотчас после его возведения на престол беи сильно раскаялись в своем выборе и стали опасаться, что Гази отомстит им за гибель Мехмеда и Бахадыра Гераев.¹ Вельможи решили, что пока новый правитель не взялся за осуществление своих угроз, его следует немедленно заменить другим. А это было сделать не столь и трудно, поскольку для смены хана имелся несокрушимый аргумент: Гази Герая, по сути, попал на ханский трон случайно — лишь потому, что в Крыму в тот момент не оставалось родичей старше его (одни пребывали в плену, а другие за пределами полуострова), в то время, как первоочередным наследником ханского титула являлся Саадет Герая, проживавший при дворе турецкого султана.

Как уже говорилось, у крымских беев давно сложились особые отношения с Саадемом Гераем: они вели тайную переписку с обитавшими в Стамбуле ханскими братьями и с нетерпением ожидали, что те придут в Крым и с помощью османов свергнут с престола Мехмеда Герая. Известно и то, что в споре Мехмеда с Ширинами Саадет Герая держал сторону беев и предупреждал хана в письмах, дабы тот не чинил обид «старым слугам» Менгли Герая, — то есть, родовой аристократии.² Словом, этот кандидат устраивал крымскую знать больше, чем любой другой.

И тогда беями был сделан шаг, который во многом определил дальнейшую судьбу Крымского Юрта: Мемиш-бей Ширин препоручил вопрос о выборе хана османскому султану, и все присутствующие охотно согласились с ним. Тогда ширинский предводитель лично отправился за море к Сулейману I с просьбой прислать в Крым Саадета Герая.³ Долго настаивать на этой просьбе ему не пришлось. Хотя османские султаны уже почти полвека числились «старшими братьями» Гераев, все же они до сих пор не считали себя вправе вмешиваться в

дела наследования трона Чингизидов — этого не сделал даже суровый Селим при всей его личной неприязни к Мехмеду Гераю. Но теперь полномочные вожди крымского народа, каковыми считались беи, сами пригласили Стамбул стать верховным судьей и арбитром в этом вопросе. Как покажут грядущие столетия, это их приглашение дорого обошлось Крымскому государству, но предугадать последствия своего поступка Мемиш-бей и его единомышленники не смогли.

3 июня 1523 года Саадет Герай сошел с борта турецкого судна на пристань Кефе в сопровождении отряда янычар.⁴ Имея теперь от роду 31 год, он прожил в Турции целых 12 лет, прежде чем вновь увидел родину. Саадет вернулся в Крым совершенно другим человеком — и не только потому, что стал старше. Готовя себя к ханской карьере, за время проживания в Стамбуле Саадет Герай внимательно присматривался к турецким порядкам и с присущей ему остротой ума усваивал все увиденное.

Наследнику дома Гераев действительно было чему поучиться у дома Османов. Султанская династия за короткий срок ввела Турцию в число могущественнейших держав того времени. Годы пребывания крымского принца в Стамбуле совпали с чередой крупных побед османского оружия: в 1514 году Селим I разгромил персов и присоединил к империи обширные области на востоке, а в 1517 году, когда после завоевания Сирии и Египта ему подчинились Мекка и Медина, султан обрел звание халифа — верховного правителя всего мусульманского мира.⁵ Его сын и преемник, Сулейман I, продолжил расширение империи — теперь уже на запад, стараясь продвинуть турецкие границы выше по Дунаю, до Венгрии и Австрии.

Саадет Герай, верно послуживший Селиму I в борьбе за престол, оказывал ему услуги и в последующем (например, подавляя бунты в Анатолии). Султан высоко ценил своего зятя: по словам турецких хроник, он не только дал Саадету Гераю самое лучшее образование, но и стал его ближайшим другом. Между турецким правителем и крымским наследником установились самые теплые и доверительные отношения.⁶

Саадет окунулся в атмосферу пышной роскоши и утонченной культуры, царившую при османском дворе. Селим I был известен в

истории не только как завоеватель, но и как поэт, писавший изысканные стихи на персидском языке.⁷ Его примеру последовал и Саадет Герай, став одним из первых крымских ханов-стихотворцев.⁸ Но стамбульский опыт Саадета Герая не ограничивался лишь представлениями о составе османской армии, устройстве придворного штата и различии стихотворных размеров. Крымский наследник получил там и другие уроки, которые вскоре весьма отчетливо дали знать о себе в деятельности хана.

Устройство турецкого и крымскотатарского государств сильно различались между собой. В отличие от Крыма, где хану приходилось делить свою власть с советом родовых старейшин, в Турции вообще не существовало понятия родовой аристократии. Султан был вправе назначать на высшие государственные посты любого кандидата (пусть даже самого низкого происхождения) по своему выбору, и жизнь этих чиновников всецело находилась в руках падишаха.⁹ Султан был единственным источником власти в стране, и его власть была абсолютной, ничем не ограниченной. Проживая в Стамбуле, Саадет Герай постоянно видел перед собой пример могучего единовластного правителя, который ведет страну от победы к победе совершенно самостоятельно и не нуждаясь в том, чтобы кто-либо обсуждал и утверждал его решения.

Наконец, в придворной жизни османской столицы был еще один нюанс, который также повлиял на Саадета Герая. Дело в том, что при всем своем великолепии турецкий двор отнюдь не был райским обиталищем сладкоголосых поэтов. Царственное величие соседствовало тут с бесчеловечной тиранией, а изысканная утонченность — с изощренной жестокостью, и человеческая жизнь стоила здесь очень дешево. Закон Мехмеда II Фатиха гласил: «Ради блага государства один из моих сыновей, которому Аллах даст султанство, может законным образом умертвить своих братьев. Большинство улемов считает это допустимым».¹⁰ Потомки Мехмеда II порой прибегали к этому дозволению. Селим I, недаром прозванный Грозным, в борьбе за власть истребил не только родных братьев и племянников, но, как уже говорилось, был заподозрен и в отравлении собственного отца. Стоит здесь вспомнить и о массовом, от детей до стариков, истреблении Селимом сорокатысячного шиитского населения в Анатолии в 1513 году, и о

его намерении уничтожить всех христиан Османской империи, которых спасло лишь давнее обязательство Мехмеда II не притеснять иноверцев.¹¹ Все это очень отличалось от крымских обычаев, где хан не мог и помыслить о казни беев, в чем бы те ни провинились; где гибель Ахмеда Герая явилась вопиющим исключением и была лишь следствием прямого военного мятежа калги.

Это описание нравов османского двора необходимо, чтобы показать, на каких примерах Саадет Герай учился быть правителем — ибо этим примерам он будет следовать, оказавшись на престоле Крыма.

Турецкие галеры покачивались на волнах Кефинского залива, а Саадет Герай, охраняемый своим янычарским отрядом, принимал крымских беев и мирз, что собрались в Кефе со всей страны на церемонию выборов нового хана. Наверняка все наперебой рассказывали ему о недавнем опустошении Крыма и о своих опасениях, что нашествие скоро повторится. Но Саадет Герай привез встревоженным соотечественникам хорошие новости: его друг и покровитель Сулейман I отправил в Крым двадцатитысячное войско сипахиев (тяжеловооруженной конницы) и пятьсот ружейных стрелков.¹² Обладая такой силой, Крым будет непобедим, и ему не следует бояться ни Ногайской Орды, ни Хаджи-Тархана.

Наконец, в Кефе прибыл и тот, кто пока еще формально являлся правителем страны: Гази I Герай с братьями Бабой и Чобаном Гераями. Неизвестно, о чем он был намерен говорить с Саадетом: то ли защищать свои права на престол, то ли смириться с волей султана, уступить Саадету Гераю трон и занять при нем почетное место калги. Что касается Саадета, то он уже давно продумал, как встретить племянника, и даже заранее согласовал свои действия в Стамбуле. Когда Гази I Герай предстал перед ним, Саадет Герай приказал своим янычарам отсечь ему голову. Тут же были схвачены и закованы в кандалы Баба и Чобан Гераи, а вслед за ними, гремя цепями, отправились в темницу и некоторые вельможи, слишком рьяно поначалу поддерживавшие Гази Герая.¹³

Так уже в первых распоряжениях Саадета I Герая явственно обнаружился тот самый «османский лоск», что он приобрел при султанском дворе. Бей наверняка были ошеломлены увиденным. Казнь юного

правителя вряд ли могла бы удивить привыкших к подобным зрелищам стамбульских придворных, но для крымских беев и мирз такое поведение государя было непривычным.

Присмирившие аристократы провели церемонию выборов хана, который уже имел заранее подписанный султанский указ о своем назначении на ханский трон. После этого Саадет Герай строго предупредил собравшихся: те, кто не будет повиноваться законному повелителю, будут подвергнуты пыткам и страшной казни на колу, причем на это есть позволение самого султана.¹⁴ Бей, никогда не слышавшие таких жутких угроз от Мехмеда Герая, могли бы теперь призадуматься: не напрасно ли они покинули на погибель своего прежнего государя, при котором каждый мог считать себя «ханом», не опасаясь мучительной смерти...

Впрочем, Саадет Герай тут же сменил гнев на милость и выразил признательность своим старым сторонникам, Ширинам. Он взял в жены их единоплеменницу Ширин-Бек, вдову мятежника Ахмеда, и стал приемным отцом для младших сыновей Ахмеда — Бучкака и Юсуфа Гераев.¹⁵

Завершив за десять дней все церемонии и торжества, что сопровождали его воцарение, хан вместе с беями отправился из Кефе к Ор-Капы — надо было охранять Крым от повторного наступления степняков и ожидать подхода турецких сил. Страна нуждалась в защите, и Саадет Герай, вооруженный передовым османским опытом, знал, как эту защиту обеспечить.

ХАНСКАЯ СТОЛИЦА — ПРИГОРОД СТАМБУЛА

*Саадет Герай мирится с врагами Крыма —
Новые порядки при ханском дворе, недовольство и раскол среди знати —
Ногайские беи предлагают польскому королю освободить
Шейх-Ахмеда и вместе ударить на Крым —
Прибытие Сахиба Герая из Казани и его арест в Крыму*

(1523-1524)

Прибыв на Перекопский перешеек, Саадет Герай приказал укрепить его и вместо старых фортификаций, оказавшихся бесполезными при недавнем их штурме, построить здесь новую крепость. Закипели строительные работы, а сторожевые отряды были распущены за Перекоп по степным дорогам, чтобы не проглядеть новое наступление противника.¹⁶

Людей у хана было мало — тысячи жителей Крыма до сих пор находились за пределами полуострова, скрываясь от неприятеля. По мере того, как их убежищ достигала новость об уходе преследователей, беженцы возвращались по домам — но это возвращение растянулось на полгода и закончилось лишь к зиме. А пока что по всему Крыму хан смог собрать только 15 тысяч войска, которое лишь с большой натяжкой можно было назвать «конницей»: лучших коней увели ногайцы, и теперь крымским всадникам приходилось довольствоваться старыми клячами и жеребятами.¹⁷ Но, несмотря на это, Саадет Герай чувствовал себя вполне уверенно. Под его командой находились сотни стволов турецкой артиллерии, и при такой огневой мощи Крым мог успешно отбить новые набеги из степи. Мамай узнал, какую силу приготовил для встречи с ним Саадет Герай, и счел за лучшее не приближаться к Перекопу.

Хан получил время осмотреться и задуматься над дальнейшей стратегией.

Империя Мехмеда I Герая рухнула, но, похоже, Саадет Герай вовсе не был удручен этим. Привлекавший Мехмеда I староордынский идеал верховного хакана, осеняющего своим патриархальным величием окрестные народы (но фактически ими не правящего), был чужд Саадету и наверняка казался ему безнадежно устаревшей фантазией.

Новому хану были гораздо ближе блестящие примеры тех правителей, чью жизнь и деяния он наблюдал в Стамбуле: их утонченность и беспощадность, их военный гений и безграничная власть. Заветной мечтою хана было привить это великолепие в роскошном саду Крыма — а до унылых пустынь Прикаспия и мрачных лесов Поволжья ему не было дела.

Конечно, для «внешнего употребления» Саадет Герай охотно использовал титулы, завоеванные его отцом и братом. Так, он с гордостью писал московскому князю: «Хаджи-тарханский хан Усеин мне брат; и в Казани Сахиб Герай-хан — мой родной брат. А по другую сторону — казахский хан, тоже мой брат, и Агиш-бей — мой слуга. А по эту сторону — черкесы и Тюмень мои, и польский король — холоп мой, а валахи — мои пастухи».¹⁸

И хаджи-тарханского хана Усеина, и ногайского бея Агиша не могла не тревожить произнесенная Саадемом Гераем во всеуслышание грозная фраза о том, что он намерен отомстить за кровь Мехмеда и Бахадыра.¹⁹ Однако на деле, едва освоившись на ханском троне, Саадет Герай направил в Хаджи-Тархан и Ногайскую Орду посольства с мирными предложениями: он не собирался воевать за первенство в Кыпчакской Степи.²⁰ Убедившись, что хан, вопреки собственным заявлениям, вовсе не горит жаждой мести, Усеин и Агиш охотно прислали ответные посольства и предложили вместе воевать против Мамая (с которым Агиш уже успел рассориться, а Усеин — даже сразиться).²¹

К концу осени в Крым вернулись уже практически все беженцы. Вместе с ними в ханский лагерь на Перекопе прибыл и Ислям Герай — старший из оставшихся в живых сыновей Мехмеда Герая. Весной он был взят в плен ногайцами, а теперь каким-то образом сумел бежать от них и достичь родных краев.²² Встреча племянника с дядькой вряд ли отличалась теплотой: трудно представить, чтобы Ислям мог простить Саадету вероломное убийство его младшего брата Гази.²³

В декабре к Саадету Гераю явился еще более неожиданный гость: Тениш-мирза, предводитель хаджи-тарханских Мангытов. Этот человек был непосредственным участником заговора против Мехмеда I Герая; он числился среди первых в списке тех, кому надлежало бы поплатиться за смерть хана и его сына. Тем не менее, Саадет Герай

принял в свой круг. Такое благоволение к явному преступнику глубоко возмутило крымских аристократов, которые хотя и не отличались преданностью Мехмеду Гераю, но все же никак не предполагали, что Мангыты посмеют поднять руку на хана и что отход беев от Хаджи-Тархана приведет к предательскому убийству их правителя. Ширины потребовали выдать Тениш-мирзу на расправу и предупредили, что ноги их не будет у хана, пока тот не отдаст им злодея, но Саадет Герай так и не отдал им своего гостя: Тениш-мирза был нужен ему для налаживания дружеских связей с Хаджи-Тарханом и Ногайской Ордой. Тогда беи перестали являться на государственные советы (которые, по традиции, не могли проводиться в их отсутствие), однако ничуть не смутили этим Саадета Герая: он и так предпочитал решать все вопросы самостоятельно, без участия вельмож.

Спорить с ханом беи не стали: они уже успели убедиться в бессмысленности этого. Следуя примеру османских падишахов, Саадет Герай не менял своих решений. «Не видали мы такого, чтобы он сказал слово, а потом бы его переменял... Крепко правит, прямой человек» — признавали беи, добавляя, что хан ненавидит ложь и не позволяет лгать никому в своем окружении.²⁴ Отдавая должное твердому характеру своего правителя, крымские беи, тем не менее, имели немало оснований к разочарованию в нем.

Саадет Герай, которого они ранее столь горячо поддерживали и столь настойчиво звали в Крым, оказался вовсе не тем, кого они ожидали увидеть. Новый хан вел себя на крымском престоле не как суверенный государь, а едва ли не как наместник османского правителя, беспрестанно ссылающийся на авторитет падишаха. «Нашему хану султан — как будто родной отец. Он у него там жил и вырос, и какие он видел обычаи у турецкого султана — те же и у него обычаи» — отмечал бей рода Барын.²⁵

Побывав в Стамбуле, Саадет Герай навсегда остался очарованным им. Он даже называл «пригородом Стамбула» свою столицу — Кырк-Ер с Салачиком.²⁶ Хан окружил себя турками и наполнил ими свой двор, перестроив его штат по османскому образцу. В ханской ставке появились прибывшие из Турции многочисленные служители с экзотическими должностями наподобие хранителя ханской одежды и хранителя ханской сабли, служителя при ханском колчане, особая

иерархия должностей при ханской конюшне и целый отряд портных во главе с собственным старшиной.²⁷

Но особый вес среди турецких слуг Саадета Герая имела другая их категория: ружейные стрелки, янычары-привратники и пушкари.²⁸ Эти люди умели управляться со «стратегическим оружием» ханства: артиллерией, которой вскоре предстояло послужить не только щитом для крымских границ, но и весомым аргументом хана в отношениях с подданными. Хан любил и жаловал своих гвардейцев: он выписывал им тарханные грамоты, освобождая от налогов и предоставляя различные привилегии.²⁹ Подобного рода слуг имели и Менгли с Мехмедом, однако прежние правители прежде всего считались с мнением крымской аристократии, а находившиеся при них янычары знали свое место среди родовитой придворной знати. Теперь же при дворе наступило настоящее засилье иностранцев. По отзывам беев, первыми советниками хана стали янычары, которые, сверх того, позволяли себе чинить насилие над местными жителями.³⁰ Это глубоко оскорбляло местную аристократию — тем более, что эти влиятельные турецкие придворные были низкого происхождения и получали бейские титулы не по благородству своих фамилий, а лишь за усердные услуги правителю.

Если смотреть из сегодняшнего дня, то нововведения Саадета Герая по укреплению ханской власти и замене староордынской «военной демократии» абсолютизмом османского образца носили прогрессивный характер: установление в стране строгого единоначалия могло бы избавить Крым в будущем от множества потрясений. Однако Саадет Герай оказался плохим реформатором: его явное пренебрежение к крымской знати и попустительство произволу иноземных прислужников вызвали в стране очередной раскол.

Линия раскола пролегла даже внутри отдельных кланов: так, например, одна часть Ширинов во главе с Бахтияр-мирзой приняла сторону хана, а другая, возглавленная старейшиной рода, Мемиш-беем, перешла в оппозицию к правителю.³¹ Мемиш-бею, который лично привез из Стамбула этого хана, оставалось лишь признать свою ошибку и задуматься о новой кандидатуре на крымский престол.

Тем временем за пределами Крыма кипели бурные события, отголоски которых достигали и полуострова. Пока турецкий султан сра-

жался с Венгрией, поднялось антиосманское восстание в новозавоеванном Египте; в Средиземноморье возобновились ожесточенные бои турок с венецианцами за остров Родос; а на востоке против османов начал собирать силы персидский шах. Падишаху, на чью помощь и поддержку так рассчитывал Саадет Герай, теперь было не до Крыма. Сулейман отправил Саадету Гераю послание, посоветовав ему жить в мире со своими подданными (ибо случись сейчас что в Крыму — султан ничем не сможет помочь своему любимцу).³²

Список проблем отнюдь не ограничивался вышеперечисленным. Пока народ Крыма приходил в себя после ногайского вторжения и знакомился со своим новым правителем, над страной вновь грозно нависла восставшая из небытия тень Шейх-Ахмеда.

Последний хан волжской Орды, проведя более двадцати лет в литовском плену, был все еще жив. Престарелый пленник не имел ни двора, ни войска, однако являл собой живой символ былой империи Намаганов, и на просторах Прикаспия появилось немало людей, готовых опять встать под его знамена. На исходе зимы 1524 года Агишбей стал упрашивать польского короля Зигмунта, дабы тот освободил и отправил к нему Шейх-Ахмеда. Бей представил королю проект полной ликвидации Крымского ханства: Зигмунту надлежало отправить вниз по Днепру войско на судах, а ногайцы с Шейх-Ахмедом ударили бы на Крым и разорили полуостров. Ногайский вождь предлагал королю, чтобы тот забрал себе крымские крепости на Днепре: и Ак-Чакум, и Ислям-Кермен — «лишь бы нашего и твоего врага, Крымской Орды, между нами не было».³³

Зигмунт I задумался над предложением ногайцев. План совместного похода на Крымский Юрт звучал заманчиво — ведь в правление Саадета Герая Крым снова стал врагом Польши. Следуя наставлениям своего стамбульского сюзерена, хан оставил все споры с Московией и стал готовить поход против Польши, чтобы отвлечь польские войска от венгерско-турецкого фронта. Король решил не упускать случая припугнуть хана — и потому согласился освободить Шейх-Ахмеда.³⁴

Слухи об этих переговорах дошли до Саадета Герая вместе с тревожными известиями о том, что польские войска разгромили Ак-Чакум и едва не подошли к самому Перекопу.³⁵ В ответ Саадет Герай отправил войско на Польшу, тем более, что в крымской подмоге давно нуждался

султан. Для похода были отобраны лучшие силы крымской армии — бейские отряды, над которыми хан поставил калгу Озбека, а также Исляма, Бучкака и Янтуру Гераев, которые летом 1524 года взяли курс на запад.³⁶ Одновременно хан попытался замирить и восточных соседей. Он написал письмо Мамаю, предложив ему породниться: Саадет Герай задумал поженить своего сына с дочерью ногайского предводителя.³⁷ Этот шаг был необходим, чтобы обезопасить Крым на время польского похода — но, с другой стороны, показывал, что хан окончательно отказывается от возмездия за гибель Мехмеда I Герая.

Пока четверо принцев собирались на войну, из Казани в Крым прибыл другой их родич: Сахиб Герай. Его приезд сильно прогневал Саадета. Не говоря лишних слов, хан распорядился заточить Сахиба Герая в казематах Балаклавской крепости, где стоял турецкий военный гарнизон.³⁸

Что заставило Саадета Герая поступить с братом столь сурово? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к событиям, происходившим в то время в Казанском юрте.

МНИМОЕ БЕГСТВО

Сахиб Герай в противостоянии с Москвой — Его тщетные призывы о помощи к Крыму и Турции — Сахиб Герай оставляет вместо себя Сафу Герая и направляется в Крым за подмогой — Сафа Герай успешно отражает московское наступление

(1522-1524)

Возведение Сахиба Герая на казанский трон стало одним из самых больших успехов крымской политики. Совместный поход Мехмеда и Сахиба Гераев на Москву показал, что Крым и Казань, объединенные под эгидой Гераев, вместе представляют серьезную силу. Братья и далее намеревались действовать сообща. Едва только Мехмед Герай в 1522 году выступил из Крыма на Хаджи-Тархан, как Сахиб Герай

бросил вызов Московии, разгромив княжеское подворье и русский рынок в столице своего ханства.³⁹ Цель демарша явно заключалась в том, чтобы отвлечь московских воевод от волжской кампании брата.

Москва не замедлила с ответом. Василий III собрал большое войско, поставил над ним Шах-Али и отправил к казанским границам. На это и рассчитывали братья-Герары: Сахиб вызвал огонь на себя, и пока внимание Москвы было поглощено Казанью, она не могла оказать помощи Хаджи-Тархану. Затем, прочно укрепившись в Престольном Краю, Мехмед мог бы двинуть часть своей армии к Москве — и тогда князь был бы вынужден оставить Казань в покое.

Однако ход черного шаха под пологом ханского шатра перечеркнул эти планы. Мехмед Герар погуб, крымское войско было разбито, полуостров разграблен, и надеяться на какую-либо помощь с юга казанскому хану уже не приходилось.

Сахиб Герар остался один на один с разбуженной его ударом Московией.

Василий III был хорошо осведомлен о событиях в Хаджи-Тархане и знал, что Сахиб Герар остался без крымской поддержки. Так князь получил возможность расправиться с Сахибом Гераем, не опасаясь удара со стороны Крыма. Московские войска пересекли границу Казанского ханства и стали строить укрепленный плацдарм для будущего наступления на Казань, которым, как предрекал московский митрополит, великий князь «всю землю Казанскую возьмет».⁴⁰ Построив крепость и совершив несколько вылазок во владения Сахиба, русские удалились, чтобы в будущем году вернуться сюда для решающего удара.⁴¹

Оценив силы казанской армии, Сахиб Герар заключил, что ханство едва ли сможет в одиночку устоять против московского натиска. Чтобы на следующий год встретить врага во всеоружии, хану следовало поспешить с подготовкой обороны: времени оставалось совсем немного. Первым делом Сахиб Герар обратился за помощью в Крым. Было известно, что Саадет Герар привел из Турции мощное османское подкрепление, которое встало на границах ханства надежным заслоном повторному ногайскому вторжению. Отправляя посольных к Саадету, Сахиб поздравил брата с восхождением на престол и

передал ему роскошное подношение: девять видов подарков (серебряные сосуды, породистые кони, дорогие одежды и другие ценности) по девять штук каждого вида.⁴² В своем письме Сахиб Герай просил, чтобы ему на помощь были присланы янычары с пушками и ружьями для защиты Казани от грядущего московского наступления.

Просьба осталась невыполненной: Саадет не дал войска Сахибу. Во-первых, он сам нуждался в янычарских частях для защиты Крыма, а, во-вторых, воевать из-за Казани с московскими союзниками султана он не собирался. Хан ограничился тем, что разослал письма в Москву и Стамбул: в одном он убеждал Василия примириться с Сахибом, а во втором просил султана, дабы тот со своей стороны повлиял на великого князя.⁴³ Половинчатые усилия Саадета Герая закончились ничем. Почувствовав в хане слабину, Москва приняла очень смелый тон: князь даже не стал читать ханское послание и демонстративно отдал свиток обратно крымскому послу.⁴⁴ Саадет Герай не в первый раз обращался к московскому двору с увещеваниями о мире, и Василий уже отвечал ему прежде, что намерен и далее назначать ханов в Казань по своему усмотрению, что считает Сахиба Герая незаконным правителем и исключает возможность любых переговоров с ним.⁴⁵

Видя, что Саадет Герай устранился от казанских проблем, Сахиб Герай решил искать помощи в «высшей инстанции»: у османского султана. Весной 1524 года он объявил Сулейману I, что признаёт себя вассалом Османской империи.⁴⁶ Несомненно, как и в посольстве к брату, Сахиб Герай просил у султана войск и артиллерийского вооружения. Этот призыв о помощи тоже остался тщетным. Падишах молчал; янычары так и не появились на Волге. (Лишь позже, ближе к концу года, турецкий посол в Москве поднял перед князем вопрос о Сахибе Герае — и выслушал обычный, не раз уже звучавший перед крымскими послами ответ об «исконных правах» великого князя на Казанский юрт⁴⁷).

Итак, Сахиб Герай не смог добиться помощи ни с крымской, ни с турецкой стороны — а между тем уже заканчивалась весна, и русской атаки приходилось ожидать со дня на день. Казанскому правителю не оставалось иного выбора, кроме как самостоятельно отправиться на юг за подмогой.

Вначале хан пригласил из Крыма своего тринадцатилетнего племянника Сафу Герая, чтобы оставить его на казанском престоле на время своего отсутствия. Татарская знать встретила крымского принца торжественно и пышно — причем церемония встречи не обошлась без происшествий. Дело в том, что в Казани проживал некий сеид, пользовавшийся в городе величайшим почетом. По отзывам иностранцев, уважение к нему простиралось до того, что даже хан встречал его поклоном. Бей приветствовали этого сеида, прикасаясь к его колену, знатные особы рангом ниже могли касаться только его ступней, а простолюдинам и вовсе было позволено притрагиваться лишь к краю его одежды. К несчастью, этот уважаемый религиозный деятель был тайным московским агентом (не о нем ли в свое время писал Мехмед Герай, сообщая, что никто в Казани, «кроме одного сеида», не хотел воцарения Шах-Али?). Злоупотребляя доверием сограждан, он попытался подстроить похищение Сафы Герая и его отправку в Москву — но этот план вовремя раскрылся. Сеид сразу утратил свой былой авторитет, и казанцы убили его на месте.⁴⁸

Оставив Сафу в Казани, Сахиб Герай направился в Крым.

Разные источники по-разному объясняют причины его отъезда из Казанского юрта. Русские летописи и гостившие в Москве европейцы утверждали, что хан бежал в ужасе перед надвигающимися княжескими войсками, а крымскотатарские хроники говорили, что под предлогом путешествия к святыням Мекки он направился напрямую к султанскому двору.⁴⁹ Однако, если бы хан был вынужден бежать, то ему некогда и незачем было заранее вызывать в Казань заместителя, а что касается путешествия в Стамбул, то оно состоялось значительно позже и отнюдь не добровольно. Действия хана показывают, что он покинул Казань для того, дабы лично собрать силы для защиты подвластного ему юрта.⁵⁰

На дороге от Казани к Крыму Сахиб Герай случайно набрел на кочующего по приволжским степям Агиш-бея с его свитой. Завязалась схватка, в которой ногайский вождь, очевидно, и погиб⁵¹ — так Сахиб Герай выполнил забытое Саадетом обещание отомстить за кровь Мехмеда I Герая.

То, что случилось с казанским правителем по прибытии на родину, уже известно из предыдущей главы: Саадет Герай встретил брата с

крайним неудовольствием, бросил ему обвинение в трусости и отправил Сахиба под арест в Балаклавскую крепость. У Саадета Герая был свой резон в изоляции неугомонного брата: ведь Сахиб, как и Саадет, носил титул хана — а ведь еще мудрый Менгли Герай вспоминал старую поговорку про тесный котел...

Пока Сахиб Герай, обреченный на бездействие, в отчаянии наблюдал за морем, кипящим под красными утесами Балаклавы, Сафа Герай в Казани постигал науку управления государством — и уроки, что преподносила ему жизнь, не оставляли места для ученических ошибок. Летом 1524 года Василий III бросил на Казань огромные силы, снабженные хорошей артиллерией. Пожалуй, как и предполагал Сахиб Герай, татарам и впрямь было бы не совладать с таким натиском, но делу помогли сами московские воеводы, из рук вон плохо организовавшие свой поход. Подвластные казанскому хану черемисы (марийцы) донимали русских непрерывными налетами и сумели перекрыть поставку продовольствия. Московские полки дошли до самых стен Казани, но так и не решились приступить к штурму. К городу явился и Шах-Али: он предложил Сафе Гераю сдать Казань, но тот ответил, что согласен решить вопрос только оружием.

Во вспыхивавших время от времени вооруженных стычках потери несли обе стороны; в одной из них Сафа Герай потерял своего аталыка — воспитателя и первого советчика. Русским так и не удалось одержать перевеса ни в кавалерийских атаках, ни в пушечном обстреле Казанской крепости. В конце концов, им пришлось отвести свои войска и заключить перемирие, о котором уже давно мечтали и казанцы, и многие московские военачальники. Между Казанью и Московией был заключен мирный договор, по которому Василий признал Сафу Герая законным правителем Казанского юрта.⁵²

Дождавшись в балаклавском плену вестей об этих событиях, Сахиб Герай наверняка испытал немалое облегчение: подвластная ему страна выстояла и без внешней поддержки, а племянник заставил Москву считаться с собою. Позиции Сафы на волжском престоле выглядели прочными, Казань осталась под крылом династии Гераев, и Сахиб Герай не стал возвращаться туда из Крыма. Сперва его вынуждало к

тому заключение (впрочем, оно не продлилось долго, и уже осенью того же 1524 года он получил свободу), а вскоре у Сахиба появились и другие важные причины не покидать полуострова.

События в Крымском ханстве вскоре развернулись таким образом, что Саадету Гераю очень пригодилась помощь младшего брата, столь поспешно обвиненного им поначалу в трусости.

МАТЕРИНСКАЯ КЛЯТВА

*Ислям Герай заявляет о своих правах на трон —
Сахиб Герай спасает хана из окружения мятежников —
Примирение Сахиба и Саадета Гераев — Новый бунт Исляма Герая
срывает московский поход Сахиба Герая —
Казнь Мемеш-бея Ширина и изгнание Исляма Герая*

(1524-1527)

Поход на Польшу, в который Саадет Герай отправил четырех султанов, закончился бесславно для хана: схватившись на переправе через Днепр с отрядами литовского князя, крымцы понесли крупные потери.⁵³ Непросто узнать, о чем беседовали беи и мирзы на обратном пути в Крым, усаживаясь летними ночами вокруг костров. Можно предположить, что они жаловались друг другу на новые порядки в стране и с тоской вспоминали времена Менгли и Мехмеда Гераев. Между тем, среди походных шатров крымского войска стоял и шатер Исляма Герая — старшего сына Мехмеда, который тоже был недоволен ханом. Беи задумались о том, что приход к власти Исляма Герая мог бы положить конец реформаторским экспериментам Саадета и вернуть те исконные порядки, при которых страна процветала в прежние годы.

Вероятно, беи убедили Исляма восстать против Саадета, и тот еще на марше объявил, что намерен занять ханский трон. Иначе не объяснить поведение Саадета Герая, который тотчас по возвращении пленника из похода приказал убить его.⁵⁴ Впоследствии, когда Саадету

и Исляму приходилось вспоминать об этой истории, оба высказывались о ней весьма скупно и немногословно. Ислям Герай говорил, что Саадет, став ханом, «зарезал наших братьев, а потом пожелал и нас погубить», а Саадет Герай туманно пояснял, что Ислям учинил в Крыму смуту — хотя и не по своей воле, а по совету неких «лихих людей». ⁵⁵

Друзья предупредили Исляма Герая о замысле хана, и он отступил от Перекопа за пределы Крыма. Видимо, вокруг нового претендента на престол стали собираться значительные силы, потому что Саадет Герай стал спешно готовиться к обороне. Он отправил под защиту стен Кырк-Ера ханскую сокровищницу и послал за своей матерью Махтум-Султан, чтобы та немедленно прибыла в столичную крепость и укрылась там.

Видя, что хан боится его, Ислям Герай воспрянул духом. Он вернулся к самому Перекопу и угнал пасшиеся там ханские стада. Затем он случайно встретил на дороге Махтум-Султан, так и не успевшую вовремя добраться до сына, и отправил почтенную даму в свою ставку. После этого Ислям Герай со своими сторонниками прошествовал к городу Кырым — древней столице улуса, которая теперь служила родовым центром Ширинов. Здесь беи и мирзы избрали его ханом. ⁵⁶

Низложенный Саадет бежал на север и укрылся на Перекопе, а Ислям I Герай взял его в осаду: оставалось лишь подождать, пока голод вынудит противника сдаться. Крепость Ор-Капы, которую Саадет Герай столь своевременно отремонтировал в прошлом году, была неплохо подготовлена к обороне. Осада началась в ноябре 1524 года; Саадет продержался в ней и месяц, и второй — а войска Исляма Герая всё стояли под зимними ветрами у крепостных стен. На третий месяц силы осажденных стали наконец иссякать, а турки, как и предупреждал когда-то султан, на помощь прийти не могли. Однако Саадет Герай не отчаивался: у него в запасе оставался запасной ход, о котором Ислям Герай не догадывался.

Дело в том, что незадолго до переворота Саадет Герай благоразумно освободил из балаклавских казематов Сахиба Герая. Тот с удовольствием покинул место своего пленения и перебрался в Кырк-Ер. Когда Саадет был сброшен с трона, Сахиб Герай, оценив ситуацию, решил помочь брату. Это было и в его собственных интересах: ведь вычерки-

вать из очереди престолонаследия поколение детей Менгли Герая было еще рановато, а внуки, во главе с Ислямом, могли пока и подождать.⁵⁷

Сахиб отправил в лагерь Исляма письмо, соглашаясь признать его ханом и прося прислать к себе в Кырк-Ер двух беев для переговоров о совместных действиях. Ислям Герай обрадовался такой поддержке и без раздумий отправил требуемых людей в столицу. Хитрость ханского брата обнаружилась лишь тогда, когда он арестовал прибывших к нему вельмож и объявил их своими заложниками. В обмен на их освобождение Сахиб Герай потребовал, чтобы бейские войска покинули Перекоп.

Узнав о пленении родовых старейшин и опасаясь за их жизнь, мирзы скомандовали своим армиям прекратить осаду и отправиться по домам. Можно представить, какую досаду испытал Ислям I Герай, видя, как его войско, уже почти одержавшее победу, тает на глазах и поворачивает прочь от Ор-Капы! Будучи не в силах удержать отступавших, Ислям Герай покинул перешеек с теми немногими отрядами, что остались при нем.⁵⁸

15 января 1525 года Сахиб Герай прибыл в Перекоп к Саадету Гераю. Два хана — крымский и казанский — приветствовали друг друга с затаенной настороженностью. Старший брат был обязан младшему своим спасением из окружения, а младший старшему — свободой. Но не станет ли Сахиб новым противником Саадета, еще более грозным, чем Ислям? и не захочет ли вернувшийся к власти Саадет вернуть Сахиба в застенки?

Братья испытующе смотрели друг на друга и каждый пытался постичь тайные намерения другого, а тем временем в помещение, где проходила встреча, вошли их матери. Две пожилые дамы принесли клятвы от имени своих сыновей: Махтум-Султан поклялась, что Саадет Герай никогда не прикажет казнить Сахиба Герая и не причинит ему никакого зла, а мать Сахиба Герая присягнула, что ее сын не будет претендовать на крымский трон и во всем будет подчиняться старшему брату.⁵⁹ Было решено также, что Сахиб Герай получит сан калги, но вначале всенародно отречется от своего ханского титула. Бывший правитель Казани согласился на это, и взаимоотношения двух братьев были улажены.

Тем временем в Ор прибывали покаянные послания крымских беев с просьбами простить их за участие в бунте. Саадет Герай помиловал мятежников и предоставил им возможность исправиться: хан приказал нагнать и разгромить Исляма Герая. Несмотря на внешнее раскаяние, беи вовсе не намеревались губить своего сторонника — и потому неудивительно, что Исляму Гераю удалось уйти от их погони в полной безопасности.⁶⁰

С самого начала своего правления Саадет Герай ясно показал, что его мало заботят проблемы ордынского наследства и воссоединения Великого Улуса: он примирился с Хаджи-Тарханом и равнодушно наблюдал за попыткой Московии завоевать Казань. Совершенно иного мнения придерживался Сахиб Герай. Став крымским калгой, он смог, наконец, осуществить то, ради чего и прибыл в Крым: собрать войско против Московии, угрожавшей Казанскому юрту. Саадет Герай не особо поддерживал эту идею, но спорить с братом не стал, понимая, что слишком многим обязан Сахибу, и что тот принес большую жертву, отказавшись от ханского звания. Поэтому калге было позволено поступать так, как он считает нужным.

Весной 1525 года Сахиб Герай стал готовиться к давно задуманному им походу. Под его знамена собралось 50 тысяч крымских бойцов, а сверх того, калга ожидал прибытия до 30 тысяч турецких воинов.⁶¹ В июне крымская армия под командованием Сахиба Герая выступила к московским рубежам.

Однако, едва начавшись, поход был прерван. Узнав о том, что крымская армия и значительная часть турецких войск покинули полуостров, Ислям Герай решил взять реванш за свою недавнюю неудачу. Он пробился через весь Крым к самому Кырк-Еру и сразился там с Саадетом Гераем. Небольшой османский отряд, вызванный Саадетом из Кефе, оказался бесполезен: Ислям Герай разбил и янычар. Хан опять был изгнан из столицы, а его соперник вновь занял престол.⁶²

Ислям Герай сознавал, что разгром ханской гвардии — это лишь полдела, и что ему еще предстоит схватка с теми беями, что поддерживали Саадета. Не случайно, извещая польского короля о своем воцарении, Ислям Герай заранее просил у Зигмунта I убежища на

случай своего бегства из Крыма.⁶³ Предчувствия не обманули Исляма I Герая. На защиту своего покровителя встали главные приверженцы Саадета Герая — Бахтияр-мирза Ширин и Девлет-Бахты Барын, вышедшие уже было в поход на Московию. Как только эти беи узнали о событиях в крымской столице, они развернули свои отряды вспять и пошли в Крым защищать хана. Естественно, о продолжении московского похода теперь не могло быть и речи: военная кампания Сахиба Герая была безнадежно сорвана.

Как и опасался Ислям Герай, с объединенными силами беев ему справиться не удалось. Мятежнику пришлось удалиться на Северный Кавказ.⁶⁴

В начале 1526 года Ислям Герай и его сторонники вновь появились на Перекопском перешейке. В этот раз они решили действовать иначе: Ислям Герай заявил, что вместе с Мемиш-беем Ширином и всеми прочими своими приверженцами готов покориться Саадету Гераю.⁶⁵

Первое, в чем нуждался сейчас Саадет Герай, был мир: непрестанные стычки и мятежи легли тяжелым бременем на Крымский Юрт, истощая его силы и низко роняя авторитет крымских ханов перед соседними правителями. Поэтому, когда Ислям Герай и Мемиш-бей, по выражению Саадета, «пали ему в ноги», хан охотно принял их извинения и в знак примирения облагодетельствовал, как мог: Ислям Герай получил пост калги, а мятежному Мемишу вернули титул первого бея (отнятый у него ранее в пользу Бахтияр-мирзы).⁶⁶

Исляму Гераю был отведен для жительства Ак-Чакум, а Сахибу Гераю пришлось принести еще одну жертву ради мира и спокойствия: на сей раз он лишился и сана калги, получив в управление пограничные крепости на Нижнем Днепре.⁶⁷ Разместившись по соседству с Ислямом, он мог, во-первых, следить за перемещениями польских и литовских войск, а, во-вторых, наблюдать за ненадежным племянником.

Примирение Исляма и Саадета прошло заочно: бунтарь не решился лично явиться к правителю, дабы не попасться в ловушку. Даже когда в Крым прибыл султанский представитель, которому было поручено примирить Саадета и Исляма Гераев, калга наотрез отказался

встречаться с ханом, но без возражений принес клятву, что будет во всем повиноваться ему.⁶⁸

В Юрте ненадолго воцарилось спокойствие.

Осенью следующего года хан послал Исляма Герая в поход на Черкессию. Калга уже двинулся в путь вдоль северного берега Азовского моря, но тут Мемиш-бей посоветовал ему повернуть в другую сторону и ударить вместо Кавказа на Московию. Этот набег не преследовал никаких стратегических планов: бей советовал калге награть в Московии побольше ценной добычи, чтобы, продав ее, предложить султану большую взятку и таким образом купить себе ханский титул.⁶⁹ (Надо сказать, что щедрая раздача взяток при стамбульском дворе в будущем стала нередким и порой действенным способом достичь ханской власти — но на что рассчитывал бей, надеясь подкупить Сулеймана, личного друга Саадета Герая?). Дав столь недальновидный совет ханскому племяннику, бей подписал себе смертный приговор.

Следуя внешнеполитическому курсу османского падишаха, Саадет Герай закрыл глаза на все противоречия между Крымом и Московией, заключил с Василием невыгодный для Крыма союз и всячески старался сохранить с ним мир.⁷⁰ Теперь же, после набега Мемиша и Исляма Герая, этот альянс грозил рухнуть: узнав о вторжении Исляма, Василий III приказал убить крымских послов в Москве.⁷¹ Это было страшным оскорблением и хану, и всему его государству. Однако, будучи заинтересован в мире с великим князем, Саадет Герай не мог отплатить ему военным ударом, и потому вся ярость хана обрушилась на нарушителей мирного договора — тем более, что сам их набег был ничем иным, как подготовкой к новому заговору.

Когда войско Исляма Герая вернулось в Крым (будучи отбито русскими от Оки и не добыв желанных трофеев), хан схватил и казнил Мемиш-бея вместе со многими другими участниками авантюры. Затем Саадет Герай лично бросился в погоню за племянником, настиг его отряды в степях и разгромил их. Сам Ислям Герай едва сумел бежать от расправы — теперь при нем оставалось не более двух десятков слуг.⁷²

Пожалуй, после столь решительной победы над соперником Саадет Герай мог бы надеяться, что покой в Крыму установится надолго. Но не все было так просто: крымская знать была потрясена неслыханным доселе злодеянием, которому не могло быть прощения — казнью неприкосновенной особы предводителя Ширинов. А Ислям Герай, растеряв все свое войско, завел себе новых друзей, причем гораздо более опасных, чем мятежные крымские беи...

«КОГДА ЗЕМЛЯ ПОД НОГАМИ МЕШАЛАСЬ»

*Ислям Герай заключает союз с последним ордынским ханом —
Заговор Ширинов и расправа с ними Саадета Герая — Беи требуют смерти
Сахиба Герая, тот отправлен в Стамбул — Последняя схватка между ханом
и Ислямом Гераем — Отречение Саадета Герая от престола*

(1528-1532)

Временное перемирие Исляма с Саадетом сорвалось, и перевес оказался на стороне хана. Но не таков был Ислям Герай, чтобы сдаться даже после столь сокрушительного разгрома. Не сумев справиться с ханом собственными силами, он отправился искать союзников за границей.

Осенью 1528 года Ислям Герай встал лагерем у Черкасс и напомнил Зигмунту I, что тот обещал ему приют в своей стране. Король немедленно отозвался на обращение Исляма Герая. В своем ответном письме он вспоминал, что польско-литовское государство издавна оказывало гостеприимство всем правителям Крыма, что искали пристанища в его землях, от Тохтамыша до Хаджи Герая. Зигмунт даже позаботился о том, чтобы крымский гость уютно чувствовал себя на зимовке в приднепровских краях: он прислал Исляму Гераю и его свите теплые овчинные тулупы.⁷³

Радужие польского правителя объяснялось не только давними традициями, но и той важной ролью, которую Ислям Герай мог сыграть в планах короля.

Воцарение Саадета Герая принесло Польше и Литве серьезные осложнения. В угоду османскому падишаху хан разорвал ту дружбу, что возобновил ранее с Польшей Мехмед Герай, зато всячески укреплял приязнь с Московией. И хотя литовским войскам несколько раз удавалось успешно отражать крымские атаки, король был готов на более решительные меры по защите своих границ. Выше уже говорилось, что в Польшу приезжали посланцы из Ногайской Орды и предлагали Зигмунту I вместе разгромить Крымский Юрт, поставив во главе этой кампании Шейх-Ахмеда.

Бывший повелитель Орды уже четверть века томился в почетном плену. Не раз и не два он загорался надеждой на скорое освобождение, когда король грозил крымскому хану, что в любой момент может выпустить пленника на свободу и направить его с войском на Крым. Но грозные посулы короля ни разу не подкреплялись делом, Саадет Герай отбросил всякий страх перед Шейх-Ахмедом и вел себя в отношении Польши безо всякой опаски.

Поэтому король решил, что настала пора выполнить свою давнюю угрозу, и весной 1527 года, наконец, попрощался с состарившимся в неволе ханом. Королевские слуги препроводили Шейх-Ахмеда из Литвы в Киев, где его уже ожидали земляки, прибывшие с Волги. Они и отвезли старца на родину, к берегам Волги.⁷⁴

Так между польским королем, ногайским беим и бывшим ордынским правителем был заключен союз против Саадета Герая. Конечно же, Ислям I Герай был весьма желанным участником этой коалиции, и король пообещал крымскому изгнаннику, что весной пошлет ему на помощь литовские суда с пушками и большой пеший отряд с ружьями и мортирами. Встав на зимовку у Днепра, Ислям Герай написал Шейх-Ахмеду, что следующей весной намерен выступить на Крым — и тот ответил, что готов присоединиться к нему (собственных войск Шейх-Ахмед не имел, и его военной силой служили отряды ногайцев).⁷⁵

Мог ли Менгли Герай когда-нибудь предположить, что его внук будет договариваться с ордынским ханом о вторжении в Крым? Между тем, это было именно так: Ислям Герай был настолько захвачен стремлением во что бы то ни стало свергнуть Саадета, что отбросил всякую принципиальность в выборе союзников.

Как только с днепровских вод сошли льды и литовская флотилия смогла двинуться в путь, Ислям Герай отправился к Ор-Капы. Ожидалось, что несколько позже к нему присоединится и Шейх-Ахмед с хаджи-тарханцами и ногайцами.

Саадет Герай немедленно осознал всю серьезность той угрозы, что нависла над страной — тем более, что Исляма Герая было готово поддерживать немалое число крымской знати. В своем письме к Исляму Гераю хан взывал к патриотическим чувствам племянника и просил его о мире, «чтобы не губить наше государство».⁷⁶ В конце концов, ему удалось убедить Исляма Герая, и тот пошел на мировую, согласившись снова принять чин калги.

Узнав об очередном примирении Исляма с Саадетом, Шейх-Ахмед был крайне разочарован. Старый хан, научившийся из своего горького опыта быть крайне осторожным и уже попавшийся однажды в ловушку на целых двадцать пять лет, немедленно отказался от похода на Крым. Шейх-Ахмед боялся, что при встрече с Ислямом Гераем он будет схвачен и проведет остаток дней в плену — на этот раз в крымском.⁷⁷ Такое решение вполне устраивало Исляма Герая, поскольку в услугах Шейх-Ахмеда он больше не нуждался.

(Стоит добавить, что последнему хану волжской Орды недолго довелось насладиться долгожданной свободой. Как мельком сообщают источники, через некоторое время по прибытии на Волгу он был убит.⁷⁸ Видимо, возвращение старого правителя стало досадной помехой для нового поколения местных вельмож, пробившихся к власти за долгие годы его отсутствия).

Уладив опасный конфликт, Саадет Герай с облегчением говорил, что если поначалу под ним «земля мешалась», то теперь он снова крепко стоит на ногах.⁷⁹ Однако хан несколько поспешил со своим оптимистичным выводом. Противоречия в крымском обществе сплелись в столь тугий узел, что внешнее примирение с Ислямом Гераем уже не могло развязать его.

Очень скоро события развернулись по прежней накатанной стезе: Ислям Герай опять чем-то вызвал гнев хана, лишился титула калги и был вынужден снова бежать из Крыма — причем вслед за ним ушло и множество крымской знати, которая, разумеется, не собиралась покидать родину навсегда и рассчитывала вернуться сюда с победой.⁸⁰

Напряженность, давно уже нараставшая в отношениях хана и беев, приближалась к точке взрыва: кровь казненного Мемиш-бея взывала к отмщению, а Саадет Герай продолжал открыто попираť древние привилегии крымских родов.

Собрав тайный совет, Ширины решили покончить с ханом.

Теперешний предводитель Ширинов, Бахтияр-бей, издавна был известен как верный сторонник Саадета Герая, однако после казни Мемиша и он отступился от хана. Бей привлек в круг заговорщиков и свою родственницу Ширин-Бек — жену Саадета Герая, пообещав, что приведет к власти ее детей от покойного калги Ахмеда: Бучкака и Юсуфа Гераев, первый из которых станет ханом, а второй — калгой.

Вскоре заговорщикам представился случай осуществить свои намерения. В 1531 году Саадет Герай выдавал свою дочь замуж за Кочкар-мирзу из рода Сиджеут, и на свадьбу явилась вся крымская знать. Празднество было в полном разгаре, когда Бахтияр-бей с распростертыми объятиями подошел к Саадету Гераю и пожаловался, что повелитель давно не осчастливливал своих верных слуг-Ширинов посещением их владений. Бахтияр показал все радушие, на какое был способен, настойчиво приглашая хана в город Кырым. Саадет Герай принял приглашение. Свадебные торжества закончились, и хан с бе-ем направились по домам: один — чтобы собраться в дорогу, а второй — чтобы подготовить встречу высокого гостя.

Не доверяя никому — а в особенности крымским беям — Саадет Герай собрался в путь подобающим образом: он взял с собой отряды янычар и конных сипахиев, вооруженных мушкетами разных калибров. Вместе с братом погостить к Ширинам отправился и Сахиб Герай.

Когда хан с калгой приблизились к владениям Бахтияра, навстречу им прискакали двое ширинских мирз — Докузак и Юнус. Они рассказали Саадету Гераю, что Бахтияр готовится убить его в Кырыме, и что в город уже прибыли Бучкак и Юсуф Гераи, ожидающие своего возведения на престол.

Тогда Саадет Герай послал Сахиба Герая с сипахиями, чтобы те зашли в тылы Ширинскому улусу, а сам, стараясь выиграть время, послал Бахтияру вежливый запрос: не будет ли бей возражать, если хан въедет в город со своей гвардией.

К Саадету тотчас явились Бахтияр-бей и Бучкак Герай. Вероятно, они желали успокоить подозрительность хана, проводить его в Кырым и убедить, что янычарам будет намного удобнее оставаться за городом. Но Саадет Герай не дал им много времени на разговоры: едва поприветствовав уважаемых гостей, он приказал казнить обоих, а затем во главе янычарского отряда ворвался в Кырым и истребил всех заговорщиков, которых застал там: Юсуфа Герая, сыновей Бахтияра, его брата и племянников.

Как и планировал покойный бей, в этот день в Кырыме была-таки устроена торжественная церемония выборов. Разница с предварительным планом заключалась лишь в том, что избирать пришлось не нового крымского хана, а нового ширинского бея, которым стал отличившийся перед ханом Докузак. Сотня спасшихся мирз убежала к Исляму Гераю, неся с собой страшную весть о том, что хан решил уничтожить под корень весь род Ширинов.⁸¹

Едва ли ширинские вельможи, клявшиеся восемь лет назад в тайном письме к Саадету Гераю «положить головы» за него, могли представить, что им и впрямь придется лишиться голов по приказу того самого хана, которого они столь настойчиво призывали в Крым...

Погостив описанным образом у Ширинов и вернувшись домой, Саадет Герай отправил под арест в крепость Кырк-Ер свою предательницу-супругу, а затем взялся за основательную чистку собственного окружения. Хан решил расправиться со всеми сановниками, в благонадежности которых имелись хотя бы малейшие сомнения. Его помощником в этом стал калга Сахиб Герай, подсказывавший брату, кто из ханских приближенных еще хранит надежду устроить заговор.

Возмущенная знать взбунтовалась. Она, правда, не осмелилась открыто восстать против хана и потому направила свой гнев на Сахиба Герая. Аристократы называли его виновником всех бедствий, постигших Крым в последние годы, и обвиняли в ложных наговорах и клевете. Бей и мирзы попытались убить калгу, а когда тот скрылся у Саадета Герая, стали требовать его выдачи. По-видимому, Саадет Герай задумался: не пора ли Сахибу принести очередную жертву ради спокойствия в Юрте — но тут в дело вмешалась Махтум-Султан,

которая некогда поклялась в безопасности Сахиба Герая, и хан счел за лучшее отправить калгу в Стамбул.⁸²

Османский двор был в деталях осведомлен о событиях на полуострове, ибо в Стамбул беспрестанно поступали письма крымских вельмож с жалобами на ханские утеснения и просьбами сместить Саадета Герая с престола. Ради свержения ненавистного тирана беи были готовы снова поступиться своей древней привилегией самостоятельно избирать правителя, но падишах не спешил отправлять в отставку своего друга. В ответ на прошения беев Сулейман I заявил: «Мы не вправе смещать крымского хана, если только он сам не откажется от трона: ибо он от предков своих обладает полнотой власти».⁸³

«Если только он сам не откажется от трона»... Сулейман, конечно, видел, что Саадет Герай зашел в глухой тупик в отношениях с подданными, и деликатно подсказывал ему достойный путь к отступлению.

Едва притихли страсти, связанные с заговором Ширинов и бунтом знати, как в степях между Перекопом и Черкассами вновь появился Ислям I Герай в компании тех мирз, что спасались у него от ханских расправ.

Весной 1532 года Саадет Герай вышел ему навстречу с крымской конницей, полутора тысячами янычар и полусотнею пушек — но Ислям Герай отскочил к границам Московии и потерялся из виду. Тогда Саадет Герай напал на литовских сообщников мятежника, которые, засев в Черкасской крепости, готовились прийти на помощь Исляму, однако и эта попытка закончилась провалом: месяц осады Черкасс прошел впустую, король подтянул к крымским границам значительные силы, и хану пришлось отступить в Крым.⁸⁴

Это поражение на Днепре стало последней каплей, переполнившей чашу терпения хана. Саадет Герай уже давно был раздражен поведением крымцев. Одержав победу в многолетнем заочном соперничестве с Мехмедом I Гераем и придя к власти в час всеобщего бедствия, он сумел защитить родину от новых вторжений степняков, попытался положить конец губительному своеволию знати и старательно внедрял в Крыму те обычаи, что возвели соседнюю Турцию на вершину славы и могущества. В ответ же он видел лишь непрекращающиеся мятежи

и восстания. Девять лет попыток навести порядок в Крымском Юрте привели лишь к усилению смуты. Страна не приняла Саадета Герая.

Хан презирал своих подданных, и не скрывал этого даже перед иностранцами. «Не верь татарам и их правде: татары Аллаха не боятся, и правды в них нет»⁸⁵ — так Саадет Герай отозвался о своем народе в письме к московскому князю. По мнению Саадета Герая, неблагодарный народ оказался недостоин столь великого правителя, каким он считал себя. С присущим ему умением разрубать запутанные узлы одним ударом, в мае 1532 года хан отрекся от престола и навсегда покинул полуостров.⁸⁶ Саадет Герай отправился жить в Стамбул, столь очаровавший его в юности, и в пригород которого ему так и не удалось превратить крымскую столицу.

Похоже, что для Саадета Герая навсегда остался загадкой непостижимый нрав его соотечественников, которым, казалось, не мог угодить ни один правитель. Мехмед I Герай предоставил им полную свободу действий — и был осуждаем за это, а затем и погиб, покинутый своими приближенными. Саадет I Герай, напротив, правил железною рукою, стараясь внушить трепет и без колебаний рубя головы — но в итоге вызвал лишь всеобщую ненависть к себе.

Кем же надо быть, и как следует вести себя, чтобы заслужить в Крыму тот непререкаемый авторитет, каким пользовался Менгли Герай? Будь Менгли жив, он бы, возможно, и подсказал сыну ответ — но к устам старого хана уже давно приложил палец ангел смерти, а все попытки Саадета Герая самостоятельно постичь эту тайну оказались напрасны.

- ¹ М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", т. XII, 1833, р. 362; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.*, Москва 2005, с. 300.
- ² *Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией*, т. II, "Сборник императорского Русского исторического общества", т. XCV, 1895, с. 272.
- ³ М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, р. 362; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 26; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 300.
- ⁴ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год*, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. V, 1863, с. 236.
- ⁵ Г. Иналджик, *Османська імперія. Класична доба, 1300-1600*, Київ 1998, с. 43-44. В походе на Египет 1516-1517 года погиб принимавший в нем участие младший брат Саадета Герая — Мубарек Герая (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 36).
- ⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 292.
- ⁷ А. Кримський, *Історія Туреччини*, Київ-Львів 1996, с. 129; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 290.
- ⁸ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 27.
- ⁹ Так, например, Селим I сменил при себе множество везирей, безжалостно казня их одного за другим за малейшие провинности. Среди турок даже возникло выражение «Чтоб тебе быть везирем при султানে Селиме!», что было равносильно пожеланию смерти (см. А. Кримський, *Історія Туреччини*, с. 130).
- ¹⁰ Г. Иналджик, *Османська імперія*, с. 68-71. Фраза «ради блага государства» может быть уточнена как «ради порядка мира» (H. İnalcık, *The Rise of the Ottoman Empire*, in *The Cambridge History of Islam*, ed. by P. M. Holt, A. K. S. Lambton, B. Lewis, vol. IA, Cambridge 1992, p. 303).
- ¹¹ Г. Иналджик, *Османська імперія*, с. 43; А. Кримський, *Історія Туреччини*, с. 133-134.
- ¹² Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 26; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, "Исторические записки", №27, 1948, с. 47, прим. 131. Сам Саадет Герая добавлял к этому числу еще 15 тысяч ружейных стрелков и артиллеристов, которых, очевидно, султан обещал прислать ему впоследствии (В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герая и его вассалы*, "Ученые записки Московского государственного университета", вып. 61, 1940, с. 71, прим. 391).
- ¹³ В источниках существует и иная версия этих событий: согласно ей, Гази I Герая был вначале назначен калгой при Саадете Герае, и убит лишь спустя три месяца после этого (см. Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 29; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, р. 363-364; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 301, прим. 2). Однако эти сведения встречаются лишь в более поздних трудах, тогда как письмо османского наместника Азака московскому князю, написанное «по горячим следам», сообщает о немедленной казни: «Саадет Герая-султан приехал в Кефе. И Гази Герая-султан, посаженный на ханство, приехал в Кефе к Саадету Герая-султану, и также Баба-султан. И по приказу брата твоего [т.е. османского падишаха] Саадет Герая-султан велел новому хану Гази Герая-султану голову срубить. А Баба-султана и Чобан-султана поймал и заковал... и послал в Стамбул» (оригинал цитируется в: И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 47, прим. 131).
- ¹⁴ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 47, прим. 131.
- ¹⁵ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герая и его вассалы*, с. 58. Уехавший в Турцию старший сын Ахмеда Герая, Геммет Герая (еще недавно выступавший вместе с Саадетом против Мехмеда I Герая), умер в Турции и не вернулся в Крым.
- ¹⁶ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 173.
- ¹⁷ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герая и его вассалы*, с. 58.
- ¹⁸ Цитируется по: В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 174. Это высказывание Саадета Герая весьма важно: оно рисует полную картину топографии Великого Улуса, каким его представляли Гераи, и потому заслуживает развернутого комментария.
- Как уже говорилось, Улус Джучи (Золотая Орда) делился на две части: Белую Орду и Синюю Орду.

К Белой Орде относились западные владения Сарая: Хаджи-Тархан, равнины и предгорья Северного Кавказа, Казань, Московия, Украина, Молдова и Валахия (Румыния). Белая Орда и составляла Улус Бату, верховенства над которым добивались Гераи. К Синей Орде относились земли к востоку от Волги: Ногайская Орда, Казахское ханство, Бухара с Ургенчем и Сибирское ханство. Эта часть вышла из-под верховенства Сарая задолго до его упадка, и на династическое верховенство над нею (за исключением Ногайской Орды) Гераи не претендовали. Значительно позже, в XVII веке, крымские ханы заявляли русским и полякам о своих династических правах на Сибирь, но, насколько известно, в XVI столетии никаких попыток распространить свое господство на нее Крым не предпринимал, что и понятно: Сибирское ханство находилось под влиянием Бухары и, стало быть, принадлежало к левому крылу. Об этих двух крыльях и говорит Саадет Герай, перечисляя государства «по эту» и «по другую сторону».

«Тюмень», упомянутая в тексте, — не сибирская, а кавказская: так назывался небольшой тюркский улус в равнинной части современного Дагестана.

Поскольку книга посвящена главным образом борьбе Крымского ханства за верховенство над волжскими юртами, в ней не осталось места для подробного освещения попыток Гераев унаследовать господство Орды над такими землями, как Черкессия и Молдова с Валахией. Следует лишь заметить, что Крыму удалось распространить свой сюзеренитет на западные черкесские племена (тогда как восточная часть черкесских земель — Кабарда — оставалась на тот момент независимой, а на адыгские народности черноморского побережья Кавказа распространяла свою власть Османская империя).

Что касается Придунайских княжеств — Молдовы и Валахии — то их земли еще с XIII века были подчинены Орде и в свое время зависели от улуса Ногая. В XVI веке оба княжества являлись вассалами Османской империи, однако традиции ордынского верховенства над молдавскими и валашскими князьями продолжились в выплате ими незначительной ежегодной дани крымским ханам. Между Крымом и Придунайскими княжествами шла торговля скотом; отсюда и характеристика «проводников» и «пастухов» (в оригинале — «путники и стадники»), которую хан дает валахам. См. подробнее о политике Гераев в отношении Молдовы и Валахии в IX части этой книги.

Показательно то, что хан в этом письме называет польского короля «своим холопом». Этот термин порой употреблялся крымскими ханами по отношению к московским князьям (только в крымско-польской переписке и никогда напрямую). Формальным основанием здесь служил тот факт, что династия московских великих князей была утверждена на престоле золотоордынскими правителями и всегда рассматривалась в Крыму в качестве вассалов, платящих в ой или иной форме дань верховному хану. К утверждению на престоле польских королей ни Орда, ни Крым отношения не имели, и потому дары, ежегодно поступавшие в Крым из Польши, в сути своей являлись не данью вассала, а выкупом за украинские земли, переданные Тохтамышем Литве. Тем не менее, хан сознательно употребляет неправомерный термин, и это, несомненно, поясняется тем, что Польша в тот момент была врагом Турции. Что касается турецкого султана, то он в цитируемом письме упоминается первым: «султан Сулейман-шах — такой брат есть у меня».

¹⁹ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 48.

²⁰ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 47-48; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 176-177.

²¹ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, Москва 2004, с. 100-101; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 175

²² И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 104.

²³ Ислям Герай впоследствии сам открыто говорил об этом, см. цитату в следующей главе.

²⁴ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 58-59.

²⁵ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 60.

²⁶ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 60.

²⁷ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 414.

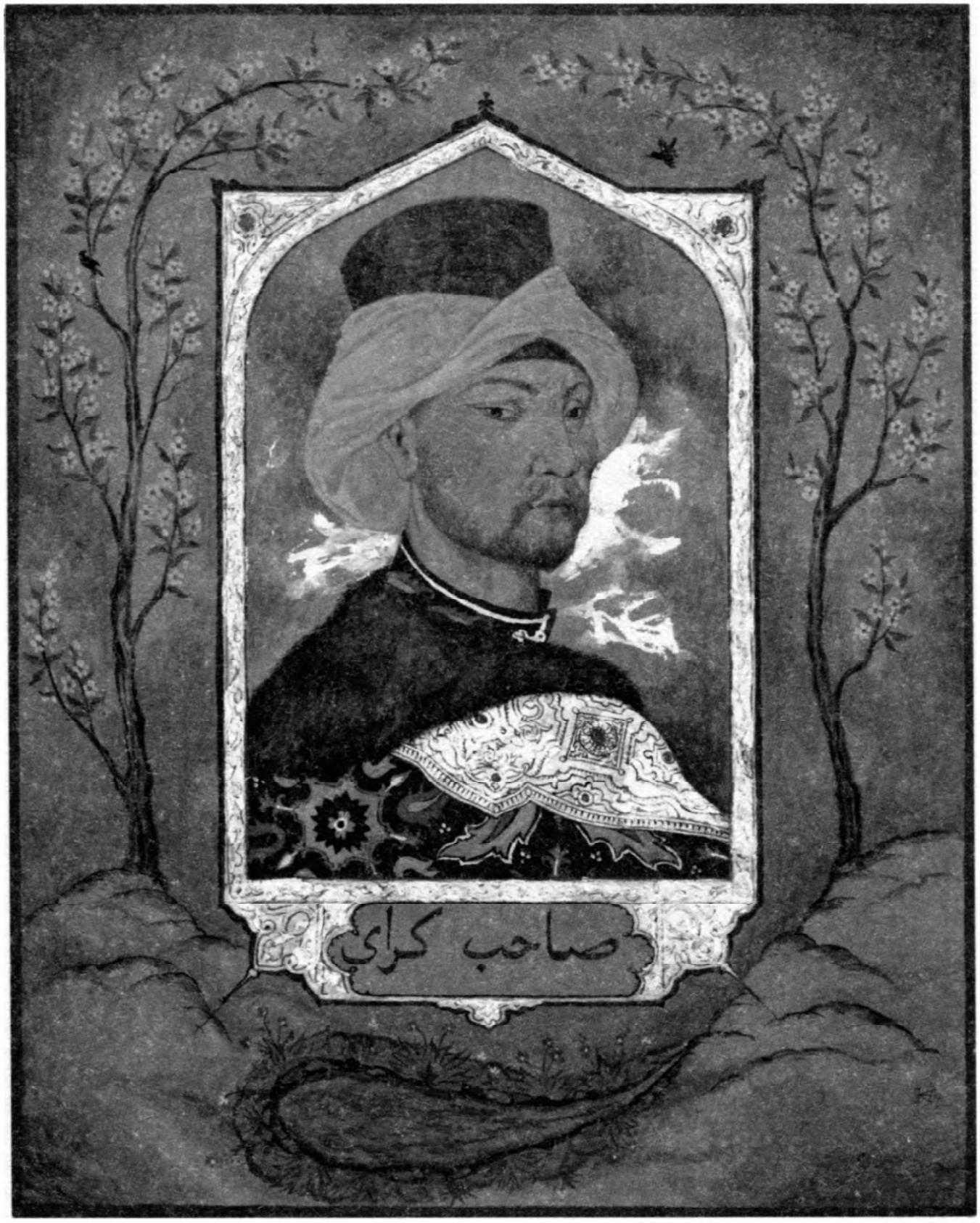
²⁸ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 413.

²⁹ В. Григорьев, *Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая*, «Записки императорского Одесского общества истории и древностей», т. I, 1844, с. 340-342.

³⁰ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 49.

- ³¹ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 59; В. F. Manz, *The Clans of the Crimean Khanate*, "Harvard Ukrainian Studies", vol. II, no. 3, 1978, p. 305.
- ³² И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 51.
- ³³ И. В. Зайцев, *Шейх-Ахмед — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польшо-Литовское государство в начале XVI в.)*, в кн. И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом (Джучидские государства, Москва и Османская империя в начале XV – первой половине XVI вв.)*, Москва 2004, с. 111.
- ³⁴ И. В. Зайцев, *Шейх-Ахмед — последний хан Золотой Орды*, с. 112.
- ³⁵ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 50.
- ³⁶ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 243.
- ³⁷ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20-30-х роках XVI ст.*, "Україна в Центрально-Східній Європі", вип. 1, 2000, с. 101.
- ³⁸ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 242.
- ³⁹ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Москва 1991, с. 85.
- ⁴⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. V, Москва 1872, с. 341.
- ⁴¹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. V, с. 341; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, Москва 1988, с. 176.
- ⁴² И. В. Зайцев, *Мнимый протекторат: Казанское ханство и Османская империя в середине 20-х гг. XVI в.*, в кн. И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом (Джучидские государства, Москва и Османская империя в начале XV – первой половине XVI вв.)*, Москва 2004, с. 125. Это был в полном смысле слова «царский подарок», имевший символический смысл. Еще в ордынские времена существовал обычай, при котором вассальный правитель приносил великому хану такие «девятные дары». Этой же традиции следовали ранее и московские князья, направляя свои посольства в ордынскую ставку. Сахиб Герай, очевидно, демонстрировал своим подарком, что признаёт за старшим братом его хаганский статус и верховенство над всем Великим Улусом, включая и Казанский юрт.
- ⁴³ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 240.
- ⁴⁴ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 241.
- ⁴⁵ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 238; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. V, с. 340-341.
- ⁴⁶ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 53; И. В. Зайцев, *Мнимый протекторат: Казанское ханство и Османская империя*, с. 125.
- ⁴⁷ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 54.
- ⁴⁸ С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 176. Сафа Герай был сыном Фетха Герая — рано умершего брата Сахиба и Саадета.
- ⁴⁹ С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 176; J. Pelenski, *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438-1560s)*, The Hague – Paris 1974, p. 36; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 303.
- ⁵⁰ Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Volga-Don Canal (1569)*, "Ankara Üniversitesi Yıllığı", vol. I, 1947, p. 56.
- ⁵¹ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 177.
- ⁵² *История о Казанском царстве (Казанский летописец)*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XIX, Санкт-Петербург 1903, с. 34-36; С. Герберштейн, *Записки о Московии*, с. 176; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. V, с. 341-343; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 55-56, прим. 176; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552): Internal and External Factors that Led to Its Conquest by Ivan the Terrible*, New York University 1984, p. 206-210.
- ⁵³ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 102. Об применении титула "султан" к ханским родственникам см. Примечание 18 в части III этой книги.

- ⁵⁴ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 243.
- ⁵⁵ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 102.
- ⁵⁶ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 243-244.
- ⁵⁷ На момент описываемых событий Саадету Гераю было 32 года, Сахибу Гераю — 24, Исляму Гераю — 17 лет (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 27, 34; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 365).
- ⁵⁸ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 244-245.
- ⁵⁹ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 245; А. М. Некрасов, *Женщины ханского дома Гиреев*, в кн. *Древнейшие государства Восточной Европы*, Москва 2000, с. 217.
- ⁶⁰ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 245.
- ⁶¹ И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 60.
- ⁶² А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 247; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, с. 60.
- ⁶³ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 104.
- ⁶⁴ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 248.
- ⁶⁵ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 248.
- ⁶⁶ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 58; Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 104.
- ⁶⁷ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 104.
- ⁶⁸ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 105.
- ⁶⁹ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 250-251.
- ⁷⁰ H. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 56.
- ⁷¹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. V, с. 347.
- ⁷² А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 252.
- ⁷³ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 107-108.
- ⁷⁴ И. В. Зайцев, *Шейх-Ахмед — последний хан Золотой Орды*, с. 112, Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 106.
- ⁷⁵ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 108.
- ⁷⁶ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 108.
- ⁷⁷ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 109.
- ⁷⁸ И. В. Зайцев, *Шейх-Ахмед — последний хан Золотой Орды*, с. 112.
- ⁷⁹ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 59.
- ⁸⁰ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 259.
- ⁸¹ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 59.
- ⁸² А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 259. Новым калгою вместо Сахиба был назначен 20-летний Девлет Герай, сын Мубарека Герая, будущий хан Девлет I.
- ⁸³ *Tarih-i Sahib Giray*, Ankara 1973, p. 155.
- ⁸⁴ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві*, с. 109-110.
- ⁸⁵ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, с. 59.
- ⁸⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 303; Халим Герай султан. *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 27; А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 259.

صاحب کرای

Часть V

Сахиб I Герай

1532-1550

«СОЛНЦЕ В СОЗВЕЗДИИ ЛЬВА»

*Ислям I Герай надеется, что султан утвердит за ним ханский титул —
Вместо него ханом назначен Сахиб I Герай — Сафа Герай в Казани свержен
с трона — Сахиб Герай укрепляет свои позиции в отношениях с беями —
Основание Бахчисарая Сахибом Гераем в 1532 году*

(1532)

День, когда Саадет Герай отрекся от престола и отправился в Стамбул, стал днем торжества для Исляма I Герая. Ханский титул, присвоенный ему беями еще восемь лет назад, наконец-то обрел свое значение: теперь в Крыму не было других ханов, помимо него.

С самого начала выступая как защитник беев от притеснений Саадета, Ислям Герай мог рассчитывать на поддержку крымской знати. Оставалась, тем не менее, другая серьезная проблема: отношения с османским падишахом. Сбросив с трона султанского любимца, Ислям Герай сознавал, что теперь в любой день у крымских берегов могут показаться турецкие галеры с янычарами — и тогда рассчитывать на преданность беев будет бесполезно: они покорятся тому, у кого сила. Поэтому даже сейчас, когда Саадет удалился в Турцию, Ислям Герай

не решался вступить на полуостров. Он стоял на северной границе крымских владений — у реки Самары, впадающей в Днепр.¹ Для того, чтобы вернуться в Крым и спокойно править там, необходимо было сперва примириться со Стамбулом.

Пытаясь завоевать симпатию султана, Ислям I Герай сделал широкий и рискованный жест: он отправил Сулейману I письмо, в котором просил утвердить на крымском престоле наиболее достойного, по мнению султана, кандидата и выражал готовность покориться решению падишаха, каким бы оно ни было. Ислям надеялся, что Сулейман оценит такую преданность и посчитает наиболее достойным его самого. Но падишах сделал вид, что не понял намека. Он действительно поступил так, как счел нужным: утвердительная грамота была выдана Сахибу Гераю, а Ислям Герай получил чин калги.²

Разочарование Исляма было огромным. Титул калги он уже имел и ранее, причем неоднократно, и теперь ему снова приходилось быть всего лишь вторым, хотя после своей победы над Саадетом он имел все основания наконец-то стать первым...

Сахиб Герай направился из Стамбула в Крым по дороге вдоль западного берега Черного моря, сопровождаемый целым войском: с ним шла тысяча вооруженных сейменов (ружейных стрелков) и шесть сотен османских янычар с пушками.³ Сулейман I позаботился, чтобы хан был принят на родине приветливо, заранее направив беям особое послание: «Я назначил Сахиба Герая ханом, а Ислям-султана — калгой. Пусть каждый из вас отправится к ним и остается с ними. Пусть хан и Ислям-султан оставят ту холодность, что царит в их отношениях, пусть они помирятся и положат конец распрям. Займитесь наведением порядка в стране, подготовьтесь к походам и отправляйтесь на священную войну».⁴

Распоряжение султана было трудно оспорить: страна действительно давно нуждалась в наведении порядка. Поэтому, как и предвидел Ислям, знать сочла за лучшее засвидетельствовать свою покорность новому правителю. Собравшись вместе, беи поспешили к Днепру, чтобы встретить там на переправе Сахиба Герая.

Вскоре ханский кортеж приблизился к крымским границам. В приднепровских степях был устроен походный лагерь с роскошным

шатром для хана, в котором Сахиб Герай принимал аристократов, по очереди являвшихся к нему засвидетельствовать свое почтение. Сахиб Герай восседал на троне из слоновой кости — великолепный, «как Солнце в созвездии Льва», по выражению очевидцев.⁵ Бей поздравляли хана с восхождением на престол, а тот наделял их драгоценными подарками. После этого торжественная процессия направилась в столицу Крыма, Салачик, куда был приглашен и Ислям Герай.

Встретившись с Ислямом, Сахиб сказал ему: «Ни этот трон, ни этот венец не останутся нам навечно. Поэтому давай начнем эру справедливости и милости».⁶ Порешив на этом, дядька с племянником расстались: Ислям Герай, утвержденный в чине калги, отправился в свои владения у Ор-Капы и Ак-Чакума, а Сахиб Герай остался в Салачике и принялся за разбор государственных дел.

На внешнем фронте Саадет Герай оставил своему преемнику печальное наследство запутанных проблем. Преданно обратив свой взор на Стамбул, Саадет забросил дела Великого Улуса. Неудивительно, что наследство Орды, с великим трудом добытое и собранное Менгли и Мехмедом Гераями, начало расхищаться соседями. Пока в Крыму шли усобицы, Ногайская Орда стала патроном Хаджи-Тарханского ханства — и теперь о каком-либо влиянии Гераев на Нижней Волге не шло и речи.

Еще хуже обстояли дела в Казани. Уяснив, что Саадет Герай не намерен вступаться за казанцев, Василий III вернулся к своему давнему замыслу сменить Гераев на казанском престоле московскими ставленниками из рода Намаганов. Это ему удалось. Хотя очередной поход русских воевод на Казань летом 1530 года оказался безуспешен, против Сафы Герая повели борьбу приверженцы Москвы из числа татарской знати: они устроили переворот и свергли хана, изгнав вслед за ним и всех его земляков-крымцев. Казанским правителем стал прибывший из Московии Джан-Али — родной брат столь не полюбившегося казанцам Шах-Али.⁷

Великий Улус, когда-то объединенный под властью Гераев, распался, и Сахибу предстояло предпринять немалые усилия, чтобы вернуть стране пошатнувшийся при прежнем хане авторитет, а главное — безопасность.

Для этого следовало навести сперва порядок в самом Крыму, усмирив непокорную знать. Хан прекрасно помнил имена и лица тех вельмож, кто еще год назад, столпившись у дворца Саадета Герая, громко требовал выдать Сахиба им на расправу. Однако, в отличие от своего предшественника, Сахиб Герай не стал никому рубить головы. Придворные недаром говорили, что хан обладает мудростью Соломона — ибо он принял поистине «соломоново решение», развязав сложнейшую проблему отношений с аристократией.

События последних десятилетий свидетельствовали, что Ширины с немалым успехом оспаривают у ханского рода реальную власть над Крымом, и этого стремления у них не отбило даже жестокое наказание со стороны Саадета Герая. Вельможи сильно принизили достоинство крымской династии, приняв обычай поручать выбор ханов Стамбулу; они за последние десять лет сумели отстранить от власти уже трех неугодных им правителей Крыма и невероятно возвысились в собственных глазах. И Сахиб Герай нашел Ширинам достойного соперника, который уравнивал их влияние в стране: хан прибавил к привилегированной четверке карачи-беев представителей еще двух родов — Сиджеут и Мансур.⁸

Сиджеуты были знатным, но небольшим кланом, зато Мансуры (как называлась крымская ветвь знаменитого рода Мангыт) были способны помериться с Ширинями и численностью, и мощью. Хотя уже и Менгли, и Мехмед Гераи пытались приблизить Мангытов к себе, все же этот род пока еще не был допущен ни к выборам крымских ханов, ни в собрание карачи-беев. Сахиб Герай изменил этот порядок и окончательно уравнил Мансуров в правах с местной крымской аристократией.⁹ Отныне Ширинам приходилось больше беспокоиться не столько о своем влиянии на хана, сколько о том, чтобы Мансуры не достигли вместо них первенства в Крыму. Хан же, как и пристало государю, теперь становился не соперником знати, а верховным судьей над ней.

Далее хану следовало обзавестись достаточной военной силой, которая подчинялась бы только ему одному и не зависела бы от воли беев. Помня, что Саадет Герай многими своими успехами был обязан турецким пушкам и мушкетам, Сахиб Герай решил создать собственное войско наподобие янычарского в дополнение к тем отрядам, что

дал ему султан. Назывались эти отряды “капы-кулу” или “секбаны”, на службу в них принимали вне зависимости от знатности и родовой принадлежности, и возмущенные беи жаловались, что хан набирает свои стрелковые войска «из мерзавцев и разбойников», собранных по всему Крыму.¹⁰ Секбаны неотлучно находились при своем повелителе и в столице им был отведен специальный квартал поблизости от ханского дворца Девлет-Сарай.¹¹

Но самым выдающимся нововведением Сахиба Герая стало основание Бахчисарая.

Прежняя «столица двух материков», Салачик, лежала на дне каменного котла посреди отвесных скал, надежно защищенная поднебесной твердыней Кырк-Ер и горными теснинами. Ниже по течению речки Ашлама¹² узкое ущелье переходило в просторную долину с отлогими склонами. Оживленная дорога, бегущая между ними, выводила путников на равнину, к селению Эски-Юрт.

Кое-где по долине были разбросаны одиночные постройки (как, например, старая усадьба Дереве-бея с мавзолеем хозяина¹³), но основную площадь здесь занимали сады. Это наверняка были “чаиры”: традиционные для Крыма фруктовые насаждения в дикой местности, куда хозяева приходили лишь несколько раз в год, чтобы привести в порядок деревья или снять урожай.

Время от времени Сахиб Герай со своими спутниками появлялся в этих садах для проведения различных торжеств вне дворца; специально для этого посреди деревьев был сооружен позолоченный павильон с тронном посередине и устроен бассейн с фонтаном. Хан собирал здесь беев и мирз и давал торжественные пиры в окружении музыкантов.¹⁴

Вскоре Сахиб Герай решил постоянно обосноваться в этой живописной местности и построить здесь новый ханский дворец. Сложно сказать, что именно руководило его решением: то ли прежний дворец, довольно скромный по размерам,¹⁵ уже стал тесноват для разросшегося придворного штата, то ли Сахиб Герай решил, что новая, более обширная и роскошная резиденция лучше подчеркнет его статус великого хана. Свою роль наверняка сыграло и то, что Крым уже не слишком опасался вторжений извне: появившаяся у хана артиллерия

позволяла надежно защитить столицу, которую теперь незачем было прятать за каменными стенами в тесном ущелье. Достаточно было поставить дозор и артиллерийский расчет на возвышающейся над долиною Топ-Кае (“Пушечной скале”), чтобы перекрыть орудийным огнем всякий доступ к столице.

Как писали об этом позже возвышенной прозой, Сахиб Герай, «став великим падишахом эпохи... вышел, как семиглавый дракон, из пещер Салачикского ущелья. Он сделал местом своего жительства и приютом этот Бахчисарай и построил за семь лет Бахчисарайский дворец».¹⁶

Среди крымских татар сложилось несколько преданий о том, как хан выбирал место для постройки своей новой резиденции. Как говорит одно из них, однажды, охотясь в долине, сын Менгли Герая (в котором легко признать Сахиба) стал случайным свидетелем драки двух змей в зарослях на берегу реки. Одна из змей проиграла поединок и, вся израненная, из последних сил отползла к воде. Победительница же вступила в бой с новой соперницей, внезапно появившейся на берегу, а побежденная змея, окунувшись тем временем в речную воду, чудесным образом исцелилась от ран и покинула поле сражения целой и невредимой. Здесь, на берегу целительной речки, и был возведен новый дворец.¹⁷

Другая легенда тоже подчеркивает благотворный климат долины: задумав основать новую резиденцию, Сахиб Герай повелел рубить на девять частей баранью тушу, положить куски в девяти различных местностях, годных для строительства дворца, и выждать девять дней. По истечении этого срока выяснилось, что свежим остался лишь тот кусок, который был оставлен в долине на берегу Ашламы. Так было избрано место для строительства.¹⁸

Так или иначе, «в саду, наполненном восторженным пением птиц»,¹⁹ вскоре поднялись стены нового ханского дворца, названного Бахче-Сараем — “Садовым Дворцом”. Поблизости от ханского жилища и зала для совещаний была возведена большая мечеть, а рядом с ней — добротная каменная баня, над входом в которую до сих пор сохранилась плита с именем хана-основателя и годом постройки.²⁰ Оправдывая свое название, Садовый Дворец утопал в зелени кипарисов, гранатовых деревьев и жасминовых кустов.²¹ Очень скоро вокруг ханской резиденции вырос целый город, перенявший ее название.

Так Сахибом Гераем была основана новая столица Крымского ханства, Бахчисарай. Как показали века, возведенный Сахибом Гераем дворец оказался самым долговечным памятником не только правлению Сахиба, но и всей славной эпохе Крымского Юрта.

Сахиб Герай не забыл и про первую ханскую столицу — Салачик. Здесь, в квартале секбанов, им был возведен высокий дворец правосудия, надпись над входом которого гордо именовала Сахиба Герая «победоносным знаменем рода Чингизова».²²

Теперь Сахибу Гераю предстояло оправдать этот высокий эпитет.

ПЕРЕКОПСКОЕ ХАНСТВО

*Бунт Исляма Герая против хана — Раскол Крымского ханства —
Ислям Герай теряет приверженцев — Сахиб Герай просит Бакы-бея устранить
Исляма Герая — Разгром мятежа, хан прощает Исляма Герая —
Ислям Герай убит Бакы-беем*

(1533-1537)

Пока Сахиб Герай обустроивал новую столицу, а Ислям в должности калги охранял подступы к Крыму, на полуострове появилось еще одно лицо ханского звания: Сафа Герай, лишившийся своего казанского престола вследствие переворота.

Сахиб Герай, наверное, не без труда узнал в нем того юношу, которого одиннадцать лет назад оставил в Казани своим преемником. Годы, проведенные молодым казанским правителем в постоянной готовности к бою без надежды на чью-либо помощь, воспитали в нем самостоятельность и твердую бескомпромиссность. Сверженный казанский правитель горел мстостью к московскому врагу, лишившему его трона: «Я не перестану воевать с тобой и буду мстить тебе до конца — так и знай!» — писал он Василию из Крыма.²³

Не ограничиваясь словами, Сафа Герай взялся за дело. Уже в августе 1533 года он с Ислямом Гераем и сорока тысячами войска выступил на Касимов, а затем и на Рязань.²⁴ Хотя эти военные акции

проводились без приказа Сахиба Герая, хан не возражал против них: он и сам готовился вскоре к крупному разговору с Московией, и стремление Сафы Герая поскорее ринуться в бой было в этом свете весьма похвальным. Никакой политической выгоды от этого похода Крым не получил: Сафа и Ислям не дошли до крупных городов и были оттеснены назад.²⁵ Было ясно, что для серьезного военного предприятия, способного освободить Казань, следует поднимать весь Крым — а это мог сделать только сам хан.

По возвращении из военного похода Ислям Герай написал в Москву письмо: в нем он оправдывался перед князем, что ходил на московские границы не по своей воле, а лишь для того, чтобы не навлечь подозрений соотечественников своим отказом воевать с русскими.²⁶ Эта странная с первого взгляда фраза появилась в письме калги не случайно. Прибытие в Крым смелого и энергичного Сафы Герая подтолкнуло Исляма к решительным действиям: рассчитывая на поддержку кузена, он задумал сразиться с ханом и наконец добыть себе трон. Желая заранее усилить свои позиции, он решил завязать дружбу с московскими неприятелями Сахиба — и потому заявлял о своей непричастности к организации похода.

В начале лета 1534 года Ислям Герай поднял бунт против Сахиба.²⁷ Хан отбил атаку калги и вытеснил его из Крыма — но окончательно разгромить строптивого племянника ему не удалось. Ислям Герай укрепился в своих владениях у Перекопа и объявил себя полновластным ханом. Вместе с ним за перешеек ушла часть Ширинов, а также склонившийся на сторону бунтовщиков Сафа Герай с несколькими другими султанами из ханского рода.²⁸

Страна оказалась расколота надвое. Теперь в ней правили два хана: один на полуострове, а второй — в материковых владениях. В руках у мятежника оказались «ключи от Крыма»: его мятежное «перекопское ханство» отрезало Сахибу Гераю дорогу на материк, и к Исляму попадали все польские и московские послы, что направлялись в Бахчисарай.²⁹ Пользуясь этим, Ислям Герай предложил союз одновременно Московии против Польши и Польше против Московии, выжидая, какая из двух стран предложит ему более богатые дары.³⁰ Но соседи видели, что Ислям далеко не столь могуч, как желает казаться, и потому не спешили осыпать его золотом. Польский король заявил, что пока

в Крыму длится эта усобица, его стране нечего опасаться, а в Москве Исляма Герая считали человеком шатким и ненадежным.³¹

Скупость соседей не предвещала ничего хорошего. Поддержавшие бунтовщика беи и мирзы ждали богатого вознаграждения за свое усердие и риск — а как раз этого Ислям Герай не мог им обеспечить. «Перекопское ханство» было небогатым краем, поступающие из-за рубежа дары были слишком скудны, а попытки грабить соседние земли оказались неудачны.

Перекопский двор обнищал, здесь стали вспыхивать споры из-за имущества и товаров, а хан терял контроль над своими сторонниками. Авторитет Исляма Герая был окончательно подорван грандиозным скандалом, который разгорелся в ставке мятежников после того, как открылось, что Ислям присваивает себе дары, поступающие из-за границы для Сафы Герая. Оскорбленный Сафа покинул Перекоп и, не тратя больше времени на бессмысленный мятеж, отправился заниматься настоящим делом: возвращать себе Казань.³²

Трон под Ислямом Гераем зашатался, и мятежник стал готовить пути к отступлению. Вначале он попытался объяснить с султаном, изложив ему в письме свою позицию.

Ислям перечислял свои обиды на Сахиба и просил себе ханского титула: «Если мне, Вашему слуге, окажут честь и доверят ханство — я сделаю все, зависящее от меня, я истрочу все мои силы и послужу стране так, чтобы это могло стать примером всему миру. Если же мне не доверят ханства — то я все равно останусь добрым и преданным слугой моего падишаха».³³

Понимая, однако, что Сулейман вряд ли согласится утвердить его на престоле, Ислям заранее предлагал и другой вариант: пусть на крымский трон возвратится Саадет Герай. Ранее он уже направил несколько подобных посланий к султану, но тот неизменно отвечал на них призывом помириться с ханом. Ислям Герай убеждал Сулеймана, что примирение с Сахибом абсолютно исключено: «Это было бы неосуществимо, даже если бы два мира соединились».³⁴ Можно видеть, сколь сильна была у Исляма неприязнь к Сахибу, если он соглашался даже, чтобы ханом снова стал Саадет, его бывшей противник!

Ислям клялся, что если султан прислушается к этой просьбе и вернет в Крым Саадета Герая, то он прекратит свой мятеж, навсегда покинет Крым и уйдет в Хаджи-Тархан. Волжская столица была упомянута неслучайно: скитаясь после очередного бегства из Крыма в 1531 году, Ислям забрел в Поволжье и сумел на несколько месяцев занять хаджи-тарханский престол. Теперь он надеялся, что сможет вновь воцариться над Хаджи-Тарханом, и даже пообещал султану превратить пустынное волжское ханство в богатый процветающий край и отправиться оттуда с войском на помощь османам против Персии.³⁵

После отъезда Сафы Герая в Казань многие бей и мирзы стали покидать неудачливого бунтовщика. Утомленные тяготами затянувшегося восстания, они возвращались в свои крымские владения, являлись к Сахибу Герая и раскаивались перед ним, приводя всевозможные доводы в свое оправдание.³⁶ Хан охотно даровал им высочайшее помилование. Сахиб Герай с большим удовлетворением наблюдал, как тает круг перекопских мятежников.

Сахибу Герая было известно, что Ислям исключает всякую возможность примирения с ним. И если переговоры были заведомо бесполезны, то Сахибу оставалось лишь избавиться от непримиримого противника. Хан желал избежать военной схватки с мятежником, ибо не вполне доверял своим беям (которые, разочаровавшись в Исляме, все же продолжали писать в Стамбул тайные кляузы с просьбами об отставке Сахиба³⁷). Для прекращения непрерывных мятежей было достаточно устранить главного их зачинщика — но как это сделать, чтобы не вызвать нового витка междоусобной войны?

Пока Сахиб Герай находился в раздумьях, к нему из стана мятежников прибыл Баки-бей — старший в роде крымских Мангытов. Он тоже бросил Исляма Герая — видимо, Баки не мог стерпеть, что пока он стоит в Перекопе, пост мансурского бея отдан ханом его младшему брату Ходжатаю, который и наслаждается всеми преимуществами своего высокого статуса карачи. Сахиб Герай принял Баки с большим почетом, устроив в его честь торжественный пир в присутствии всей знати. После трапезы и общей молитвы хан пригласил Баки в свои покои побеседовать наедине.

— Сердце мое, — сказал Сахиб Герай, — беи хотят сделать врагами меня и моего племянника, который хочет стать ханом над своим ханом... Население наших краев страдает от этой распри, и многие мусульмане принесены ей в жертву. Я принял решение, и только ты сможешь вернуть мне спокойствие. Если ты дашь свое согласие, то совершишь дело, угодное Аллаху. Завтра я устрою большой совет. После того, как ты наденешь подаренный мной халат, попроси меня о чем-нибудь невыполнимом. Я откажу тебе. Тогда сделай вид, что ты пришел в ярость, встань, и тотчас покинь собрание; возьми лошадей и уезжай. Я прикажу послать за тобой погоню, но ты укроешься у Ислям-султана. Убей его при удобном случае. Я щедро награжу тебя. Если же он заподозрит что-либо и не захочет тебя принять — уезжай сразу. Отправляйся к ногайцам и забудь обо всем. Пусть пройдет несколько лет, и тогда вернись внезапно, предприми ночную атаку и убей его, когда он будет спать. Сделай это, и я дам тебе больше ценностей, чем когда-либо дарили падишахи своим беям.³⁸

Бакы согласился на предложение хана и поклялся страшной клятвой на кинжале, что не выдаст этого уговора ни одной живой душе.

На следующий день, собравшись в садовом павильоне в Бахчисарае, хан и бей блестяще сыграли условленные роли. Хан одаривал своих приближенных грамотами на земельные владения, а Бакы-бею достался лишь нарядный халат да горсть монет. Бакы вскочил, наговорил хану дерзостей и ускакал, а Сахиб Герай отправил за ним погоню, которая, разумеется, вернулась ни с чем.

Бакы не пришлось кривить душой, чтобы сыграть роль оскорбленного: он и впрямь был раздосадован тем, что хан не возвел его сразу же в достоинство мансурского бея, а потребовал вначале доказать преданность делом, выполнить опасное задание, да еще и провести в случае неудачи несколько лет вдали от бейского двора! Прибыв к Исляму Гераю, Бакы тут же рассказал ему о своем разговоре с ханом. Но Ислям Герай не спешил с благодарностями: подумав, что алчный соратник обманывает его в надежде выманить какую-нибудь награду, он отправил Бакы восвояси.³⁹

Бакы-бею оставалось лишь отправиться к своим сородичам-Мангытам в Ногайскую Орду.

Тем временем у Исляма Герая появился новый повод к надежде на успех своего бунта: в его руки попался чрезвычайно важный пленник, которого можно было с успехом использовать в очередных политических комбинациях — русский князь Семен Бельский.

Московский правитель Василий III умер в конце 1533 года, и преемником престола был объявлен его сын, трехлетний младенец Иван IV (будущий Иван Грозный). Пока правитель был мал, вся власть в Московии перешла в руки соперничающих боярских группировок. Те из них, что пробились поближе к трону, стали сводить старые счеты с недругами — и Бельскому, попавшему в число неугодных, пришлось бежать в Литву. Желая отомстить своим обидчикам, он искал управы на них вначале у польского короля, а затем и у турецкого султана. Бельский просил у Сулеймана военной помощи, обещая взамен подчинить османам Рязанское княжество. Падишах, который к этому времени уже примирился с Польшей и потерял прежний интерес к союзу с Московией, решил помочь князю. Он отправил Бельского в Крым, отдав распоряжение, чтобы Сахиб Герай и кефинский наместник собрали для него войско.⁴⁰

Ислям Герай тотчас же сообщил обо всем этом в Москву и добавил, что покуда он стоит на Перекопе, хан с Бельским и турками не сможет выйти в поход на русских.⁴¹ В ответ бояре просили Исляма Герая поймать Бельского и убить его либо выдать в Москву. Просьба была подкреплена щедрыми подарками, и Ислям взялся выполнить ее. Неизвестно, как именно ему удалось захватить Бельского, но беглый князь в конце концов очутился в его лагере, а Сахибу Герая приходилось теперь читать гневные письма султана с упреками в невнимательности и требованиями немедленно освободить князя.⁴²

Далее терпеть своеволие Исляма было невозможно, и хан двинул против мятежника военный отряд. Вылазка получилась быстрой и победоносной: подойдя ночью к Перекопу и ударив на стан калги, Сахиб Герай захватил весь его лагерь. Правда, сам Ислям Герай успел уйти, прихватив с собой и Бельского. Но этот разгром подорвал остатки его могущества, и Ислям Герай запросил пощады: «Хан — мой дядя. Если я покорюсь ему — пусть он сохранит мне жизнь». Сахиб Герай объявил, что прощает его, и повернул

обратно, оставив Исляма в перекопском улусе в прежнем чине калги.⁴³

Несколько месяцев спустя, в августе 1537 года, в Крыму стало известно, что Баки вернулся из Ногайской Орды, совершил ночное нападение на ничего не подозревавшего Исляма Герая, убил его, а затем, забрав с собой его семью, слуг, имущество и Симеона Бельского, скрылся в Хаджи-Тархане.⁴⁴

Вряд ли Сахиб Герай слишком скорбел о племяннике. Хотя тот и повинился перед ханом, опыт показывал, что все его прежние покаяния перед Саадетом ничего не стоили и снова сменялись бунтами. Хан назначил калгою своего старшего сына Эмина Герая, а крепость Ак-Чакум, которая еще со времен Ахмеда Герая превратилась в гнездилище непрерывного мятежничества, передал под власть турецкого султана.⁴⁵

«ВОЛК В ОВЧАРНЕ»

Новые нападения ногайских беев на Крым — Примирение Баки-бея с Сахибом Гераем — Сафа Герай возвращается на казанский престол — Поход Сахиба Герая на Москву — Баки-бей планирует покушение на хана и срывает поход — Казнь Баки-бея

(1538-1541)

Баки-бей выступил против Исляма Герая вовсе не потому, что об этом его когда-то попросил хан, а исключительно из собственных соображений: потерпев неудачу в Крыму, Ислям стал искать пути к хаджи-тарханскому трону — а это очень не понравилось Ногайской Орде, которая считала себя покровителем Хаджи-Тархана.

Похоже, Баки так и не простил Сахибу того разговора в тишине ханских комнат, когда выяснилось, что он нужен хану не в качестве предводителя крымских Мангытов, а лишь как орудие возмездия. С тех пор Баки затаил враждебность к Сахибу Гераю. Хан звал его в Крым — но гордый бей отказался вернуться, избрав путь войны.

В 1537 году Ногайская Орда собрала свои разрозненные улусы и провела великий объединительный курултай. Единство придало ей такую силу, что она, по сути, превратилась в отдельную могучую державу. Ногайцы восприняли свою победу над Мехмедом I Гераем в 1523 году не просто как разгром хана, но как перехват у него власти над всею Великой Ордой: «Хан Тохтамышева юрта [т.е. Крыма] Аллаха забыл, и я пал на колени перед Аллахом, и Аллах отдал тот юрт нам, ради нашей праведности» — писал ногайский мирза Кель-Мухаммед в Москву. После победы над крымским хаканом вельможи Ногайской Орды сами стали считать себя повелителями Великого Улуса и требовали у Москвы, чтобы та отныне платила дань не в Крым, а в Ногайскую Орду. В ногайских степях вновь стали раздаваться призывы к походу против Гераев.⁴⁶

Когда в 1538 году султан Сулейман пригласил Сахиба Герая в поход на Молдову, ногайский отряд попытался в отсутствие хана вторгнуться в Крым. Но Сахиб Герай заблаговременно позаботился о том, чтобы укрепить перешеек, по которому пролегал путь с материка на полуостров: он перестроил крепость Ор-Капы и углубил древний Перекопский ров — так, что он протянулся от Черного моря до Сиваша и наполнился водой. Закончив эти приготовления и выступив в поход, ханское войско встретило приближавшихся неприятельских мирз у берега Днепра и разгромило их.⁴⁷

Следующую атаку на Крым вел сам Бакы-бей, напавший на ханского сына, калгу Эмина Герая, когда тот возвращался из зимнего похода на окраины Литвы. На пути у Днепра крымцев настигли сильные морозы, и воины едва могли продвигаться вперед навстречу метелям и снежным буранам. Этим и воспользовался Бакы-бей: пока калга ходил в Крым за подкреплением, Бакы громил остававшиеся в степи крымские отряды. Из-за его нападений крымскому войску пришлось задержаться на месте более недели, и за это время от лютой стужи и атак Бакы-бея погибло до пяти тысяч человек. Однако в итоге нападавшие были отбиты, а Деве-мирза, младший брат Бакы-бея, взят в плен.⁴⁸

Хану следовало любой ценой заполучить Бакы в Крым, поскольку враждебность бея грозила погубить едва наладившийся в стране порядок.

Пытаясь выманить бея из степей, Сахиб Герай арестовал его младших братьев: Ак-Биби-мирзу и Деве-мирзу, посадив их в кандалах под стражу. С пленниками обращались мягко, но провести в заключении им пришлось почти год. Наконец, стало известно, что Баки покинул Ногайскую Орду и перебрался поближе к Крыму, в Азак. Тогда хан освободил обоих арестантов и отправил их по очереди к Баки-бею, чтобы они уговорили брата вернуться. Сахиб Герай обещал, что сделает Баки предводителем Мансуров вместо Ходжатая и женит Ак-Биби-мирзу на своей дочери. Баки долго не соглашался возвращаться в Крым, опасаясь, что хан готовит ему ловушку. Но Ак-Биби, уже предвкушавший выгоды от своего будущего брака, уговорил его отправиться к хану.⁴⁹

Сахиб Герай сдержал свое слово: он принял Баки при дворе с большими почестями, отдал под его начало земли и войска Мансуров и приказал крымским беям, чтобы каждый из них по очереди устроил особый торжественный прием для гостя. Для того, чтобы отблагодарить хана за его милости, Баки-бей имел достойный ответный дар: он привел в Бахчисарай целого и невредимого князя Бельского, о котором так беспокоился турецкий султан и который мог сослужить хорошую службу в борьбе с московским двором.⁵⁰

Надо сказать, что, помимо Бельского, Баки-бей захватил в разгромленном стане перекопского мятежника еще одного пленника: сына Исляма Герая. Но брат его с собой в Крым Баки не стал, оставив наследника Исляма в ногайских улусах. Бей связывал с этим юношей грандиозные планы на будущее: ведь все благодеяния Сахиба Герая были для Баки-бея ничто по сравнению с перспективой заменить хана собственным ставленником и возродить обычаи поздней Золотой Орды, когда могущественные Мангыты сажали на престол ханов-марионеток и распоряжались империей по собственному усмотрению.

Сахиб Герай признавал, что Баки может причинить государству серьезные хлопоты, но в любом случае предпочитал, чтобы тот находился под надзором в Крыму. Кроме того, хан нуждался в военной помощи Мансуров для осуществления своей давней мечты: воссоединения распавшегося Улуса Бату — тем более, что обстоятельства для этого складывались самые благоприятные.

После смерти Василия III казанские вельможи сочли Московию слишком ненадежным покровителем и решили вернуться к прежним поряд-

кам. Осенью 1535 года они свергли и убили Джан-Али, а затем обратились к Сафе Гераю с просьбой вернуться на престол. Разумеется, им не пришлось долго настаивать: Сафа Герай уже давно ждал этого дня.⁵¹

Московские бояре обеспокоились таким развитием событий и стали готовить очередной поход для усмирения Казани. Но Сафа Герай предупредил их наступление, планомерно разрушая русские крепости и городки, которые в последние десятилетия были во множестве построены у границ Казанского ханства.⁵² Пока Сафа Герай опустошал плацдармы будущей атаки, Сахиб Герай действовал на дипломатическом фронте, причем он выступал не как крымский хан, а как хакан Великого Улуса, называя себя в русском тексте письма «царь царям».⁵³

«Казань — мой престол и моя земля»⁵⁴ — твердо заявил он, требуя от московского князя (вернее, от бояр, что переписывались с ним от имени семилетнего Ивана) оставить все планы покорения Казани и заключить с нею мир. В случае же посягательств на независимость Казанского ханства Сахиб Герай обещал лично выйти войной на Москву со ста тысячами крымского войска и османскими янычарами.

Судя по всему, Саадет Герай за последние годы приучил бояр пренебрегать заявлениями крымского двора, поскольку Сахибу Гераю пришлось особо предупредить князя: «Ты не знаешь меня, и думаешь, что я такой же, как мои предшественники — но я [как и обещал] пойду на тебя... И пойду я не тайно — не говори потом, что я, как Мехмед Герай, пришел без предупреждения».⁵⁵

Грозные слова хана возымели действие. В 1538 году Москва отменила поход на Казань, но противники Сафы Герая не уставали жаловаться московскому двору на засилье крымцев, обещая убить Сафу или выдать его князю. Обнадеженные этими посулами, весной 1541 года бояре вновь двинули войска в сторону Казанского юрта.⁵⁶

Для Сахиба Герая настал час доказать, что он не бросает слов на ветер. По всей стране был оглашен ханский приказ готовиться в поход, подобного которому не было уже двадцать лет: целью похода являлась сама Москва, а во главе войска стоял сам хан. Нет сомнений, что Сахибу Гераю живо вспомнилась кампания 1521 года, когда он шел из Казани к Москве навстречу Мехмеду Гераю.

Ночь перед выступлением в поход Сахиб Герай провел в молитве, а наутро, выехав из дворцовых ворот, был встречен множеством подданных, заполнивших узкие улицы столицы для проводов правителя на войну. Сбор войск был назначен у Перекопа, где вскоре и собрались хан со своей гвардией, беи с многотысячными отрядами (в том числе Мансуры под командованием Баки-бея), а также османские янычары, посланные на помощь Сахибу Гераю. Отсюда огромное войско, насчитывавшее свыше ста тысяч человек, двинулось на север. Хан приказал идти как можно быстрее, чтобы застать противника врасплох.

Путь к Москве крымцам был известен. Ведомо было и то, что на карте похода есть одно трудное место: переправы через Оку, на которых крымское войско могло стать уязвимой мишенью для московских пушек. Но здесь оказал помощь князь Бельский, проводивший крымскую армию к удобной малоизвестной переправе, которой мало кто пользовался. Русские не рассчитывали, что хан будет пересекать реку именно здесь, и потому оставили в этом пункте лишь две сотни стрельцов, которых янычары без труда разогнали пушечными выстрелами. Теперь следовало поскорее соорудить плоты, переправиться через Оку — и тогда ничто не смогло бы удержать крымское войско в последнем коротком марше на Москву.

Передовые отряды ханской армии уже высаживались на противоположном берегу, когда Сахибу Гераю донесли, что Баки-бей, мирно сопровождавший его всю дорогу, намерен воспользоваться случаем и расправиться с ханом. Бей ждал, пока хан взойдет на плот (понятно, что на плоту не могло поместиться много охраны) и окажется на середине реки — тут-то он и планировал расстрелять хана с берега и провозгласить правителем Крыма сына Исляма Герая.⁵⁷

Явных доказательств к этому не было, и потому, не спеша с обвинениями, Сахиб Герай предложил Баки-бею, чтобы Мансуры тотчас переправились на другой берег. Баки категорически отказался, убеждая хана, что тот должен пересечь реку первым. Хан повторил приказ — и бей снова воспротивился, чем окончательно выдал свои намерения. Сахиб Герай продолжал настаивать на своем, Баки не повиновался. В препирательствах прошел день, а после захода солнца переправляться стало поздно.

Наутро противоположный берег уже был заполнен московскими войсками, которые за ночь срочно подтянулись к переправе и целили

свои пушки в ханский стан. Силы противника быстро росли: узнав, где стоит хан, воеводы устремились к Оке со всех окрестностей. Между двумя берегами началась орудийная перестрелка.

Возможность переправиться была упущена безвозвратно: русские без труда расстреляли бы из пушек ползущие наперерез течению плоты, и здесь не могла бы помочь даже османская артиллерия. Сахибу Гераю оставалось лишь развернуться и возвращаться в Крым: по милости предводителя Мансуров дорога на Москву была теперь наглухо закрыта.⁵⁸

Сахиб Герай долгие годы мечтал об этом походе; он уже второй раз выступал на Москву из Крыма — и второй раз не мог достичь цели. Досаднее всего было то, что преградой на пути хана встало не столько сопротивление противника, сколько вероломство собственных подданных. Прощать этого было нельзя.

Трудно представить, чего хану стоило сдерживать себя, возвращаясь в Крым бок о бок с Баки, — но за всю дорогу Сахиб Герай не упрекнул его ни словом. Хан позволил себе излить охватившую его досаду лишь в письме, которое отправил с дороги московскому князю: «Благодари Бога, — писал Сахиб, — что твой час еще не пробил, и благодари Баки-бея, из-за которого мы не успели переправиться через Оку. Сначала мне нужно убить волка в моей собственной овчарне и очистить мой сад от чертополоха и колючего кустарника — а затем я займусь и тобой».⁵⁹

Вскоре армия миновала Перекоп, и перед ней развернулись горизонты Крыма. Баки с Ак-Биби повернули в свой удел — гёзлевские степи, а Сахиб Герай направился далее, к столице.

Через некоторое время к Баки-бею прибыл ханский гонец с известием, что хан намерен, как и обещал, сыграть свадьбу Ак-Биби и приглашает жениха с братом прибыть в столицу. Баки понял, что хан отложил серьезный разговор с ним лишь для того, чтобы эта беседа состоялась не в степях, в окружении мансурского войска, а в ханской столице, при секбанах и дворцовой страже. Отказавшись от путешествия в Бахчисарай якобы по причине болезни, бей направился за пределы полуострова, к берегам Днепра: он собрался бежать из Крыма. Баки мог бы тотчас, не медля ни минуты, умчаться от хана с

несколькими сотнями своих слуг — но он не пожелал уходить налегке и решил увести за собой в Ногайскую Орду все подвластные ему мансурские улусы с их главным богатством: конскими табунами.

Пока Баки медлил, дожидаясь на Днепре своих людей, возле его стана неожиданно появился сам Сахиб Герай. Хан шел, как будто бы совершая обычную охотничью прогулку: с ним не было войска, и лишь сотня слуг с повозками, ловчими соколами и сворами собак сопровождала его. (То, что ханская сотня была набрана из лучших стрелков-гвардейцев, а в одной из повозок лежали четыре пушки и кандалы с цепями, оставалось в секрете от непосвященных).

Бежать было поздно — да и неловко, ведь хан ничем не угрожал бею. У Баки не оставалось иного выхода, кроме как учтиво встретить повелителя. Хан пригласил бея в свой шатер, усадил его на почетное место и выразил надежду, что Баки-бей, наверное, уже выздоровел. Затем были поданы напитки, и все приступили к трапезе. После этого завязалась застольная беседа, и Сахиб Герай, не меняя спокойно-го тона, спросил Баки-бея:

— Баки-бей, я все спрашиваю себя: думаешь ли ты о тех мусульманах, возвращавшихся со священной войны, которых ты заставил замерзнуть на морозе? И еще о четырех или пяти тысячах воинов, погибших по твоей вине? Чем же ты надеешься стать в ином мире? Ты всегда считал себя правоверным. Почему же ты стал причиной их смерти? Мы никогда не причиняли тебе зла: ни прежде, ни в недавнем прошлом, когда ты помешал мне пересечь реку Оку, чтобы дойти до русских. Даже тогда я был добр с тобой. Я поставил тебя выше всех моих беев. Почему же ты платишь мне злом за добро? Не надо так поступать, нельзя позволять себе такого... Тот, кто сотворит зло — зло и получит в ответ.⁶⁰

С этими словами Сахиб Герай встал и покинул шатер. Баки-бей тоже хотел было выйти, но ему преградили выход стражники с цепями.

Баки был доставлен в Бахчисарай, и когда наступили морозы, принял ту же смерть, на которую два года назад обрек тысячи крымских воинов в зимнем походе: его посадили на ночь в ледяную воду, пока он не умер от холода.⁶¹

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИДЕЛЯ

*Отношения Сахиба Герая с крымскими беями —
Хаджи-тарханский хан истребляет крымских купцов —
Взятие Хаджи-Тархана Сахибом Гераем — Разгром ногайского войска у Перекопа*

(1546)

Тяжесть злодеяний мансурского бея была очевидна всем в Крыму. За него никто не отважился вступаться, и гибель его не вызвала в среде крымской знати ни протестов, ни возмущений. Впрочем, аристократы и без того уже давно не решались перечить хану, который заставил своих вельмож присмиреть и стал истинным хозяином страны.⁶²

За четыре года до того беи пытались уже было избавиться от слишком самостоятельного правителя: на пути в Молдову (куда Сахиб Герай с войском следовал в поход по приглашению Сулеймана I) они решили подстроить «несчастный случай» с ханом на охоте, погубить его и возвести на престол Ахмеда Герая, сына Саадета.⁶³ Но их намерение открылось. Злоумышленники уже прощались с жизнью, помня, как Саадет Герай за подобную провинность истребил верхушку рода Ширин — однако Сахиб Герай, в отличие от своего предшественника, опирался не только на грубую силу, но и на тонкий расчет. Вопреки ожиданиям беев, он отложил свой ответный ход на неопределенное время. Теперь беи были у него на крючке: каждый из них понимал, что в случае какой-нибудь новой выходки, пусть даже самой незначительной, хан заставит его ответить за все сполна. С тех пор, — как писали современники, — каждый бей, являясь к хану во дворец, не был уверен, что вернется оттуда живым; а направляясь из Бахчисарая домой, посылал вперед себя глашатая, радостно оповещавшего всех о благополучном возвращении из столицы.⁶⁴

Встретившись с ханом в землях Молдовы, Сулейман I специально устроил в присутствии крымских вельмож торжественный прием в честь Сахиба Герая. Величие блистательного падишаха, обращавшегося с ханом, как с братом, произвело сильное впечатление на аристократов. Встреча позволила им воочию убедиться, как высоко ценит османский султан крымского правителя, несмотря на поступавшие в Стамбул доносы. Авторитет хана сильно возрос; и когда Сахиб Герай запретил набирать в этом походе невольников — никто

не посмел ослушаться его (несмотря на то, что запрет лишал войско барышей от продажи пленных, на которые рассчитывали участники кампании).⁶⁵

Однако истинный авторитет не мог основываться на одном лишь страхе, что подтверждал и грустный опыт Саадета Герая. Сахиб оказывал крымским аристократам подобающий их рангу почет, время от времени раздавая им ценные подарки и земельные пожалования. Хан заслужил симпатии многих аристократов тем, что постоянно предпринимал боевые походы, приносившие участникам богатые трофеи. Одним из новых направлений крымских военных кампаний стала Черкессия, где Крым начал утверждать свое влияние еще при Менгли Герае, однако лишь теперь сумел прочно закрепить верховенство. Успешно ведя бои в сложных горных условиях, хан демонстрировал талант полководца, личную доблесть и неумолимую справедливость — а это всегда ценилось среди крымцев.⁶⁶

Разуверившись после истории с Бакы-беем в благонадежности Мансуров, Сахиб Герай решил, что будет вернее опираться на Ширинов — тем более, что новый ширинский бей Баба избрал верный путь поведения, никогда не перечил хану и без ложной гордыни подчинялся его приказам.⁶⁷

Утверждая свое единоначалие среди знати, хан укреплял власть и над всем прочим населением страны. Здесь он сталкивался с той проблемой, что кочевники крымских степей могли с легкостью покидать полуостров и становиться орудием в руках ханских недругов — тут достаточно вспомнить и набеги прошлых лет, когда степные соседи ханства легко выводили из Крыма тысячные улусы, и недавнюю историю с Бакы-беем, которому лишь случайно не удалось угнать на Волгу множество жителей степного Крыма. И если хан не хотел, чтобы подобное повторялось в будущем, ему следовало накрепко привязать всех своих людей к земле. С этой целью был издан ханский указ о том, что все обитающие в Крыму кочевники должны прекратить странствия и осесть на месте. Сахиб Герай, не скупясь, раздавал степнякам земли, на которых те были обязаны построить себе поселки. Упорных приверженцев кочевого образа жизни, сопротивлявшихся ханскому приказу, ожидало наказание: ханские служители ломали у таких ослушников жилые кибитки и заставляли их переселяться в дома.⁶⁸

Сахиб Герай сумел найти «золотую середину» между нововведениями по османскому образцу и соблюдением давних традиций, неоспоримостью ханского авторитета и неприкосновенностью наследственных привилегий беев — и жизнь в стране вновь налаживалась, как будто возвращая Юрт в славные времена Менгли Герая.

Положение дел в волжской части Великого Улуса было тоже обнадеживающим.

Хотя крымский поход и не достиг Москвы, бояре поостереглись снова навлекать на себя гнев хана и до поры оставили Казань в покое. Но на смену им выступил другой недоброжелатель Крыма — хаджи-тарханский хан Ямгурчи, свергший своего предшественника Ак-Копека и пришедший к власти вследствие дворцового переворота. Новый правитель Хаджи-Тархана не скрывал своей враждебности к Бахчисараю и начал правление с того, что захватил крымский торговый караван, шедший из Казани в Крым. Обобрав купцов до нитки, Ямгурчи пообещал: «Я еще доберусь до Крыма, разграблю и разрушу его, а вы — лишь дичь, залетевшая из Крыма к моим ногам!». Затем он казнил всех пленных купцов, оставив в живых только десятерых, чтобы те вернулись домой и рассказали о его удали.⁶⁹

Это было чрезвычайно дерзким выпадом против Крыма. Истребление мирных купцов должно было продемонстрировать Сахибу Гераю, что связи Крыма с Казанью всецело зависят от воли господина волжских путей — хаджи-тарханского хана.

Уцелевшие купцы прибежали к Сахибу Гераю и пожаловались на бесчинства Ямгурчи. Выслушав их, хан решил завершить дело, начатое двадцать лет назад его старшим братом: выбить Намаганов из Хаджи-Тархана и включить Нижнюю Волгу в свой Улус.

Сам по себе Хаджи-Тарханский юрт не обладал серьезной военной силой, но за ним стояла мощная Ногайская Орда, что и позволяло Ямгурчи вести себя столь дерзко. Сахиб Герай предвидел, что война за Хаджи-Тархан будет вестись не столько с Ямгурчи, сколько с Ногайской Ордой — и потому поднял в поход весь подвластный ему народ. Ханский указ призвал к оружию всех жителей Крыма от пятнадцати до семидесяти лет, грозя наказанием за уклонение от призыва. Когда через месяц крымская армия собралась у Перекопа, она насчитывала двести

тысяч человек и, тронувшись на восток, растянулась на тридцать километров пути — «как будто двинулся океан звезд». ⁷⁰ В последний раз Крыму удавалось собрать столь грандиозную силу лишь в 1509 году, когда калга Мехмед Герай вел крымцев в том же направлении.

Наконец, на степном горизонте блеснула широкая полоса Иделя (как называли в Крыму Волгу) и показались силуэты хаджи-тарханских построек. Оставив войско позади себя, Сахиб Герай с двумя десятками пушек и тысячей всадников первым пошел на штурм города. Узнав о численности прибывшего из Крыма войска, ногайский предводитель Шейх-Мамай не рискнул вступаться за хаджи-тарханского хана и счел за лучшее не вмешиваться в события. Лишенный ногайской поддержки Ямгурчи осознал безнадежность сопротивления. Он сел в лодку и спешно укрылся на противоположном берегу реки, а крымцы беспрепятственно заняли город.

Среди пленных, взятых в Хаджи-Тархане, были и жены хаджи-тарханских беев, бежавших вместе с Ямгурчи из города. Сахиб приказал отправить знатных пленниц в Крым и обеспечить им комфорт и безопасность. Хан объявил, что если мужья этих женщин придут в Крым и поступят к нему на службу, то смогут не только воссоединить семьи, но и получить земли на полуострове. Среди обитателей хаджи-тарханского двора был обнаружен также и Бёлюк Герай — десятилетний сын Сафы Герая. Сахиб не стал отправлять его к отцу, опасаясь, что мальчика по дороге могут захватить ногайцы, и решил, что будет безопаснее поселить его у себя при дворе. ⁷¹

Далее предстояло решить, что делать с завоеванным юртом.

Сахиб Герай уже давно желал воцарить здесь одного из своих старших сыновей — Эмина либо Адила. Однако прежде, чем обустроить Хаджи-Тархан под венцом Гераев, следовало привести к повиновению Шейх-Мамай — ведь тот после отхода крымских войск мог вернуться к городу и с легкостью свергнуть крымского султана. Многоопытный бей уклонился от сражения и тем самым разрушил план Сахиба Герая: не покорив в открытом бою Ногайской Орды, Крым не мог закрепиться в Хаджи-Тархане. Потому, постояв несколько дней на волжских берегах и убедившись, что ногайцы не намерены воевать, Сахиб Герай скомандовал возвращаться домой — «Даст Аллах,

мы еще обустроим этот юрт и будем держать его». Уходя, крымцы увели за собой на полуостров всех подданных хаджи-тарханского хана: здесь Сахиб Герай последовал обычаю своего отца, который после походов в степные просторы тоже приводил на полуостров тысячи людей и поселял их в Крыму, укрепляя мощь своей страны. Опустевший город был разрушен — ведь в будущем Сахиб Герай планировал возвести здесь новый.⁷²

Как только крымцы ушли с Волги, Ногайская Орда вскипела возмущением. В Бахчисарай полетели негодующие послания: ногайская знать возмущалась разорением подконтрольного ей города и заявляла о своих претензиях на приднепровские степи, за которые когда-то пытался спорить с Менгли Гераем Шейх-Ахмед.⁷³

Тем временем Сахиб Герай готовился к тому, чтобы вернуться в Хаджи-Тархан и утвердиться там окончательно: спустя два года после взятия города он вновь отправил на волжские берега пушки и ружейных стрелков.⁷⁴ Шейх-Мамай почувствовал, что над независимостью его Орды нависла угроза — и решил нанести удар первым.

Поздней осенью 1548 года крымские дозорные доложили, что к Крыму из степей приближается большая ногайская рать под командованием Али-мирзы. Хан тут же отправил на перешеек сорокатысячное войско, а вскоре прибыл туда и сам, чтобы руководить обороной. Когда Али-мирза был в двух днях пути от Перекопа, Сахиб Герай двинул свою армию навстречу ему. Отойдя подальше от Ор-Капы, крымцы засели по обеим сторонам дороги и стали поджидать незваных гостей. Прошла ночь, и на рассвете послышался топот копыт ногайской конницы. Как только Али-мирза приблизился, ханские воины с двух сторон подошли к перекопской дороге и взяли противника в окружение.

Спасаясь от дождя стрел, посыпавшихся на него, Али-мирза рванул вперед — но здесь его встретил залп сорока ханских пушек, чьи ядра угодили в самый центр ногайского отряда. Крымское войско еще сильнее сжалось кольцо нападавших: стало так тесно, что луки и стрелы стали бесполезны, и в ход пошли сабли. Как писал очевидец этих событий, трава как будто зацвела тюльпанами от обилия пролитой крови.⁷⁵

Попытка Али-мирзы разорить Крым закончилась полным истреблением его армии: из десяти тысяч его воинов не спаслось даже сотни (впрочем, самому предводителю набега посчастливилось бежать). Приведя три тысячи захваченных в бою неприятелей в Ор-Капы, хан устроил над ними показательную расправу, чтобы навсегда отбить у недругов охоту нападать на Крым. Множество пленных было казнено (причем невиданная ранее в Крыму жестокость примененных казней поразила многих — очевидно, эта «работа» была поручена турецким янычарам), а отрубленные головы казненных были пирамидами сложены на Перекопе для устрашения врагов.⁷⁶

Те кому была дарована жизнь, остались в крымском плену, а пятьдесят счастливых отправились домой, чтобы стать глашатаями ужасной новости о полном разгроме ногайского войска и о той жуткой каре, что постигла в Крыму участников набега.

Так Сахиб Герай возвратил долг двадцатипятилетней давности: кровь Мехмеда I Герая была отомщена — и отомщена с избытком, а Хаджи-Тархан снова оказался под властью Гераев. Теперь уже ничто не мешало хану снова направиться к Волге и, не обращая больше внимания на потрясенного разгромом Шейх-Мамаю, обустроить Престольный Край под своим началом. Но поход пришлось отложить: к Сахибу Гераю неожиданно прибыл гонец из Казани с письмами от татарских беев.

Прежде, чем изложить, что спешили передать хану в своих посланиях казанцы, обратимся к событиям, происходившим в последние годы в Казанском юрте.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ

*Сафа Герай назначает крымцев на ключевые посты в Казани —
Возмущение татарской знати и свержение хана — Возвращение Сафы Герая
и наказание мятежников — Случайная гибель Сафы Герая —
Татарские беи просят прислать на казанский трон Бёлюка Герая*

(1546-1549)

Как уже говорилось, в 1535 году Сафа Герай покинул мятежника Ислама Герая, ушел в Казань и там сумел вернуться на ханский престол. В Казанском ханстве по-прежнему не утихала давняя рознь между двумя группировками знати, из которых одна мечтала о русском покровительстве, а вторая стремилась к независимости как от Московии, так и от Крыма. Это внутреннее соперничество стало для Казани не менее серьезной проблемой, чем непосредственный натиск Москвы: ведь все дворцовые перевороты последних лет происходили здесь не в результате иностранного вооруженного вмешательства, а вследствие борьбы за влияние между этими двумя силами.

Желая положить конец этому, Сафа Герай последовал примеру своего дядьки Сахиба: в споре вельмож за власть победителем должен оставаться хан. Поэтому Сафа Герай стал создавать в подвласном ему государстве «третью силу» — влиятельный круг выходцев из Крыма, беззаветно преданных хану и обязанных ему своей карьерой и благосостоянием. Сафа Герай привел в Казань множество своих давних крымских товарищей, которые сопровождали его и после свержения с престола, и во время странствий в Ногайской Орде и Крыму, и в перекопском мятеже. Скитаясь вместе с Сафою, эти люди терпели всяческие лишения и сильно обнищали. Они верно служили хану, были готовы служить ему впредь, и Сафа Герай щедро наградил своих приверженцев. Он назначил земляков-крымцев на ключевые посты в Казанском государстве и наделил их ясаками — то есть, правом собирать в свою пользу налоги с различных местностей Казанского юрта. Правда, для этого Сафе Гераю пришлось сперва отобрать пресловутые ясаки у семейств местной знати — очевидно, у тех из них, кто проявил враждебность к хану в недавнем мятеже.⁷⁷

Неудивительно, что оскорбленные вельможи, лишенные наследственных источников дохода, потянулись к своим московским покро-

вителям с жалобами на хана и просьбами свергнуть его. В 1541 году русские уже собрали было войска на Казань — но тут в дело вступил Сахиб Герай, и его поход к Оке заставил Московию на время забыть о воинственных планах. Однако казанские мирзы не теряли надежды избавиться от хана и продолжали требовать от Москвы, чтобы та вмешалась и свергла неугодного им правителя. Спустя четыре года Иван IV вновь решил попытаться военного счастья, однако этот поход не принес ему никаких результатов.⁷⁸

Терпение Сафы Герая было исчерпано: нельзя было далее мириться с присутствием в стране изменников, которые из года в год настойчиво накликали на Казань иноземных завоевателей. Когда русские ушли от стен Казани, Сафа Герай открыто бросил местным вельможам обвинение в том, что это именно они тайно призывали врагов к столице. После этого некоторые из татарских аристократов были казнены, а других постигли различные наказания.⁷⁹ Суровые меры Сафы Герая вызвали новый мятеж, и в начале 1546 года крымцы, вознесенные на вершины власти в Казанском юрте, были истреблены либо изгнаны, а Сафа Герай покинул город и отправился за подмогой.⁸⁰

На опустевший трон был возведен Шах-Али. Несмотря на его воцарение, этот переворот отнюдь не означал полной победы промосковских сил — скорее это было торжеством тех, кто мечтал о полной независимости юрта: казанцы не позволили войти в город русским войскам, сопровождавшим Шах-Али, и обращались ним весьма дерзко, демонстрируя хану тем самым, что он лишь символическая фигура, тогда как управлять страной беи намерены сами.⁸¹

Тем временем Сафа Герай в поисках военной помощи побывал в Хаджи-Тархане и заключил там союз с ханом Ак-Копеком, после чего подступил к стенам Казани. Как и следовало ожидать, немногочисленная хаджи-тарханская конница оказалась бесполезна при осаде крепости, и Сафе Гераю пришлось отступить от казанских укреплений ни с чем.

Неутомимый Сафа не пал духом и решил заручиться поддержкой другого союзника: он обратился к ногайскому бею Юсуфу, который приходился ему тестем (дочь Юсуфа, Сююм-бике, ранее была выдана в Казань замуж за Джан-Али, а после гибели последнего стала

супругой Сафы Герая). Тесть потребовал немалой платы за военную помощь ногайцев против казанских вельмож: он желал, чтобы Казанское ханство платило Ногайской Орде дань, да еще и уступило ей часть своих территорий. Сафа Герай сделал вид, что согласился с его требованиями, получил в свое распоряжение ногайское войско и вновь появился у казанских укреплений. На этот раз его попытка пробиться в город оказалась успешной: Шах-Али к тому времени уже сам бежал из Казани, и Сафа Герай без труда восстановил свою власть над юртом. Он не стал выполнять унижительных условий договора с Юсуфом, нажив себе таким образом нового врага.

Хан добился-таки своего: он вернулся в город победителем. В Казани началась новая чистка рядов знати, и некоторым аристократам пришлось спасаться бегством в Московию. Состав бейского совета был почти полностью обновлен, и у руля государства вновь встали преданные хану крымцы. Москва попыталась двинуть войска на Казань — но Сафа Герай отбил ее атаку и заключил с Иваном мирный договор.⁸²

Так в 1546 году Великий Улус был вновь воссоединен целиком: как раз в эти месяцы Сахиб Герай овладел Хаджи-Тарханом, а Сафа Герай опять царствовал в Казани.

Но тут, как это нередко случается, в дело вмешался «его величество случай».

Мартовский день 1549 года не предвещал никаких неожиданностей: закончив к вечеру свои дела, Сафа Герай отправился умыться. Здесь его и подстерегла роковая случайность: во время омовения Сафа споткнулся, потерял равновесие и упал (русский летописец утверждает, что причиной тому было нетрезвое состояние хана). Слуги не успели подхватить своего повелителя — и Сафа Герай с маху ударился головой об умывальник, который, скорее всего, был устроен в виде массивной каменной раковины, стоящей низко на полу. Травма оказалась смертельной: в тот же вечер Сафа Герай скончался.⁸³

Стоит полагать, весь двор был потрясен происшедшим. Хану было лишь 38 лет, и заменить его на престоле в нынешний момент было нечем. У покойного было трое сыновей, но из них в Казани находился лишь один: двухлетний младенец Отемиш Герай.⁸⁴ Два других его

сына, Бёлюк и Мубарек Гераи (из которых первому было 13 лет, а второму чуть меньше), проживали в Крыму, перевезенные туда Сахибом Гераем из Хаджи-Тархана.

Татарским беям пришлось задуматься о выборах нового хана. С решением следовало поторопиться, ибо бесцарствие грозило в считанные дни перерасти в анархию.⁸⁵ Кто-то желал вернуть на трон Шах-Али, но большинство склонялось к тому, чтобы над Казанским юртом по-прежнему стояла династия Гераев. В конце концов высокое собрание во главе с беем Мамаем решило направить посольство в Крым. В письме, адресованном к Сахибу Гераю, казанцы сообщали о безвременной кончине своего правителя и просили хакана, чтобы тот немедленно отправил на казанский престол старшего сына Сафы — Бёлюка Герая.⁸⁶

Казалось бы, иного ответа, кроме немедленного согласия, от Сахиба Герая ожидать было невозможно. И действительно: Казанский юрт добровольно заявлял о готовности остаться под верховенством Гераев и даже сам просил дать ему правителя из руки верховного хакана — не за это ли долгие годы боролись крымские ханы? Тем не менее, у Сахиба Герая были особые соображения, не позволившие ему тотчас дать утвердительный ответ.

Междоусобицы Гераев, принесшие Крыму столько несчастий в последние десятилетия, доказывали, что устаревший обычай наследования власти от старшего брата к младшему уже давно стал помехой нормальному развитию Крымского государства. Борьба между сыновьями и братьями покойных правителей стала обычным явлением, и придерживаться староордынской традиции означало, что в Крыму вновь и вновь будут повторяться ситуации, когда на власть одновременно претендует сразу несколько ветвей ханского рода.

Куда больше порядка принесло бы прямое наследование по турецкому образцу, когда трон из поколения в поколение переходит от отца к сыну, и потому Сахиб Герай прочил себе в преемники старшего из шести своих сыновей, Эмина Герая. Собственно, именно так и складывалось наследование крымского трона на протяжении всей истории независимого Юрта: Хаджи Гераю наследовал сын Менгли, преемником Менгли Герая стал сын Мехмед I, а тот, в свою очередь,

готовил к ханской карьере своего первенца Бахадыра. Ордынский обычай наследования был возрожден лишь после гибели Мехмеда I, когда Саадет Герай с помощью султана оттеснил от трона его детей и принял власть над страной на правах ханского брата.

Сахиб Герай был самым младшим среди сыновей Менгли, братьев у него уже не оставалось, и время для закрепления в Крыму прямого порядка наследования было самое подходящее. Сахиб Герай видел свою цель в объединении Великого Улуса не просто под властью единой династии, но и в руках единственной семьи — своей собственной. Потому он и мечтал воцарить своих сыновей в двух волжских ханствах⁸⁷ — причем Эмину Гераю, очевидно, надлежало повторить путь отца: вначале править Казанью, а затем унаследовать и хаканский престол в Крыму.

Понятно, что в свете этих соображений Бёлюк Герай никак не годился в казанские ханы. «Этот парнишка еще слишком молод, он не сможет удержать страну»⁸⁸ — ответил Сахиб Герай казанскому посланнику. Хан, конечно, лукавил: на самом деле 13-летний возраст Бёлюка никак не мог являться серьезной помехой, ведь точно в том же возрасте пребывал и Сафа Герай, когда Сахиб сам призвал его в Казань и поставил над нею.

Итак, Сахиб Герай не утвердил кандидатуру Бёлюка Герая, о которой просили татарские беи. Однако он не спешил и с отправкой в Казань собственных сыновей, приказав казанцам подождать. Странная медлительность хана тоже имела свое объяснение: междоусобица в Казанском юрте позволяла ему попутно разрешить еще одну династическую проблему и тем самым окончательно обезопасить своих потомков от споров, которые могли бы разгореться вокруг трона в будущем. Поэтому Эмину с Адилем следовало до поры оставаться в Крыму.

А Бёлюк Герай и его брат Мубарек были помещены под стражу в крепость Ин-Керман — вероятно, для того, чтобы непреодолимое искушение ханским титулом не увлекло их из Крыма на Волгу и не спутало бы планов хана.⁸⁹

ЗАКАТ ЗВЕЗДЫ

*Сахиб Герай отказывается от участия в персидском походе султана —
Интрига стамбульских везирей против хана —
Сахиб Герай желает удалить из Стамбула Девлета Герая —
Девлет Герай прибывает в Крым и захватывает власть —
Гибель Сахиба Герая, его сыновей и внуков*

(1550-1551)

Община представителей ханского рода, проживавшая в османских пределах, образовалась еще в те годы, когда Саадет Герай по наказу отца последовал за Селимом в Турцию и остался жить при его дворе. Позже к Саадету присоединился брат Мубарек, а затем — племянник Геммет. Обитавшие в Стамбуле Гераи принимали живейшее участие в политической жизни Крыма, чему была примером их успешная интрига против Мехмеда I Герая.

К 1550-м годам Саадет и Мубарек давно умерли, но в Турции оставались их потомки, во главе которых теперь стоял 37-летний сын Мубарека, Девлет Герай. Он успел побывать калгою в последний год правления Саадета Герая, а после его отречения был вынужден вернуться в Стамбул. Там он и жил с тех пор, ничем особым не проявляя себя, пока для него не настала пора выступить на политическую сцену в качестве главного действующего лица.

С тех пор, как султан в молдавском походе продемонстрировал крымским беям свое благоволение к Сахибу Гераю, прошло более десяти лет. За этот срок в отношениях крымского и турецкого падишахов кое-что переменилось. Усмирив внутренние распри, наведя страх на внешних врагов и восстановив первенство Крыма на просторах Великого Улуса, Сахиб Герай по праву мог считать себя не менее великим правителем, чем его отец. Однако теперь на турецком престоле восседал не смиренный Баезид II, как во времена Менгли Герая, а воинственный и амбициозный Сулейман I, который требовал, чтобы крымский хан не просто признавал верховенство падишаха, но и доказывал свою преданность делом.

Султан обладал привилегией в любой момент потребовать от хана присылки военных сил на помощь османской армии. Ранее Сахиб Герай уже ходил в походы по приглашению Сулеймана, и теперь

снова настал час, когда падишах решил воспользоваться своим правом. Сулейман объявил Сахибу Гераю, что выступает в поход на Персию и приглашает крымцев на помощь. В этой войне османам противостояли войска кызылбашей — иранских тюрок, чья стремительная конница с легкостью ускользала от медлительных янычар и оставалась недосягаемой для османских пушек. Для того, чтобы настигнуть и разбить кызылбашей в иранских пустошах, требовались столь же умелые и выносливые всадники — ногайцы и крымские татары.

Приглашение на войну поступило очень некстати: внимание Сахиба Герая было полностью поглощено событиями на Волге, и отправлять свои лучшие войска в дальний край он не собирался. Хан ответил султану, что его солдаты бедны, плохо одеты и не выдержат столь дальнего похода. Впрочем, если Сулейман выдаст из собственной казны сумму, необходимую для снаряжения армии, Сахиб Герай брался лично выступить ему на помощь — правда, и в этом случае он мог выделить не более тысячи бойцов.⁹⁰ Так хан дал понять султану, что ему сейчас не до походов в чужие страны и что он не намерен менять своих планов даже по приказу Стамбула. Этот отказ во многом определил дальнейшую судьбу хана.

Сахиб Герай имел опасных врагов при османском дворе в лице султанских везирей. Крымский правитель никогда не заискивал перед ними — и они платили ему ненавистью, оскорбленные тем, что хан не подносит им богатых даров (к которым, очевидно, привыкли в правление Саадета). Этим претензии к хану не исчерпывались: еще в свою бытность в Стамбуле Сахиб поделился с султаном мнением о некоторых из этих вельмож, после чего те лишились своих прибыльных постов.⁹¹ Сахиб Герай не скрывал своего презрения к стамбульской придворной клике, говоря о ней: «Те, кто являются столпами ислама и членами Дивана, обладают лишь умением копить богатства».⁹²

Вельможи умело разогревали недовольство султана, вызванное отказом хана идти в иранский поход, и беспрестанно нашептывали падишаху, что крымский правитель чрезмерно возвысился, ставит Стамбул ни во что и даже мечтает захватить османские владения в Крыму. Везири приказали османским властям Кефе тайно следить за всеми действиями хана и изыскать в них любой повод, чтобы под-

твердить это обвинение.⁹³ Вскоре подходящий случай представился.

Приехав однажды в Эски-Кырым, чтобы посетить тамошние святыни, Сахиб Герай встретился и с кефинскими градоначальниками. Среди прочего, на этой встрече обсуждали земельный конфликт: некий османский сипахий, живший в Кефе близ Паша-Тепе, присвоил земли на ханской стороне границы и собирал налоги с проживавших там подданных хана. Разобрав дело, Сахиб Герай указал османам, что спорная земля действительно лежит в пределах ханских владений. Сипахий был признан виновным и присужден к четырем дням тюрьмы. Попрощавшись с собранием, хан отправился на ночевку к своему другу Юсуфу, владевшему виноградниками у стен Кефинской крепости. Разбив шатры среди садов, Сахиб Герай провел вечер на пиру в кругу товарищей, а наутро отправился в Бахчисарай.

О лучшем компромате нельзя было и мечтать. Получалось, что хан в щепетильном пограничном споре вынес решение в свою пользу и урезал османскую территорию, а затем провел целую ночь под самой крепостью — разумеется, для того, чтобы разведать состояние ее укреплений и подготовиться к штурму! К султану был направлен соответствующий донос. Убедившись, что обвинения вельмож подтвердились, Сулейман I согласился отстранить хана от власти.⁹⁴

План везирей недолго оставался секретом для Сахиба Герая. Поразмыслив, хан решил любым способом добиться удаления из Стамбула Девлета Герая — ибо тот был первым, кого султан мог бы направить в Крым ему на смену. Сахиб Герай разработал хитроумный план: он сообщил падишаху о просьбе татарских беев и предложил посадить Девлета Герая на опустевший престол Казани. Хан рассчитывал, что Девлет не устоит перед таким предложением и уйдет на Волгу, султан лишится кандидатуры на крымский трон, и тогда Сахибу уже не придется тревожиться за свое будущее.

Но Сахибу Гераю сложно было тягаться с изошренными интриганами из Топ-Капы. Как только везири познакомились с ханским посланием, они сразу сообразили, как обратить ситуацию в свою пользу. Они посоветовали султану пустить слух, что Девлет действительно назначен казанским ханом и в сопровождении сильного войска отправляется к волжским берегам. Сахиб Герай не заподозрит обмана

и беспрепятственно пропустит его армию к своим границам — и тогда Девлет свернет со своего пути, войдет в Крым и сбросит Сахиба с трона.

Так и было сделано. На аудиенции во дворце Сулейман вручил Девлету Гераю указ о назначении его крымским ханом, а Сахибу было сообщено, что просьба, с которой он обращался к падишаху, выполнена и Девлет Герай направлен в Казань. Когда султанский прием закончился, везири обступили Девлета Герая и, подбодрив его, не забыли с угрозой напомнить: «Когда ты станешь ханом, не забывай, что мы сыграли эту злую шутку с Сахибом Гераем по той причине, что он не прислушивался к нашим пожеланиям».⁹⁵

Девлет Герай вышел в сторону Крыма вдоль западного берега Черного моря. За ним следовала тысяча отборных турецких воинов с шестьюдесятью пушками. Девлет шел, не спеша: ему посоветовали дойти до Ак-Кермана и там дожидаться, пока хан удалится из Крыма в поход — а тогда уже стремительным броском ворваться на полуостров и занять столицу.

Вскоре Сахибу Гераю действительно пришлось покинуть Крым и выступить на Кавказ: в Бахчисарай поступили известия о бунте черкесских князей, бросивших вызов самому хану. Отправляясь в поход, хан послал своих наследников Эмина и Адила к Ор-Капы, дабы те встретили Девлета Герая, поднесли ему дары и устроили торжественный пир, а затем, предоставив Девлету две-три тысячи сопровождающих, отпустили его в Казань. Вместе с тем, Сахиб Герай был далеко не так прост, каким его представляли стамбульские вельможи: рядом с Эмином Гераем у Перекопа встало 20 тысяч воинов, которые на всякий случай наглухо перекрыли путь в Крым (в войске поговаривали даже, что хан вовсе не собирается пропускать Девлета к Казани, а напротив, намерен уничтожить его⁹⁶).

Дойдя до Ак-Кермана, Девлет Герай остановился там, а его приближенные отправились разведать обстановку в Крыму. Они оценили мощный заслон, преградивший дорогу к Ору, повидались с Эмином Гераем, разузнали положение дел в столице и даже встретились в Керчи с самим ханом, который уже собирался пересечь пролив. Сахиб Герай передал Девлету свои приветствия и просьбу без промедления

следовать в Казань — а оттуда сразу известить Бахчисарай о своем прибытии.

Вывод разведки был однозначен: сушей в Крым не пробиться. Тогда было решено идти в Крым морем. Хан с янычарами сели на два судна и вышли из Ак-Кермана к крымским берегам. По пути суда разошлись: одно двинулось к Балаклаве, а другое, с Девлетом на борту, — к Гёзлеву.

Жители Балаклавы немало удивились, увидев высаживающихся на берег янычар. На вопрос «Кто вы?» гости ответили, что они приплыли за дровами. Они действительно направились в лес, но там их интересовала не древесина, а табуны лошадей, что паслись на полянах. Погрузив захваченных лошадей на судно, гости немедленно отплыли к Ин-Керману. Там они освободили из крепости Бёлюка и Мубарека Гераев и вместе с ними поскакали к Бахчисараю, где янычарскому отряду удалось без труда захватить ханскую резиденцию.⁹⁷

Девлет Герай высадился в Гёзлеве ночью. Как писал современник, «татары пришли приветствовать Девлета Герая, привели лошадей и, грабя по дороге, отправились в Бахчисарай».⁹⁸ В упоминании о грабеже нет ничего удивительного, если вспомнить, что гёзлевские степи были вотчиной крымских Мансуров, у которых были свои счёты с Сахибом Гераем, жестоко казнившим Бақы-бея и пленных ногайцев.

Прибыв в Бахчисарай и предъявив всем султанский указ, Девлет Герай получил доступ к ханской казне. Это и решило исход дела. Теперь, когда в руках Девлета появилось золото, он больше не нуждался в большом войске: раздавая направо и налево тугие кошельки, он с каждым часом приобретал все больше сторонников.

Весть о золотом дожде, что проливается в Бахчисарае, достигла и Перекопа, где стоял Эмин Герай. Калга выступил с войском к столице и добрался до Альмы: дальнейший путь ему преградили сторонники Девлета Герая. Эмин Герай встал на ночлег, собираясь назавтра прорвать заслон — но утром обнаружил в своем лагере лишь семнадцать человек вместо вчерашних 15 тысяч: все его командиры бежали к новому хану, чтобы не опоздать к раздаче даров...⁹⁹

В эти часы в Салачике чинилось одно из наибольших злодейств в истории Юрта: мансурский бей Ходжатай и мирза Ак-Мамшик сочли,

что смерть Бакы-бея и бойцов Али-мирзы отомщены недостаточно, и собственноручно перебили всех находившихся в Девлет-Сарае детей и внуков Сахиба Герая — Хаджи, Селямета, Газанфера, Джафера и Кутлу, старшему из которых было 10 лет, а младшему 4 года.¹⁰⁰

Сахиб Герай узнал о постигшем его горе, когда возвращался с Кавказа.

«Если мои сыновья погибли, то они стали мучениками и заслужили место у Аллаха, — промолвил хан, справившись с потрясением от страшного известия. — Если мои богатства растрочены, так ведь никто не может забрать их с собой в могилу. Я сожалею лишь о народе Крыма, потому что Девлет Герай — человек жалкий и слабый. Нельзя удержать страну, не будучи столь же сильным правителем, как я. Страна ослабеет перед лицом врага и выскользнет из его рук».¹⁰¹

Сверженный хан был уверен, что сможет убедить падишаха в своей правоте и изменить то, что еще можно было поправить. Сахиб Герай решил плыть в Стамбул. Свита уверяла, что будет неотступно следовать за ним, но следующий день показал, чего стоили эти слова: удостоверившись у гонцов из Крыма, что дела у старого хана плохи, а новый славится щедростью, мирзы и слуги разбежались от своего бывшего повелителя.

Тогда Сахиб Герай со своим сыном Гази Гераем добрался до крепости Тамань и попросил у ее османского коменданта судно до Стамбула. Тот предоставил хану жилище в крепости, но выполнить его просьбу не успел: в воротах Тамани появился Бёлюк Герай с отрядом янычар.

Пятнадцатилетний сын Сафы Герая, попавший по милости Сахиба вместо казанского дворца в ин-керманскую тюрьму, считал свергнутого хана своим заклятым врагом. У взбешенного юнца не дрогнула рука, когда он ворвался в комнату Сахиба Герая и шестнадцать раз ударил его саблей. Вместе с отцом погиб и Гази, которого обезглавили янычары. Чуть позже Сахиб Герай очнулся. Узнав об этом, Бёлюк вернулся и нанес ему последний, смертельный удар.¹⁰²

Тела Сахиба Герая и Гази погрузили на повозку и повезли в ханскую столицу. В Эски-Кырыме траурная процессия повстречалась с Девлетом Гераем, который направлялся в Кефе к османам. Трудно судить,

насколько искренними были слезы и публичное раскаяние Девлета, облачившегося ради такой встречи в черные траурные одежды. Новый хан мог успокоить свою совесть знаменитым актом Мехмеда II, который позволял султанам убийство собственных братьев, — ведь недаром хан счел нужным объявить во всеуслышание, что истребление семейства Сахиба Герая имело высшее оправдание в «охране порядка» (что было почти дословной цитатой из османского закона).¹⁰³ Встретившись с катафалком дядьки, Девлет Герай стал обильно сыпать деньгами, демонстрируя свою скорбь. Дочерям и женам Сахиба Герая было назначено богатое содержание, а сопровождающие процессию чтецы Корана, дервиши и нищие получили щедрые дары; хан выделил из казны немалые средства на похороны.

Наконец, останки хана и его сына были доставлены в Салачик, где для них уже открыли подземный склеп мавзолея Хаджи Герая. Там и был похоронен основатель Бахчисарая, Сахиб Герай.¹⁰⁴

Ранее уже говорилось, что Сахиб Герай при жизни был назван «победоносным знаменем рода Чингизова». Стоит признать, что хан успел оправдать этот высокий эпитет, если после смерти о нем писали: «Он возвратил славу дома Чингизова после того, как миновала она и закатилась звезда могущества его».¹⁰⁵

Унаследовав от Саадета Герая истерзанную усобицами страну, Сахиб Герай и впрямь вернул своему роду прежнюю славу; и звезда могущества Крыма, словно во времена великого Менгли, вновь стояла в зените.

¹ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. V, 1863, с. 263. Место впадения Самары в Днепр — район современного Днепропетровска.

² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, Москва 2005, с. 304-305.

³ *Tarih-i Sahib Giray Han*, Ankara 1973, s. 157-158; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 307; Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 30.

⁴ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, P. N. Boratav, D. Desaiue, Ch. Lemerrier-Quelquejau, Paris 1978, p. 123.

⁵ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 157.

⁶ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 157-158.

⁷ *История о Казанском царстве (Казанский летописец)*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XIX, Москва 1903, с. 36-41; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, Санкт-Петербург 1863, с. 267-271; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Москва 1991, с. 93-97; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, “Исторические записки”, №27, 1948, с. 62-66; Sh. Dautlet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552): Internal and External Factors that Led to Its Conquest by Ivan the Terrible*, New York University 1984, p. 213-219.

⁸ М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, “Journal Asiatique”, t. XII, 1833, p. 367-368; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 312-313; U. Schamilo-glu, *Tribal Politics and Social Organization of the Golden Horde*, Columbia University 1986, p. 46-49.

⁹ Как уже говорилось ранее (часть I этой книги), Ширины обрели статус первостепенного бейского рода лишь при Тохтамыше и тех правителях, которые стали его «политическими наследниками» в борьбе с Намаганами, т.е. при династиях Улу-Мухаммеда и Хаджи Герая. В поздней Золотой Орде и у последних Намаганов главным кланом считались не Ширины, а Мангыты, начиная со знаменитого Эдиге. Мангыты обязательно принимали участие в выборах и возведении на престол ордынских ханов и служили при них первыми беями. Эти давние привилегии давали им несомненное право войти в коллегию карачи-беев и при Гераях, и потому Ширины не могли оспорить решение Сахиба Герая как незаконное нововведение. С тех пор представители Мансуры входили в число карачи-беев вплоть до конца существования Крымского ханства.

¹⁰ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 313; *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 122-123.

¹¹ Это следует из надписи, помещенной на стене дворца правосудия, построенного (либо обновленного) в Салачике Сахибом Гераем. Текст надписи см. ниже, в Примечании 22.

¹² Ныне эта речка называется Чурук-Су. См. Примечание 140 во II части этой книги.

¹³ У. Боданинский, *Татарские “Дурбе”-мавзолеи в Крыму*, “Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии”, т. I (58), 1927, с. 127. «Дере-бей» — очевидно, не имя, а титул владельца этой местности в ордынские времена; титулы “дере-беев” хорошо известны из истории сельджукских султанатов Турции.

¹⁴ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 160.

¹⁵ *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.)*, Симферополь 1999, с. 39.

¹⁶ *Книга путешествия*, с. 43.

¹⁷ *Легенды Крыма*, Симферополь 1996, с. 80-81; О. Гайворонський, *Мотив “битви двох драконів” на в’їзній брамі Бахчисарайського Ханського палацу*, “Східний світ”, №3, 2006, с. 49.

- ¹⁸ О. Гайворонський, *Мотив “битви двох драконів”*, с. 49.
- ¹⁹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 162.
- ²⁰ В надписи указан 938 (1531/32) год. Дата на закладной плите бани Сары-Гюзель в точности соответствует указанию письменного источника (цитируемой здесь «Истории Сахиба Герай-хана» Кайсунизаде Мехмеда Недаи) о начале строительства дворца и бани Сахибом Гераем после его восхождения на трон, т.е. в 1532 году. В этом свете отнесение даты «основания Бахчисарая» к 1503 году (по дате создания перенесенного в Бахчисарайский дворец портала Алоизио да Монтаньяна, которой было аргументировано проведение официальных юбилейных торжеств в 2003 году) не имеет основания.
- ²¹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 162-163.
- ²² Полный текст надписи: «В этот благословенный час при помощи Помогающего построил и благоустроил этот дворец сын шаха и победоносное знамя рода Чингизидов Сахиб Герай. Эта красота появилась от Хиджры в девятьсот сорок втором году и была закончена в квартале Секбанов. Год 924» (*Книга путешествия*, с. 39, см. также комментарий по поводу несоответствия двух приведенных дат в той же книге, с. 40, прим. 145). Постройка, возведенная Сахибом Гераем, не сохранилась, но фрагмент упомянутой надписи можно видеть по сей день: он вмурован в среднюю арку внутри Зынджирлы-медресе.
- ²³ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 266.
- ²⁴ В. В. Каргалов, *На степной границе (оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия)*, Москва 1974, с. 83-84.
- ²⁵ В. В. Каргалов, *На степной границе*, с. 86.
- ²⁶ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел*, с. 266.
- ²⁷ Б. Черкас, *Політичні відносини Великого князівства Литовського з Кримським ханатом у 1533-1540 рр.*, “Україна в Центрально-Східній Європі”, вип. 3, 2003, с. 120.
- ²⁸ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 123.
- ²⁹ Б. Черкас, *Політичні відносини Великого князівства Литовського з Кримським ханатом*, с. 120-123; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, Москва 1867, с. 21-22.
- ³⁰ Б. Черкас, *Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20-30-х роках XVI ст.*, “Україна в Центрально-Східній Європі”, вип. 1, 2000, с. 112.
- ³¹ Б. Черкас, *Політичні відносини Великого князівства Литовського з Кримським ханатом*, с. 121; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 20.
- ³² *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 126.
- ³³ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 127.
- ³⁴ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 130.
- ³⁵ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 130.
- ³⁶ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 126.
- ³⁷ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 123-125.
- ³⁸ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 159-160.
- ³⁹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 160-161.
- ⁴⁰ И. В. Зайцев, «Позабыв Бога, и наше жалование, и свою душу...» (приключения князя Семена Федоровича Бельского), в кн. И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом (Джучидские государства, Москва и Османская империя в начале XV – первой половине XVI вв.)*, Москва 2004, с. 131-141.

- ⁴¹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 24; И. В. Зайцев, «Позабыв Бога, и наше жалование, и свою душу...», с. 139.
- ⁴² И. В. Зайцев, «Позабыв Бога, и наше жалование, и свою душу...», с. 139.
- ⁴³ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 161.
- ⁴⁴ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 161-162; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 227; *Львовская летопись*, ч. II, в: *Полное собрание русских летописей*, т. XX, Санкт-Петербург 1914, с. 444, 447.
- ⁴⁵ G. Veinstein, *L'occupation ottomane d'Oçakov et le problème de la frontière lituano-tatare, 1538-1544*, in *Passé turco-tatar, présent soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen*, Paris 1986, p. 129.
- ⁴⁶ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 191-194, 223.
- ⁴⁷ Н. İnalçık, *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I*, "Harvard Ukrainian Studies", vol. III-IV, 1979-1980, p. 457; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 227-228; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 367.
- ⁴⁸ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 191.
- ⁴⁹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 191-193.
- ⁵⁰ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 196; Н. İnalçık, *The Khan and the Tribal Aristocracy*, p. 457; И. В. Зайцев, «Позабыв Бога, и наше жалование, и свою душу...», с. 144.
- ⁵¹ *История о Казанском царстве (Казанский летописец)*, с. 41; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 98-99; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552)*, p. 220-223.
- ⁵² *Послание царя казанского (письмо хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I)*, "Гасырлар авазы", №1/2, 1997, с. 26-38.
- ⁵³ Б. Н. Флоря, *Две грамоты хана Сахиб-Гирея*, в кн.: *Славяне и их соседи*, вып. 10, Москва 2001, с. 237, 238.
- ⁵⁴ Б. Н. Флоря, *Две грамоты хана Сахиб-Гирея*, с. 237.
- ⁵⁵ Флоря Б. Н. *Две грамоты хана Сахиб-Гирея*, с. 239.
- ⁵⁶ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 60-61; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 101.
- ⁵⁷ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 202. По собственным словам Бакы-бея, после осуществления этого переворота он планировал править «так, как нам заблагорассудится»
- ⁵⁸ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 199-203; В. В. Каргалов, *На степной границе*, с. 97-99.
- ⁵⁹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 204; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 314-315.
- ⁶⁰ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 208.
- ⁶¹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 209; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 306.
- ⁶² Имя "Sahib" означает "хозяин", "обладатель". Турецкий путешественник Эвлия-челеби использовал в своем описании Крыма словесный оборот, построенный на этой игре слов: «Сахиб Герай действительно стал обладателем и великим падишахом эпохи» (*Книга путешествия*, с. 43).
- ⁶³ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 166. Когда Ислям Герай поднял мятеж, принадлежавший ему пост калги был передан Ахмеду Гераю, сыну Саадета Герая. После неудавшейся попытки покушения на хана Ахмед Герай был казнен и калгою был назначен старший сын Сахиба Герая, Эмин Герай (М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 366).

⁶⁴ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 172.

⁶⁵ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 168-171.

⁶⁶ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 176-183, 212-221, 223-232; В. Остапчук, *Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымскотатарским походам*, в сб.: *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, 1223-1556*, Казань 2001, с. 407-408. Подробнее о крымско-черкесских отношениях в описываемый период см., например, в: А. М. Некрасов, *Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV - первая половина XVI в.)*, Москва 1990).

⁶⁷ Н. İnalçık, *The Khan and the Tribal Aristocracy*, p. 458.

⁶⁸ М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 366-367; А. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. I, 1844, с. 384; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 312; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 230.

⁶⁹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 234.

⁷⁰ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 235-236.

⁷¹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 237-240. Бёлюк Герай пребывал в Хаджи-Тархане, вероятно, на правах почетного заложника. Такая практика бытовала между правителями государств, заключавших мирный союз (например, в главе «Своевольное семейство» описывалось, как Мехмед I Герай при заключении мира с Польшей намеревался отправить туда своего младшего сына Бабу Герая). Союз между Хаджи-Тарханом и Казанью был заключен при предшественниках Ямгурчи — Абд-ур-Рахмане и Ак-Копеке (И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, Москва 2004, с. 136-138). Поэтому вполне вероятно, что Сафа Герай мог направить своего сына Бёлюка Герая к хаджи-тарханскому двору в подтверждение союзного договора.

⁷² И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 140.

⁷³ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 141; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 232.

⁷⁴ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 141.

⁷⁵ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 244-246.

⁷⁶ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 246. Обычай складывать башни из голов поверженных противников существовал в Орде. Такой случай был зафиксирован ранее и в Крыму, когда в 1434 году ханские войска (см. Примечание 62 в части I этой книги) разгромили под Кафрой войско генуэзского командора Карло Ломеллино (Л. П. Колли, *Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам)*, “Известия Таврической ученой архивной комиссии”, т. 50, 1913, с. 119). Барон де Тотт, побывавший в Крыму в XVIII веке, писал, что этот обычай был распространен в турецких войсках, в то время, как крымские татары относились к нему неодобрительно, а их правитель (Кырым Герай) заявлял, что повесит любого своего подданного, кто рискнет поступать подобным образом (*Memoirs of Baron de Tott, Containing the State of the Turkish Empire and The Crimea During the Late War with Russia*, vol. I, part II, London 1785, p. 177).

⁷⁷ Худяков М. *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 102, 104; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 60; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, Санкт-Петербург 1863, с. 320-321, 323; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan*, p. 228.

⁷⁸ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 65-66.

⁷⁹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 66; Худяков М. *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 103.

⁸⁰ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 140; Худяков М. *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 104.

- ⁸¹ *История о Казанском царстве (Казанский летописец)*, в: *Полное собрание русских летописей*, т. XIX, Санкт-Петербург 1903, с. 51-52.
- ⁸² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 66; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 320-326; Sh. Dautlet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan*, p. 234; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 137-138; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 219.
- ⁸³ *История о Казанском царстве*, с. 55-56; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 335.
- ⁸⁴ Имя сына Сафы Герая, которое передается в русских летописях как “Утямыш”, в книге приводится в крымскотатарской форме: “Отемиш” (“Ötemiş”). Эта же форма использована и в J. Pelenski, *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438-1560s)*, The Hague – Paris, 1974, passim.
- ⁸⁵ *История о Казанском царстве*, с. 56.
- ⁸⁶ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 252; Худяков М. *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 115; В. В. М. Kazimirski, *Précis de l’histoire des Khans de Crimée*, p. 369.
- ⁸⁷ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 263.
- ⁸⁸ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 252.
- ⁸⁹ М. Kazimirski, *Précis de l’histoire des Khans de Crimée*, p. 369; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 317.
- ⁹⁰ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 246-247; Н. İnalçık, *The Khan and the Tribal Aristocracy*, p. 450-451.
- ⁹¹ М. Kazimirski, *Précis de l’histoire des Khans de Crimée*, p. 368-369.
- ⁹² *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 248; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 316.
- ⁹³ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 248, В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 315.
- ⁹⁴ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 249-250, В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 316-317; М. Kazimirski, *Précis de l’histoire des Khans de Crimée*, p. 368. Граница между Крымским Юртом и турецкими владениями в Крыму (Кефинским санджаком/эялетом) была весьма условной, но по обе стороны от нее действовали разные законы (см. подробнее о жизни османской части Крыма в XVI столетии в: А. Fisher, *The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century*, “Harvard Ukrainian Studies”, vol. V, nr. 2, 1981, p. 135-141; Y. Öztürk, *Osmanlı hakimiyetinde Keefe, 1475-1600*, Ankara 2000). Спустя 80 с лишним лет европейский путешественник писал о разнице в условиях проживания в этих двух частях Крыма: «Совершенно верно, что под татаринном живешь несравненно покойнее и платишь меньше дани, чем под турком» (*Описание Черного моря и Татарию, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д’Асколи, префект Каффы, Татарию и проч. 1634*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. XXIV, 1902, с. 120). С другой стороны, известно, что многие земли в турецкой части полуострова (особенно в юго-западном горном районе) нередко предоставлялись султаном во владение знатных ханских подданных.
- ⁹⁵ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 254; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 317.
- ⁹⁶ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 263.
- ⁹⁷ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 263-264.
- ⁹⁸ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 264.
- ⁹⁹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 265-266; М. Kazimirski, *Précis de l’histoire des Khans de Crimée*, p. 368-370.
- ¹⁰⁰ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 265-266; Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов*, с. 39; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 317. С одной стороны, это выглядело как самоуправство беев, поступивших воп-

реки воле Девлета Герая, который обещал стать названным отцом и покровителем для детей своего предшественника (*Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 265). С другой стороны, Мансур не отважился бы убивать особ ханской крови без согласия хана — тем более, что говорилось и о прямом приказе Девлета истребить потомство Сахиба Герая (*там же*, p. 267). Имевший в те же дни случай истинного самоуправства, повлекший гибель члена династии, был жестоко покаран самим Девлетом Гераем: после провала у Альмы Эмин Герай отступил к своей резиденции Султан-Базар (вероятно, Султан-Сарай или Салгыр-Сарай близ Ак-Месджида) и расположился там; его слуга Ит-Ходжа, прослышав о происходящем в Бахчисарае, убил своего спящего господина и привез труп хану — однако надежды на награду оказались напрасны: Девлет Герай приказал четвертовать его (*там же*, p. 273; Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов*, с. 39).

На причастность Девлета Герая к случившемуся указывает и другая фраза из того же источника, где сказано, что несколько позже хан узаконил это истребление «как охрану порядка» (*там же*, p. 273). Полное соответствие этого объяснения формуле «ради порядка мира» в известном акте Мехмеда II Фатиха (см. Примечание 10 в части IV этой книги) показывает, что в данном случае был применен признанный османский обычай истреблять при восхождении на престол всех родичей, которые могут стать конкурентами за власть. В Крыму такого обычая никогда не существовало, потому наиболее вероятным инициатором истребления потомства Сахиба Герая выступает все же не мансурский бей, а сам хан, выросший при султанском дворе.

¹⁰¹ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 267.

¹⁰² *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 268-271; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 370; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 317. Достояна внимания дальнейшая судьба Бёлюка Герая: новый хан вначале приблизил его к себе и даже сделал своим калгой, но вскоре заподозрил в неких недобрых намерениях. Однажды Девлет Герай услышал, как Бёлюк похваляется перед товарищами убийством Сахиба Герая. Подобное бахвальство сильно унижало достоинство ханского рода в глазах подданных. Девлет Герай счел это подходящим поводом, чтобы избавиться от опасного родственника: он вытащил из-за пояса кинжал и заколол Бёлюка на месте (Халим Герай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 37; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 319; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 371).

¹⁰³ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 273.

¹⁰⁴ *Tarih-i Sahib Giray Han*, p. 272-274.

¹⁰⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 318.

داولت کرای

Часть VI

Девлет I Герай

1551-1577

ЦЕНА ИНТРИГИ

*Казанским ханом избран Отемиш Герай —
Возвращение и краткое правление Шах-Али —
Отемиш Герай и его мать Сююн-бике выданы в Московию —
Неудавшийся поход Девлета Герая на Москву —
Завоевание Казани Иваном Грозным и ликвидация Казанского ханства*

(1551-1552)

Пока Сахиб Герай выстраивал себе на погибель опасную рокировку вокруг казанского престола, татары не переставали просить крымского хана о том, чтобы он, наконец, прислал им в Казань правителя из рода Гераев. Не дождавшись скорого ответа из Крыма, казанцы обратились с той же просьбой и к османскому двору, однако это посольство было перехвачено в степях русскими.¹

Когда стало очевидно, что внимание Бахчисарая и Стамбула безраздельно поглощено дворцовым переворотом в Крыму, а Казани, по выражению самих татар, было больше «неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства Господа миров и помощи ангелов»,² казанским беям не осталось иного выбора, как провозгласить своим правителем двухлетнего Отемиша Герая. Вокруг нового хана и

его матери Сююн-бике сплотилась крымская гвардия во главе с Кунчек-огланом.³

Подобно тому, как воцарение трехлетнего Ивана стало когда-то для казанцев сигналом к высвобождению из-под московской зависимости, так и теперь возведение на трон Отемиша Герая подало Москве надежду вновь прибрать Казань к рукам: ситуация повторилась в своем зеркальном отражении. В начале 1550 года Иван IV бросил войска на стены Казанской крепости. Отчаянно защищаясь, татары и крымцы сумели отбить атаку.⁴ Однако в Казани далеко не всех устраивало то, что крымская династия по-прежнему остается у власти; многим вельможам было выгоднее принять покровительство Московии. Завидуя могуществу Кунчека, они распускали слухи, будто Кунчек задумал жениться на Сююн-бике, убить Отемиша Герая и взойти на престол.⁵ Все это было выдумкой: не принадлежа к ханскому роду, Кунчек даже и в таком случае не смог бы стать ханом.

Тем временем события приобретали угрожающий оборот. Иван IV всерьез занялся наступлением на Казанский юрт. Он начал с того, что перекрыл волжские речные пути и наложил на город плотную блокаду. Не приходилось сомневаться, что русские скоро снова явятся к Казани с военной силой. Пользуясь затишьем, Кунчек отправился в Крым за военной помощью. Время предстояло тяжелое, и потому он решил заодно отвезти на родину семью и ценности. За ним последовало 300 крымцев, в том числе 19 беев и мирз. До Крыма путники не добрались: в пути они были схвачены русским отрядом, доставлены в Москву и казнены.⁶ Последняя опора крымской династии в Казанском юрте рухнула.

Будучи отрезаны блокадой от русских рынков, казанские беи терпели огромные убытки. Вскоре они передали московскому князю, что в обмен на снятие блокады согласны принять ханом Шах-Али и выдать в Москву Отемиша Герая с его матерью и оставшимися в городе семьями крымцев.⁷

Когда вооруженный отряд вошел в жилище Сююн-бике, та не ожидала, что ее пришли арестовывать — иначе, «если бы знала, то убила бы себя», как говорит летопись. Вдову Сафы Герая с сыном повели под конвоем через город к пристани, где стояло судно, готовое отвезти их в Московию. По пути пленница упросила охрану зайти в мавзолей,

где был похоронен ее муж Сафа Герай. Плач Сююн-бике на могиле Сафы Герая продолжался два часа и тронул даже охрану, не говоря уже о толпах горожан, рыдавших вместе с правительницей. Затем Сююн-бике доставили на судно и отправили вверх по Волге, в Московию, тщательно наблюдая, чтобы она не совершила самоубийства.⁸ Пребывая в московском плену, Сююн-бике напрасно умоляла Ивана IV отпустить ее к отцу в Ногайскую Орду. Ни к чему не привели и письма Юсуф-бея, просившего вернуть ему дочь.⁹

Шах-Али начал свое третье правление в Казани. Он давно мечтал отомстить своим недругам и, вернувшись к власти, казнил десятки враждебных ему беев и мирз. Отряд московских стрельцов, пришедших в город вместе с ханом и являвшихся его опорой, немало раздражал местных жителей, и недовольство казанцев правлением Шах-Али становилось все сильнее.

Наблюдая за этим, великий князь решил, что будет лучше убрать из Казани хана, который трижды восходил на казанский престол и каждый раз вызывал лишь беспорядки, мятежи и всеобщее возмущение. В марте 1552 года Шах-Али покинул Казань, а татары, избавившись от него, избрали своим правителем Едигера из хаджи-тарханской династии. Шах-Али вернулся в Московию, силой взял за себя в жены Сююн-бике и увез ее в свой удел в Касимове.¹⁰

Что касается последнего представителя казанской ветви Гераев, Отемиша Герая, то он в возрасте пяти лет был обращен в православие и был назван Александром Сафагиреевичем. За ним сохранили ханское звание, титулуя его по-русски «царем». В семь лет мальчика забрали у матери и направили на воспитание ко двору Ивана IV, где правнук Менгли Герая быстро овладел русским языком и вряд ли часто вспоминал о своих крымских корнях. Жизнь «царя Александра Сафагиреевича» была недолгой: в возрасте семнадцати с половиной лет он умер по неизвестной причине. Таков был финал истории Гераев на престоле Казанского ханства.¹¹

На примере Шах-Али Иван IV убедился, что Москве не удастся покорить Казань, навязывая татарам в правители своих ставленников-Намаганов, ни один из которых не задерживался у власти надолго. Князь нацелился на прямой вооруженный захват Казанского юрта, и

ему наверняка придали решимости известия из Крыма: ведь можно было ожидать, что дворцовый переворот помешает крымцам вмешаться в волжские события, и казанцы останутся беззащитными перед превосходящей мощью русского оружия. Летом 1552 года Иван с усиленными войсками выступил в казанский поход.

Великий Улус рушился на глазах у Девлета Герая, и ситуация требовала от него действий, сколь бы ни был он занят сейчас внутрикрымскими делами. Хан приказал собирать армию в поход на Москву.

Ради столь масштабного предприятия следовало обзавестись союзниками в соседних государствах, и Девлет Герай стал искать путей к миру с Ногайской Ордой и Хаджи-Тарханским юртом. Стараясь добиться дружбы ногайского бея, хан немедленно распустил по домам уцелевших воинов Али-мирзы, что уже около четырех лет пребывали в крымском плену, а затем пригласил ногайцев к совместному походу на Московию. Молодые ногайские мирзы горячо поддержали эту идею, но Юсуф-бей не желал в открытую конфликтовать с Иваном, в заложниках у которого находились его дочь и внук, и уклончиво ответил Девлету Гераю: «Много друзей — как один друг, а один враг — как много врагов».¹²

Одновременно Девлет Герай отправил послов и к хаджи-тарханскому хану Ямгурчи, который после разгрома Сахибом Гераем начал было искать покровительства у Москвы. Девлет Герай старался убедить его, что Крым более не намерен враждовать с Хаджи-Тарханом, а напротив, предлагает ему союз.¹³

Недоверчивые соседи всё еще раздумывали над предложениями Девлета, а русские войска уже поднимались на Казань. Хан не мог далее тратить времени в ожидании ответа союзников, и был вынужден действовать в одиночку. Стратегия Девлета Герая заключалась в том, чтобы дождаться отхода Ивана IV к Казани, после чего привести крымские войска под стены Москвы, нанести удар по русской столице и тем самым отвлечь противника от завоевательных планов на востоке.

Вскоре хану сообщили, что московский правитель со всеми своими силами уже покинул столицу и выступил к Волге. Тогда Девлет Герай тронулся в путь. Впереди он послал одного из своих сыновей с семитысячным отрядом, а сам отправился следом, сопровождаемый

янычарами и артиллерией, необходимой для предстоящего штурма кремлевских стен.

Крымское войско добралось уже до Рязани, когда выяснилось, что разведка крупно подвела хана: на самом деле Иван IV еще не ушел к Казани и со всеми своими войсками стоял неподалеку от Москвы, ожидая подхода крымцев. Ханская стратегия утратила всякий смысл. Девлет Герай решил было повернуть обратно, но беи, не желавшие возвращаться с пустыми руками, посоветовали ему взять хотя бы Тулу, лежавшую неподалеку. Хан послушался их совета и осадил тульскую крепость, однако и тут ему не повезло: разнеслись вести, что Иван движется на защиту города, ведя за собой сильную армию. Схватка с основными силами русских войск не входила в планы Девлета Герая. Ему пришлось прекратить осаду и повернуть в Крым, а московские воеводы шли за ним по пятам и громили отстававшие крымские отряды.¹⁴

Так правление нового хана началось с досадной военной неудачи, а Иван IV мог теперь спокойно отправляться на Казань. Крым уже не был для него помехой – по крайней мере, в текущем году.

В августе 1552 года столица Казанского юрта была окружена московской армией, численность которой впятеро превосходила количество защитников города. Судьба Казани была предрешена. В начале октября русские прорвали оборону и захватили город. Описания этого события полны жестоких сцен: женщины и дети были перебиты либо уведены в плен, а мужское население Казани истреблено почти поголовно.¹⁵ Иван вошел в разграбленный город, посетил опустевший ханский дворец и, уезжая, распорядился загасить тлевшие еще пожары и убрать с улиц завалы трупов. Шах-Али, на всю жизнь оскорбленный неприязнью казанцев, не упустил случая тоже явиться на пепелище и лично поздравить своего покровителя с разгромом Казанского юрта.¹⁶

Вряд ли те татарские приверженцы Москвы, что годами боролись за усиление русского влияния в Казани, ожидали подобного итога своей деятельности. В пожарах пылали их собственные жилища, лавки и амбары, а земля была густо укрыта мертвыми телами их родственников и соотечественников. Казанские вельможи прекрасно различали

«своих» и «чужих» татар — но русским стрельцам, пришедшим грабить богатый город, не было дела до этих различий, и они рубили «басурманские» головы направо и налево, не спрашивая о политических предпочтениях.

Поистине, Стамбул избрал самый неподходящий момент для вмешательства в крымские дела и смены хана. Зловещая интрига везирей против неугодного Сахиба Герая увенчалась полным успехом — но, как оказалось, ценой этого успеха стала гибель Казанского ханства.

Падишах предоставил хану самому разбираться с последствиями казанской катастрофы. Чуть ранее Сулейман уже написал Девлету Герая, что доверяет ему самостоятельно принимать все решения, связанные с волжским и московским направлением внешней политики.¹⁷ Эти слова, конечно, были знаком высокого доверия к хану и признания наследственного права Гераев распоряжаться судьбами Великого Улуса — но что толку было в словах, если теперь судьбой обширного северного юрта распоряжался иноземный завоеватель...

«БЕЛЫЙ ПАДИШАХ»

*Девлет Герай ищет союзников —
Ногайский нурэддин приглашает Москву к походу на Хаджи-Тархан —
Московский ставленник Дервиш-Али заключает союз с Крымом —
Завоевание Хаджи-Тархана Иваном IV и ликвидация Хаджи-Тарханского ханства
— Царский титул Ивана IV и его претензии
на власть над государствами Великого Улуса*

(1554-1556)

После падения Казани в Крым потянулись сотни беженцев. Те татарские мирзы, что оставались в землях Казанского юрта, подняли освободительное восстание,¹⁸ разослали по всем краям Великого Улуса призывы о помощи и, конечно же, ожидали, что крымский хан может им избавиться от захватчиков.

Но Девлет Герай не спешил в бой. Памятуя о провале прошлого похода на Москву, он вернулся к тому плану, что уже пытался осуществить вначале: собрать коалицию соседних правителей. Союза с ногайцами пока что не получалось, зато стали налаживаться добрые отношения с Хаджи-Тарханом, чей правитель, напуганный погромом в Казани, переменял свое отношение к Крыму. В волжской столице стали все чаще появляться послы Девлета Герая, от которых Ямгурчи получил в подарок 13 пушек, чтобы в случае надобности защититься от врага. Убедившись, что новый правитель Крыма не намерен воевать с ним, Ямгурчи разорвал свой союз с Московией и демонстративно арестовал русского посланника в Хаджи-Тархане.¹⁹

На дипломатические успехи крымского хана с раздражением взирал ногайский нурэддин Исмаил,²⁰ который желал воцарить в Хаджи-Тархане собственного кандидата: хана-марионетку по имени Дервиш-Али. Исмаил был убежденным приверженцем Москвы — настолько ревностным, что ногайцы даже подозревали его в вероотступничестве.²¹ Другом Московии он стал не сразу, и был им лишь потому, что не смог найти других покровителей, которые поддержали бы его властные устремления. Не довольствуясь статусом второго лица в Ногайской Орде после своего старшего брата Юсуф-бея, Исмаил когда-то попытался достичь первенства. С этой целью он обратился к османскому падишаху, обещаясь быть верным вассалом Стамбула, а взамен прося для себя титул султанского наместника над всею Ногайской Ордой. Но поскольку волжские дела находились в ведении Крыма, Сулейман I перепоручил решение этого вопроса Девлету Гераю.²² Хан отклонил предложение Исмаила, а нурэддин остался глубоко оскорблен тем, что султан не удостоил его личным ответом и предоставил решать его судьбу крымцам. С тех пор все надежды и устремления Исмаила были связаны исключительно с Московией.

Победа Ивана IV над Казанью вселила в Исмаила надежду, что союз с русскими поможет ему достичь того могущества, о котором он давно мечтал. Поэтому нурэддин предложил московскому правителю вместе выступить на Хаджи-Тархан, сбросить Ямгурчи и воцарить Дервиш-Али, который стал бы верным слугой и Исмаилу, и Ивану. В итоге было решено отправить на Хаджи-Тархан совместную

русско-ногайскую экспедицию: московские воеводы с пушками поплывут на судах вниз по Волге, а всадники Исмаила присоединятся к ним в степях.²³ Великий князь посоветовал Исмаилу заодно ударить и на Крым. Ожидалось, что Девлет Герай по приказу султана скоро уйдет воевать на Кавказ, и тут, по замыслу Ивана, ногайцы должны были вторгнуться на полуостров и угнать в плен женщин и детей. Дальнейший расчет был таков: крымцы вернутся из похода, пойдут в Орду забирать свои семьи (и не вернутся оттуда живыми) — и тогда Крым станет безлюдным, а хан окажется беззащитен перед Исмаилом.²⁴

Весной 1554 года русские суда подошли к условленному месту на Волге, но ногайских войск нигде не было видно — Исмаилу было уже не до Крыма с Хаджи-Тарханом: он сражался за власть с собственным братом Юсуфом. Не дождавшись ногайцев, тридцатитысячное московское войско продолжило путь и вступило в хаджи-тарханские окрестности. Сопrotивляться столь многочисленной армии Ямгурчи не мог, и потому счел за лучшее покинуть столицу. Его примеру последовали и горожане, опасавшиеся повторения казанской резни. Русские войска заняли город и разошлись по окрестностям в поисках хана. Они так и не нашли Ямгурчи, зато захватили его жен, которых хан отправил по реке на судах. Возведя на престол Дервиш-Али и взяв с него присягу на верность русскому правителю, воеводы покинули Хаджи-Тархан. Новый хан остался править юртом под надзором двух московских наместников и их военного отряда.²⁵

Исмаил праздновал победу: во-первых, он руками русских возвел на трон Хаджи-Тархана своего ставленника, а во-вторых, одержал верх над Юсуфом, убив старшего брата и отобрав у него бейский титул. Мечта Исмаила исполнилась: он наконец-то стал предводителем Ногайской Орды. Однако радость победы омрачалась тем, что многие ногайцы отказались признать своим правителем братоубийцу и московского приспешника. Воинственный и энергичный Гази-мирза собрал всех недовольных и увел их с Волги в кубанские степи, где ими была основана не зависящая от Исмаила орда, названная Улусом Гази или Малой Ногайской Ордой.²⁶ Многие ногайцы ушли от ненавистного бея еще дальше: в перекопские степи, где влились в улусы своих дальних крымских родичей из рода Мансур.²⁷ Так отчасти исполни-

лась давняя мечта Гераев привлечь на свою сторону заволжских ногайцев.

Поселившись по соседству с владениями Девлета Герая, Гази-мирза стал его верным союзником. Между ханом и мирзой установились самые дружеские отношения: Девлет Герай очень ценил своего нового союзника и говорил, что Гази, хотя и не носил ханского титула, обладал всеми достоинствами выдающегося правителя. Его улус, по словам Девлета, служил «каменной стеной», заслонявшей Крымский Юрт от недругов, а воины Малой Ногайской Орды всегда сражались в авангарде ханских походов бок о бок с крымцами.²⁸ Гази-мирза стал аталыком для малолетних сыновей крымского хана: полностью доверяя ему, Девлет Герай отправлял своих детей на Кубань, где ногайские друзья учили юных султанов секретам боевого мастерства и выносливости воина-степняка.²⁹

Тем временем изгнанный из Хаджи-Тархана Ямгурчи собрал силы и вернулся освобождать свою столицу. Попытка изгнать Дервиш-Али оказалась неудачной: против пушек русского гарнизона не устояли даже янычары, присланные на подмогу Ямгурчи из Крыма. Но вскоре Дервиш-Али сам сообразил, что союз с Девлетом Гераем способен избавить его от тяжелой двойной зависимости от Исмаила и Ивана. Резко сменив политический курс, он восстал против своих прежних благодетелей, выгнал из Хаджи-Тархана русского наместника и стал помогать тем ногайцам, что враждовали с Исмаилом.³⁰

Для Девлета Герая, по сути, не имело значения, кто именно укрепитя на волжском престоле, — главное, чтобы там правил крымский союзник. Потому Девлет помог Дервиш-Али, как ранее помогал его предшественнику: в Хаджи-Тархан было отправлено несколько пушек, 300 янычар и 700 крымцев. Среди последних были не только воины, но и опытные придворные служащие — как, например, Осман-дуван, который стал влиятельным советником при хане.³¹ Хаджи-тарханский правитель порвал с Москвой, обязался помогать казанским повстанцам³² и подружился с Крымом: Девлет Герай достиг своей цели.

Положение Исмаила стало незавидным: неблагодарный Дервиш-Али спутал ему все карты. Сотрудничество с Москвой очень дорого

обошлось бею, которого покинули тысячи подданных, а Хаджи-Тархан, несмотря на смену хана, по-прежнему оставался под крымским влиянием. Видимо, Исмаил был просто-таки разъярен произошедшим, если призывал своего московского покровителя не просто совершить новый поход на Хаджи-Тархан, но уничтожить город и истребить его население — так, чтобы «ни единого очага не осталось».³³

Ивана не пришлось торопить. В 1556 году он снарядил вторую экспедицию на Хаджи-Тархан. Казаки вытеснили Дервиш-Али из города, а пришедшие вслед за ними стрельцы крепко засели в Хаджи-Тархане и соорудили там добротное укрепление под защитой пушек. Будучи не в силах выбить их оттуда, Дервиш-Али какое-то время скитался в степях вдоль границ своего юрта, а затем его войско начало разбегаться, причем прихватило с собой и крымские пушки. Дервиш-Али утратил последнюю надежду на успех и отправился в Азак, откуда отплыл в Стамбул. Целью его путешествия теперь стала Мекка, куда он, после всех потрясений, решил совершить хадж.³⁴

Хаджи-Тарханский юрт прекратил существование.

Исмаил не получил никаких выгод от своей затеи с Хаджи-Тарханом. Русские отказались делиться с ним плодами победы (ведь Исмаил не участвовал в походах), и ногайцы не получили в покоренном ханстве ни постов, ни доходов, ни земель. Бею оставалось лишь жаловаться в письмах Ивану: «Прежде ты нам говорил, что если возьмешь Казань, то нам ее отдашь; ты Казань взял, а нам ее не отдал. Потом Астрахань взял, хотел и ее также нам отдать, и не отдал».³⁵ Иван отвечал, что ничего подобного он не обещал. Тогда Исмаил напоминал, что из-за преданности «белому царю»³⁶ он смертельно рассорился с братом, сыновьями, племянниками, что соотечественники называют его «русским», что он стал посмешищем для недругов³⁷ — но Ивану не было дела до его жалоб; мысли московского правителя были заняты уже совсем другим.

Верховенство над отдаленным и малолюдным Хаджи-Тарханом не сулило Крыму никаких материальных выгод — стоит еще раз вспомнить, как Мехмед I Герай, приглашая Василия III к походу на Хаджи-Тархан, легко соглашался отдать союзнику все тамошние доходы, добавляя: «А мне бы только слава была, что город — мой». Как уже

говорилось, у Гераев были другие резоны к овладению Нижней Волгой, последней твердыней рода Намаганов.³⁸

Что же касалось Ивана IV, то и его влекла в Престольный Край вовсе не жажда добычи и даже не забота о безопасности своих границ (ибо Хаджи-Тархан никогда не угрожал Московии), а та самая слава золотоордынского наследия, что позволила бы ему претендовать на обширные пространства обоих материков.

Еще в 1547 году великий князь московский провозгласил себя царем. Никаких прав на этот высочайший титул он не имел, поскольку предки Ивана были не царями, а лишь великими князьями. С точки зрения крымских ханов Великое княжество Московское являлось одним из улусов Орды и титул великого князя примерно соответствовал чину улусного бея — такого, к примеру, как предводитель Мангытов при ордынском хане.³⁹ Это видно из переписки московских князей и мангытских беев начала XVI столетия: поскольку обе стороны считались равными по рангу, то отношения старшинства между ними определялись не титулами, а лишь разницей в возрасте, которая и устанавливала, кто будет считаться «старшим братом», а кто «младшим».⁴⁰ Но ни один из мангытских беев, как бы ни был он могущественен, никогда не осмеливался объявлять себя ханом — а ведь именно это сделал теперь амбициозный московский правитель. Неудивительно, что крымский двор не признал за ним этого статуса (как не признал и целый ряд стран в Европе).

Иерархия чингизидских и западноевропейских титулов не вполне тождественны между собою, но, в целом, титул хана можно соотнести с титулом короля. Однако Иван ставил себя выше европейских королей и признавал равными себе лишь германского императора и османского султана⁴¹ — стало быть, в глазах Крыма он дерзнул провозгласить себя даже не ханом, а «ханом над ханами», то есть, падишахом, хаканом...⁴²

Для споров с Западом у Ивана была готова легенда о происхождении московских правителей от древнеримских императоров,⁴³ а для споров с Востоком — труднооспоримый довод: кем же еще, как не «ханом над ханами», может зваться правитель, которому давно служат ханы-Чингизиды в Касимовском юрте? Недавние события на Волге лишь укрепили эту аргументацию: тот, кто овладел двумя

ханствами, может являться лишь ханом («царем»)⁴⁴. Приверженцы Москвы в Великом Улусе (как, например, Исмаил), стремясь польстить своему покровителю, уже давно присвоили ему этот титул, величая Ивана «Белым падишахом» и даже заявляя — вопреки здравому смыслу — о его прямом чингизидском происхождении.⁴⁵

Так на просторы Улуса выступил самопровозглашенный хакан, намерившийся утвердить на смену Старому Сараю Бату-хана и Счастливому Сараю Менгли Герая свой «Новый Сарай»⁴⁶ Москвы. Он вступил в борьбу с природными потомками Чингиза за наследство Золотой Орды, и на его стороне стояли сила и военная удача. Для того, чтобы стать единовластным обладателем этого наследства, ему оставалось лишь победить нынешнего хакана Великого Улуса.

То есть, завоевать Крым.

РАНЕННЫЙ БАРС

*Нападения на Крым днепровских и донских казаков —
Неудачи очередных ханских походов на Москву — Переговоры Девлета Герая
с Иваном IV — Сыновья и беи предостерегают хана от заключения мира с Москвой
— Хан безуспешно требует от Москвы освободить Казань и Хаджи-Тархан*

(1555-1565)

Московский царь, чье слово и дело редко расходились одно с другим, безотлагательно перешел в наступление на Крымский Юрт.

Еще в 1555 году, утвердив на хаджи-тарханском престоле Дервиш-Али, Иван IV пригласил Исмаила двигаться дальше. Царь звал ногайцев ударить следующей весной на Крым и воцарить там московского ставленника — Джан-Темира, сына Дервиш-Али.⁴⁷ Но Исмаил опять увяз в междоусобицах, а Джан-Темир скоро потерял всякое доверие Москвы, поскольку его отец сбросил царскую зависимость и стал союзником Девлета Герая. Поэтому Иван решил действовать против Крыма самостоятельно.

Удобный для нападения момент настал, когда Девлет Герай отправился в поход на Черкессию, где после падения Хаджи-Тархана назрела новая проблема: некоторые черкесские князья, надеясь с помощью царя выйти победителями в бесконечных внутрикавказских усобицах, начали переходить в московское подданство.⁴⁸

Едва хан покинул Крым, как Иван послал к границам Юрта воеводу Шереметева с 13-тысячным отрядом. Узнав о наступлении противника, крымское войско повернуло от Кавказа на Москву. Однако, как и в прошлый раз, царь поджидал хана на подступах к своей столице в полной боевой готовности. Девлету Гераю пришлось опять разворачивать армию под Тулой и возвращаться в Крым. Ему перерезал дорогу Шереметев, в тяжелой битве с которым погибли два ханских сына — калга Ахмед Герай и Хаджи Герай. На помощь вовремя подоспел третий сын Девлета — Мехмед, которому было поручено на время кампании охранять Крым. Узнав о затруднениях похода, Мехмед Герай рискнул оставить полуостров и поспешил к отцу. Шереметев был разгромлен, а крымское войско вернулось домой.⁴⁹

Тем временем Исмаил заявил Ивану, что готов продолжить непримиримую борьбу с Крымом. Он брался сам выйти в поход и просил царя прислать к нему нового кандидата на крымский престол — Александра, десять лет назад родившегося в Казани под именем Отемиш Герай,⁵⁰ но Иван предпочел не рисковать столь ценным пленником.

Похоже, в Крыму росло разочарование ханом, который за считанные годы выпустил из рук всю волжскую часть Великого Улуса и бесславно вернулся уже из второго похода на Москву. Исмаил уверял царя, что крымская знать готова свергнуть своего правителя.⁵¹ Бей знал, о чем говорил: против Девлета Герая в Бахчисарае был составлен заговор, во главе которого стоял Тохтамыш — живший в Крыму брат небезызвестного Шах-Али. Покушение сорвалось: хан узнал о его подготовке и Тохтамышу пришлось бежать из Крыма.⁵²

Весной 1556 года Девлет Герай в третий раз повел своих людей на Московию, и вновь потерпел неудачу: проведав от беглых пленников о приближении крымцев, Иван успел перекрыть пути к Москве.

Тогда Девлет решил идти на Черкессию и завершить прерванный прошлогодний поход — но невезение как будто следовало за ним

по пятам. Хану пришлось отменить кавказскую кампанию и с полдороги вернуться домой: стало известно, что на крымских границах появились царские казаки, спустившиеся в судах по Днепру и по Дону. Пользуясь отсутствием хана, днепровский отряд захватил и разграбил крымскую пограничную крепость Ислям-Кермен и напал на Ак-Чакум. Вся ханская армия рванулась к Днепру, чтобы перехватить нападавших — но те отбили преследование и ускользнули.⁵³

Это была явно не последняя атака, поскольку на подмогу русским вышел украинский князь Дмитрий Вишневецкий. Будучи знатнейшим вельможей и управляя от имени польского короля всем украинским Поднепровьем, Вишневецкий задумал добиться еще большей самостоятельности. Он стал (в точности, как нурэддин Исмаил) искать себе нового покровителя, причем его поиски тоже начались со Стамбула. Потерпев неудачу в переговорах с турецким султаном, Вишневецкий обратился к Девлету Гераю. Князь просил у хана земель на Днепре, обещая взамен воевать против короля на стороне Крыма.⁵⁴ Когда и это предложение было отвергнуто, Вишневецкий перешел на службу к московскому царю — тот принял его с готовностью.

Вначале князь отправил трехсотенный отряд на помощь царским казакам в их речной вылазке на Ислям-Кермен, а затем и сам встал у крымских границ на днепровском острове Хортица, вооружившись там захваченными в Ислям-Кермене пушками. Девлет Герай осадил Хортицу и со второй попытки выбил Вишневецкого оттуда, но тот вскоре вернулся с московским войском и подступил к самому Перекопу.⁵⁵

Натиск на Крым усиливался с каждым годом. В 1558 году Вишневецкий наступал на Юрт уже с Дона, а вниз по Днепру следовала казачья флотилия Адашева. Выйдя из реки в море, Адашев высадился на крымском степном побережье и разграбил близлежащие селения.⁵⁶ Тем временем на востоке Вишневецкий осаждал Азак, а подвластные царю черкесы попытались вторгнуться в Крым через Керченский пролив — но Девлет разгромил кавказцев и схватил их вожаков.⁵⁷

Царь явно пытался взять Крым в клещи с двух сторон: днепровские казаки опустошали окрестности Перекопа, а донские нападали на Керчь. Вместе с ними действовали ногайцы Исмаила, раз за разом пытавшиеся прорваться через перешеек вглубь полуострова.⁵⁸ Крым

снова, как во времена борьбы с волжской Ордой, оказался на осадном положении. Материковые владения ханства опустели: их обитатели либо бежали в Крым от казаков, либо были угнаны в орду Исмаила. Бедственное положение усугублялось жестокой засухой с ее неизменными спутниками: голодом и чумой.

Крымский Юрт, пожалуй, еще не испытывал в своей истории столько бедствий одновременно. Крым оборонялся на все стороны, как раненый барс, а враги наседали на него с запада и с востока, с суши и с моря...

Девлет Герай опять направил армию на Москву — но и четвертый поход, подобно первым трем, не достиг цели. Прорвать укрепленные линии московских стрельцов и пушкарей мог бы большой отряд янычар, и Девлет не раз просил султана о помощи — но получал в ответ лишь благословения действовать самостоятельно.⁵⁹ Османы не собирались выступить вместе с ханом на Москву, тем более, что та уверяла в своем миролюбии по отношению к Стамбулу: так, Адашев отобрал из захваченных им в Крыму невольников всех турок и отпустил их, говоря, что царь воюет лишь с ханом, а с султаном хочет жить в мире.⁶⁰

Неизвестно, как долго еще пришлось бы Крыму отражать неприятельские атаки, но вскоре обстоятельства переменились: Вишневецкий поссорился с царем и покинул русскую службу, а Иван IV переключился на завоевание Ливонии.⁶¹ Сражаться одновременно на два фронта царь не мог; ему пришлось выбирать между завоеванием Крыма и Прибалтики. Иван выбрал Ливонию: она лежала ближе и выглядела более легкой добычей, а покорение Крыма, как показал опыт, оказалось далеко не столь простым делом, каким виделось поначалу. Хотя крымскотатарской коннице пока что не удавалось дотянуться до царской столицы, ее непрерывные удары наносили сильный ущерб окраинам Московского царства, и Иван, прикрывая столицу, был вынужден неотлучно стоять на страже своих южных границ. Потому, начиная войну на западе, московский правитель нуждался в прочном мире с ханом.

Царь написал хану письмо, где ностальгически вспоминал времена Ивана III и Менгли Герая, когда Москва и Крым были союзниками.⁶²

Правда, оставалось опасение, что Девлет Герай тоже углубится в историю и найдет пример еще более крепкого союза — того, который имел место два века назад, в эпоху Ивана I и Узбека, когда князь исправно платил хану дань и не смел усомниться в своем подчиненном статусе. На случай, если хан приведет подобный довод, у московских послов был приготовлен ответ: мол, крымцам известно, в чьи руки перешел теперь волжский юрт Узбек-хана, и кто кому должен бы теперь платить по обычаю дань.⁶³ Однако Девлет Герай не стал затрагивать этой темы, а лишь проницательно отметил, что дружба Менгли Герая с Москвой помогла Ивану III изрядно расширить свое государство, а Крыму не принесла ничего, кроме бесполезных подарков.⁶⁴

Девлет Герай выражался сдержанно, но на самом деле весьма желал примириться с Москвией, поскольку затянувшаяся полоса неудач уже начинала угрожать ему потерей власти. Череду постоянных провалов и бедствий могла привести подданных к подозрению, что это вовсе не случайность, а знак неблагоприятного Всевышнего, что над ханом тяготеет какое-то проклятие, что у него дурной глаз и дурное предначертание судьбы — и объяснение этому тотчас нашлось бы в обстоятельствах прихода Девлета Герая к власти... А заработав в народе репутацию «несчастливого хана», можно было навсегда забыть о какой-либо поддержке подданных.⁶⁵ Хан нуждался в мире.

Кроме того, Девлет Герай на самом деле отнюдь не считал бессмыслицей и подарки московского двора — вопрос был лишь в том, сколько их будет прислано; а именно сейчас появилась надежда, что прислано будет очень много: за Ливонию вступилась Польша, начался очередной русско-польский конфликт, и правители обеих держав пытались склонить крымского соседа каждый на свою сторону. То царь, то король попеременно предлагали хану все более и более высокое вознаграждение за заключение союза, и Девлет Герай чувствовал себя хозяином положения на этом «дипломатическом аукционе». Ставки, сделанные царем, выглядели более привлекательно, и хан охотно пошел на союз с Москвией, поспешив подкрепить его клятвой. Теперь, по обычаю, мирный договор должна была утвердить своей присягой и крымская знать. Однако здесь Девлет Герай столкнулся с упорным отказом.

Беи и мирзы, при полной поддержке ханских сыновей, собрались на совет и постановили, что вступать в союз с Московией будет опасным безрассудством: Иван IV захватил Казань и Хаджи-Тархан, распространяет власть на ногайцев и черкесов, и если теперь он, замирился дарами хана, победит еще и польского короля — то с удвоенной силой обернет оружие против Крыма. Казанские мирзы-беженцы напоминали, что в свое время царь преподносил богатые дары и Казани, а затем захватил ее.⁶⁶ Девлет остался в меньшинстве: даже его собственная мать поддержала мнение беев.⁶⁷

Хану пришлось оставить соображения материальной выгоды и выставить перед царем принципиальное условие: если Иван хочет мира с Крымом, он должен освободить Казань и Хаджи-Тархан — либо, как минимум, восстановить в Казани вассальное ханство, посадить там правителем Адила Герая и выплачивать Крыму дань в том размере, в каком ее получал Мехмед I Герай после победного похода к Москве.⁶⁸ Царь не принял этих условий. Единственное, на что он согласился — это назначить одного из сыновей Девлета вассальным ханом в Касимове.⁶⁹

Здесь исчерпалось терпение и у самого Девлета Герая.

Небо тому было свидетелем: ради спокойствия Юрта хан был готов на самые далеко идущие компромиссы. В эти годы Крым неожиданно стал тем, чем его давно мечтали видеть прежние ханы: центром притяжения для всех народов бывшей Орды, которые теперь искали в Крыму защиты и смотрели на хана как на избавителя. Посланцы из Поволжья звали Девлета Герая в свои края, где население давно готово восстать против русских и ждет лишь подмоги из Крыма; друзья-черкесы призывали его на защиту Кавказа, где царские воеводы уже расставляли свои гарнизоны — однако хан, в надежде на успех переговоров с Иваном, не откликнулся на их призывы.⁷⁰ Ради мира с царем он едва не рассорился с первыми лицами своего государства, а взамен не видит никаких ответных шагов Ивана, кроме согласия взять в услужение ханского сына, да жалких подачек, присланных в дар, наподобие кафтана с царского плеча и чаши с царского стола.⁷¹

«То, что ваш государь просит у меня сына в Касимов, так в этом я не нуждаюсь: сыну моему и у меня есть, чем прокормиться. А если не отдаст мне государь ваш Хаджи-Тархана, то его возьмет турецкий султан»⁷² — бросил Девлет Герай очередному царскому посланцу.

Были причины, по которым упоминание о султানে вызывало у Девлета Герая не меньшую досаду, чем неуступчивость царя. Но других доводов у хана на сегодняшний день уже не оставалось.

ТОЧКА НА КАРТЕ

*Османский проект строительства канала между Доном и Волгой —
Доводы Девлета Герая против этого замысла — Подготовка экспедиции 1569 года
— Провал проекта — Попытка взятия Астрахани османами —
Трудности возвращения из похода*

(1568-69)

Что же заставило Девлета Герая вспомнить в связи с Хаджи-Тарханом о султানে?

Жители Поволжья слали призывы о помощи не только в Бахчисарай, но и в Стамбул. В султанскую канцелярию поступали петиции казанцев, хаджи-тарханцев, ногайцев и черкесов с просьбой прийти и освободить их от захватчиков. Вскоре к падишаху стали прибывать послы и из еще более дальних краев: ханы Бухары и Хорезма жаловались, что русские воеводы перекрыли путь через Хаджи-Тархан, которым издавна ходили среднеазиатские купцы и паломники.⁷³

К этому времени при стамбульском дворе уже несколько лет обсуждался грандиозный проект: речь шла о прорытии судоходного канала между Доном и Волгой. Одним из главных поборников этой идеи был султанский дефтердар Касым. Он убеждал, что Турция, переправив по каналу флот в Каспийское море и высадив янычарский десант на иранском побережье, сможет, наконец, окончательно победить Персию.⁷⁴

Сулейман I усомнился в целесообразности этой затеи, но все же в 1563 году призвал Девлета Герая к постройке канала.⁷⁵ Хану не понравилась попытка вмешательства Стамбула в волжские дела. Он вовсе не желал делиться в этом краю влиянием с османами: «Этак и Крым не останется в наших руках!» — воскликнул он, узнав о намерении

султана.⁷⁶ Поэтому, приложив все свои силы, Девлет Герай отговорил Сулеймана от экспедиции.⁷⁷

Но в 1566 году 71-летний падишах умер, и на смену старому правителю пришел его сын Селим II, родившийся от знаменитой Роксоланы и прославившийся в истории под красноречивой кличкой «Селим-Пьяница». Настойчивый Касым не замедлил познакомить его со своим проектом, а здесь как раз подоспело и очередное среднеазиатское посольство. Новый султан решил разрубить весь узел волжских проблем единым махом: он приказал построить канал и освободить Хаджи-Тархан от русских.

Касым добился своего: к весне 1568 года он получил титул паши, ранг кефинского бейлербея и широкие полномочия командира будущей кампании, а Девлету Гераю был послан султанский указ, обязывавший хана немедленно выступить на Волгу вместе с Касым-пашой.⁷⁸

Распоряжение падишаха заставило Девлета Герая задуматься. Его раздражала и категоричность нового султана, и настырность Касыма, который сумел-таки поставить хана на службу своей затее. Но еще менее ему понравилось то, что Селим собрался послать в волжский поход Крым-Гирея (родича последних хаджи-тарханских ханов) и назначить его правителем Престольного Края.⁷⁹ Получалось, что султан отнимает у Гераев их старую привилегию ведать волжскими делами, да еще и пытается вернуть Волгу Намаганам! Перспектива воссоздания намаганского ханства под эгидой Османов была совершенно неприемлема для крымского правителя: кто бы мог поручиться, что падишах не соблаговолит отдать им когда-нибудь и Крым?

Девлет Герай привел немало резонных доводов против задуманной султаном кампании. Этой весной, — писал он Селиму, — поход начинать уже поздно, летом армия будет страдать в безводных краях от жажды, а зимой южане-турки не вынесут степных морозов. Из-за прошлогоднего неурожая невозможно сделать достаточных запасов продовольствия для войск, да и самих бойцов в Крыму сейчас не набрать: Адиль и Гази Гераи увели всех в поход на окраины Московии. Наконец, Девлет пытался задеть честолюбие султана: «Если мы Хаджи-Тархана не возьмем, то это будет бесчестье тебе, а не мне».⁸⁰

Султан и слышать не хотел об отмене похода и лишь слал в Крым новые распоряжения о его подготовке. Он, правда, попытался успокоить Девлета, отказавшись от замысла поставить Крым-Гирея хаджи-тарханским правителем и пообещав, что по окончании похода выдаст его хану,⁸¹ — но Девлет Герай не верил падишаху. Хан хотел было сам договориться с Москвой до прихода турок, предупредив царя о грядущем походе и посоветовав, чтобы тот лучше сам отказался от Хаджи-Тархана в пользу Крыма или хотя бы создал там зависимое от Москвы ханство под управлением кого-либо из родичей Девлета Герая — но и из этого ничего не вышло.⁸²

Девлету удалось оттянуть выступление лишь на год. К лету 1569 года усилиями султана и Касым-паши подготовка к кампании была завершена: в Кефе стояли десятки турецких судов с продовольствием и артиллерией, а также строительными инструментами для рытья канала. Сборами пришлось заняться и хану: он созвал в поход крымцев и пригласил на помощь ногайцев из Малой Ногайской Орды.

В июне объединенное войско двинулось в путь. Касым-паша командовал 25 тысячами османских воинов, а Девлет Герай — 50 тысячами крымской и малоногайской конницы.⁸³ Армия направлялась к точке, где русла Дона и Волги ближе всего сходились друг с другом: в этой местности, называвшейся Эрдильме⁸⁴ (Переволока), и предстояло вырыть канал. Сюда же должны были подтянуться по Дону и турецкие суда с инструментами и запасами. Это был звездный час Касым-паши, который, не иначе, мечтал, что успех предприятия вознесет его на пост везира.

Наконец, в августе все силы собрались на Эрдильме. Унылый пейзаж, открывшийся взору участников похода, похоронил честолюбивые надежды Касым-паши. Точка на карте превратилась в многокилометровый клин спекшейся степной земли, что выгнулся широким горбом между руслами двух рек. Было очевидно, что канал здесь не прорыть даже усилиями «всей Турции за сто лет» — как образно пояснили паше пришедшие с ним стамбульские инженеры.⁸⁵

Девлет Герай предложил Касыму возвратиться обратно, но тот не желал сдаваться: ведь оставалась еще вторая часть задания.⁸⁶ Простояв в замешательстве две недели на Переволоке, Касым нашел выход:

он приказал вытащить суда на берег, поставить их на катки из бревен и катить к Волге, чтобы поплыть на них далее к Хаджи-Тархану. Но и это не удалось: галеры оказались слишком велики и тяжелы, чтобы их можно было перетащить из реки в реку.⁸⁷

Касым, холодея, представлял встречу с султаном, а Девлет Герай считал дни до возвращения в Крым, но тут к паше явилась неожиданная подмога. К нему пришли хаджи-тарханцы, которые объяснили, что перетаскивать суда незачем: пусть турки идут сушей к Хаджи-Тархану, а они тем временем достанут для них на Волге новые корабли.⁸⁸ Обрадованный паша повелел своему флоту возвращаться в Азак, а оставшиеся войска повел к Хаджи-Тархану. Девлету Гераю пришлось последовать за ним.

Шел уже сентябрь, когда экспедиция добралась до Хаджи-Тархана и вступила в него. Но занять запустевший город еще не означало победы: главной и самой трудной задачей было взятие новой русской крепости Астрахань, построенной ниже по течению на противоположном берегу.

Касым-паше опять пришлось размышлять, как быть дальше, а тем временем к нему прислал послов Тин-Ахмед, бей Большой Ногайской орды. Бей был готов отрядить войска на помощь Касыму и даже признать себя слугой падишаха, но предупреждал пашу, чтобы турки ни в коем случае не доверяли крымцам, и приводил длинный список претензий к хану.⁸⁹

Расположившись в шатрах в старом Хаджи-Тархане, Девлет Герай обсудил эту новость со своими беями и мирзами. Бей напомнили, как почти полвека назад в эти края ходил Мехмед I Герай, как он победоносно вошел в Хаджи-Тархан, а затем был предательски убит вместе со своим сыном ногайскими предводителями.⁹⁰

Хан и без того беспокоился за оставленный без надзора Крым, а теперь ему приходилось вдобавок неусыпно следить за Тин-Ахмедом, который открыто заявлял туркам о своей кровной вражде с Гераями⁹¹ и пытался настроить пашу против крымских татар. Девлет Герай стал собираться в обратный путь.

Касым-паша рассчитывал сделать подкоп под Астраханскую крепость, поместить туда бочки с порохом и развалить стены взрывом.

Но саперы, разобравшись, сказали, что это невозможно: из-за близости реки подкопы сразу наполнятся водой. Оставался только штурм, но подойти к астраханским укреплениям османам мешал огонь русских крепостных орудий — а собственную дальнобойную артиллерию паша, как назло, отправил на судах с Эрдильме обратно в Азак.⁹²

Поход явно не удался — но возвращаться к султану с докладом о полном провале было немыслимо. Крепость следовало взять любой ценой, даже если для этого придется зимовать рядом с ней. Едва заслышав о зимовке, турецкое войско взбунтовалось. Ранняя и холодная осень предвещала скорый приход тех лютых степных буранов, о которых османские воины уже были наслышаны от своих союзников. Кроме того, самонадеянный паша взял продуктового запаса лишь на 40 дней, а нищие хаджи-тарханцы и ногайцы не могли всю зиму кормить огромную армию. Войску угрожал голод. «Мы все уходим вместе с ханом!.. Все, что хан писал падишаху, и что он говорил нам и тебе на Эрдильме — все так и случилось!» — кричали паше возмущенные янычары.⁹³

Хан повел войско назад, к Азаку. Едва армия тронулась в путь, как навстречу ей прискакал гонец с посланием от султана. Селим II разрешил Девлету вернуться в Крым, оставив с османами Мехмеда и Адиля Гераев, а Касым-паше приказывал остаться на зимовку у Волги и ждать весной подкрепления.⁹⁴ Но янычары отказались подчиниться даже султану, которого, как и пашу, честили за безрассудную авантюру.

Обратная дорога к Азаку заняла целый месяц. Поговаривали, что Девлет Герай намеренно повел Касым-пашу кружным путем по пустынным степям Предкавказья, чтобы отбить у него охоту когда-либо возвращаться сюда.⁹⁵ Иной раз на протяжении трех дней пути войско не встречало ни единого родника. Было праздником, когда отряды набредали на соленое озерцо — несчастным приходилось пить даже такую воду и поить ею таявшие с каждым днем табуны. Ногайцы чувствовали себя здесь, как дома; крымцев спасало то, что каждый из них имел по несколько выносливых лошадей; а вот пешим янычарам и потерявшим коня сипахиям приходилось очень туго. В турецком обозе оставалось немало денег для уплаты жалования, и ногайские воины из Улуса Гази просто-таки озолотились на этом переходе, продавая ос-

манам сухари, горох и муку по фантастическим ценам (сами ногайцы вполне довольствовались мясом умиравших от жажды лошадей).⁹⁶

На этой страшной дороге погибла половина османских воинов, а выжившие говорили, что даже в самых тяжелых прежних походах они не бывали так изнурены и измучены.⁹⁷

Когда Селиму II доложили об итогах экспедиции, он с присущей ему лихостью тут же приказал казнить Касым-пашу и Девлета Герая. К счастью, хан вовремя дознался об этом. Девлет обратился к сестре падишаха, Михримах-Султан и послал богатые дары верховному везиру Мехмед-паше, прося обоих замолвить за него слово. Селим снизошел к просьбе сестры, но пообещал, что рано или поздно все равно расправится с Девлетом.⁹⁸

Теперь Девлет Герай настороженно ожидал вестей из Стамбула: не намерен ли султан организовать следующей весной повторный поход на Волгу (тем более, что его об этом просил в письмах Касым-паша, желавший спасти свою карьеру)? Ответ был дан султанским указом, присланным в конце того же года: Селим II объявлял, что новых походов на Волгу не будет, и приказывал всем османским войскам возвращаться по домам. Как говорили очевидцы, хан был весьма обрадован этим известием.⁹⁹

ПЕПЕЛ ПО ВЕТРУ

*Готовность подданных защищать своего хана —
Поход Девлета Герая к Козельску, встреча с беглыми боярами —
Перемена цели похода и выступление на Москву —
Сожжение Москвы в 1571 году — Переговоры Девлета Герая с Иваном IV*

(1571)

Девлет Герай умело пресек посягательства Селима II на исконное наследство потомков Чингиза, Престольный Край, однако и сам ничуть не приблизился к обладанию этим наследством: Тахт-Эли по-прежнему оставался в руках московского недруга.

Хан откровенно поделился с царем своим нежеланием видеть турок на Волге и даже намекнул, что это именно он спас русскую Астрахань от османов, однако Иван не пожелал понять этого намека и не стал ничуть сговорчивее.¹⁰⁰ Турки же, потерпев неудачу, предпочли сохранить с русскими мир, отказались от претензий на Хаджи-Тархан, а всю вину за недружественный демарш взвалили на крымцев — даже главный герой провалившейся кампании, Касым-паша, без стыда заявлял царским послам, что поход был затеей Девлета Герая.¹⁰¹

Намерение Селима II погубить Девлета вызвало в Крыму всеобщее возмущение. Подданные наконец-то стали уважать своего хана — если и не за военные успехи (которыми тот пока что не мог похвалиться), то за его самостоятельность и независимость. Казалось бы, Девлет, родившийся и выросший в Стамбуле, должен был стать правителем наподобие памятного всем Саадета Герая — то есть, верным султанским вассалом, равнодушным к местным политическим традициям. Судя по всему, поначалу так оно и было, ибо в письмах царю, написанных по свежим следам казанской катастрофы, Девлет Герай скорбел не столько о гибели волжских юртов, сколько о собственном престиже: так, в одном из посланий он с досадой вопрошал Ивана, почему тот не взял Казань при Сахибе Герае, а сделал это при нем, Девлете?¹⁰² Однако за годы, проведенные на крымском престоле, бывший султанский воспитанник вырос в достойного преемника прежних хаканов и стал сознавать, что за чин он носит, — Селим до сих пор кипел возмущением, прослышав, что Девлет Герай считает свой титул выше титула османского султана.¹⁰³

Агрессия Москвы и двуличие Стамбула сплотили Крым вокруг хана. «Московский царь и турецкий султан помирились, — говорили крымцы, — а нашего хана султан хочет погубить». Подданные приходили к Девлету Гераю и клялись, что готовы стоять вместе с ним и против царя, и против султана. «А если не хватит сил, — решительно добавляли они, — то погибнем все вместе, но не сдадимся никому».¹⁰⁴

Весной 1571 года Девлет Герай отправился со своим войском в очередную поход на Московию. Как показал опыт предыдущих кампаний, русские научились хорошо оборонять свою столицу, перегораживая дороги к ней засеками и постоянно держа на речных пере-

правах вооруженные пушками отряды. Эта стража уже не раз преграждала Девлету путь к Москве, а надеяться на помощь османов не приходилось.

Избегая повторения прежних неудач, Девлет Герай в этот раз не строил амбициозных планов взятия Москвы и определил целью похода окрестности Козельска.¹⁰⁵ Это позволяло напомнить царю, что хан не отступает от своих требований, а заодно и «подкормить» военной добычей свою армию, которая после двух неурожайных лет и тягот волжского похода сильно нуждалась в этом. С ханом шло 40 тысяч человек,¹⁰⁶ многие из которых были участниками Хаджи-тарханской кампании. Эти люди терпели нужду больше прочих, поскольку, отправляясь на войну, крымский воин нередко брал займы лошадей и снаряжение под залог будущих трофеев, а хаджи-тарханский поход принес участникам лишь убытки и, соответственно, долговое бремя.

Когда крымские войска вступили в пределы Московии, у Девлета Герая состоялась неожиданная встреча, круто развернувшая весь ход кампании. Перед ханом предстали шестеро молодых русских бояр, явившихся в ханский лагерь и потребовавших немедленной встречи с крымским правителем. Девлет Герай услышал от них удивительные вещи.

Ни для кого за пределами Московии не составляло секрета, что Иван IV не зря носил прозвище «Грозный» и славился не только как завоеватель соседних стран, но и как тиран собственных подданных. Его непрекращающиеся расправы с истинными и мнимыми противниками поражали своим изуверством всю Европу, которую в те суровые времена было очень не просто удивить жестокостями. Год назад, например, Иван Грозный совершил «победоносный поход» против населения Новгорода, заподозренного в измене царю. Личная царская гвардия, «опричники», за шесть недель истребила и замучила в Новгороде тысячи русских жителей города.¹⁰⁷ Вслед за этим Иван IV взялся за московских бояр, которые якобы симпатизировали новгородцам. На одной из московских площадей были вкопаны виселицы, и царь на глазах у толпы устроил кровавую расправу, предав сотни людей лютой смерти, причем для каждого был изобретен свой мучительный способ казни.¹⁰⁸ Это событие было лишь одним эпизодом из многолетней кампании царских репрессий против боярского

сословия. Неудивительно, что некоторые бояре, успевшие бежать от царской ярости, в отчаянии мечтали даже об иноземном вторжении в собственную страну, лишь бы оно положило конец правлению тирана.

Эту мысль разделяли и те шестеро, что явились в походный шатер Девлета. Они пообещали хану, что покажут дорогу, по которой крымцы смогут без помех пройти к Москве. Беженцы поведали, что в последние два года Московия сильно ослабела от неурожая и эпидемии чумы, что большая часть царской армии брошена на Ливонию, а сам Иван, хотя и стоит у столицы, располагает незначительными силами. Помня о четырех предыдущих неудачах, Девлет Герай, видимо, далеко не сразу поверил боярам, но те настаивали и уверяли: «Мы проведем тебя через Оку, и если тебе до самой Москвы встретится какое-нибудь войско, то вели нас казнить».¹⁰⁹

Тогда Девлет Герай доверился нежданым союзникам и приказал своим отрядам следовать за ними.

Бояре не обманули хана. Девлет Герай переправил свою немалую армию через Оку, оставшись незамеченным царскими сторожевыми заставами. Преграда, которая когда-то остановила Сахиба Герая, перед которой не раз приходилось поворачивать назад самому Девлету, была преодолена. Заслышав о том, что крымцы вот-вот появятся у самой Москвы, всесильный царь оставил воеводу Ивана Бельского защищать город, а сам бежал в Ростов.

Подойдя к русской столице, крымское войско без труда отбросило отряды Бельского со своего пути и заставило воеводу скрыться под защитой кремлевских стен. Девлет Герай поставил свой шатер близ царской резиденции в Коломенском, а Мехмед и Адиль Гераи, сопровождавшие отца, расположились возле Воробьевых Гор. Крымские всадники разошлись по сторонам, опустошая окрестности и собирая добычу.

Назавтра, 3 июня 1571 года, Девлет Герай встал на возвышенности над городом, откуда открывался широкий вид на Москву. Хан видел, как 20-тысячный рой конницы рассыпался вокруг города — и вскоре над крышами деревянных зданий там и здесь заплясали языки пламени. В этот день над Москвой стояла странная погода: в небе соби-

рались тучи, между ними порой проблескивали молнии, доносились раскаты грома — но ни капли дождя не падало на землю: это была редкостная «сухая» гроза. Как и бывает при грозе, после затишья поднялся сильный ветер. Его порывы мгновенно раздули пламя пожаров, и вскоре огонь уже несся по городу сплошной стеной, превращая Москву в гигантский ревущий костер. Ханские воины, бросившиеся было грабить дома, в спешке покидали город (некоторые не успевали выбраться и гибли в пламени), а конница окружила эту адскую топку, захватывая в плен тысячи горожан, бежавших прочь из Москвы. Ветер усиливался, бешеный вихрь жара и пепла заставил даже хана отступить чуть подальше. Тем временем в городе плавилась и стекали со звонниц в землю колокола, лопались решетки на окнах царских хором, одно за другим рушились горящие здания, а москвичи, рвавшиеся в запертый изнутри Кремль, во множестве гибли от огня и давки. Впрочем, спасения не было и в Кремле: находившийся там Бельский задохнулся от дыма. Время от времени, сотрясая землю, над городом поднимались громовые облака взрывов: это взлетали на воздух пороховые погреба вместе с окружавшими их постройками.¹¹⁰

За считанные часы Москва сгорела дотла.¹¹¹ Лишь черные стены Кремля высились над дымящимся пепелищем.

Девлет Герай развернулся и пошел домой в Крым. С дороги он послал к Ивану гонца, который явился перед московским правителем и спросил его: по душе ли ему пришлось наказание огнем? Затем гонец преподнес Ивану ханский подарок — длинный нож, которым великий князь, при желании, может зарезаться и тем самым избавиться себя от невыносимого позора. Грозный в ярости рвал на себе волосы и бороду, желал убить посланца, но не посмел сделать этого.¹¹² Ханские насмешки были вступлением к тому главному, что желал передать Ивану Девлет Герай: «Жгу и опустошаю всё из-за Казани и Хаджи-Тархана, а богатства всего мира считаю за пыль, надеясь на Божье величие. Я пришел на тебя, сжег твой город, хотел твоего венца и головы — но ты не пришел и не встал против нас, а еще хвалишься, что «Я, дескать, московский государь»! Если б были в тебе стыд и мощь — то ты бы пришел и стоял против нас. Захочешь быть с нами в дружбе — отдай наш юрт, Казань и Хаджи-Тархан. А захочешь казной и деньгами дать нам богатства всего мира — этого нам не надо,

желание наше — Казань и Хаджи-Тархан; а дороги в твоей стране я видел и изучил». ¹¹³

Для Девлета Герая наступил звездный час. Кто бы посмел теперь назвать «несчастливым» хана, который после двадцати лет выжидания нанес врагу удар в самое сердце? Хана, который повторил поход великого Тохтамыша, в 1382 году тоже превратившего Москву в руины?

Сообщив о победе султану, Девлет Герай удостоился от него лишь немногословной сдержанной похвалы. ¹¹⁴ Селим II, похоже, был уязвлен новостью: ведь хан за один день, без огневой поддержки янычар, блестяще справился с самой Москвой — тогда как Касым-паша с вдвое большим войском две недели бесполезно простоял под Астраханью и отступил назад. Падишах тоже послал царю требование очистить Волгу, но внес туда свои коррективы: во-первых, оставляя Казань Девлету Герая, Селим «зарезервировал» Хаджи-Тархан для себя. Во-вторых, хан упоминался в письме не под своим обычным титулом, а под неопределенным термином «эмир», под которым можно было разуместь как суверенного правителя, так и всего лишь провинциального наместника. ¹¹⁵ Скрытый спор о том, чей титул выше, явно продолжался.

Подавленный позорным разгромом, Иван Грозный в переписке с Крымом принял смиренный тон вассала, употребляя униженное выражение «бить челом», обычное когда-то в обращении московских князей к ордынским владыкам. Царь соглашался отдать Хаджи-Тархан и желал лишь выяснить, на каких условиях Девлет согласен принять юрт: можно ли, чтобы Адиль Герай (которого Девлет прочил в правители Тахт-Эли ¹¹⁶) был вассалом не крымского, а московского правителя? Можно ли, чтобы при нем постоянно пребывал царский представитель? В ответ Девлет Герай указал, что речь шла не только о Хаджи-Тархане, но и о Казани. Иван не спорил, и предлагал уладить этот вопрос, обменявшись специальными посольствами. ¹¹⁷ Заодно царь прощупывал почву: что скажет Девлет Герай, если вместо освобождения юртов Москва предложит хану большие деньги? Но здесь Девлет Герай, вопреки своему обыкновению, остался равнодушен: ведь он после многих лет неудач наконец-то заслужил *имя и славу*, ко-

торых не купить ни за какое золото, а грядущее освобождение Волги обещало эту славу весьма преумножить...

Если поражение и сбило с царя спесь, то отнюдь не лишило его хитрости. Иван желал подольше протянуть время в переговорах (ведь посольства можно было готовить и год, и более), чтобы успеть оправиться от удара и собрать силы. Покладистость в вопросе о Хаджи-Тархане тоже была не случайна: ведь, помимо Девлета, на Тахт-Эли претендовал и Селим, что порождало надежду сыграть на противоречиях Бахчисарая и Стамбула.

Девлет Герай сразу понял уловку Ивана IV и не дал втянуть себя ни в денежный торг, ни в дипломатическую волокиту. Хан стал готовить на следующий год новый поход на Москву.

ГУЛЯЙ-ГОРОД

*Девлет Герай намерен вернуть ордынские порядки в отношениях с Московией —
Очередной поход на Москву, поражение в битве при Молодях —
Пленение предводителя Мансуров Деве-бея —
Последующие переговоры хана с царем — Кончина Девлета I Герая —
Ханская мечеть в Гёзлеве*

(1572-1577)

Крымские писатели и дипломаты любили вспоминать историю минувших столетий и сравнивать свершения прежних лет с событиями современности. Среди прочих деятелей прошлого в Крыму хорошо помнили Тохтамыш, который некогда вывел Великий Улус к былой славе от усобиц и упадка. Гераи гордились своим родством с ним. Не приходится сомневаться, что после победоносного похода на Москву имя Тохтамыша не раз звучало под сводами Ханского дворца рядом с именем Девлета Герая. В самом деле: еще ни один крымский хан не приближался настолько к образу великого правителя прошлого: жители соседних юртов сами звали Девлета Герая восстановить власть

на берегах Иделя, а главный соперник в борьбе за ордынское наследство, Москва — та самая Москва, что еще недавно угрожала самому существованию Крымского Юрта — лежала в руинах. Владения Ивана IV, по сути, тоже являлись частью Тохтамышева наследства, и хану оставалось лишь пойти и взять в свои руки то, что принадлежало ему по праву повелителя Великой Орды.

Девлет Герай не намеревался более ни заключать с царем договоров, ни просить его об освобождении волжских ханств. Речь ныне шла о том, чтобы вернуть само Московское княжество в его прежний чин подвластного хану улуса, как это было при Тохтамыше и Бату.

Если в прошлом году Девлет Герай сумел одержать победу, располагая сорока тысячами войска, то теперь он поднимал в поход весь Крым, добавив сюда силы обеих ногайских орд и отряды янычар. План кампании отличался широтой охвата: пока Девлет Герай расправлялся с царем в Москве, ногайцы должны были подступить к Астрахани, а казанцы — поднять восстание в своих землях. Затем хан планировал сам выступить на Казань и Хаджи-Тархан и завершить освобождение Улуса.¹¹⁸

Девлет Герай не сомневался в успехе: он даже заранее распределил между своими беями и мирзами города и уделы в Московии, с которых те будут получать доход после победы над царем, а купцам уже выписывались ханские разрешения на беспошлинную торговлю в волжских столицах, Казани и Хаджи-Тархане. Что же до судьбы Ивана IV, то говорили, что хан намерен пленить его и отвести в Крым.¹¹⁹ Неизвестно, кого Девлет желал посадить вместо Ивана на московский престол, но, конечно, в Москве не нашлось бы недостатка в боярах, готовых, как в ордынскую эпоху, служить верховному хакану в обмен на великокняжеский венец.

К лету 1572 года сборы были закончены, и 5 августа Девлет Герай со своими сыновьями, Хаджи-беем Ширином, Деве-беем Мансуром и 120-тысячным воинством уже стоял на Оке. Противоположный берег реки на протяжении многих километров оцетинился плотными частоколами, за которыми скрывались царские стрелки, но в месте ханской переправы в заборе зиял обширный пролом: здесь уже побывал передовой ногайский отряд, который разогнал стражу, снес частокол

и поджидал хана почти под самой Москвой. Ханская армия переправилась через реку. До Москвы оставался лишь день пути.

Как писал потом сам Девлет Герай, он прежде всего желал встретиться в бою с самим царем. Когда стало известно, что Иван спешно отступает от Москвы к Новгороду, хан отправился в погоню за ним, а русские полки, собравшиеся с Оки, погнались вслед за крымским войском. Девлет приказал своим бойцам не ввязываться в сражение с преследователями: царя следовало настичь, пока он в пути, и мешкать было нельзя.

Но шедшие сзади Мехмед и Адиль Гераи не выполнили приказа. Без ведома хана они попытались отсечь преследующих — и были разбиты. Досадуя на задержку, Девлет Герай бросил на воевод 12 тысяч ногайской конницы, которая полегла под обстрелом русской артиллерии. Хану пришлось оставить погоню за царем и, развернувшись, встать у села Молоди для отражения наседавшего сзади противника.

Имея артиллерию и несметное число всадников, Девлет не особо беспокоился за исход сражения. Однако воеводы применили неожиданную тактику: они выставили против хана так называемый «гуляй-город»: ¹²⁰ отряды ружейных стрелков окружили себя со всех сторон телегами и возами, к которым были прикреплены широкие и прочные деревянные щиты.

Первое сражение не принесло перевеса ни одной из сторон, но крымская армия потеряла в нем своих важнейших военачальников. Во-первых, в схватке были убиты трое братьев Хаджи-бея — командиры ширинского ополчения; а во-вторых, в плен попал Деве-бей — предводитель ногайцев, составлявших большую часть ханского войска.

Деве-бей, старейшина рода Мансур, был младшим братом того самого Баки-бея, что 30 лет назад сорвал московский поход Сахиба Герая. В отличие от своего мятежного родственника, Деве всегда был надежной опорой для хана. Попавшись в плен, бей старался ничем не выдать своего высокого звания и остаться неузнанным: в этом случае у него сохранялась надежда быть выкупленным или обмененным вместе с прочими рядовыми пленниками. Но все испортил бейский слуга, тоже захваченный на поле боя: когда русские стали допрашивать его о дальнейших планах ханской армии, слуга

спроста сказал, что об этом следует спросить Деве-бея, присутствующего здесь же. Воеводы очень обрадовались своей неожиданной удаче, а бей лишился надежды на легкое освобождение.

Тем временем Девлет Герай, расставшись с надеждой догнать Ивана, готовился к вызволению Деве-бея. Из-за недостатка питания в «гуляй-городе» уже начинался голод, и пяти-шести дней было бы достаточно, чтобы неприступное кольцо телег само начало рассыпаться. Однако ногайское войско, лишившееся командира, требовало немедленно освободить своего предводителя и не желало многодневной осады. Хану пришлось согласиться на штурм.

Решающая схватка произошла 11 августа. Крымцы и ногайцы атаковали «гуляй-город» и уже подошли вплотную к его стенам — как вдруг телеги с щитами разъехали в стороны и из середины грянул пушечно-ружейный залп. Конница отхлынула назад, но оттуда уже гремели выстрелы незаметно зашедшего в тыл русского полка. Потери были еще более ужасными, чем вчера: у Девлета Герая погибли сын и внук, а многие мирзы и простые воины были захвачены в плен.

В эти часы в ханской ставке допрашивали русского гонца, попавшего в руки крымских дозорных вместе с царской грамотой. В ней Иван извещал главного воеводу, что благополучно добрался до Новгорода и посылает оттуда к Москве многотысячную рать. Вывод был неутешителен: царь стал недосыгаем, ханская армия фактически обезглавлена, Крым потерял важнейших командиров и двух принцев-Гераяев, а теперь выясняется, что к врагу на подмогу спешит сильное войско...

На самом деле никакого войска к Оке не шло: гонец был специально подослан к хану, чтобы дезинформировать его — но, разумеется, крымский правитель об этом не знал. Хитроумный трюк удался: Девлет Герай решил отступить и, оставив на переправе 2 тысячи бойцов для прикрытия, повел свою армию прочь от Москвы.¹²¹

Вернувшись в Крым, Девлет Герай попытался возобновить переговоры с царем — но лучше бы он не делал этого, ибо, превратившись из победителя в просителя, хан лишь подрывал собственный авторитет. Девлет убеждал Ивана, что от обширной Московии не будет, если она поделится землями, и даже признавался, что ему стыдно перед султаном за свою неспособность спасти Волгу.¹²² Хан

уже не претендовал на Казань и соглашался довольствоваться одним Хаджи-Тарханом, но, конечно, и сам понимал, что просьбами делу не поможешь. Неудивительно, что Иван IV не обращал внимания на его доводы.

Более того, царь начал мстить Крыму и его союзникам: Тин-Ахмед сообщал в Бахчисарай, что астраханские казаки разграбили и сожгли ногайскую столицу Сарайчик, и сурово упрекал хана: «Нам теперь нигде нет пристанища — а ведь это ты подговорил нас к походу на Москву».¹²³ Будучи не в состоянии повредить хану собственными силами, Иван IV обратился к украинским казакам, подговаривая их нападать на Крымский Юрт и обещая свою всемерную поддержку. Днепровцев не пришлось долго упрашивать: их набеги на крымские пограничья стали ежегодными, а несколько раз им удалось прорваться и на сам полуостров, разорив ряд селений в Северном Крыму.¹²⁴ Ислям-Кермен вновь лежал в руинах, приднепровские равнины снова обезлюдели, а ханские сыновья стояли на подступах к Перекопу, перекрывая врагам дорогу на полуостров.

Ничего не вышло у Девлета Герая и с попытками спасти Деве-бея. Хан очень нуждался в его возвращении: многотысячные ногайские улусы, бежавшие в Крым из Поволжья, были беспокойным и трудноуправляемым сообществом, и держать их в повиновении умел один лишь Деве-бей, которого все Мангыты почитали едва ли не выше, чем самого хана. Эту нужду нельзя было показывать Ивану; и потому, прося царя об освобождении бея, Девлет Герай делал вид, что ничуть не заинтересован в его вызволении, и обращается лишь из сострадания к сыновьям Деве. Однако царь прекрасно знал, как трудно было хану управиться в Крыму без влиятельного соратника, и никуда не отпустил пленника. Вскоре Деве-бей, пребывавший в весьма почтенном возрасте, умер в плену: неволя окончательно подорвала силы старика.¹²⁵

Пора заметить, что и сам Девлет Герай был уже немолод: в год злощастной битвы он отметил свое шестидесятилетие. Девлета Герая покидали силы: в последнее время его стал терзать мучительный недуг, из-за которого хан порой не мог сидеть ни в седле, ни на троне; в такие дни страдальцу приходилось принимать послов полулежа, облокотившись на софу.¹²⁶

Смертный час хана пришел неожиданно: Девлет Герай случайно заразился чумой и умер весной 1577 года. Его похоронили в новом дюрбе, выстроенном в Бахчисарайском дворце.¹²⁷

В памяти крымцев Девлет Герай остался под прозвищем Тахт-Алган, что означает “Взявший Престол”. Поясняли, что это именование было дано хану в честь победы над Москвой,¹²⁸ однако я скорее соглашусь с теми, кто видит здесь память о дворцовом перевороте, приведшем Девлета Герая на ханский трон,¹²⁹ — ибо московский престол, несмотря на невероятную удачу, блеснувшую на миг для хана, в конечном итоге взят так и не был.

Девлет Герай — одна из парадоксальнейших личностей на крымском престоле. Известно, что он не слишком охотно предпринимал военные походы и больше ценил искусство тонкой дипломатической игры — однако прославился как один из наиболее воинственных правителей Крыма. Он признавался в своей бессилии справиться с Москвией — но одержал над ней такую победу, которой ни до, ни после него, не добивался ни один крымский хан (причем эта легко доставшаяся победа с легкостью же и ушла, ничего не принеся ни хану, ни Юрту). Девлет Герай разочаровывал подданных военными поражениями, бездеятельностью и неоправданным миролюбием, он вырвал из рук Престольный Край с Казанью, он допустил позор иноземного вторжения в Крым, беи устраивали против него заговоры, а султан покушался на его жизнь — и все же, несмотря на это, Девлет Герай удержался у власти более четверти века, пережив и своих беев, и Сулеймана, и Селима. А крымцы, чью приверженность Девлету сперва приходилось покупать за украденное у Сахиба золото, в конце его правления были готовы без всякой платы и даже без надежды на победу с отчаянной решимостью стоять за своего хана против всего мира.

Этот удивительный человек сумел найти такой способ управления своим государством, чтобы навсегда остаться в народной памяти не братоубийцей и неудачником, а одним из величайших правителей в истории страны.

...Вблизи от того места, где памятной ночью прибытия в Крым Девлет Герай спрыгнул с лодки на мокрый песок гёзлевского побережья, великим османским зодчим Ходжа-Синаном была построена мечеть.¹³⁰ С ее посещения начинали торжественное шествие в столицу все ханы, которым доводилось прибывать на родину морем из Турции через гёзлевский порт. Она стоит на прибрежной кромке крымских степей, словно отражение стамбульского великолепия по ту сторону моря. Не пепел Москвы и не руины Хаджи-Тархана, а прекрасный дом молитвы в Гёзлеве стал самым долговечным памятником хану, некогда силою взявшему дедовский престол.

- ¹ И. В. Зайцев, *Казанские посольства 1549 г.*, в кн.: И. В. Зайцев, *Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.)*, Москва 2004, с. 159-161.
- ² Х. Шерифи, *Зафер-наме-и вилайет-и Казан*, “Гасырлар авазы”, №1, 1995, с. 85.
- ³ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Москва 1991, с. 116-118.
- ⁴ Х. Шерифи, *Зафер-наме-и вилайет-и Казан*, с. 85-93.
- ⁵ *История о Казанском царстве (Казанский летописец)*, в *Полное собрание русских летописей*, т. XIX, Санкт-Петербург 1903, с. 323.
- ⁶ *История о Казанском царстве*, с. 324-326; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 134. Подозревали, что крымцы стремились, пока не поздно, бежать из обреченного города и спастись на родине. Это вполне возможно, но, с другой стороны, известно, что в Казани остались их семьи. Русское наступление еще не началось, и, стало быть, помех к вывозу семей не было — тем более, что Кунчек-оглан, в отличие от прочих, вывез свое семейство. Это может свидетельствовать, что крымская гвардия планировала вернуться в город.
- ⁷ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 135.
- ⁸ *История о Казанском царстве*, с. 336-350; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552): Internal and External Factors that Led to Its Conquest by Ivan the Terrible*, New York University 1984, р. 251-256. Место, где Сююн-бике прощалась с могилой своего мужа, названо в источнике «мечетью». Поскольку размещение могилы внутри здания мечети невозможно, речь может идти лишь о мавзолее (дюрбе), стоящем близ мечети.
- ⁹ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, Санкт-Петербург 1863, с. 399-402.
- ¹⁰ *История о Казанском царстве*, с. 354-367; М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 137-149, 169-170.
- ¹¹ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 172; J. Pelenski, *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438-1560s)*, The Hague – Paris, 1974, р. 261-262. Отемиш Герай (Александр Сафагиреевич) похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля — том самом соборе, который в начале XVI века строил и украшал архитектор Алевиз Новый, он же Алоизио Лабмерти да Монтаньяна, работавший в Крыму у Менгли Герая и создавший входной портал ханского дворца Девлет-Сарай (см. главу «Трон “повелителя мира”» в части II этой книги).
- ¹² В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 266; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, Москва 2004, с. 141.
- ¹³ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 241, 266; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 148-149.
- ¹⁴ Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. II, т. VIII, Санкт-Петербург 1842, с. 90-92; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, Москва 1867, с. 84-85.
- ¹⁵ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 150-155; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan*, р. 299. О ходе взятия Казани см.: *История о Казанском царстве*, с. 396-466; Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. II, т. VIII, с. 96-115; Sh. Daulet, *The Rise and Fall of the Khanate of Kazan*, р. 278-302. Хан Едигер остался в живых, был схвачен и приведен к Ивану. Он спас свою жизнь, обратившись в православие. Переименованный в Симеона Касаевича, Едигер прожил при московском дворе еще 13 лет (М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 172-173; J. Pelenski, *Russia and Kazan*, р. 262-264).
- ¹⁶ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 95; *История о Казанском царстве*, с. 471-474.
- ¹⁷ A. Bennigsen, Ch. Lemercier-Quelquejay, *La Grande Horde Nogay et le probleme des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552-1556*, “Turcica. Revue d'etudes turcques”, vol. VIII, nr. 2, 1976, р. 213;
- ¹⁸ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 155-159.

- ¹⁹ И. Масса, *Краткое известие о Московии в начале XVII в.*, Москва 1936, с. 25; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 143, 147-148.
- ²⁰ “Нурэддин” — один из высших титулов в Ногайской Орде, означал главу западной части ногайских кочевий (В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 196). Впоследствии этот титул был позаимствован Крымским ханством, где стал означать второго, после калги, наследника ханского престола (см. ниже в части VII этой книги).
- ²¹ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 296.
- ²² А. Bennigsen, Ch. Lemerquier-Quellejeau, *La Grande Horde Nogay*, p. 219; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 251б прим. 11.
- ²³ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VIII, с. 136, прим. 406; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 151-152.
- ²⁴ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 267.
- ²⁵ И. Масса, *Краткое известие о Московии в начале XVII в.*, с. 25; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VIII, с. 136-137; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 152-160.
- ²⁶ В. В. Трепавлов, *Малая Ногайская орда. Очерк истории*, в кн.: *Туркологический сборник, 2003–2004: Туркские народы в древности и средневековье*, Москва 2005, с. 273–280.
- ²⁷ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 305-306.
- ²⁸ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*. — Москва-Ленинград, 1948, с. 16.
- ²⁹ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, 1948, с. 16. В Улусе Гази гостили и семьи взрослых сыновей Девлета Герая: так, в Малой Ногайской Орде родился Саадет Герай (будущий хан Саадет II Герай), внук Девлета Герая от его старшего сына Мехмеда (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 130).
- “Аталык” — воспитатель ханских детей. В Крыму существовал обычай (соблюдавшийся, впрочем не всегда) направлять малолетних ханских сыновей на воспитание в семьи доверенных лиц — чаще всего, к черкесским князьям племени Беслене и Жане, которые давали ханским наследникам хорошую военную подготовку (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 17, прим. 3; Хюсейн Хезарфенн, *Изложение сути законов Османской династии*, в кн. *Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура*, Москва 1990, с. 268; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and The Caucasus*, New York 1972, p. 25-26). Воспитатель назывался “аталыком” или “атабеком”, а его дети, росшие вместе с крымским принцем — “эмельдешами” (“молочными братьями”). После того, как крымский воспитанник возвращался к своему отцу, его связи с аталыком и эмельдешами сохранялись всю жизнь и считались не менее прочными, чем родственные; аталыки нередко выступают как особо приближенные советники ханов. Аталычество не было исключительной привилегией черкесов: ханскими аталыками могли быть и представители крымскотатарской — очевидно, не родовой а служилой — знати (*Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией*, т. I, “Сборник императорского Русского исторического общества”, т. XLI, 1884, с. 273; М. Броневский, *Описание Крыма*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. VI, 1867, с. 354). При Девлете Герае к воспитанию ханских детей была привлечена малоногайская аристократия. Имеются сведения о пребывании ханских сыновей (напр., Адиля Герая) в семьях кумыкских беев.
- ³⁰ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 297-298; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 167-168; *Львовская летопись*, ч. II, в *Полное собрание русских летописей*, т. XX, Санкт-Петербург 1914, с. 551.
- ³¹ *Львовская летопись*, ч. II, с. 568; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 167-169.
- ³² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 112-113; ; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 168.
- ³³ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 111-112; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 298-299.

³⁴ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VIII, прим. 412; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 113-114; И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 169-170.

³⁵ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 115.

³⁶ «Белый царь» — титул, которым ногайская знать с середины XVI века называла правителя Московии (впоследствии этот титул вплоть до начала XX в. употреблялся для обозначения русских царей у целого ряда центральноазиатских народов). Происхождение титула связывается с системой географических представлений центральноазиатских кочевников, где белый цвет символизировал Запад (В. В. Трепавлов, *Статус “Белого царя”*: Москва и татарские ханства в XV-XVI вв., в кн.: *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*, Москва 1993, с. 302-311; В. В. Трепавлов, *Белый падишах*, “Родина”, №12, 2003, с. 72-73).

³⁷ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 295-296.

³⁸ *Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордями и с Турцией*, т. II, “Сборник императорского Русского исторического общества”, т. XCV, 1895, с. 377.

Говоря об отсутствии экономической заинтересованности крымских ханов в достижении династического верховенства над государствами-наследниками Улуса Бату, следует учитывать, что у этой заинтересованности было иное веское обоснование: обеспечение безопасности Крыма. Как показывает ход всех вышеописанных событий, восточные соседи Крымского Юрта (вначале Сарай, затем — Ногайская Орда и Хаджи-Тархан) долго представляли серьезную угрозу для государства Гераев. Не имея возможности держать эти обширные области под прямым военным контролем, крымские ханы стремились обеспечить свою безопасность «монгольскими методами контроля над степью посредством племенной лояльности» (С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and The Caucasus*, New York 1972, p. 115) — то есть, пытались привести эти государства в свой формальный вассалитет, что рассматривалось как средство обеспечить Крыму мир с их стороны. Важнейшей задачей Гераев было добиться признания себя как династии общеордынских правителей, поскольку освященный джучидскими традициями статус верховного хана обеспечивал правителю непререкаемый авторитет и, как следствие, мир со всеми его вассалами. См. С. G. Kennedy, *The Juchids of Muscovy: A Study of Personal Ties Between Émigré Tatar Dynasts and the Muscovite Grand Princes in the Fifteenth and Sixteenth Century*, Harvard University 1994, p. 167. Это, по моему мнению, было главным мотивом борьбы Гераев за «наследство Великого Улуса».

³⁹ В. Е. Сыроечковский, *Мухаммед-Герай и его вассалы*, “Ученые записки Московского государственного университета”, вып. 61, 1940, с. 32.

⁴⁰ В 1488 году предводитель крымских Мангытов Джан-Куват (племянник ордынского бея Темира Мангыта) писал Ивану III: «Как ты относился к дяде нашему, Темиру [так относись теперь и к нам, поскольку] и мы теперь на том же юрте, что и он. А сверх того, пусть бы он [великий князь] посчитался со мною годами: если он окажется старше меня, то он будет мне старшим братом, а если я его младше, то я буду младшим братом» (*Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 74). Темир Мангыт, о котором шла речь в письме, считался старше Ивана III: в переписке между ними бей именовался «отцом», а великий князь называл себя «сыном» (*Памятники дипломатических сношений*, т. I, с. 180, 518). См. также: В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 628-630.

⁴¹ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*, т. III, “Сборник императорского Русского исторического общества”, т. LXXI, 1892, с. 45; А. Л. Хорошкевич, *Царский титул Ивана IV и боярский “мятеж” 1553 года*, “Отечественная история”, №3, 1994, с. 26; К. Ерусалимский, *Представления Андрея Михайловича Курбского о княжеской власти и русских князьях IX – середины XVI вв.*, “Соціум. Альманах соціальної історії”, вип. 4, 2004, с. 90. Германским императором назван правитель «Священной Римской империи германской нации» — государственного образования, существовавшего в Европе с 962 по 1806 г. и объединявшего несколько королевств и герцогств, множество мелких княжеств, графств и т. д., в большинстве своем немецких.

⁴² В отношениях с восточными соседями Иван IV использовал титул “uluğ han” — т.е. “великий (верховный) хан” (Г. Иналджик, *Боротьба за Східно-Європейську імперію. 1400-1700 рр. Кримський*

ханат, османи та піднесення Російської імперії, “Україна в Центрально-Східній Європі”, вип. 2, 2003, с. 123).

⁴³ Матерью Ивана IV была Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора. Это родство по женской линии не давало Ивану права наследования царского (императорского) титула византийских правителей. Потому для официального обоснования царского титула Ивана IV московскими книжниками была составлена легенда о происхождении рода великих князей непосредственно от императоров Древнего Рима. Этой легендой московский двор пользовался как аргументом в спорах с европейскими дипломатами, отрицавшими законность принятия Иваном IV титула царя (Р. П. Дмитриева, *Сказание о князьях владимирских*, Москва – Ленинград 1955, с. 162-168; К. Ю. Ерусалимский, *История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в.*, Москва 2005, с. 29, 43, 45; А. А. Горский, *О титуле “царь” в средневековой Руси (до середины XVI в.)*, в кн. *Одиссей. Человек в истории*, Москва 1996, с. 210).

⁴⁴ J. Pelenski, *Russia and Kazan*, p. 225-226, 298-300; H. İnalçık, *Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature*, in *Passé turco-tatar, présent soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen*, Paris 1986, p. 181, 183; М. Чернявский, *Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории*, в кн. *Из истории русской культуры*, т. II, кн. 1, Москва 2002, с. 454. См. также: С. G. Kennedy, *The Juchids of Muscovy*, p. 113-151.

⁴⁵ В. В. Трепавлов, *Белый падишах*, с. 72-73. В. В. Трепавлов, *Статус “Белого царя”*, с. 302-311.

⁴⁶ М. Khodarkovsky, *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*, Bloomington 2002, p.40, 44-45.

⁴⁷ И. В. Зайцев, *Астраханское ханство*, с. 164.

⁴⁸ *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым*, вып. 1 (1578-1613 гг.), “Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете”, кн. III, 1888, с. xxxv-xlvi; A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La poussée vers les mers chaudes et la barrière du Caucase. La rivalité Ottomano-Moscovite dans le seconde moitié du XVIe siècle*, “Journal of Turkish Studies”, vol. 10, 1986, p. 16-17; А. М. Некрасов, *Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.)*, Москва 1990, с. 122.

⁴⁹ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VIII, с. 147-149; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 118-119; В. В. Каргалов, *На степной границе (оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия)*, Москва 1974, с. 133-137; А. Ф. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. I, 1844, с. 385; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.*, Москва 2005, с. 320-321; Халим Герай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 37. Ханский сын Мехмед, спасший положение, — будущий хан Мехмед II Герай.

⁵⁰ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 304.

⁵¹ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 304.

⁵² Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VIII, с. 155; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 424.

⁵³ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VIII, с. 154; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 120; Ch. Lemerrier-Quelquejay, *Un condotierre lithuanien du XVIe siècle le prince Dimitrij Wišneveckij et l'origine de la Seč Zaporogue d'après les archives ottomanes*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. X, 1969, p. 266; В. В. Каргалов, *На степной границе*, с. 141-142.

⁵⁴ Б. Н. Флоря, *Проект антитурецкой коалиции середины XVI в.*, в кн. *Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв.*, Москва 1979, с. 73.

⁵⁵ А. Лызлов, *Скифская история*, Москва 1787, с. 58-59; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 122-123; Ch. Lemerrier-Quelquejay, *Un condotierre lithuanien du XVIe siècle*, p. 266; В. В. Каргалов, *На степной границе*, с. 144-147.

- ⁵⁶ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. II, т. VIII, с. 180-181; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 123-124.
- ⁵⁷ Ch. Lemerrier-Quellejeay, *Un condotierre lithuanien du XVIe siècle*, p. 268-272; Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Volga-Don Canal (1569)*, "Ankara Üniversitesi Yılığı", vol. I, 1947, p. 63-64; *Сношения России с Кавказом*, с. xlvi-xlvii; В. В. Каргалов, *На степной границе*, с. 143-144.
- ⁵⁸ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 304.
- ⁵⁹ Ch. Lemerrier-Quellejeay, *Un condotierre lithuanien du XVIe siècle*, p. 275.
- ⁶⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 125.
- ⁶¹ Ливония — историческая область, включавшая земли современных Латвии и Эстонии. В середине XVI века эта территория управлялась немецким Ливонским орденом.
- ⁶² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 249.
- ⁶³ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 250.
- ⁶⁴ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 19; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 256.
- ⁶⁵ С. Сестрэнцевич-Богущ, *История Царства Херсонеса Таврийского*, т. II, Санкт-Петербург 1806, с. 290.
- ⁶⁶ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, "Исторические записки", №22, 1947, с. 145; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 24.
- ⁶⁷ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 20.
- ⁶⁸ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 254; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 20-21.
- ⁶⁹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 257. К тому времени Шах-Али, владевший Касимовым, умер, и Иван предлагал Девлету Гераю женить кого-нибудь из ханских сыновей или внуков на его родственнице (Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. IX, Санкт-Петербург 1843, с. 66; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, с. 486).
- ⁷⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 254-255; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 24, 27; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XIV-XVII вв.*, "Ученые записки Московского государственного университета", вып. 94, 1946, с. 94; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 351-353.
- ⁷¹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 253, 257.
- ⁷² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 257.
- ⁷³ Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 68; A. N. Kurat, *The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal*, "The Slavonic and East European Review", vol. 40, 1961-1962, p. 12-15; A. Bennigsen, *L'expédition turque contre Astrakhan en 1569*, "Cahiers du monde russe et soviétique", vol. VIII, nr. 3, 1967, p. 432, 433; H. C. d'Encausse, *Les routes commerciales de l'Asie centrale et les tentatives de reconquête d'Astrakhan*, "Cahiers du monde russe et soviétique", vol. XI, nr. 3, 1970, p. 410; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 142, 146; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 94-95.
- ⁷⁴ О. Акчокракли, *Про перший проект споруди Волго-Донського каналу у XVI сторіччі*, "Східний світ", №2, 1928, с. 188-189; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 324; Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 72; A. N. Kurat, *The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569*, p. 14.
- ⁷⁵ *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию (1570)*, в кн.: *Записки русских путешественников XVI-XVII вв.*, Москва 1988, с. 204; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XIV-XVII вв.*, с. 100; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 142.
- ⁷⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 325.
- ⁷⁷ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 252; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 143

⁷⁸ Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 73-75; А. N. Kurat, *The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569*, p. 15; А. Bennigsen, *L'expédition turque contre Astrakhan*, p. 433-434; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 94-95.

⁷⁹ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 257; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 95; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 147.

Крым-Гирей был племянником хаджи-тарханского хана Ак-Копека и близкого родства с крымской династией не имел. Известно, что еще в 1552 году он вел переговоры с московским двором о поступлении на службу к царю. Результат этих переговоров и дальнейшая судьба Крым-Гирея неизвестны (С. G. Kennedy, *The Juchids of Muscovy*, p. 120), но появление его имени в связи с волжской кампанией 1569 г. позволяет предполагать, что после падения Хаджи-Тархана он переехал в Стамбул вслед за своими родичами, последними хаджи-тарханскими ханами Ямгурчи и Дервиш-Али (А. N. Kurat, *The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569*, p. 12).

В связи с упоминанием Крым-Гирея представляется уместным пояснить особенности употребления в этой книге династического именованья крымских ханов. Оно происходит от личного имени “کرای”, которое было распространено среди тюркских народов и время от времени встречается в самых разных источниках. В период, рассматриваемый в этой книге, такое имя носили, помимо упомянутого хаджи-тарханского султана, ширинский бей (Кутлу-Гирей), сибирский султан (Ахмед-Гирей), казахский хан (Гирей), кумыкский шамхал (Гирей), приближенные Менгли Герая (Кирей и Кирей-Сеит). Это далеко не полный список Гиреев, которые не принадлежали к ханской династии Крыма. Во всех подобных случаях это имя выступает не как родовое, а как индивидуальное, принадлежащее конкретному человеку и не передававшееся по наследству.

Вероятно, именно в качестве личного имени имя “کرای” было дано и Хаджи Гераю, сыну Гияс-эд-Дина. Ни один из его сыновей впоследствии “Гераям” не звался — за исключением Менгли, который сделал личное имя отца родовым именованьем, присоединив его к собственному имени и именам своих потомков. С тех пор, как известно, каждый представитель ханского рода носил именованье, состоящее из индивидуального и родового компонентов. Разница в смысловой нагрузке обоих компонентов делает, на мой взгляд, более верным их написание без дефиса и склонение каждого из них по отдельности (согласно правилам, применяемым к прочим двучленным именованьям из личного и фамильного имен). Те имена, в которых компонент “Гирей” используется как составная часть индивидуального имени, мне представляется уместным писать через дефис, как составные имена (“Крым-Гирей”, “Кутлу-Гирей” и т. д.).

Наконец, следует сказать и о произношении имени “کرای”. В различных тюркских языках огласовка приведенного арабского начертания неодинакова. В языках кыпчакской группы (как, например, в языке тюрок Золотой Орды) его чтение приближалось к “Кирей” / “Гирей”, тогда как в языке османской Турции — к “Гирай” / “Герай”. При попытках выяснить, какой из этих двух вариантов употреблялся в самом Крыму (по крайней мере, в языке его официального делопроизводства), напрашивается предположение о том, что изначально в употреблении бытовал архаичный кыпчакизированный вариант “Гирей”, который со временем (предположительно, с середины XVI века) сменился более поздним османизированным “Гирай”. Детальное рассмотрение этого вопроса — предмет отдельного научного исследования с привлечением широкого обзора источникового материала и надлежащим аппаратом ссылок; здесь же в качестве краткого комментария приведу лишь основные тезисы.

Язык памятников письменности, созданных в Крымском Юрте на раннем этапе его существования (XV – первая половина XVI веков), обнаруживает заметное влияние кыпчакских наречий. Это влияние, вероятно, определяло нормативную форму огласовки написания “کرای” как “Гирей”. Впоследствии, по мере внедрения в крымское делопроизводство традиций, позаимствованных из османской среды, наблюдается и постепенная османизация языка ханских документов, что становится заметным к середине XVI столетия. По мере введения османской лексики, вероятно, входила в практику и характерная для османского произношения огласовка слов: в этом случае ханское именованье должно было зазвучать на новый манер: “Гирай”.

Основание к такому предположению, на мой взгляд, дает то разнообразие форм ханского родового имени, которое зафиксировано в иностранных источниках латинской либо кириллической графикой, которая — в отличие от арабской — не оставляет сомнений в принятой на тот момент огласовке. Здесь наблюдается примечательная закономерность: письменные памятники ближайших соседей Крыма, установивших политические контакты с ним еще в XV столетии (Литва, Польша, Московия, Генуя), согласно транскрибируют имя “کرای” как “Кирей”, “Кгирей”, “Гирей”, “Kirei”, “Girej”, “Gierej”, “Gerej”, “Charei”, “Carei” и т.п. (порою слитно с личным именем). Близкие варианты подают и европейские

путешественники, побывавшие в Крыму в ту эпоху и имевшие возможность зафиксировать оригинальное звучание имени.

В то же время, в документах более поздних внешнеполитических партнеров Крымского ханства, (Швеции, Дании, Франции и других западноевропейских стран, установивших контакты с Крымом в конце XVI — начале XVIII столетий) чаще встречаются формы наподобие “Gerai”, “Girai”, “Gheray”, “Guerau”, “Guiray” и др. Европейцы, посетившие Крым в этот период, по преимуществу воспроизводят формы, более или менее схожие с “Giray”.

Эта разница в передаче ханского родового имени может отражать изменения, происходившие в живой практике крымскотатарского языка: впервые устанавливая контакты с Крымом, дипломатия иностранных государств фиксировала и навсегда усваивала те формы, которые были в ходу на тот момент. Эти формы впоследствии и вошли в современные литературные языки (“Girej” / “Гирей” в Центральной и Восточной Европе и “Giray” — в Западной).

В этой книге для передачи родового имени крымской династии я употребляю форму “Герай”, которую филолог-османист конца XIX столетия В. Д. Смирнов предложил как наиболее отвечающую эталонному османскому произношению. В свете вышевысказанных соображений применение этой формы для передачи имен ханов XV и начала XVI столетий может выглядеть своего рода анахроничной ретроспективной экстраполяцией, однако вариант Смирнова за минувшее столетие уже и сам приобрел черты традиционности, будучи принят к использованию в ряде русскоязычных научных работ прошлых десятилетий и отражен в энциклопедиях как альтернативная форма к более распространенному русскому “Гирей”.

⁸⁰ Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 95, 96; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 257-258; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами...*, с. 430; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 150.

⁸¹ A. Bennigsen, *L'expédition turque contre Astrakhan*, p. 433; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 97; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 151.

⁸² Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 96.

⁸³ J. Taranowski, *Krótkie wypisanie drogi z Polski do Konstantynopolia, a z tamtąd zaś do Astrachania, zamku moskiewskiego, który leży na wschód słońca ku granicom perskim. Przytem jako wojsko tureckie, które jeździło pod Astrachan roku 1569, zginęło. Te wszystko przez p. Jędrzeja Taranowskiego, komornika króla j. m., który tam wszędy zjeździł, od j. królewskiej m. posłany będąc, wypisano*, w: *Podroże i poselstwa polskie do Turcji*, wyd. K. J. Turowski, Kraków 1860, s. 48 (на основе этого документа в конце XVII было составлено русское описание событий, незначительно отличающееся от оригинала в деталях, см. *История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. VIII, 1872); *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 190; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 109-110; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 154-155; A. Bennigsen, *L'expédition turque contre Astrakhan*, p. 435; H. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 78, n. 131.

⁸⁴ T. Gökbilgin, *L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XI, nr. 1, 1970, p. 120.

⁸⁵ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 155; J. Taranowski, *Krótkie wypisanie drogi z Polski do Konstantynopolia*, s. 49-50.

⁸⁶ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 155.

⁸⁷ T. Gökbilgin, *L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569*, p. 123; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 155; J. Taranowski, *Krótkie wypisanie drogi z Polski do Konstantynopolia*, s. 50; *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 190.

⁸⁸ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 155.

⁸⁹ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 156; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 351.

⁹⁰ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 149; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 351.

- ⁹¹ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 156.
- ⁹² *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 205-206, 207; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 156
- ⁹³ Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 113; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 156; Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 81-83.
- ⁹⁴ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 156, 157.
- ⁹⁵ П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 157; J. Taranowski, *Krótkie wypisanie drogi z Polski do Konstantynopolia*, s. 56; Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 85; A. N. Kurat, *The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569*, p. 21.
- ⁹⁶ J. Taranowski, *Krótkie wypisanie drogi z Polski do Konstantynopolia*, s. 56-60.
- ⁹⁷ *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 191; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань 1569 г.*, с. 157; Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 83.
- ⁹⁸ *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 206-207.
- ⁹⁹ Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 116; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 27.
- ¹⁰⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 261.
- ¹⁰¹ *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 194; Н. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 88-89
- ¹⁰² Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, с. 92.
- ¹⁰³ *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 207. Надо сказать, что Девлет Герай имел все основания придерживаться такого мнения. Хотя Османы, создатели одной из могущественнейших империй, обладали, по сравнению с Гераями, гораздо большей военной силой и вытекающим из нее международным авторитетом, в династическом отношении Гераи превосходили их знатностью происхождения: родоначальником турецкой династии был анатолийский эмир Осман-Гази, тогда как далеким предком Гераев был сам «Потрясатель Вселенной» — Чингиз-хан. Подобное же отношение к султанской фамилии впоследствии высказывал и сын Девлета, Гази II Герай (см. Примечание 85 в части IX этой книги).
- ¹⁰⁴ *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию*, с. 216.
- ¹⁰⁵ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 26.
- ¹⁰⁶ *Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе*, «Русский исторический журнал», кн. 8, 1922, с. 52; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 279.
- ¹⁰⁷ А. Гваньини, *Описание Московии*, Москва 1997, с. 113-119; *Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе*, с. 48-51; Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*, Ленинград 1925, с. 90-91; Дж. Горсей, *Записки о России XVI-начала XVII вв.*, Москва 1991, с. 54-55; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. IX, с. 85-89; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 202-205.
- ¹⁰⁸ А. Гваньини, *Описание Московии*, с. 130-135; *Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе*, с. 51; Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного*, с. 92; Дж. Горсей, *Записки о России*, с. 55; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. IX, с. 91-97; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 205-206.
- ¹⁰⁹ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. IX, прим. 352.
- ¹¹⁰ *Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе*, с. 52-53; Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного*, с. 106-110; Дж. Флетчер, *О государстве русском*, Москва 2002, с. 101-102; Дж. Горсей, *Записки о России*, с. 56-57; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, с. 106-108; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 264.

¹¹¹ С. М. Соловьев говорил о 3 часах, за которые сгорел город (С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 264). Современники событий указывали и иные цифры: 4 часа (Дж. Флетчер, *О государстве русском*, с. 101); 6 часов (Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного*, с. 106; Дж. Горсей, *Записки о России*, с. 56) и даже 3 дня (*Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе*, с. 53).

¹¹² Красочный эпизод с ножом толковался современниками по-разному. Джером Горси передает слова ханского посла так: «Великий царь всех земель и ханств, да осветит солнце его дни, послал к нему, Ивану Васильевичу, его вассалу и великому князю всея Руси, с его дозволения, узнать, как ему пришлось по душе наказание мечом, огнем и голодом, от которого он посылает ему избавление (тут посол вытащил грязный острый нож), — этим ножом пусть царь перережет себе горло» (Дж. Горсей, *Записки о России*, с. 58). Джильс Флетчер придает событию то же значение, но излагает его менее подробно: «Крымский хан возвратился домой со своим войском и прислал (как мне говорили) русскому царю нож, чтобы он зарезал себя после такой потери и в таком отчаянии» (Дж. Флетчер, *О государстве русском*, с. 102). Иоганн Таубе и Элерт Крузе, напротив, интерпретируют подарок как примирительный шаг (не лишенный, впрочем, насмешливой иронии): «После нескольких дней пути, отправил он [гонца] к великому князю и послал длинный нож в знак уважения и велел сообщить ему, что великий князь не должен гневаться за то, что он ему причинил, и не бояться, ибо он снова скоро вернется» (*Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе*, с. 54). В том же примирительном ключе толкует эпизод и Н. М. Карамзин (очевидно, на основании русских источников): «Так говорит тебе царь наш: мы назывались друзьями; ныне стали неприятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань с Астраханью: тогда усердно пойду на врагов твоих». Сказав, гонец явил дары ханские: нож, окованный золотом, и примолвил: “Девлет-Гирей носил его на бедре своей; носи и ты. Государь мой еще хотел послать тебе коня; но кони наши утомились в земле твоей”» (Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. IX, с. 108-109).

Описание Горси отличается от параллельных ему источников наибольшей детальностью; ему и отдано предпочтение в тексте. В целом же, мотив о ноже как подарке побежденному врагу является распространенным фольклорным сюжетом.

¹¹³ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 264-265. Если эта изложенная в русских источниках цитата является верной передачей слов Девлета Герая, то фраза «А еще похваляешься, что я, дескать, московский государь!» может являться отголоском спора о статусе правителя Московии. По всей видимости, Девлет Герай упрекает Ивана не столько в личном малодушии, сколько в неадекватности подобного поведения царскому титулу, который Иван присвоил себе. Можно предполагать, что изначальная фраза хана звучала наподобие: «А еще похваляешься, что я, дескать, московский падишах!». (Перевод слова «падишах» как «государь» был стандартной практикой в дипломатической переписке Крыма и Москвы — см., напр., С. Ф. Фаизов, *Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654-1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперяславского времени*, Москва 2003, с. 80, 87, 116, 124, 136, 142).

¹¹⁴ Ch. Lemerçier-Quellejey, *Les expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572*, “Cahiers du monde russe et soviétique”, vol. XIII, nr. 4, 1972, p. 557-558.

¹¹⁵ A. Bennigsen, *L'expédition turque contre Astrakhan en 1569*, p. 443; H. İnalçık, *Power Relationships Between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire*, p. 192-195; A. Fisher, *Crimean Separatism in the Ottoman Empire*, in *Nationalism in a Non-National State. The Dissolution of the Ottoman Empire*, Columbus 1977, p. 65.

¹¹⁶ В. И. Буганов, *Документы о сражении при Молодях в 1572 г.*, “Исторический архив”, №4, 1959, с. 182.

¹¹⁷ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 265.

¹¹⁸ Ch. Lemerçier-Quellejey, *Les expéditions de Devlet Girây contre Moscou*, p. 558; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 353.

¹¹⁹ Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного*, с. 111-112, 115.

¹²⁰ Русский «гуляй-город» был подобием сооружения, которое в европейских армиях называлось «вагенбург» или «табор». Телеги и возы ставились в широкий круг или каре, связывались одна с другой и нагружались мешками с песком либо укреплялись деревянными щитами. Такое сооружение, хорошо

защищавшее от стрел и пуль небольшого калибра, могло передвигаться вместе с находящимися внутри людьми. Стреляя в противника из ружей и укрываясь за щитами от ответных выстрелов, отряд в таборе мог справиться с десятикратным превосходящим числом конных лучников.

¹²¹ В. И. Буганов, *Документы о сражении при Молодях*, с. 179-182; *Московский летописец*, в кн. *Полное собрание русских летописей*, т. XXXIV, Москва 1978, с. 224-225; Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного*, с. 110-112; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 391.

¹²² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VI, с. 267.

¹²³ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 354.

¹²⁴ С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, "Південна Україна", вип. 5, 1999, с. 192-193; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 30.

¹²⁵ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 361-362; С. Ю. Шокарев, *Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI в.*, в кн. *Москва-Крым*, вып. 1, Москва 2000, с. 151

¹²⁶ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 26.

¹²⁷ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 327; Халим Герай. *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 38. Дюрбе Девлета I Герая сохранилось в Ханском дворце до наших дней. Этот тот из двух мавзолеев Ханского кладбища, что стоит ближе к стене мечети («северное дюрбе»). Надгробного памятника Девлета Герая в мавзолее не сохранилось. Судя по поздним табличкам на захоронениях, уже к середине XIX века служителями кладбища было забыто, под которым из нескольких стоявших в мавзолее деревянных саркофагов находилась могила Девлета I Герая. В послереволюционный период деревянные саркофаги в мавзолее были уничтожены (см. О. Гайворонский, *Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце*, Симферополь 2006, с. 6-7, 14-17).

¹²⁸ Халим Герай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 38; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 321.

¹²⁹ М. М. Чореф, *К биографии Девлет Гирая I*, "Историческое наследие Крыма", вып. 15, 2006, с. 22.

¹³⁰ Точную дату постройки Ханской мечети в Гёзлеве определить сложно. Арабиграфическая надпись, находящаяся на перемещенном мраморном фризе над входом в мечеть, несет имя Девлета Герая и дату постройки — однако тот факт, что дата указана от Рождества Христова ("١٥٥٢" — "1552"), ясно указывает, что надпись создана в российскую эпоху (в пользу чего свидетельствует также стилистика шрифта) и, в лучшем случае, является вольным переложением более ранней надписи. Это, впрочем, не дает оснований сомневаться, что постройку здания действительно следует отнести к правлению Девлета I Герая. Существуют сведения о том, что строительство мечети было закончено в 1564 году при преемнике Девлета I Герая, Мехмеде II Герае (А. Х. Стевен, *Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической Губернии*, "Известия Таврической ученой архивной комиссии", №13, 1891, с. 50). См. также научно-популярный очерк о Ханской мечети в кн.: В. С. Драчук, Я. Б. Кара, Ю. В. Челышев, *Керкинида — Гёзлёв — Евпатория*, Симферополь 1977, с. 63-69.

Вплоть до начала XX века при мечети хранился некий ярлык, касавшийся передачи мечети в наследственное управление определенному семейству настоятелей. Как говорится во многих описаниях XIX века, после Девлета I Герая этот ярлык был подтвержден и подписан «всеми 18 ханами, царствовавшими с тех пор до Шагин-Гирая» (см. подборку свидетельств в кн.: П. Чепурина, *Евпаторийская Ханская Мечеть Джума-Джами (Хан-Джами)*, Евпатория 1927, с. 6-8). Утверждения о том, что ярлык был подписан всеми правившими с тех пор в Крыму ханами, ошибочны, поскольку между Девлетом I Гераем и Шахином Гераем царствовало не 17, а 36 ханов, — тем не менее, отраженный во многих источниках факт существования ярлыка несомненен. Прискорбно, что эта уникальная коллекция автографов крымских правителей бесследно исчезла в советское время.

محمد کرای

Часть VII

Мехмед II Герай

1577-1584

ХОЛМЫ ШИРВАНА

Ханом становится Мехмед II Герай —

Его отношения с братьями —

*Хан отправляет братьев на помощь османским войскам в Иран —
Крымское войско в Ширване, плен и гибель Адилья Герая, прибытие хана
на фронт — Возвращение Мехмеда II Герая
в Крым вопреки воле османов*

(1577-1579)

Долгое царствование Девлета Герая завершилось, и крымскому венцу предстояло перейти в руки следующего поколения правителей.

В войнах с Московией Девлет Герай потерял трех сыновей, но оставалось еще семеро: Мехмед, Адиль, Алп, Гази, Фетх, Мубарек и Селямет. Хан мог по праву гордиться своими сыновьями — и в то же время с тревогой предвидел, что после его кончины этому созвездию блистательных принцев будет трудно ужиться в мире. Утешало, по крайней мере, то, что преемник престола был определен заранее и права его были неоспоримы и по ордынским, и по османским канонам: за отсутствием у Девлета братьев, трон должен был перейти к старшему сыну хана, 45-летнему калге Мехмеду Гераю.

Мехмед был прирожденным правителем. Его царственная натура дополнялась внушительной внешностью: под весом громадной фигуры Мехмеда подгибались ноги даже у самых сильных степных жеребцов (недаром новый хан носил прозвище Семиз — «Тучный»). Будучи слишком грузен для верховой езды, Мехмед Герай предпочитал перемещаться в повозке, запряженной шестью или восемью лошадьми¹ — однако это ничуть не помешало ему в свое время отлично изучить дороги к Хаджи-Тархану, Москве и к Волыни, пройденные им в боевых походах вместе с отцом и братьями. В 60-х годах Мехмед Герай побывал даже в Венгрии, где воевал по приглашению султана, а в Крыму до сих пор помнили о его первом подвиге, когда молодой Мехмед спас ханское войско из опасной переделки под Тулой. Словом, старший ханский наследник был на хорошем счету и на родине, и в Стамбуле, и крымцы уже давно привыкли видеть в калге своего будущего повелителя.

Адиль Герай, получивший при новом хане пост калги, был лишь немногим младше Мехмеда. Он пользовался не меньшей популярностью в народе и тоже прославился в отцовских походах.² Не совсем ясно, что стало причиной его ссоры со старшим братом: то ли Адиль Герай покусился на законные права Мехмеда Герая, то ли сам Мехмед задумал заранее отстранить его от влияния, но между ними еще при жизни отца разгорелась нешуточная вражда. Адиль Герай удалился за пределы полуострова и поселился к востоку от Перекопа, на берегах реки Кальмиус, где построил себе дворец под названием Болы-Сарай и укрепился в нем.³ Здесь он окружил себя ногайцами, прибывавшими в крымские пределы из степей Поволжья. Незадолго до смерти Девлет Герай заставил сыновей примириться — но этот вынужденный мир оказался непрочен. Возвращаться в Крым Адиль Герай не пожелал и по-прежнему оставался в Болы-Сарае. Силы его с каждым годом росли за счет ногайских переселенцев. Все это очень напоминало историю с Ислямом I, и хану следовало всеми силами предотвратить ее повторение.

После того, как Девлет Герай умер, его наследников больше некому было мирить; им предстояло править страной самостоятельно — а время было тревожное и требующее зоркого наблюдения по всему кругу крымских рубежей.

С самого начала своего правления Мехмед II Герай недвусмысленно заявил соседям, что внешняя политика Великого Улуса остается неизменной. Мехмед II напомнил правителям Московии и Польши, что те сильно задолжали с традиционными выплатами хану. Северные соседи не возражали против того, чтобы отсчитать положенную сумму: они как раз готовились к очередному витку войны между собой и нуждались в крымской поддержке. Иван Грозный прислал Мехмеду Гераю щедрые дары, пытался польстить ему смиренноречием и даже «челобитием» в своих письмах — лишь бы хан направил войска на Польшу. Мехмед II не отверг его предложения, но потребовал соответствующей награды: за совместную победу над королем царь должен был отдать хану Престольный Край, как обещал когда-то его отцу.⁴

Так Иван IV убедился, что Мехмед ни на шаг не отступит от курса Девлета, а хан, получив от Москвы отказ, заключил союз с Польшей. К тому были веские причины: во-первых, новый польский король Стефан Баторий считался сторонником мира с Турцией и Крымом, а во-вторых, в последние годы правления Девлета Герая Крым подвергся усиленным набегам украинских казаков. Мир с королем позволял рассчитывать, что Стефан запретит казакам громить Крымский Юрт — со своей же стороны Мехмед Герай обещал, что удержит своих подданных от набегов на польскую Украину. Впрочем, не все здесь зависело от Стефана: днепровские казаки ходили на Крым не столько по приказу короля, сколько по собственной воле, а порой и по просьбе Москвы, которая всячески поощряла их к этому.⁵ Мехмед Герай уже не раз выступал на Украину, безуспешно пытаясь разорить казацкие гнезда. Он звал с собой и братьев — но те отказывались, что выглядело особенно подозрительным на фоне слухов о некоем союзе, который казаки собрались заключить с кем-то из крымских султанов.⁶ Это не могло не беспокоить Мехмеда Герая: ведь если Болы-Сараю удастся собрать вокруг себя, вдобавок к ногайским, еще и казацкие силы, то последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

Наверняка Мехмед Герай не раз крепко задумывался над тем, как бы ему обуздать непокорных братьев. Ответ на этот вопрос появился очень скоро — причем весьма неожиданный.

Летом 1578 года Мехмед II Герай получил от султана Мурада III приглашение в военный поход. На этот раз падишах звал хана уже не в Венгрию, а гораздо дальше — к иранским границам, где османы после недолгого перемирия возобновили войну с кызылбашами за право считаться властителями Закавказья. Основной фронт теперь проходил по землям Ширвана (нынешний Азербайджан). Война была в целом успешной для турок, но добиться решительного перевеса у них пока что не получалось. Здесь османское командование и вспомнило о крымской армии, которая могла бы сослужить добрую службу в сражениях с иранской конницей.

Мехмед Герай помнил, что его предшественники на престоле — и Сахиб, и Девлет — в свое время отказались от участия в подобных походах, считая их бессмысленной тратой сил и средств. Но в нынешних условиях султанское приглашение позволяло хану разрешить проблему, связанную с Адилем Гераем: для этого было достаточно отправить брата вместе с его ногайцами в дальний поход. Поэтому Мехмед с готовностью выполнил просьбу султана — он приказал братьям собирать войско и отправляться на помощь к туркам. Не смея оспаривать падишахский указ, Адиль Герай вместе с Мубарекком и Гази Гераями двинулись в путь. Дорога им предстояла неблизкая, почти трехмесячная, и пролегла вдоль всего Кавказского хребта от Тамани к Дагестану, откуда было уже рукой подать до линии фронта. Там крымцев ожидал Осман-паша — командующий турецкими войсками в Ширване.

Сам Мехмед II никуда не пошел и остался в Крыму: бросать страну и лично идти за тридевять земель ему было незачем. Хан и без того отправил на Кавказ лучших полководцев страны в сопровождении вполне достаточных сил. Вежливо пояснив султану, что нездоров, Мехмед II Герай послал вместо себя в поход своего 26-летнего сына Саадета Герая.⁷

Четверо крымских султанов добрались до Ширвана к ноябрю. Их появление оказалось очень своевременным: силы Осман-паши были уже на исходе. Вступление в бой ханских отрядов переменяло ход кампании. Уже их первая битва с неприятелем увенчалась полной победой: 25-тысячный иранский отряд был истреблен почти полностью. Подобного побоища, как свидетельствовали османы, «не вида-

ли даже глаза ангелов небесных».⁸ Адиль Герай и его братья преследовали смятенных кызылбашей, и те в ужасе разбежались, даже не оказывая сопротивления. Тем не менее, иранцы были более серьезным противником, чем могло показаться вначале. Вскоре им удалось взять Осман-пашу в окружение, тот позвал к себе на помощь крымских союзников — но кызылбашам стало известно об этом, и они заранее приготовились к сражению с крымцами. Когда Адиль Герай примчался вызволять турок, шахское войско встретило его заранее подготовленным мощным ударом, отбросившим османов и крымцев далеко назад, к рубежам Дагестана. Пытаясь сломить их натиск, Осман-паша снова послал Адила Герая в бой — и здесь кызылбаши взяли окончательный реванш за свои недавние поражения. Они навязали Адилю битву под проливным осенним дождем, когда лошади скользили и увязали в жидкой грязи, а оперение стрел намокло. Много крымских татар погибло в этой схватке, а сам Адиль Герай был ранен копьем и упал с лошади. Иранский офицер уже занес оружие, чтобы нанести ему смертельный удар — но Адиль назвал свое имя и тем самым спас свою жизнь: кызылбаши не стали убивать столь знатного пленника и немедленно доставили его к шаху.⁹

Доля Адила Герая в иранском плену стала настоящей драмой, о которой впоследствии в Турции слагали целые романы.¹⁰

В эти годы Ираном правил шах Мухаммед Худабенди — полуслепой инвалид, совершенно отстранившийся от государственных дел. Всеми делами в стране заправляла его супруга Хайр-ун-Ниса — властная и коварная женщина, требовавшая абсолютного подчинения и беспощадно истреблявшая всех, кто пытался встать у нее на пути. Поскольку ее 12-летний сын Хамза-Мирза формально считался главнокомандующим иранских войск, Хайр-ун-Ниса лично присутствовала на ширванском фронте, раздавая команды шахским полководцам. В эту пору Адиль Герай и попался в руки кызылбашей. Царственного пленника с триумфом отправили к шахскому двору в Казвин и поселили там, окружив почетом, подобающим его высокому происхождению.

Вскоре вслед за ним в столицу прибыла и Хайр-ун-Ниса. Право, Адилю Гераю было бы безопаснее попасть в тюремный застенок, нежели в этот дворец. Всесильная правительница преисполнилась к пленни-

ку страстью — и тот (надеясь, очевидно, облегчить свою участь, а может быть, и обрести свободу) ответил взаимностью. Очень скоро их тайна открылась шахским эмирам, ненавидевшим властолюбивую даму за многочисленные унижения, которым она их подвергала. Получив отличный повод избавиться от Хайр-ун-Нисы, эмиры явились к шаху и возмущенно потребовали смерти для изменницы, опозорившей своей распущенностью иранский двор. Мухаммед-шах пытался возражать, однако был бессилён спасти свою неверную жену. Эмиры задушили ее в гареме, а затем явились и к крымскому пленнику. Адиль Герай отчаянно защищался, уложив в сабельном бою семерых, но в итоге погиб от ружейной пули. Это произошло летом 1579-го — Адиль не прожил в плену и года.¹¹

Иранский фронт требовал свежих войск — и Мурад III все чаще и настойчивее понуждал Мехмеда II Герая к тому, чтобы тот лично прибыл в Ширван. Это не могло вызывать у крымского государя иных чувств, кроме раздражения: хан сейчас был целиком поглощён тем, что заново выстраивал сложную систему договоренностей и баланса сил с соседними государствами. Война с иранскими недругами турок была несравнимо менее важна для хана, чем борьба за восстановление былого авторитета Крыма, сильно пошатнувшегося после падения волжских юртов и поражения Девлета Герая при Молодях. Мехмед Герай уже договорился с польским королем о совместном выступлении на Московию¹² и был готов двинуть на север крупную экспедицию — но теперь от него требовалось отложить все свои планы в угоду султанскому желанию. Впрочем, ссориться со Стамбулом Мехмеду Гераю было тоже невыгодно, и хан решил выполнить настояние падишаха, тем более, что казаки на время утихомирились и гранцы Крыма были в относительной безопасности.

Летом 1579 года Мехмед II Герай вышел из Кефе к Дагестану. Прибытие хана на фронт действительно подняло боевой дух крымцев: Гази Герай разбил иранцев в Баку, а ханские отряды разошлись по всему Ширвану, громя неприятеля и собирая богатые трофеи.¹³ Сам Мехмед Герай стоял в городе Шемахе, награждая особо отличившихся воинов.¹⁴ Долго оставаться на Кавказе хан не намеревался: его ждал Крым, куда в любую минуту могли нагрянуть казаки, — да и братья,

на попечение которых был оставлен Юрт, легко могли войти во вкус самостоятельного правления страной...

Дань уважения султану была отдана — и наступала пора возвращаться домой.

Заканчивалась осень, и над холмами Ширвана понеслись холодные ветры. Верховный везирь Мустафа-паша, довольный военными успехами этого года, приказал Осман-паше оставаться с войсками в Ширване, а сам направился на зиму к Эрзуруму. По примеру везиря стал собираться домой и хан, оставив Осман-паше крымский военный отряд с Гази Гераем во главе. Но турки заявили, что крымскому правителю не дозволено покидать Ширвана. Это было явным унижением ханского достоинства: стало быть, везирю можно удалиться для зимовки, а потомку Чингиз-хана надлежит всю зиму стоять на страже османских границ наравне с османскими офицерами? «Что же, разве мы — османские беи, что ли?!»¹⁵ — писал впоследствии султану оскорбленный хан.

С презрением отбросив возмутительный запрет, Мехмед II Герай отправился в Крым, не обращая внимания на увещевания и предостережения турок. Вслед за отцом последовал и Саадет Герай.¹⁶

ГОРДОЕ СЕРДЦЕ

*Хан назначает калгой своего сына Саадета Герая —
Возмущение Алпа Герая и беев — Учреждение поста нурэддина —
Отказ Мехмеда II Герая от последующих походов в Иран —
Противостояние у Кефе, свержение хана османами —
Алп Герай убивает Мехмеда II Герая*

(1580-1584)

Покинув Кавказ под неодобрительные взгляды османских командиров, Мехмед II Герай со своим воинством вернулся в Крым. К счастью, за время отсутствия хана никаких чрезвычайных происшествий

в стране не случилось: казаки держались вдали от крымских границ,¹⁷ а остававшиеся у руля государства ханские братья оправдали оказанное им доверие. Однако вскоре встал вопрос о назначении нового калги взамен погибшего в плену Адиля, и это разрушило хрупкий мир, установившийся в ханском семействе. Главным претендентом на эту должность стал теперь Алп Герай, но Мехмед желал назначить наследником не брата, а сына, Саадета Герая.

Конечно же, Алп Герай с негодованием возразил против такого назначения: ведь пост калги по праву принадлежал ему! Возмущение Алпа разделяли и другие братья. Мехмед Герай попытался было отправить недовольных родственников подальше от Крыма, на иранский фронт, — но Алп не позволил ему повторить маневр, удавшийся ранее с Адилем. Тогда хан решил расправиться с Алпом под предлогом его неповиновения приказу, однако тому удалось вовремя бежать из Крыма вместе с младшим братом Селяметом Гераем.¹⁸

Алп и Селямет поскакали через степи к Стамбулу, чтобы пожаловаться на Мехмеда султану Мураду III. До Турции они не добрались: на переправе через Днепр их схватили украинские казаки и доставили в Черкассы. Пленные султаны воззвали к польскому королю, прося, чтобы тот либо пропустил их в Турцию, либо дал им войск и помог захватить власть в Крыму. Взамен оба клялись, что до конца своих дней будут верными союзниками Польши. Мехмед Герай, со своей стороны, добивался выдачи братьев в Крым. Он предлагал казакам 70000 золотых монет и 400 атласных кафтанов, лишь бы те отдали Алпа и Селямета присланным от хана мирзам (которым было приказано немедленно казнить беглецов, едва те окажутся у них в руках).¹⁹

В Крыму начались волнения. На сторону Алпа Герая встали беи во главе с Али Ширином. Видимо, они с угрозой потребовали от хана соблюдать освященную веками традицию — и Мехмед Герай счел за лучшее отступить. Он гарантировал Алпу Гераю безопасное возвращение в Крым и присвоил ему вожделенный титул.²⁰ Отныне калгою при хане стал не сын, и даже не просто непокорный брат, а непримиримый враг, не простивший Мехмеду той цены, которую хан предлагал казакам за его жизнь.

Неудавшаяся затея сделать калгою сына сильно подорвала позиции хана. Тем не менее, поразмыслив, Мехмед Герай нашел выход и из этого положения. Он призвал на помощь те самые степные традиции, о приверженности которым столь решительно заявляла крымская знать. Золотая Орда издавна подразделялась на два крыла: левое (восточное) и правое (западное). В каждом крыле были свои главенствующие рода и свой начальник. Эту традицию унаследовал и Крымский Юрт, чьи правители тоже делили свою страну на два крыла:²¹ левое (от Ак-Месджида до Керчи) и правое (западная часть полуострова). Начальство над левым крылом, в котором первенствовали Ширины, принадлежало калге.²² В правом же крыле Крыма наиболее мощным кланом были Мансуры, хозяева гёзлевских степей.

И если калга собрал вокруг себя Ширинов — то хан мог противопоставить ему Мансуров и подвластных им ногайцев за пределами полуострова. До сих пор в Крыму не существовало особой должности начальника правого крыла, и Мехмед II Герай исправил это, учредив титул второго наследника престола — нурэддина, которому была подчинена западная часть государства. Как нетрудно догадаться, этот титул был присвоен Саадету Гераю.²³ Пост нурэддина издавна существовал в Ногайской Орде, откуда и был позаимствован ханом.²⁴ Это нововведение, очевидно, пришлось по душе крымским ногайцам, которые отныне были готовы следовать за Мехмедом и Саадетом, куда бы те их ни позвали.

Хан добился своего: равновесие сил в стране было восстановлено, и калга не отважился поднять бунта. И все же отныне Мехмеду Гераю следовало быть очень осторожным: Алп затаил смертельную обиду и лишь ожидал удобного случая, чтобы нанести мстительный удар.

Далекая война на Кавказе не утихала, и к Мехмеду Гераю поступали всё новые султанские призывы вернуться на фронт (тем более, что небольшой крымский отряд, оставленный в Ширване, лишился командира: Гази Герай попался в плен к врагу). Но Мехмед Герай неизменно уклонялся от дальнейшего участия в иранской кампании: о каком походе могла идти речь, когда Крым стоял на грани новой смуты!

Летом 1582 года в Кефе собались османские отряды из причерноморских областей империи. Падишах потребовал от Мехмеда Герая

присоединить к ним крымские силы и сопроводить эти войска дальше на Кавказ. Хан созвал всех своих беев и мирз на совет, на котором те заявили, что не желают идти в бессмысленный поход, тем более, что приближалась осень, и длительный путь через кавказские предгорья грозил голодом.²⁵

Мехмед Герай сознавал, что очередной отказ может стать причиной крупной ссоры со Стамбулом. Хан был готов на компромисс: он согласился вывести своих людей в Ширван, но попросил, чтобы в награду за это Крыму была присуждена дань, которую Стамбул получал с Молдовы, и налоги, которые султан собирал в Кефе. Эта просьба была отвергнута как возмутительное посягательство на владения падишаха.²⁶ Бей воззвали к гордости хана: «Падишах посылает тебя против твоей воли — а ведь ты такой же правитель, как и он сам: к тебе ежегодно присылают немалые поминки московский великий князь и король Литвы — чего тебе опасаться от султана?». ²⁷ Это было правдой: хакан Великого Улуса не уступал рангом султану Османской империи, а если Менгли Герай когда-то и признал верховенство падишаха, то это вовсе не предусматривало, чтобы будущие султаны обращались с царственными потомками Чингиза как с обычными армейскими командирами.

Кефинскому наместнику пришлось вести османские войска через Кавказ без хана.

Султан счел ханский отказ вызывающей дерзостью и заподозрил, что Мехмед Герай подкуплен персидским шахом и потому намеренно саботирует султанские военные кампании.²⁸ Мурад III решил расквитаться с непокорным крымским правителем.

Возможность к этому предоставилась скоро: в октябре 1583 года Осман-паша повел турецкие войска из Ширвана обратно в Кефе, и Мурад III приказал ему арестовать Мехмеда Герая и доставить в Стамбул. Путь паши через Кавказ был очень труден,²⁹ но к зиме турки добрались до Крыма и Кефе наводнился османскими войсками. Осман-паша до поры скрывал свое поручение, султан усыпил бдительность хана примирительным тоном писем, и Мехмед Герай беспрепятственно пропустил османское войско на полуостров.³⁰

Но затем Мехмед Герай все же заподозрил неладное и пригласил пашу для беседы в Эски-Кырым.³¹ Отказ Османа явиться на встречу

окончательно удостоверил Мехмеда в недобрых замыслах турок.

Что ж, если паша надеется с помощью нескольких тысяч янычар справиться с ханом, обладающим несметным войском, — то пусть попытается: Мехмед Герай принимает бой. Хан подошел к Кефе и встал у города с 40-тысячной армией.³²

Турецкие пушки целились со стен Кефинской крепости в крымскую степь, где огромным полукругом раскинулся ханский лагерь. Крымцы и ногайцы не решались подойти близко к укреплениям — а турки не рисковали выходить за городские ворота. Шли недели, а молчаливое противостояние все продолжалось, лишь изредка прерываясь мелкими стычками.

Алпа Герая одолевали горячие мысли. Он решил, что настал удобный момент не только свести старые счеты с братом, но и пробиться к трону. Калга тайно покинул ханский лагерь и пробрался в крепость к Осман-паше. Вероятно, он убедил пашу, что ханские войска немедленно сложат оружие, если только он, Алп Герай, будет провозглашен ханом взамен Мехмеда. Осман-паша объявил крымцам, что их правителем отныне является Алп Герай, а мятежный Семиз низложен.³³ Мехмед Герай лишь усмехнулся в ответ: «Я падишах, господин хутбе и монеты — кто может смещать и назначать меня?!».³⁴ И действительно: кем был паша, чтобы распорядиться престолом Великого Улуса?

Вопреки ожиданиям Алпа Герая, беи не сдвинулись с места.³⁵ Они остались с ханом, готовясь защищать не столько Мехмеда, сколько свое исконное право самостоятельно избирать правителя: делиться этой привилегией беи были согласны только с падишахом, но никак не с турецкими офицерами.

Будучи уверен в своей правоте, хан даже обратился к высшей судебной власти — муфтию Кефе, который был вправе давать заключения по всем вопросам государственной жизни в свете религиозного законодательства. Крымский правитель не сомневался, что суд шариата подтвердит его правоту и признает действия Осман-паши незаконными. Однако муфтий сделал свой вывод не в пользу Мехмеда Герая.³⁶

Осман-паша ожидал, когда утихнут весенние шторма и в Кефе сможет прийти султанский флот с подмогой — и вот наконец, в мае 1584 года к Кефе причалили турецкие галеры с отрядами янычар.³⁷ С борта одной из них в крымские горизонты всматривался ханский брат

Ислям Герай, уже много лет не выдавший родины. В его багаже лежало почетное ханское одеяние и падишахский указ, провозглашающий его ханом вместо низложенного Мехмеда Герая.

Вряд ли Мехмеда Герая слишком обеспокоило прибытие турецкого подкрепления. Новоприбывших янычар можно было, как и Осман-пашу, запереть с суши в Кефинской крепости и не дать им ступить и шагу вглубь Крыма. Однако исход затянувшегося противостояния был решен не в битвах и не в сражениях.

Как только беи узнали, что в порту высадился новый правитель, они во главе с Али-беем Ширином перешли на его сторону.³⁸ (На этот раз все было законно: нового хана назначил сам падишах, и муфтий, одобрил его решение). Верным Мехмеду Гераю остался лишь род Мансуров.

Присягнув Исляму II Гераю, беи обернули оружие против своего бывшего правителя — а заодно и против окружавших его мансурских мирз, уже давно раздражавших крымскую аристократию своею приверженностью хану и его сыну.

Несмотря на свою многочисленность, ногайцы не могли устоять против всего бейского ополчения, подкрепленного мощной группировкой османов. Хану оставалось лишь бежать вместе с Мансурами — бежать в Ногайскую Орду, где можно было собрать новые силы для сопротивления. Мансурский бей Эсени с братом Арсланаем, ханские сыновья Саадет, Мурад и Сафа помчались прочь от Кефе, а Алп, Селямет и Мубарек бросились в погоню за ними. Дорога была каждая минута, и беглецы на своих быстроногих конях сумели оставить преследователей далеко позади. К несчастью, этого не удалось сделать Мехмеду Семизу. Его повозка мчалась так быстро, как только могла; сверженный хан пронесся сквозь крымские степи и уже миновал Ор-Капы — но тут его настиг Алп Герай. Алп не стал препровождать брата под стражу, как того требовал султан, а приказал задушить его на месте.³⁹

Тело Мехмеда Герая было привезено из степей на Азиз в бахчисарайском предместьи Эски-Юрт. На этом месте, издавна почитаемом

крымскими татарами как святыня в память Малик-Аштера, легендарного полководца при халифе Али, находилась обитель дервишей и старинное кладбище. Среди прочих, здесь был похоронен Шердан Герай — сын Мехмеда, погибший еще при жизни отца (скорее всего, в битве при Молодях). Рядом с его могилой и погребли убитого хана.⁴⁰

Над прахом Мехмеда был возведен величественный мавзолей, который стоит в Эски-Юрте поныне. Каждый день, приступая к работе над этой книгой, я вижу из своего окна высокий круглый купол, под которым покоится гордое сердце Мехмеда II Герая.

¹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*, Москва 2005, с. 328.

² R. Hejdensztein, *Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594*, t. II, Petersburg 1857, s. 52.

³ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, Москва – Ленинград 1948, с. 33.

⁴ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. IX, Санкт-Петербург 1843, с. 165.

⁵ С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, "Південна Україна", вип. 5, 1999, с. 192-193. Проблема «военной самодеятельности» подданных была к концу XVI века весьма ощутимой и в Польше, и в Московии, и в самом Крыму. В Польше и Московии такую деятельность осуществляли казаки. Правительства обеих держав поощряли их существование, с основанием считая казачество важным орудием своей политики на окраинах. Казачьи войска на тех или иных условиях служили своему монарху, получая от него вооружение и денежное жалование. Вместе с тем, казачество мало зависело от центральной власти и стремилось максимально эту зависимость ограничить. Будучи заинтересованы в постоянном доходе от военной добычи, казаки организовывали набеги на территории Османской империи и Крымского ханства независимо от отношений своих правителей с Турцией и Крымом — в том числе, и в периоды перемирий. Это не раз становилось поводом к разрыву мирных соглашений и возобновлению войн (что было особенно характерно для отношений Польши и Турции). В таких случаях и польские, и русские дипломаты заявляли, что их государи не отвечают за самовольные действия казаков, являющихся не правительственными войсками, а скопищем беглых разбойников. Необходимость поддержания мира с соседями порой заставляла правительство принимать карательные меры против самовольной военной деятельности казачества.

Ситуация в Крыму была во многом сходной: здесь существовала довольно широкая прослойка, также заинтересованная в военной добыче как в источнике средств. Эти средства могли быть добыты как в военных походах, организуемых ханом, так и в результате самодеятельных набегов, которые для немалого числа знати, особенно в степных приграничных районах, стали своего рода профессией. Это разделение военных операций Крымского ханства на разные категории исключительно важно для верного понимания такого явления, как нападения крымских войск на соседние государства. В самом Крыму среди военных акций различались *сефер* (боевые походы) и *чапул* или *беш-баш* (набеги в собственном смысле слова; см. о таком разделении и терминологии: С. А. Ищенко, *Война и военное дело у крымских татар XVI-XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов)*, в кн. *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв.*, Ростов-на-Дону 1989, с. 140; В. Хензель, *Проблема ясыря в польско-турецких отношениях XVI-XVII вв.*, в кн. *Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв.*, Москва 1979, с. 155; *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.)*, Симферополь 1999, с. 17). *Поход* всегда организован с участием или с санкции хана, и хотя для массы его участников основным мотивом зачастую является материальная заинтересованность (особенно в неурожайные голодные годы), поход всегда имеет определенную стратегическую цель и служит интересам общеполитического курса хана. *Набег* же прямой политической цели не имеет; он может быть организован частным порядком любой группой лиц (от калги с беями до кучки простолюдинов) и интересы его участников сугубо экономические. Как и в отношениях правителей Польши и Московии с казаками, эти набеги могут отвечать интересам хана и поощряться им, а могут и противоречить его внешнеполитическому курсу — в таком случае они подлежат запрету и наказанию со стороны правителя (А. Fisher, *Muscovy and the Black Sea Slave Trade*, "Canadian-American Slavic Studies", vol. VI, nr. 4, 1972, p. 578-579).

Освещаемые в этой книге военные акции Крыма в абсолютном большинстве принадлежат к категории *походов*, тогда как происходившие в те же годы *набеги* (не имевшие прямых стратегических целей) в основном оставлены за кадром обзора. По вопросу об природе, типологии и историографической оценке военных акций Крыма см., например: О. І. Галенко, *Про татарські набіги на українські землі*, "Український історичний журнал", №6, 2003, с. 52-65; В. В. Грибовський, *Типологія татарських набігів у XVIII ст.*, "Південна Україна", вип. 5, 1999, с. 206-209.

⁶ С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, с. 194; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 33.

⁷ А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejau, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577-*

1588 dans le Khanat de Crimée, "Cahiers du monde russe et soviétique", vol. XIV, nr. 4, 1973, p. 457.

⁸ Ибрахим Печеви Эфенди, *История*, Баку 1988, с. 42-43; Шараф-хан Бидлиси, *Шараф-наме*, т. II, Москва 1976, с. 237; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and The Caucasus*, New York 1972, p. 58.

⁹ Ибрахим Печеви Эфенди, *История*, с. 44-45; А.-К. Бакиханов, *Гулистан-и Ирам*, Баку 1991, с. 104; M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", t. XII, 1833, p. 374-375; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 59.

¹⁰ N. Kemal, *Cezmi*, İstanbul 1999. В данное произведение, написанное в 1840-х годах турецким писателем Намыком Кемалем на основе неназванных автором источников XVI века, введено дополнительное действующее лицо: шахская сестра Пери-Хан-ханум, которую Хайр-ун-Ниса (названная в романе Махр-и Алие) якобы погубила из ревности к Адилю Гераю. На самом же деле Пери-Хан, соперничавшая с Хайр-ун-Нисой за влияние при дворе, была убита еще до пленения Адиля Герая.

¹¹ Ибрахим Печеви Эфенди, *История*, с. 46; Шараф-хан Бидлиси, *Шараф-наме*, т. II, с. 238-239. О личности Хайр-ун-Нисы см.: M. Szuppe, *Status, Knowledge and Politics: Women in Sixteenth-Century Safavid Iran*, in *Women in Iran from the Rise of Islam to 1800*, Chicago 2003, p. 158-160; R. M. Savory, *Safavid Persia*, in *The Cambridge History of Islam*, ed. by P. M. Holt, A. K. S. Lambton, B. Lewis, vol. IA, Cambridge 1992, p. 411; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 66.

Мехмед Герай прилагал усилия, чтобы вызволить брата из персидского плена. Он отправил к шаху посольство с богатыми дарами (очевидно, для выкупа пленника), которые везла мать Адиля Герая. Весть о гибели сына застала ее на середине пути: в землях Кумыкии (Г. Алкадари, *Ассари Дагестан*, Махачкала 1929; А.-К. Бакиханов, *Гулистан-и Ирам*, с. 104-105).

¹² Р. Гейденштейн, *Записки о Московской войне*, Санкт-Петербург 1889, с. 41-42.

¹³ Ибрахим Печеви Эфенди, *История*, с. 47-48; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 63-64. Недаром в Крыму в те годы стало обычным персидское оружие, о чем говорил побывавший в Бахчисарае польский посол (М. Броневский, *Описание Татарии*, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. VI, 1867, с. 365): изобилие персидского вооружения, скорее всего, объяснялось его массовыми поступлениями в качестве трофеев.

¹⁴ Известен ярлык, выданный Мехмедом II Гераем в городе Шемахе некоему Абд-ур-Раззаку (который, очевидно, принадлежал к потомкам крымских кочевых Мангытов). За то, что Абд-ур-Раззак отличился мужеством в боях с иранцами, хан подтвердил давнюю привилегию его племени не платить налога на военную добычу (этот налог, называвшийся *савга*, составлял от 10 до 20% с суммы захваченных в бою трофеев и взымался в пользу хана с каждого воина). См. текст ярлыка в: *Ярлыки крымских ханов*, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. II, 1848, с. 679).

¹⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 328.

¹⁶ Ибрахим Печеви Эфенди, *История*, с. 47-48; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 328; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 64-65.

¹⁷ С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, с. 194.

¹⁸ R. Hejdensztejn, *Dzieje Polski*, s. 52; С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, с. 194.

¹⁹ R. Hejdensztejn, *Dzieje Polski*, s. 52; *Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию*, Псков 1882, с. 50; С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, с. 194-195.

²⁰ В 1588 г. об Алпе Герае говорили, что он к тому моменту занимал пост калги уже 6 лет — стало быть, его назначение калгой состоялось в 1582 г. (*Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587-1588 году*, изд. Ф. Ф. Лашков, "Известия Таврической ученой архивной комиссии", №14, 1891, с. 77).

²¹ Упоминания о делении Крыма на крылья см. в ханских документах: М. А. Усманов, *Жалованные*

акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв., Казань 1979, с. 206-210; Ярлыки крымских ханов, с. 675-676, 678; В. Григорьев, Ярлыки Тохтамыш и Сеадет-Гирея, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. I, 1844, с. 341.

²² Этот принцип сохранялся на протяжении всей истории Крымского ханства: и в XVII, и в XVIII веках калга командовал левым крылом армии в походах, ведал всеми делами в землях к востоку от Ак-Меджида и осуществлял там правосудие (*Книга путешествия*, с. 44, 45; С. Ch. de Peyssonel, *Traité sur le commerce de la mer Noire*, t. II, Paris 1787, p. 253).

²³ Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 39-40; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 328-329.

²⁴ Название этого поста происходило от имени сына Эдиге — Нур-эд-Дина, которому Эдиге передал под управление часть Мангытского улуса (В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 196). В «правом крыле» Крыма нурэддин выполнял те же функции, что в левом выполнял калга: под управлением нурэдина пребывали земли от Качи до Гёзлева и Ора. В XVII веке резиденция нурэдина располагалась неподалеку от селения Качи (в Качинской долине близ Бахчисарая; Хюсейн Хезарфенн, *Изложение сути законов Османской династии*, в кн. *Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура*, Москва 1990, с. 266), имелся также дворец в Ин-Кермане (нынешний г. Инкерман), находившемся в османской части Крыма (*Книга путешествия*, с. 28). В XVIII веке о нурэдине писали, что он не имеет постоянной резиденции и постоянно пребывает в Бахчисарае при хане (С. Ch. de Peyssonel, *Traité sur le commerce de la mer Noire*, t. II, p. 255-256; *Memoirs of Baron de Tott, Containing the State of the Turkish Empire and The Crimea During the Late War with Russia*, vol. I, part II, London 1785, p. 125).

²⁵ Ибрахим Печеви Эфенди, *История*, с. 51; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XIV-XVII вв.*, "Ученые записки Московского государственного университета", вып. 94, 1946, с. 127; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 96.

²⁶ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 86.

²⁷ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 96.

²⁸ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 86. Подозрения в подкупе могли появиться вследствие обмена посольств между ханом и шахом, что действительно имело место. Точное содержание крымско-иранских переговоров неизвестно (А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 458). Можно предполагать, что их главной темой было освобождение ханских братьев: сначала Адиля, а затем Гази.

²⁹ Ибрахим Печеви Эфенди, *История*, с. 58; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XIV-XVII вв.*, с. 128.

³⁰ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 87.

³¹ М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 377-378; Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, прим. 96.

³² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 328; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 96.

³³ М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 378; А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 457-458.

³⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 328. "Хутбе" — молитва во время мусульманского богослужения, в которой упоминается имя правителя государства. Правом быть упомянутым в хутбе (так же, как и правом выпускать монету с собственным именем) обладали только суверенные монархи. Наличие этих двух привилегий свидетельствовало о суверенном статусе правителя и независимости его государства. Несмотря на свою подчиненность османскому престолу, крымские ханы сохраняли обе эти привилегии на протяжении всей истории существования ханства (в отличие от правителей всех зависимых от Османской империи государств). После 1584 г. Ислям II Герай ввел в хутбе также и упоминание об османском падишахе, которое с тех пор предшествовало упоминанию о крымском хане (В. Д. Смир-

нов, *Крымское ханство*, с. 331; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 42).

³⁵ М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 378; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 329.

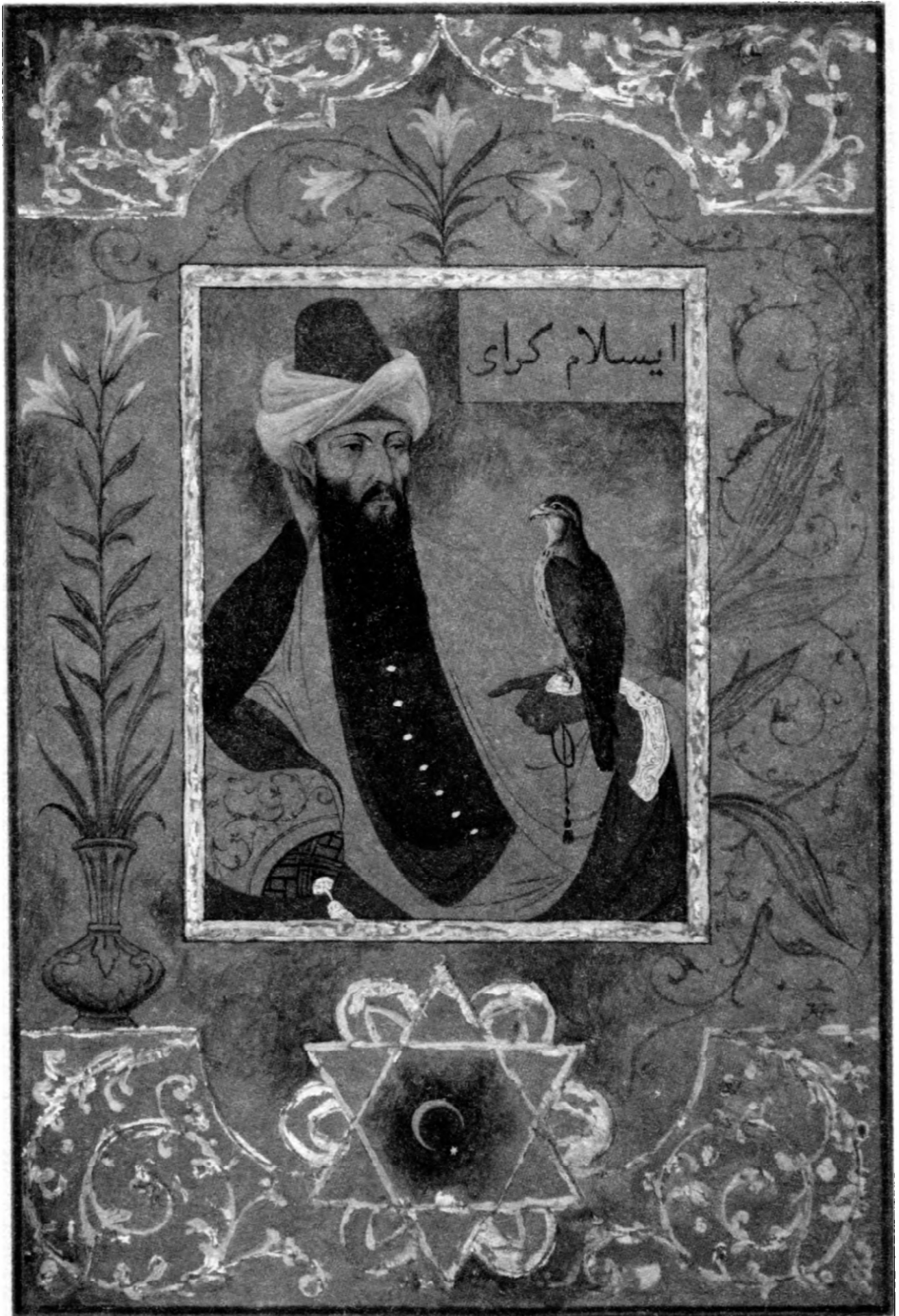
³⁶ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 87. Судебная система в Крыму строилась на религиозной основе и в сути своей была независима от хана: иерархия местных судебных чинов (низших — “кади”, и высших — “кади-аскеров”) подчинялась муфтию, который, в свою очередь, подчинялся исключительно халифу, то есть, османскому султану. Муфтий выносил заключения по вопросам соответствия решений и действий властей нормам шариата.

³⁷ А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 458-459.

³⁸ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 40; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 378; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 330.

³⁹ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 40; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 378; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 330.

⁴⁰ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 40; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 330. Подробнее об Азизе Малик-Аштера (мусульманской святыне в предместьях Бахчисарая Эски-Юрт) см. в: *Книга путешествия*, с. 59-67; И. Гаспринский, *Бухара и Бахчисарай*, “Терджиман”, 31.01.1893; И. Г-ий [И. Гаспринский], *Крымские азизы*, “Восточный сборник Общества русских ориенталистов”, 1913, с. 215-216; А. Башкиров, У. Боданинский, *Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт*, “Новый Восток”, № 8-9, 1925, с. 295-311; О. Haiworonski, *An Overview of the Mediaeval Crimean Tatar Settlement of Eski Yurt*, “Electronic Journal of Oriental Studies”, vol. VIII, nr. 1, 2005, p. 1-11; О. Гайворонский, *Мысли об Эски-Юрте*, “Qasevet”, №31, 2005, с. 13-24.

ایسلام کرای

Часть VIII

Ислям II Герай

1584-1588

«ВЛАДЫКА ЧЕТЫРЕХ РЕК»

*Сыновья Мехмеда II Герая мстят за гибель отца —
Саадет II Герай провозглашен ханом — Осада Кефе —
Поражение и бегство из Крыма —
Изгнанники скрываются в Кумыкии и Астрахани —
Планы Москвы воцарить в Крыму
Мурада Герая как вассального хана*

(1584-1589)

Борьба сыновей Девлета Герая за власть завершилась тем, что заветный титул достался человеку, который не принимал в ней никакого участия.

Ислям Герай поселился при султанском дворе более 30 лет назад в качестве “рехина” (заложника) привосхождении на трон его отца, Девлета Герая. Некоторое время спустя Ислям перебрался подальше от опасных интриг стамбульского двора — в Конью, знаменитый центр суфийского ордена Мевлеви. Там Ислям Герай обосновался в обители дервишей¹ и погрузился в мистические глубины суфийского учения. Молитвы, медитации и философские размышления воспитали в нем мудреца и аскета. Пока беспокойное семейство Гераев кипело страстями, спори-

ло и сражалось, скромный дервиш Ислям вдумчиво постигал тайны вечности.

Весной 1584 года падишах неожиданно вызвал Исляма Герая в столицу, дабы возвести его в ханское достоинство. Несомненно, это событие вызвало в кругу суфиев долгие беседы о том, что Всевышний видит смирение праведников и вознаграждает их еще при жизни. Выбор Мурада III объяснялся двояко: во-первых, Ислям, будучи старшим в роду Гераев после низложенного Мехмеда, являлся бесспорной кандидатурой на престол, а во-вторых, султан рассчитывал, что несведущий в государственных делах дервиш будет более лоялен к Стамбулу, чем независимый и гордый Мехмед. Приняв от падишаха ханские регалии, Ислям Герай поцеловал ему руку и взошел на корабль, направляющийся к берегам Крыма.²

Вряд ли Исляму пришлись по душе те кровавые события, что сопровождали его прибытие на родину. Крымские суфии, в чьей обители на Азизе Ислям Герай, конечно, был частым гостем, еще читали погребальные молитвы над свежей могилой Мехмеда II Герая. Хотя Ислям Герай и не был непосредственно виновен в гибели брата, ему предстояло полной мерой вкусить плоды жестокого поступка Алпа.

Последствия убийства Мехмеда Герая не заставили ждать себя долго. Пока Ислям II Герай торжественно шествовал от Кефе к Бахчисараю, сыновья Мехмеда II за несколько недель подняли в степях грозное войско. Ногайцы, возмущенные изгнанием из Крыма Эсени-бея и прочих Мансуров, без долгих уговоров встали под знамена Саадета Герая.

Не прошло и трех месяцев после воцарения Исляма II, как Саадет с братьями вернулся в Крым мстить за смерть отца. Он вел за собой 15-тысячный отряд ногайцев, несколько сотен кумыков и даже 230 донских казаков, решивших попытать счастья в крымской усобице.³ Саадет Герай пересек полуостров и приблизился к ханской столице безо всяких помех. Вождям ханской армии было сейчас не до охраны границ: более четырех тысяч беев и мирз собрались в эти дни в Бахчисарае,⁴ ожидая от хана денежных и земельных пожалований в награду за свое поведение при Кефе.

Появление мстителей в предместьях столицы стало для почтенного собрания полной неожиданностью. Ханские сеймены и крымские вельможи семь дней обороняли Бахчисарай, сдерживая напор Саадета Герая, но не устояли и разбежались в разные стороны.⁵ Под покровом ночи сеймены вывели Исляма Герая из дворца и повезли лесной дорогой к османской крепости Балаклава. Узнав наутро о бегстве хана, ногайцы Саадета погнались за ним — но поймать ханский отряд среди зеленых ущелий степнякам не удалось. Ислям Герай добрался до Балаклавы, сел на судно и отплыл под защиту турок в Кефе. Туда же, к Кефинской крепости, ринулись из Бахчисарая и калга Алп с нурэддином Селяметом; в отличие от хана, они избрали путь по суше, мимо Эски-Кырыма.⁶

Задерживаться в опустевшем Бахчисарае Саадет Герай не стал. Забрав из столицы ханскую казну, он пошел на восток вслед за противником, желая окончательно разгромить его. Силы повстанцев росли: к поддержке Саадета Герая стали склоняться некоторые крымские беи⁷ (чему равным образом могли поспособствовать как блистательная победа Саадета у Бахчисарая, так и золотое свечение казны, перешедшей отныне в его руки). Когда братья-мятежники прибыли в Эски-Кырым, беи провели в древней столице церемонию возведения Саадета II Герая на ханский престол,⁸ после чего тот, действуя по примеру отца, приступил к осаде Кефинской крепости.

Теперь в Крыму стало два хана. Пока один из них стоял у стен Кефе и размышлял, как бы покорить эту твердыню, второй, запершись в крепости, писал письма в Стамбул. Ислям Герай просил падишаха, чтобы тот срочно прислал военное подкрепление и приказал кефинскому бею, черкесам и ногайцам повиноваться его ханским повелениям. Мурад III позаботился о своем ставленнике, разослав по указанным адресам нужные распоряжения и направив в Кефе галеры с четырьмя тысячами янычар.⁹

Осада Саадетом Гераем османской крепости длилась два с половиной месяца. Помимо ногайцев, кумыков, донцов и сторонников из числа крымских беев, у Саадета появились и другие союзники: запорожские казаки. Прослышав о вражде нового хана с турками, запорожцы объявили, что готовы за плату наняться к нему на службу и воевать с любым недругом хана, кроме собственного короля.¹⁰ Этот

союз не успел состояться, поскольку противостояние у Кефе уже близило к своему завершению.

Дождавшись прибытия свежих сил из Турции, Алп Герай выступил из крепостных ворот навстречу мятежным племянникам. Огонь янычарской артиллерии шаг за шагом оттеснял ногайскую конницу восставших все дальше от стен Кефе, пока не отбросил ее к долине реки Индол. Там калга яростно атаковал войско Саадета. В кровопролитном сражении с янычарами погибли многие ногайские командиры, в том числе и мансурский предводитель Эсени-бей. Саадет II Герай был разгромлен — и трем братьям снова пришлось скакать прочь из Крыма.¹¹

Несмотря на поражение, Саадет Герай не сдавался. Следующей весной он попытался опять пробиться в Крым — но Алп Герай подстерег его на дальних подступах к крымским рубежам и отбросил назад.¹²

Дорога на полуостров для сыновей Мехмеда Герая была отныне закрыта.

Не сумев удержаться в Крыму, Саадет, Мурад и Сафа Гераи встали перед непростым вопросом — куда им податься дальше? Остаться в ногайских степях стало небезопасно: султан приказал бею Малой Ногайской орды Якши-Саату выследить беглецов,¹³ и теперь появилась опасность, что любой мирза, возмечтав о вознаграждении, схватит их и выдаст Алпу. Посоветавшись, братья разошлись по окрестным краям в поисках союзников, которые помогли бы им вернуться в Крым и отомстить за отца.

Саадет Герай, взяв с собою Сафу, отправился в Кумыкию, чей правитель, Чопан-шамхал, уже помогал Саадету военной силой в недавнем походе против Исляма II. Выслушав рассказ о крымских событиях, Чопан предоставил Саадету Гераю убежище в своих владениях.

Шамхал имел в этом собственный интерес: через Кумыкию проходила дорога, связывающая Кефе с Ширваном. В последние годы на ней все чаще и чаще появлялись султанские военные отряды (шесть лет назад этим путем прошел и сам Саадет, следуя на фронт с отцом и крымским войском). Это вселяло в Чопана опасения, что султан рано или поздно лишит его самостоятельности. Поэтому кумыкский

правитель позволил Саадету Гераю встать на большой дороге Кавказа и перерезать всякое сообщение между Крымом и Ширваном: отныне кефинский бейлербей не мог отправить к фронту ни посыльных, ни жалования для войск. Персидский шах очень обрадовался появлению неожиданного защитника иранских владений и направил к Саадету Гераю дружественное посольство, которое преподнесло хану-изгнаннику почетный кафтан и драгоценную саблю (которой, по намеку шаха, Саадету будет сподручнее разить османов).¹⁴

Мурад Герай избрал иной путь борьбы. Он рассудил, что кумыкский шамхал — далеко не самый могущественный из возможных союзников. Более заманчивым выглядел союз с русским царем, который крепко удерживал Астрахань и подчинил себе значительную часть ногайцев и черкесов. Попрощавшись с братьями, Мурад Герай направил своего коня в Тахт-Эли — просить помощи у тех, кто недавно вырвал этот край из-под верховенства крымских хаканов.

Русские воеводы в Астрахани приютили крымского беглеца, поселив Мурада в городе и сразу же известив о его прибытии царский двор. В ответ им было приказано отправить гостя в Москву для встречи с государем.

Новый царь Федор Иванович, сын скончавшегося в 1584 году Грозного, был слабоумен¹⁵ и неспособен к самостоятельному управлению государством, но за его спиной стояли трезвомыслящие и расчетливые бояре. Они сразу смекнули, какие невероятные выгоды для московской политики сулит тот факт, что представитель рассорившегося семейства Гераев обратился за помощью к Москве. Покойный Иван IV, вдохновленный казанским примером, уже когда-то подумывал посадить на крымский престол московского ставленника — но все имевшиеся в его распоряжении кандидаты происходили из Намаганов, которых крымские татары недолюбливали издавна. Теперь же в руках царя оказался чистокровный Герай! Подобной удачи Москва не помнила со времен Нур-Девлета. Крым, о покорении которого русские перестали уже и мечтать, теперь сам шел к ним в руки, и упустить такой случай было нельзя. Воеводам было приказано держать Мурада Герая в Астрахани и выжидать удобного момента, чтобы возвести его на крымский трон в качестве вассала Московии.¹⁶

Мурад Герай был принят в царских хоромах с большим почетом и обходительностью. Бояре рисовали перед ним захватывающую перспективу будущего воцарения в Крыму, и когда Мурад Герай, обласканный царской милостью, возвращался по Волге на русском судне в Астрахань, ему были оказаны поистине ханские почести. Проплывая мимо ногайских улусов, корабельные пушкарки напоказ изумленным зрителям стреляли в воздух в честь своего высокородного пассажира. Когда же корабль прибыл в Астрахань, наступила вершина торжества: воеводы встречали Мурада Герая почетным салютом из тридцати одного орудия, гремели барабаны, звенели бубны, играли трубы и зурны.¹⁷ Магия музыки возымела свое действие. Сойдя в опьянении триумфа на астраханский причал, Мурад восторженно излился перед своими русскими друзьями: «Как вы почтили мой приезд перед иноземцами!.. Теперь эта слава пройдет по всем ордам!..».¹⁸

Единожды вкусив ханских почестей, Мурад Герай был не в силах забыть их, и уже почитал себя истинным ханом. Не желая обделить старшего брата, он благородно оставлял ему первенство: «Милостью и дружбою царя московского будем ханами: он крымским, а я астраханским; для того много людей российских дано мне в услужение».¹⁹ В мечтах Мурада Герая вновь расправлял крылья единый Великий Улус — заветная, неосуществленная мечта дедов и прадедов, которую, наконец, смогут воплотить в жизнь Мурад со своим братом. Ради великой мечты можно пойти и на сделку, поклонившись чужому полоумному царю; ради будущей славы можно сегодня назваться его слугою и пообещать покорение родины. Царь — ничтожество, а Москва — далеко; как заставит она братьев поклониться снова, когда те воссядут на своих престолах?..

Не замахиваясь пока на титул «повелителя двух материков», Мурад Герай избрал для себя более скромное именование: «владыка четырех рек» (Дона, Волги, Яика и Терека).²⁰ Он завел себе в Астрахани богатое подворье, во всем подобное ханскому двору, где устраивал торжественные аудиенции ногайским мирзам.

Единственной, но весьма досадной помехой для Мурада было то, что все без исключения его встречи, разговоры, выезды из дома и даже посещения мечети проходили под открытым неусыпным надзором

двух воевод, специально приставленных к нему для наблюдения.²¹ Избавиться от их докучливого присутствия Мурад Герай не мог, но ради будущих благ можно было претерпеть и это временное неудобство — в конце концов, это была не самая большая жертва из тех, которые в последнее время был вынужден принести Мурад Герай.

КРЫЛО АЗРАИЛА

*Недовольство населения Ислямом II Гераем —
Мурад Герай как средство давления Москвы на хана —
Поход Алпа Герая на Московию — Набег украинских казаков на Гёзлев —
Османь планируют новый поход на Астрахань —
Кончина Исляма II Герая в Ак-Кермане*

(1586-1588)

Как непросто далось Исляму II Гераю начало правления — столь же непросто оно и продолжилось. С первых же шагов по крымской земле царственный суфий окунулся в конфликт, который был начат не им, и едва не поплатился жизнью за преступление, которое совершил не он. Для Алпа Герая и прочих братьев, мечтавших о престоле, Ислям был незванным гостем, а поведение беев показывало, что знати, в сущности, безразлично, какого хана поддерживать — лишь бы он обладал богатством и силой. В этом море противоречий Ислям не мог по-настоящему довериться никому, кроме падишаха.

Жестокая действительность разрушила мечты хана о счастливой эпохе благоденствия, в которую он введет Крым. Ислям Герай закрыл глаза перед ужасами бытия, а свита, прибывшая с ханом из Турции, вышла в народ усмирять тех, кто проявил свою неблагонадежность во время восстания Саадета Герая. Полилась кровь, и подданные вынесли приговор своему правителю: «Мы всем Крымским Юртом желаем, чтобы ханом был Саадет Герай-султан, а Исляма Герая все люди не любят: он руками турок опустошил Крымский Юрт, и янычары творят много насилий и убийств».²²

Еще больше хлопот доставляли Исляму II племянники, стоявшие в недосягаемости на своих четырехреках. Московский двор любезно напоминал, что царю лишь с большим трудом удастся сдерживать воинственный пыл Саадета и Мурада, жаждущих выступить с русским войском на Крым. Всякий раз, читая эти послания, Ислям Герай приходил в уныние. Имея столь безотказный рычаг давления, Москва не только обезопасила себя от крымских походов (когда летом 1586 года ханские братья вышли было на Московию — Ислям, опасаясь конфликта с царем, срочно завернул их обратно²³), но и пыталась поставить хана себе на службу, настойчиво склоняя его к войне против Польши. Дело дошло до того, что Исляма Герая стали шантажировать собственные подданные, угрожая в случае невыполнения их просьб переметнуться на сторону повстанцев.²⁴

Между тем Мурад Герай усердно трудился на царской службе: ему было поручено привести в повиновение Москве обе Ногайские орды, Кумыкию, Дагестан, Кабарду и объединить их силы против Крыма и Турции.²⁵ Мурад заставил мирз Большой Ногайской Орды во главе с беим Урусом принести царю вассальную клятву и потребовал, чтобы знатные ногайские семейства оставили у него в Астрахани заложников. Ногайцы возмутились: они уже не в первый раз присягали Москве, но о заложниках до сих пор речи не шло. Не имея другого выхода, Урус-бей выполнил унижительное требование Мурада, но после этого отправил посла к османскому султану с жалобами на утеснения, которым подвергается орда.²⁶

Весной 1587 некий Кушум-мирза из Астрахани предупредил Исляма II, чтобы тот был начеку: ходят слухи, что до конца этого года Мурад Герай собирается напасть на Крым. Как сообщал мирза, царь дает Мураду 30 тысяч стрельцов и казаков.²⁷ Хан уже давно ждал этой вести, но надеялся, что беда обойдет его стороной — однако надежда не оправдалась, попытки умиротворить русских оказались напрасными, и следовало срочно что-то предпринимать.

Пока Ислям переживал по поводу вероломства Москвы, Алп Герай взялся за дело. Он потребовал у хана, чтобы тот издал приказ о походе на Московию и отдал ему ханское боевое знамя. Получив все это, Алп приказал войскам идти за собой на север. Бояр следовало предостеречь, что любые их тайные приготовления с астраханскими изгнанниками неотвратимо повлекут за собой крымский удар по Москве.

Алп с Селяметом вышли за Перекоп. Сам Ислям Герай не пошел в поход: он лишь встал в крымских степях на Салгире, ожидая вестей от братьев и готовясь последовать за ними в случае победы. До Москвы крымские отряды не добрались: на Оке их уже ожидало заграждение. Алп не стал пробиваться через заслон, а опустошил окраины Московии и вернулся на полуостров.

Громких побед одержано не было, но свою миссию Алп Герай выполнил: правители Московии поняли намек и, опасаясь за собственную столицу, заверили хана, что вооружали Мурада не против Крыма, а против Польши.²⁸ Это было неправдой: бояре в том же году делились своими планами с польскими магнатами и уверяли их, что когда в Крыму будет приведен к власти царский вассал, то в Польше и в Московии воцарится мир.²⁹

Отведя угрозу, нависшую со стороны Волги, Ислям Герай, тем не менее, так и не обрел желанного покоя. Над правителем как будто завис злой рок: едва он успевал перевести дух после одного потрясения, как с другой стороны его уже настигало новое.

Спустя менее месяца после московской кампании Ислям Герай и его младший брат Фетх Герай отправились по неким делам в Гёзлев. Турки, приплывавшие туда из Ак-Кермана, жаловались, что в Крым невозможно добраться по суше: в низовьях Днепра разбойничает флотилия запорожских казаков, на днях разрушивших Ак-Чакум. Хану оставалось лишь сетовать по поводу бедствий султанских подданных, не подозревая, что казаки уже повернули к Крыму и в настоящий момент высаживаются на берегах Тарханкута. Поначалу запорожцы собирались идти грабить Гёзлев, но, прослышав, что в городе стоят хан и Фетх Герай, ограничились погромом в семнадцати тарханкутских селах. Когда весть об этом достигла Исляма Герая — лодки черноморских пиратов уже удалялись за морской горизонт.³⁰

Безнаказанная вылазка казаков под самым боком у хана вызвала гнев падишаха. «Из-за твоей беспечности литовские казаки захватывают у меня города и опустошили Крымский Юрт, — писал Исляму Гераю Мурад III, — прежние ханы такого не допускали, и если впредь это повторится, то ханом в Крымском Юрте тебе больше не быть!».³¹ Отчитав Исляма, падишах приказал ему готовиться будущей зимой к

походу на польского короля, которого считал ответственным за морские рейды казаков.

В эти дни в Стамбуле много говорили о Крыме, причем не только в связи с казацким нападением. Посол Урус-бея добрался до султана и изложил ему просьбы ногайцев: принять орду в османское подданство, назначить ей особого правителя и договориться с ханом, чтобы ногайцам был отдан городок Болы-Сарай, выстроенный когда-то Адилем Гераем на Кальмиусе, ибо прежняя ногайская столица, Сарайчик, была разрушена волжскими казаками.³² Урус-бей пояснял в своем письме, что его недавняя присяга Москве была лишь вынужденной, и предлагал султану снова организовать поход для освобождения Хаджи-Тархана, а заодно и Ногайской Орды.³³

Султан весьма заинтересовался инициативой Уруса, поскольку недавно в Стамбуле точно с таким же предложением побывали и послы узбекского хана.³⁴ Стамбул и Бухара были союзниками в борьбе против Ирана и нуждались в надежном пути сообщения между собой. Проложить этот путь к югу от Каспия, через всю Персию, было невымыслимо, а вот северный берег моря вполне годился, чтобы связать Турцию со Средней Азией, и единственной преградой на этой дороге стояла русская Астрахань. Падишах послал в Бухару с ответным визитом везира Пияле-пашу, который на обратном пути посетил и ногайцев. Осмотревшись на месте, паша заключил, что взятие Астрахани вполне осуществимо, и доложил об этом султану.³⁵

Мурад III назначил Пияле-пашу главнокомандующим и написал Исляму Гераю и Урус-бею, чтобы те были готовы выступить вместе с турками на Волгу весной 1588 года. Ожидалось, что свои войска пришлют и узбеки — их было решено поставить под командование крымского хана.³⁶ Для Стамбула не осталось секретом, что 18 лет назад Девлет Герай намеренно сорвал волжский поход,³⁷ но с нынешним правителем Крыма осложнений не предвиделось: падишах не сомневался, что Ислям Герай выполнит любое его повеление. Пияле-паша занялся сбором османских войск, поставками в Кефе продовольствия и снаряжения, и подготовка к новой хаджи-тарханской кампании пошла полным ходом.³⁸ Оставалось лишь последнее: заручиться поддержкой Гераев, проживавших в самой Астрахани.

Мурада Герая в это время не было на месте. Прошлой зимой он сообщил своим неотлучным надзирателям, что едет в Кумыкию жениться на дочери шамхала, а заодно привести будущего тестя в подчинение Москве. Мураду разрешили отлучиться из Астрахани, но взамен на подворье «владыки четырех рек» остался заложник — Саадет Герай.³⁹

Тут по Крыму разнеслась весть, что из Стамбула в Ак-Керман приплыл некий Ходжа-бей, который, минуя Крым, стремительно помчался к Азаку. Сообщалось, что он вез некие письма от падишаха и Гази Герая в Астрахань, к Саадету и Мураду. Это известие сильно встревожило Исляма II. Хан приказал догнать и перехватить Ходжа-бея, но таинственный посланец уже унесся в хаджи-тарханские степи. Остается тайной, что именно передал Ходжа-бей Саадету Гераю и что тот ответил ему, зато известно другое: спустя несколько недель после этой беседы Саадет II Герай был найден мертвым на астраханском подворье, где он жил.⁴⁰ Москва всячески отрицала свою причастность к внезапной смерти сорокалетнего хана, но семья покойного знала, чьих это рук дело: сын Саадета, Шахин Герай, впоследствии прямо заявлял, что его отец был погублен русскими.⁴¹ Возможно, султан приглашал изгнанников присоединиться к астраханской кампании, а Гази Герай сулил им триумфальное возвращение в Крым? Если это было так, то причины гибели Саадета Герая проясняются: сколь бы ни был он полезен боярам в игре против хана, риск его союза с османами перевесил эту пользу, и от опасного гостя решили избавиться.⁴²

Вернувшись в Астрахань, Мурад Герай не стал устраивать разбирательств по поводу гибели брата, поскольку и сам уже ходил под подозрением: доброжелатели царя по всем уголкам Кавказа доносили в Москву, что Мурад собирает силы и планирует сдать Астрахань османам, как только те подойдут к ней.⁴³

Настала зима, и Ислям II Герай, помня повеление султана, двинулся с Алпом и Фетхом в поход на Польшу. Хан должен был дойти до Ак-Кермана и соединиться там с османским войском. Ислям Герай впервые самостоятельно командовал военным походом, и эта его первая кампания не задалась с самого начала: крымцы не желали идти на войну, и хану пришлось рассылать по селам янычар, чтобы те жестоко наказы-

вали дезертиров.⁴⁴ Когда же ханское войско прибыло к переправе через Днепр, оказалось, что из-за необычайно теплой зимы река до сих пор не покрылась льдом и переправиться через нее невозможно. Воинам пришлось провести месяц на берегу Днепра, пока, наконец, морозы не сковали реку ледяным мостом. Наконец, и эта преграда была преодолена, но в Ак-Кермане обнаружилась следующая: турецкие воины, напрасно ожидавшие крымцев еще с осени, разошлись.

Ислям II Герай остановился в Ак-Керманской крепости, дожидаясь, пока союзники вновь соберут свои полки. Уже начинался март, но хан никуда не спешил. В Ак-Кермане было немало любопытного для суфия: здесь Малик-Аштер, патрон эски-юртских дервишей, победил великана Салсала — царя джиннов; здесь когда-то жил чудотворец Мияк-Баба-Султан, превращавший воды Турлы в масло.⁴⁵

В этом городе чудес к царственному дервишу и явился неожиданно огненный ангел Азраил и унес его душу туда, где уже нет страха перед гневными падишахами, коварными родичами и бунтующими толпами, а есть лишь мир и покой, которых Ислям Герай не обрел ни в суфийской келье, ни на хаканском престоле...

Похоронив умершего Исляма у стен мечети в Ак-Керманской крепости,⁴⁶ Алп Герай готовился к долгожданному часу восхождения на трон. Беи, присутствовавшие при войске, прочли над калгою молитву и провозгласили его новым ханом. Оставалось лишь утвердить этот выбор в Стамбуле и получить от халифа благословительную грамоту. Приятная обязанность ехать за нею выпала Осман-мирзе Ширину.⁴⁷

Никому из братьев Алпа Герая не доводилось прилагать таких усилий, какие прилагал он, ради достижения престола — и никого из них не сопровождало столь фатальное невезение: венец упорно не давался ему в руки. Алп был непопулярен в народе, и крымские татары хотели себе другого правителя: Гази Герая, который десять лет назад ушел на войну в Ширван и с тех пор успел прославиться по всему Востоку как герой иранской кампании, а сверх того, и как прекрасный стихотворец, пишущий под псевдонимом Газайи.⁴⁸ Алп Герай мог бы и не обращать особого внимания на нерасположение подданных, если бы не один важный нюанс: храброго поэта желал видеть на престоле не только крымский народ, но и сам османский султан.

- ¹ Халим Гидай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 42; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and The Caucasus*, New York 1972, p. 88.
- ² A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577-1588 dans le Khanat de Crimée*, "Cahiers du monde russe et soviétique", vol. XIV, nr. 4, 1973, p. 457.
- ³ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*, Москва – Ленинград 1948, с. 34; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI-XVII вв.*, "Ученые записки Московского государственного университета", вып. 94, 1946, с. 136.
- ⁴ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, Санкт-Петербург 1843, прим. 100.
- ⁵ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 479.
- ⁶ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 100.
- ⁷ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 34.
- ⁸ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 100.
- ⁹ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 479; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 100.
- ¹⁰ С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, "Південна Україна", вип. 5, 1999, с. 196.
- ¹¹ M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, "Journal Asiatique", t. XII, 1833, p. 379; A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 479, 481-482; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 89.
- ¹² M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 379-380; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*, Москва 2005, с. 331, прим. 1.
- ¹³ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 482.
- ¹⁴ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 463, 484.
- ¹⁵ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 242.
- ¹⁶ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 35; A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 463-464.
- ¹⁷ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, прим. 101; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, Москва 2002, с. 334.
- ¹⁸ В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 334.
- ¹⁹ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, с. 34.
- ²⁰ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, с. 34.
- ²¹ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. X, с. 34; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 35.
- ²² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, Москва 1870, с. 318.
- ²³ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587-1588 году*, изд. Ф. Ф. Лашков, "Известия Таврической ученой архивной комиссии", №14, 1891, с. 55.
- ²⁴ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 52-53, 55, 57.
- ²⁵ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, с. 467.
- ²⁶ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 58, 71; В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 337.

- ²⁷ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 58.
- ²⁸ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 59, 60, 62, 63; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 35-36.
- ²⁹ А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 463-464.
- ³⁰ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 64-65.
- ³¹ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 66. Запорожские казаки названы "литовскими" по той причине, что украинские земли, на которых они жили, долгое время входили в состав Великого княжества Литовского. Термины "литвины", "литовцы" применительно к украинцам (как и к белорусам) нередко встречаются в иностранных источниках того времени.
- С 1385 года Великое княжество Литовское и Королевство Польское находились в династическом союзе: великие князья литовские считались также и королями польскими, являясь, таким образом, правителями сразу двух самостоятельных государств. В 1569 году Польша и Литва объединились в конфедеративное государство: Республику ("Речпосполиту") Двух Народов. При этом между ними изменились границы: все украинские владения Великого княжества Литовского (в том числе и земли, населенные казаками) перешли от Литвы к Польше в рамках единого государства.
- ³² В. В. Трепавлов, *История Ногайской Орды*, с. 340.
- ³³ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 66, 71.
- ³⁴ Н. С. d'Encausse, *Les routes commerciales de l'Asie centrale et les tentatives de reconquete d'Astrakhan*, "Cahiers du monde russe et soviétique", vol. XI, nr. 3, 1970, p. 412-413; А. Bennigsen, M. Berindei, *Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587-1588)*. "Harvard Ukrainian Studies", vol. III-IV, 1979-1980, part 1, p. 71.
- ³⁵ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 66; А. Bennigsen, M. Berindei, *Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587-1588)*, p. 72-73.
- ³⁶ Н. С. d'Encausse, *Les routes commerciales de l'Asie centrale*, p. 413; А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 469.
- ³⁷ А. Bennigsen, M. Berindei, *Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587-1588)*, p. 81.
- ³⁸ А. Bennigsen, M. Berindei, *Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587-1588)*, p. 79-86.
- ³⁹ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 56; *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым*, вып. 1 (1578-1613 гг.), "Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете", кн. III, 1888, с. 114.
- ⁴⁰ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 64, 67.
- ⁴¹ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 127.
- ⁴² Впоследствии гроб Саадета Герая был доставлен в Эски-Юрт и похоронен в мавзолее Мехмеда II Герая на Азизе (Халим Герай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 42).
- ⁴³ *Сношения России с Кавказом*, с. 168, 183, 231; А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale*, p. 473.
- ⁴⁴ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 68.
- ⁴⁵ Эвлия Челеби, *Книга путешествия*, вып. 1: *Земли Молдавии и Украины*, Москва 1961, с. 37, 197; *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.)*, Симферополь 1999, с. 67). «Турла» — крымскотатарское и турецкое название Днестра.
- Малик-Аштер (Малик аль-Аштар бин Харита эн-Нахаи, 618-657) — исторический деятель эпохи раннего халифата, соратник и полководец халифа Али. Был назначен наместником халифа в Египте. На

пути в Египет был отравлен врагами и похоронен в селении Эль-Ариша на средиземноморском побережье Синая (*The History of al-Tabari*, vol. IV: *The Ancient Kingdoms*, Albany 1989, p. 521; Абд ар-Рашид ал-Бакуви, *Сокращение «Книги о памятниках и чудесах царя могучего»*, Москва 1971, с. 48; О. Г. Большаков, *История Халифата*, т. III: *Между двумя гражданскими войнами*, Москва 1998, с. 37-39, 52-59; Т. Ю. Ирмияева, *История мусульманского мира от Халифата до Блистательной Порты*, Челябинск 2000, с. 112-128). В разных частях мусульманского мира (Мардж в Египте, Диярбакыр в Турции, Эски-Юрт в Крыму) издавна существовали святыни (“азизы”, “макамы”) в память этого героя. В крымско-татарской народной мифологии Малик-Аштер предстает как воитель, победивший дракона в Йемене и проповедовавший ислам в Анатолии, на Кавказе, в Поволжье и в Крыму. В варианте легенды, изложенном турецким путешественником XVII в., из Крыма Малик-Аштер направился с 57-тысячным войском на Днестр, к Ак-Керману. Там он вступил в поединок с великаном-джинном по имени Салсал (чьи огромные зубы, по утверждению Эвлии, висели напоказ на цепях в воротах Ак-Керманской крепости; там же демонстрировались и его гигантские кости). Малик-Аштер одержал победу, но получил в бою смертельную рану, вернулся в Крым и умер (*Книга путешествия*, с. 66, 67). Могила героя до времени скрыта от глаз непосвященных, но в будущем ее чудесным образом обнаруживают суфийские шейхи (в другом варианте — хан Мехмед IV Герай; см. Evliya Effendi, *Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the Seventeenth Century*, vol. I, part II, London 1850, p. 105; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 67-68). На месте захоронения Малик-Аштера устраивают “азиз” — место почитания святого (И. Гаспринский, *Бухара и Бахчисарай*, “Терджиман”, 31.01.1893; И. Г-ий [И. Гаспринский], *Крымские азизы*, “Восточный сборник Общества русских ориенталистов”, 1913, с. 216). Азиз Малик-Аштера в Эски-Юрте с прилегающим старинным кладбищем, мечетью и суфийской обителью (“текие”) числился среди первостепенных культовых святынь крымских татар вплоть до начала XX века (см. ссылки на литературу об этой местности в Примечании 40 части VII этой книги).

⁴⁶ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 42.

⁴⁷ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 68.

⁴⁸ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 68.

غازی کرای

Часть IX

Гази II Герай

1588-1608

СОЛОВЕЙ И БЕРКУТ

*Гази Герай на иранском фронте — Четыре года неволи и бегство из плена —
Встреча с султаном и проживание в Янболу — Гази II Герай назначен ханом —
Возвращение крымских изгнанников на родину*

(1588-1589)

Поэт Газайи, чьими изысканными стихотворениями и затейливыми мелодиями для танбура наслаждались лучшие собрания Стамбула и Бахчисарая, был известен не только в кругу ценителей искусства, но и среди лишенных всякой сентиментальности «мужей войны»; причем в их устах любимец просвещенной публики носил иное прозвание — Бора, что означало лютый зимний буран, считавшийся на черноморских берегах настоящим стихийным бедствием. Прозвище было вполне заслуженным, поскольку и османские командиры, и крымскотатарские воины уже не раз убеждались, что этот соловей поэтических садов обладал удивительной способностью мгновенно перевоплощаться в яростного беркута, без пощады разящего врагов.

Гази Герай — которому и принадлежали оба этих прозвища — покинул родину еще в 1578 году, когда вместе с Адилем Гераем в числе

первых ханских отрядов отправился на иранский фронт. С тех пор, со дня своего прибытия в Ширван, принц не знал иных занятий, кроме войны с кызылбашами — войском умелым и опасным, каждая встреча с которым становилась бесценной школой боевого мастерства.

После того, как Адиль безвозвратно исчез в плену, а Мехмед II Герай с братьями и сыновьями повернул из Закавказья домой, Гази остался в Ширване вместе с двухтысячным крымским отрядом. Вскоре везир увел с фронта на зимовку и значительную часть османской армии, а Гази Гераю было поручено охранять границу. Крымский полководец достойно выполнил свое задание: ему удалось не только отстоять новозавоеванные города, но и разгромить зимний стан иранской армии, за что он был удостоен особой благодарности падишаха.¹

Весной 1581 года, когда в очередном походе Гази Герай и его люди расположились на ночевку, кызылбаши неожиданно напали на спящий лагерь. Гази вскочил на ноги, оседлал коня и поскакал прочь через ночной лес — но конь в темноте наткнулся на дерево, и всадник вылетел из седла прямо под ноги врагам.²

Заковав пленника в цепи, кызылбаши привели его к своему главнокомандующему: Хамза-Мирзе, сыну иранского правителя. Тот попытался устроить допрос крымскому принцу — однако Гази Герай удостоил его лишь несколькими насмешливыми фразами, и оскорбленный Хамза приказал бросить гордеца в казематы крепости Аламут.

Через два года, когда в Иране узнали о столкновении Мехмеда II Герая с османами, у Хамза-Мирзы появилась надежда привлечь оставших крымцев к борьбе против турок. Шахские слуги спустились в подземелье к Гази Гераю и, конечно же, в подробностях описали, какую несправедливость учинил османский правитель над крымским ханом. Вслед за этим пленнику была предложена сделка: если Гази Герай согласится служить шаху и воевать с османами, то правитель Ирана отдаст ему в жены свою дочь, наделит его войском и назначит в наместники Ширвана.³

Искушение было велико, но Газайи оставался самим собой даже среди грязи и мрака вражеской темницы. Он ответил коротким стихотворением:

*Мы по опыту знаем,
Что в вашей стране*

*Спокойно живется
Лишь в крепости или в тюрьме.⁴*

Не составляло труда догадаться, что за опыт подразумевал в этих строках закованный в кандалы поэт. Недавняя история с Адилем Гераем недвусмысленно свидетельствовала, что излишняя близость к переменчивому шахскому двору легко могла обернуться гораздо куда большим несчастьем, нежели тюремное заключение. Напоминание о громком скандале, опозорившем, а затем и погубившем шахскую супругу, вряд ли пришлось по вкусу адресатам стихотворного послания.

Прошло четыре года, прежде чем Гази Гераю удалось найти путь на свободу: он подкупил двух своих тюремщиков и в образе странствующего дервиша⁵ бежал на турецкую сторону границы, в Эрзурум.⁶ Переведа дух, он снова взялся за саблю и отправился на фронт мстить кызылбашам. Однако на этот раз Гази Герай недолго задержался в действующей армии: у него не сложились отношения с новым османским командующим Чигала-заде, который — очевидно, из зависти — стал обвинять крымского принца в своих неудачах.⁷

Попрощавшись с недоброжелательным командиром, Гази Герай отправился в Стамбул. Султан Мурад III, давно уже наслышанный об отважном воине, принял крымского героя с большим почетом и пообещал сделать его ханом — и даже сверх того: особым указом закрепить ханский престол исключительно за потомками Гази Герая.⁸

Османский правитель наделил Гази Герая поместьем близ города Янболу, и тот, получив возможность отдохнуть от сражений и злоключений, вел тихую жизнь, окружив себя обществом образованных собеседников.⁹ Воинственный герой ширванских холмов вновь сменил образ и превратился в поэта, слагающего стихи в провинциальной тиши. Эта пора творческого уединения закончилась для Газайи весной 1588 года, когда после кончины Исляма II султан взялся выполнить свое обещание и возвел Гази Герая в ханское достоинство. Для поэта и воина, блестяще справлявшегося с обеими своими прежними ролями, настал час испытать себя в новом обличье — в величественном образе правителя.

В конце апреля Гази II Герай сошел с борта турецкой галеры в Балаклавском порту, вернувшись в Крым после десятилетнего странствия по Кавказу, Ирану и Турции. Первым делом он разузнал о положении дел в ханском семействе: выяснилось, что Мурад с Сафой по-прежнему пребывают у русских; Алп объявил себя ханом и стоит с войсками у Ак-Кермана; там же находится и Фетх; Селямет охраняет Ор-Капы; а Мубарек прикрывает Керченский пролив. Гази Герай разослал всем своим братьям приказ немедленно отвести войска с позиций и прибыть в столицу. Единственным, кого он не желал видеть в Крыму, был убийца Мехмеда II, Алп Герай: будучи уверен, что тот не остановится перед очередным вооруженным мятежом, хан приказал казнить его. Прибыв 27 апреля из Балаклавы в Бахчисарай, Гази II снарядил еще двух гонцов — к Мураду и Сафе Гераям, приглашая обоих вернуться в Крым.¹⁰

Ханские братья повиновались приказу и собрались в Бахчисарае — все, за исключением бежавшего в Турцию Алпа Герая, а также Мубарека Герая, который переправился из Керчи в Черкессию и укрылся там. Встретившись с родичами в столице и выслушав их приветствия, хан отдал пост калги Селямету Гераю, а нурэддином назначил Бахта Герая — сына погибшего в иранском плену Адила.

Не менее важной была и встреча с крымскими беями, на которой предстояло провести церемонию выборов. Строго говоря, присвоение Мурадом III ханского титула Гази Гераю явно противоречило крымской традиции престолонаследия: ведь старшинство в ханском роду принадлежало Алпу и Мубареку. Османские султаны и прежде вмешивались в споры Гераев за трон, но до сих пор выступали лишь как защитники древнего чингизидского обычая,¹¹ именно на этом основании отказав в свое время Гази I и Исляму I в пользу Саадета и Сахиба.

Однако на этот раз Мурад III не имел даже и такого формального довода в пользу своего кандидата, и потому был вынужден особо объясниться перед крымскими беями. В специальном послании, адресованном к знати Крыма, султан перечислял заслуги и достоинства Гази Герая, который долгие годы томился в оковах, отверг заманчивые предложения врагов, геройски бежал из плена, проявил мужество в боях и потому заслуживает исключительного вознаграждения. «Вы должны признать Гази Герая своим ханом и никогда не поступать

вопреки его слову, — призывал султан. — Не дайте втянуть себя в беспорядки и не станьте изменниками своей веры, слушая речи разбойников и интриганов».¹²

Бей не стали перечить султану и подтвердили его выбор. Умный и отважный Гази пользовался среди них большим уважением, нежели Алп и Мубарек, да и растущая угроза со стороны Запорожья и Астрахани требовала, чтобы во главе Юрта встал опытный боец. Все политические соображения говорили в пользу Гази II Герая, он действительно был лучшим из всех возможных кандидатов в ханы — но вместе с тем в крымско-турецких отношениях отныне появился прецедент, который со временем станет правилом: смену ханов будут определять не столько крымские обычаи, сколько личные симпатии османских правителей...

Тем временем, получив ханское послание, в Крым из своего изгнания направился Сафа Герай. Вслед за Сафою на родину потянулись и все прочие беженцы — десятитысячный клан крымских Мансуров со своим предводителем Арсланаем, а также опальные мирзы из родов Ширин и Яшлав. В начале июня Сафа Герай и его спутники прибыли на Чонгар, где их радостно встретили родичи, а хан, взявший в жены мать Сафы Герая, торжественно объявил вернувшегося изгнанника своим названным сыном.

Многим в Крыму, напротив, пришлось в эти дни изрядно поволноваться — тем, кому, по словам крымцев, «вольготно жилось при Исляме Герай-хане: они без вины убили много добрых людей, а у других разграбили имущество, и многие пришли к хану с жалобой на них».¹³ «Будет большая ссора»¹⁴ — предрекали жители полуострова, и не ошиблись: ссора между возвратившимися изгнанниками и их обидчиками разразилась нешуточная. Опасаясь расплаты за свои неблагоприятные деяния, калга Селямет Герай и ширинский бей Али бежали в Кефе. Сафа Герай погнался за ними. Спрятавшись за стенами османской крепости, Селямет Герай не отрицал своей вины и оправдывался: «Я бежал не от хана, а от недругов своих: приехал к хану Сафа Герай-султан и Арсланай-мирза, и множество ногайских мирз, а ведь мы у Сафы Герай-султана отца убили, а у Арсланай-мирзы — брата, Эсени-бея... А от смерти кто же не побежит...».¹⁵

Гази Герай потребовал у кефинского наместника немедленно выдать беглецов — но тот ответил, что уже запросил у Стамбула указаний, что делать с ними дальше, и пока не получит ответа, не выпустит калгу с беим ни к хану, ни к султану.¹⁶ Новым калгой взамен Селямета Герая, не пробывшего на своем посту и пяти недель, стал Фетх Герай.

Возвращение Сафы Герая и Мансуров еще не означало окончательного восстановления порядка и спокойствия в Крыму: на родину непременно следовало вернуть также и Мурада Герая. Без этого все надежды на прочный мир в Крымском Юрте оставались лишь благими пожеланиями — ведь пока Мурад находился у русских, со счетов было рано сбрасывать возможность его наступления на Крым в компании царских стрельцов.

Уже в первые недели своего пребывания в Крыму Гази Герай передал в Москву свое послание: «Мурад Герай-султан прибыл к государю вашему, и мы, будучи за морем, слышали, что брат наш, царь и великий князь, оказал ему милость, поил и кормил его, всячески ему благодетельствовал и держал у себя, как собственного сына, за что передаю ему глубокий поклон. И если захочет Мурад Герай-султан поехать к нам — то пусть ваш государь позволит ему это».¹⁷

Ханское посольство побывало и у самого Мурада Герая. Хотя Мурад немало поусердствовал на службе у недругов Крыма, хан прощал племяннику вынужденную дружбу с царем, звал его на родину и обещал, что присвоит ему сан калги.¹⁸ Возможность стать калгой при новом хане была гораздо более реальной, нежели призрачная надежда самому воцариться в Крыму с помощью русского оружия — тем более, что московский двор уже утратил доверие к Мураду. Поэтому в ответном письме в Бахчисарай Мурад Герай заявил о своей покорности хану¹⁹ и стал готовиться к скорому отъезду в Крым. Как и прежде, он находился на своем астраханском подворье под пристальным надзором русских воевод. Для того, чтобы покинуть Астрахань вместе со своим семейством и слугами, ему требовалось позволение московского царя — и Мурад Герай стал терпеливо дожидаться прощального письма от Федора.

«У КРЫМА МНОГО РУК И ГЛАЗ...»

*Схватка с казаками в Гёзлеве и ханская экспедиция на Украину —
Отмена планов похода на Хаджи-Тархан — Гибель Мурада Герая в Астрахани —
Поход Гази II Герая на Москву —
Возвращение хана в Крым и беседа с московским послом*

(1589-1592)

Перемена на крымском престоле принесла хлопоты не только виновникам гибели Мехмеда II Герая, но и московским боярам, которые уже считали покорение Крыма делом скорого будущего и даже, как упоминалось, заверяли в этом польских соседей. Прекращение крымской смуты спутало и рассыпало тот политический пасьянс, который столь старательно выстраивала в последние годы Московия.

Но если боярам пришлось отменить свои воинственные планы, то запорожские казаки, уже приглашенные Москвой в крымский поход,²⁰ не захотели отказываться от прибыльной экспедиции и решили напасть на Крым независимо от того, пойдут ли туда русские.

В начале лета 1589 года в крымском порту Гёзлев проходил большой ярмарочный торг, собравший купцов со всего Причерноморья, и городские склады ломались от всевозможных ценных товаров. В эту пору на гёзлевском побережье и высадилась лодочная флотилия атамана Кулаги из восьмисот запорожцев. Пока крымские гонцы мчались сообщить о нежданном десанте хану и калге, ярмарка превратилась в побоище: казаки успели разграбить триста лавок, перебив либо взяв в плен их владельцев — турок и караимов.²¹ Фетх Герай срочно привел в Гёзлев войска, и бой с казаками завязался на улицах города. Отстреливаясь, налетчики отступили к своим лодкам и ушли в море, оставив в Крыму тридцать пленных сотоварищей и убитого в перестрелке атамана.²²

Хан выступил к польским пограничьям. Выследить и истребить прячущихся в днепровских плавнях запорожцев было невозможно, и за доходную вылазку казаков расплатились селяне окрестностей Львова и Тарнополя, где ханская армия в сентябре 1589 года причинила немалые разрушения. На обратном пути крымцы встретились-таки и с казаками, которые подстерегали отяжелевшее от трофеев войско на днестровской переправе. В схватке погибло немало ханских воинов — но и казакам пришлось убедиться, что Гази Герай, не

в пример прежнему хану, очень опасный противник.²³ После этой встречи казацкие флотилии надолго оставили крымские побережья в покое — тем более, что польский король обязался наблюдать за своими подданными, дабы они без его ведома не нарушали перемирий Польши с Турцией и Крымом.

Крымский удар по польским владениям был на руку Московии, и хан не упустил возможности напомнить царю об этом. Он сообщал Федору о своих успехах на польском фронте, просил у него средств для снаряжения войск, но главное — настаивал, чтобы царь скорее вернул в Крым Мурада Герая.²⁴ Кроме того, подчеркивал Гази Герай, Московия крупно обязана ему отменой османского похода на русскую Астрахань.²⁵

Это было сущей правдой: турецкие солдаты, уже ожидавшие в Кефе отправки на Волгу, сразу после воцарения Гази Герая были переправлены на иранский фронт, галеры вернулись в Средиземное море, а свинцовые покрытия, снятые с куполов кефинских бань для переплавки на пули, были возвращены владельцам.²⁶

Причиной отмены похода были, конечно, не симпатии хана к царю, а трезвый стратегический расчет. Крыму больше не угрожали с Нижней Волги ни ордынцы, ни покоренные Москвой хаджи-тарханцы и ногайцы, а для того, чтобы усмирить астраханских воевод, под прицелом следовало держать вовсе не Астрахань, а саму Москву.²⁷ В 1569 году шестнадцатилетний Гази Герай уже участвовал в знаменитом хаджи-тарханском походе своего отца²⁸ и, похоже, пришел к выводу, что Крыму нет никакого смысла сражаться за земли Поволжья. Что же до пресловутой «славы», которая вела к берегам Волги ханов прошлых лет, то на этот счет Гази Герай имел особое мнение.

Несмотря на дружелюбие крымского правителя по отношению к Московии, его старания вернуть в Крым племянника оставались напрасными. Хотя Москва и заявляла, что не держит Мурада Герая силой, тому не удавалось покинуть Астрахани, хотя он и желал этого.²⁹ Бояре оказались в очень непростой ситуации: с одной стороны, дальнейшая задержка «владыки четырех рек» грозила испортить отношения с Крымом, но с другой, Мурад Герай за последние годы столько узнал о тайной русской политике на Кавказе и достиг такого влияния

среди местных правителей, что отпускать его, вооруженного этими знаниями и связями, было невысказано.

Истощившись безрезультатным ожиданием, в 1591 году Мурад Герай решил отправиться на родину без царского позволения. Его не стали удерживать силой и даже дали собраться в путь, но накануне дня отъезда Мурад Герай и его сын Кумык Герай скорострительно скончались.³⁰ Их постигла та же странная внезапная смерть, что недавно унесла и Саадета Герая.

Чтобы отвести подозрения от себя, астраханские воеводы устроили громкий показательный процесс, во время которого были найдены, подвергнуты пыткам и сожжены на костре «колдуны», якобы наведшие на крымских гостей роковые чары. Разумеется, «виновники» досадного происшествия отыскивались не среди царских служителей, а среди татар, якобы подосланных из Крыма и Малой Ногайской орды.³¹

Жена Мурада, Ес-Туган (которая прежде была замужем за Саадетом Гераем и, стало быть, потеряла совершенно сходным образом уже второго супруга) писала в Крым, что ее мужа и пасынка опоили ядом³² — но, кроме слов женщины, других доказательств преступлению не имелось.

Гази Гераю очень не понравилось, как обошлись в Московии с его родственником. Не меньшее негодование хана вызвало и то, что русские начали новое наступление на Кавказ, строя там крепости и увеличивая гарнизоны. К Кавказу у Гази Герая было особое отношение: здесь жили родственники, вассалы и союзники Гераев; здесь в семьях черкесских князей воспитывались ханские дети; через Кавказ пролегла дорога между Кефе и Ширваном, от которой во многом зависел успех османских кампаний; да и в целом, здешние края были той частью ордынского наследия, от которой Гази Герай не был намерен отказываться.³³

Крепости возводились и по окраинам Московии на крымском направлении. Стремление русских защититься от крымских походов было понятным — но вместе с тем на память крымцам приходила Казань, где подобные же укрепления на границе использовались для наступления на волжский юрт.

Возникало все больше подозрений, что Москва бросает Крыму дерзостный вызов со всех направлений, хотя и не заявляет об этом

открыто. Это подтверждали и беи, убеждая хана напомнить боярам о крымской силе и добавляя, что среди Гераев уже сложился достохвальный обычай, когда каждый крымский правитель считает своим долгом хотя бы раз повидать берега Оки.³⁴

Гази Герай наверняка уже дважды видел окский берег, сопровождая своего отца в его знаменитых походах на Московию,³⁵ но не отказался побывать в тех краях еще раз: гибель Мурада Герая была к тому достаточным основанием.

К лету 1591 года Гази Герай собрал 150-тысячную армию и повел ее к русской столице. Хан строго запретил грабить по пути земли неприятеля, чтобы не замедлить продвижения к цели.³⁶

Войско без помех перешагнуло заветный берег Оки и 13 июля подошло к Москве. Гази Герай поставил свой походный шатер на Поклонной горе, чтобы следить с высоты за передвижениями армии. Город оказался хорошо подготовлен к обороне: Борис Годунов (первый боярин и фактический правитель Московии при недееспособном царе) заранее выставил артиллерию, ружейные полки и деревянные укрепления наподобие гуляй-города, чтобы не дать крымцам приблизиться к московским кварталам и зажечь их, как это сделал Девлет Герай.

При первом же штурме, который повели ханские братья, обнаружилось роковое несоответствие между вооружением двух армий: крымцы и ногайцы по старинке стреляли из луков, тогда как навстречу им летел рой пуль и ядер. Обстрел мешал ханским воинам приблизиться к вражеским линиям вплотную — и искусство сабельного боя оказалось бесполезным.

Царя Федора не стали эвакуировать из столицы. Первую половину дня он старательно молился в своих покоях, а затем подошел к окну и с непостижимым равнодушием наблюдал за полем битвы, которое хорошо обозревалось вдали из высокого царского терема. Придворный боярин, объятый ужасом, рыдал у него за плечом, но царь оторвал бессмысленный взгляд от окна и обернувшись, вымолвил: «Будь спокоен! Завтра не будет хана!».³⁷ Напрасно гадать, что породило такую уверенность в неясном рассудке Федора, но слова блаженного царя сбылись с поразительной точностью.

Гази Герай перенес свой наблюдательный пункт на Воробьевы горы и смотрел, как море крымской армии наступает и откатывается

перед линией огня, напрочь отрезавшей подступы к городу. Хану не впервые приходилось брать укрепленные города и он, конечно, уже давно понял, что для взятия этой крепости требовались не ногайские стрелы и крымские сабли, а турецкие пушки и мушкеты. Пока Крым лихорадило от внутренних потрясений, русские успешно осваивали европейское стрелковое вооружение, и в первых рядах защитников Москвы стояли их учителя — наемные немцы и поляки. Оставаться здесь далее означало попусту губить людей.

Наступил вечер, и хотя вести прицельный огонь в темноте было уже невозможно, русское войско ради устрашения продолжало безостановочную пальбу в воздух. Под грохот этих выстрелов в ханском шатре всю ночь шел военный совет. Оценив итоги прошедшего дня, беям оставалось лишь согласиться с ханом, что армии следует отступить — и не просто отступить, а уходить прочь стремительным маршем, чтобы ее не настигли пули преследователей.

За час до рассвета по крымскому лагерю прозвучала команда сниматься с места и скакать на юг. Русские пустились в погоню, и это оказалось тяжким испытанием для крымской армии: под обстрел попал даже сам хан, который получил ранение в левую руку, а отставшие крымские отряды были истреблены под Тулой. Походный строй нарушился, войско отступало в беспорядке, и когда калга Фетх Герай 5 августа приискал в Бахчисарай, то не мог дать внятного ответа, где же находится хан. Через неделю ночью в столицу прибыл и сам Гази Герай, едущий на телеге с подвязанной рукой. Ранен был и Бахт Герай, а Сафа Герай вернулся из похода тяжело больным и умер, не прожив и месяца.³⁸

Последний в истории Великого Улуса поход на Москву закончился поражением.

Гази Герай не был бы поэтом, если бы не умел усмехнуться над превратностями судьбы. Вызвав царского посланца Бибикова, пребывавшего тогда в Крыму, хан посетовал: «Был я у Москвы, и меня не угощали: гостям там не рады!». Бибиков набрался духу, чтобы ответить в тон хану: «Хан повелитель!.. Ведь ты у Москвы постоял лишь немножко, а если бы постоял подольше — тогда наш государь сумел бы тебя и угостить». Шутка была весьма дерзкой, но Газайи оценил находчивость посланника, пригласил его к своему столу и подарил парчовый кафтан.³⁹

Затем с остроумным дипломатом беседовали крымские беи, задавшие ему вопрос: для чего царь строит крепости по всей границе с Крымом? Посол, уверовав в силу своего красноречия, пытался отделаться наивным объяснением, что, мол, в Московском царстве от множества народу наступила теснота, оттого и строятся новые города, — но беи не приняли словесной игры и всерьез предостерегли царского слугу (тоже, впрочем, не без изящества слога): «Ваш царь хочет поступить с Крымом, как с Казанью: там тоже вначале поставили город у границы, а потом и Казань взяли. Но Крым — не Казань: у Крыма много рук и глаз...». ⁴⁰

На следующий год Фетх и Бахт Гераи постарались загладить горечь поражения, подвергнув опустошению окрестности Рязани, Каширы и Тулы и доставив оттуда, среди прочего, немало пленных для продажи, однако это было не попыткой повторного похода, а лишь обычным набегом за трофеями, средством восполнить убытки прошлого года. Гази Герай, хотя и не препятствовал этому выступлению, все же объявил его самовольной вылазкой султанов: события вокруг Крыма разворачивались таким образом, что теперь хану требовалось загасить старые конфликты с соседями и заключить с ними мир.

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК

*Мубарек Герай бежит на Кавказ и строит интриги против хана —
Гази II Герай планирует перенести ханскую столицу на Днепр либо в Гёзлев —
Османь приглашают крымцев на войну в Венгрию —
Гази II Герай заключает мир с Московией —
Окончание борьбы за наследство Великого Улуса*

(1593-1594)

Алп и Мубарек Гераи, бежавшие при воцарении Гази II, все еще надеялись вернуть утраченную власть. Но если Алп, поселившийся в Турции, редко давал знать о себе, то Мубарек (известный также под прозвищем Шакай) был гораздо активнее и сумел-таки доставить хану немало хлопот.

После бегства из Крыма Мубарек Герай поселился у черкесского князя Аслан-бека — скорее всего, тот приходился ему тестем, поскольку у Мубарека была знатная супруга-черкешенка.⁴¹ Укрывшись на Кавказе, беглец тут же стал прокладывать обратную дорогу в Крым. Вначале он напрямую просил султана, чтобы тот передал ханский титул законному наследнику престола — Алпу Гераю (для себя Мубарек оставлял пост калги), но эти просьбы не возымели успеха.⁴² Затем, узнав, что Гази Герай ушел в поход на Польшу, Шакай-Мубарек попытался проникнуть на полуостров⁴³ — но и это у него не вышло.

Не смутившись неудачами, Мубарек стал действовать хитрее. Он знал, что османы обеспокоены московским продвижением на Кавказ, и решил показать себя единственным защитником турецких интересов в этих землях. Царь строил на Кавказе новые крепости и увеличивал казацкие гарнизоны, а хан, занятый походами на Львов и Москву, казалось, ничуть не заботился о безопасности османских владений — и лишь верный Мубарек Герай неустанно требовал у падишаха, чтобы тот прислал ему войска и снаряжение для освобождения Кавказа. Похоже, Шакай сумел склонить султана на свою сторону: поползли слухи, что падишах собирается прислать Алпа Герая с восьмидесятитысячной ратью, назначить его ханом вместо Гази, дать Мубареку янычарские отряды и отправить все это воинство против терских казаков. Поговаривали даже, что султан вознамерился казнить Гази Герая!⁴⁴

Эти известия явно не были досужими вымыслами, потому что Гази Герай стал всерьез готовить оборону. Опыт стратега подсказал хану, что ни лежащий на дне долины Бахчисарай, ни плохо приспособленный к длительной осаде Кырк-Ер не будут надежным убежищем в случае, если ему придется защищать от османов свой трон, и потому Гази Герай решил перенести ханскую столицу на материк — к одной из днепровских переправ,⁴⁵ где защитой укрепленного города стала бы степная ширь, непроходимые для судов днепровские пороги и полоса реки у подножия крепости.

По словам ханского посланца в Москве, Гази Герай собирался сбросить зависимость от султана, покинуть Бахчисарай, построить на Днепре укрепленный город и перевести туда все крымские улусы — иными словами, собрать там всю свою армию. Хан просил у царя

тридцать тысяч рублей на строительство крепости и предлагал объединиться в борьбе с общим неприятелем. Сознавая, что его слова будут встречены с недоверием, Гази Герай обзавывался прислать в заложники своего сына Тохтамыша.⁴⁶

Бояре не вполне доверяли столь неожиданному предложению, но все же от имени царя намекнули, что готовы помочь: они отправили хану третью часть затребованной суммы, пообещали прислать в новую крепость артиллерийский отряд и наконец-то отпустили в Крым жену Мурада Герая Ес-Туган вместе с ее прислугой и сыновьями от Саадета Герая: Девлетом, Мехмедом и Шахином.⁴⁷

Однако нужда в возведении днепровской ставки отпала сама собой: Мубарек Герай в тот же год скончался в своем кавказском убежище, а султана, похоже, сумели убедить, что Гази Герай незаменим на своем посту, всегда был лоялен к Стамбулу, и его не стоит оскорблять попусту — тем более, что к нему скоро придется обращаться за военной помощью.

И все же хан не оставил мечты о новой столице, раскинувшейся на просторе (похоже, еще со времен войны на Кавказе Гази Герай увереннее чувствовал себя на открытых, хорошо обозреваемых пространствах, нежели в теснинах и ущельях). Он решил сделать своей столицей Гёзлев,⁴⁸ который вполне мог стать «крымским Стамбулом» — тем более, что главная черта сходства с заморским мегаполисом, отцовская мечеть, уже украшала городской силуэт. Гази Герай давно наметил столичное будущее для столь любимого ему города (ведь недаром он с самого начала перенес сюда свой монетный двор, и надпись «Гёзлев» теперь чеканилась на всех крымских монетах⁴⁹), но воплотить этот замысел ему так и не удалось: появились заботы, которые надолго отвлекли хана от обустройства новой столицы.

Османская империя, захватившая в прежние десятилетия обширные территории в Юго-Восточной Европе, столкнулась с проблемой охраны своих завоеваний. Пока османы воевали с Ираном, австрийский император попытался отодвинуть турок от своих рубежей и вытеснить их из пограничной Венгрии. Султан, доведя войну с кызылбашами до победного конца, перебросил войска с восточного края

империи на западный, чтобы восстановить свое владычество в венгерских землях. Мурад III хорошо помнил, какую пользу принесли крымские войска в иранской кампании, и потому решил воспользоваться их помощью и в новой войне против Австрии.

Гази Герай без возражений принял султанское приглашение: все-таки он был обязан османам своим воцарением, да и новые подвиги на полях сражений надолго заставили бы замолчать тех, кто мечтал о его смещении. Но прежде, чем выступить к дунайским берегам, хану следовало срочно уладить отношения с соседями, чтобы обезопасить Крым на время своего отсутствия.

Гази Герай начал мирные переговоры с царем уже вскоре после возвращения из московского похода. Уже будучи осведомлен о кознях Шакая-Мубарека, хан принес царю извинения за недружественный шаг и предложил условия мира: Москва продолжит по традиции выплачивать Бахчисараю «поминки», а хан со своей стороны оставит претензии на Казань и Хаджи-Тархан.⁵⁰ Самовольный набег Фетха и Бахта Гераев поставил было примирение под угрозу, но хан, торопясь в Венгрию и не имея времени на выстраивание сложных дипломатических комбинаций, сумел склонить царя к миру совершенно неотразимой приманкой: помимо отказа от волжских владений Орды, Гази Герай признал за Федором царский титул и впервые оформил письмо к нему как к независимому правителю: к листу была привешена подobaющая в таких случаях золотая печать.^{51e}

Хан прекрасно сознавал, что преподнес Москве во всех смыслах «царский» подарок. «Скажи брату моему [Федору], — наставлял он русского посла, — что я не отказал ему в великой чести, чего при прежних ханах не бывало!».⁵²

Собственно говоря, на этом можно поставить точку в истории борьбы Крыма за наследство Золотой Орды: владыка Великого Улуса официально признал за московским правителем ханский титул и отказался от верховенства над волжскими юртами.⁵³ Если бы из глубины веков мог вернуться Тохтамыш-хан, он наверняка наградил бы Гази Герая множеством жестоких упреков. Но времена Тохтамыша давно миновали; нынешний крымский хан был сыном своей эпохи и великолепно ориентировался в ее реалиях.

Патриархальные символы XIII и XIV столетий уже мало что значили на пороге XVII века, а Гази Герай был очень расчетливым политиком, ставил превыше всего практическую целесообразность и ради нее не страшился пойти вразрез с вековыми традициями (о чем свидетельствовало, к примеру, и его намерение сменить столицу).

Не так много связывало Крым с волжскими юртами, слишком отдалены они были друг от друга и слишком разные народы населяли их, чтобы Кыпчакская Степь, насильно объединенная когда-то монгольскими завоевателями, могла и далее оставаться одним государством. Единый Улус Бату просуществовал недолго; народы, прежде подчиненные Сараю, при первой же возможности разбежались из-под сени ордынского трона, и ни Намаганы, ни Гераи не смогли удержать их. Это не вызывало сомнений уже в XV столетии; потому-то правители Крыма никогда и не надеялись по-настоящему *править* обоими материками, а стремились лишь формально *господствовать* над ними — ибо только такое господство, покоящееся на династическом старшинстве среди окрестных правителей, могло уберечь Крымский Юрт от извечной угрозы со стороны степных обитателей.

Но теперь выстраивать патриархальные альянсы на востоке было не с кем: Москва под корень уничтожила волжские государства, а во взаимоотношениях с ней пресловутая «слава» наследников Бату не давала никаких преимуществ: сталь и свинец значили здесь гораздо больше, чем золотые чернила, которыми полагалось выписывать в ярлыках имя верховного хакана.

Гази Гераю довелось долго служить под началом османских командиров, и цель войны, как он привык ее понимать, заключалась в завоевании новых земель и покорении новых народов. Сражения же за старинные титулы, давно утратившие свое реальное содержание, должно быть, казались Гази Гераю бессмысленным расточительством сил.

Это, однако, не означало, что хан и вовсе отрекся от наследия Великого Улуса. Напротив: он не отказался ни от титула предков,⁵⁴ ни от тех бывших ордынских владений, которыми можно было по-настоящему и с выгодой *владеть*: Северного Кавказа на востоке и Молдовы с Валахией на западе. На эти земли и обратил теперь свое пристальное внимание крымский правитель.⁵⁵

Летом 1594 года посередине моста над пограничной рекой Сосной (на том дальнем рубеже Крымского Юрта, где когда-то Менгли Герай остановил ордынское войско) встретились два знатных посланца, крымский и русский, обменявшиеся договорными грамотами своих государей.⁵⁶ Между ханом Великого Улуса и его бывшим московским вассалом был заключен мир.

Тем временем Гази Герай с 80 тысячами крымцев и ногайцев⁵⁷ уже спешил к венгерским равнинам, где ему предстояло подтвердить свою славу воителя, неукротимого, словно зимний буран.

ОТВАГА И ЗАВИСТЬ

*1-й венгерский поход Гази II Герая, его отношения с везирем —
Отвага крымских войск на венгерском фронте — Возвращение в Крым,
задержка в Валахии — Гази II Герай желает поставить крымского правителя
в Молдове — Смена султана и последствия этого для Гази II Герая —
Хан посылает в Венгрию Фетха Герая*

(1594-1596)

В июле 1594 года Гази II Герай прибыл в Венгрию, где стояло большое османское войско. Турецкий главнокомандующий, везирь Синан-паша, устроил в честь прибытия хана военный парад и торжественный прием. Подъехав друг к другу на лошадях, хан и везирь обменялись рукопожатием, а затем Синан пригласил Гази Герая в свой походный шатер. Когда крымский гость вошел вовнутрь, везирь предложил хану место справа от себя и уселся с ним рядом. Началась трапеза. По окончании обеда слуги везиря подали Гази Гераю золотую чашу для ополаскивания рук, а Синан-паша преподнес ему подарки: пять тысяч золотых монет и прекрасного боевого коня. На нем крымский государь и вернулся в свой лагерь.

Могло бы показаться, что командир османской армии оказал крымскому союзнику исключительный почет и гостеприимство. Но это было не так. Достаточно было уже того, что паша, завидев хана, не

слез с седла — хотя простолюдинам (даже столь высокопоставленным, как везирь) непременно полагалось спешиться при приближении царственной особы. Неподобающе выглядело и то, что везирь ввел хана в свою палатку, да еще и занял там почетное место, тогда как для встречи столь важной особы надлежало поставить отдельный шатер. Эти тонкости восточного этикета были моментально подмечены всеми присутствующими: везирь вел себя с ханом, как будто тот был равен ему по рангу! Никто, включая самого хана, не подал виду, что заметил это, но поведение турецкого вельможи многое сказало Гази Гераю о настроениях при султанском дворе.⁵⁸

Скоро хан и паша снова вместе сидели в шатре, обсуждая предстоящее сражение с австрийцами. Перед ними простиралась река, а далее стояла неприятельская крепость Рааб, у стен которой австрийцы устроили «табор» — подобие русского «гуляй-города», хорошо знакомого крымцам по их московским походам.

Гази Герай предложил следующий план: крымское войско со своими лошадьми пересечет реку вплавь и разгромит табор — тогда турки смогут соорудить понтонный мост и переправить по нему пушки. Переплывать под обстрелом реку и сражаться с табором было весьма рискованным предприятием, но крымцы справились со своим заданием. Османы построили мост, подкатили пушки к самым стенам крепости, начали обстрел, и теперь Рааб был обречен.

Как ни странно, успех этого маневра вселил в Синан-пашу не столько радость, сколько зависть по отношению к Гази Гераю: ведь если хан и далее будет так удачлив, то он получит лавры победителя, а везирь останется в стороне (тем более, что до прибытия крымцев паша отнюдь не блистал на поле боя). Потому, чтобы не делиться с Гази Гераем славой взятия Рааба, везирь сказал ему, что дальше справится с крепостью и сам — а крымские воины пусть идут осаждать соседний замок, называвшийся Тата.

Везирию не удалось «уберечь» Гази Герая от славы покорителя крепостей: через некоторое время ему донесли, что Тата взят крымцами и без турецкого содействия.⁵⁹ Столь же блистательно крымский полководец выступил и при взятии замка Коморн, повторив свой прием с переправой через реку и оказав османскому войску неоценимую помощь.⁶⁰

Успехи хана сильно раздражали везиря. Не смея задеть самого Гази Герая, паша нашел повод выместить свое неудовольствие на его подданных. Следует отдать должное предусмотрительности турок: ведя войну в Венгрии, они старались причинять как можно меньше бедствий местному населению, сознавая, что грабежи и насилия могут превратить завоеванные земли в безлюдную пустыню, где нельзя будет найти продовольствия. Однако ханские воины придерживались иного мнения: они с самого начала рассчитывали на богатую добычу от венгерского похода, и в перерывах между сражениями рассыпались по окрестностям, собирая свой «урожай». Под тем предлогом, что был нарушен строгий запрет на грабежи, везирь приказал повесить нескольких зачинщиков набегов.⁶¹

Он мог наложить на виновных разные виды наказания, но избрал именно виселицу как самую позорную казнь. Если Синан-паша желал тем самым досадить Гази Герая, то попал точно в цель. Сколь бы ни провинились ханские бойцы, нарушив указ везиря, но вешать воинов, еще вчера сражавшихся за султана, было оскорблением для их правителя. Гази Герай собрал свою армию и увел ее обратно в Крым (за исключением десяти тысяч ногайцев, которых он все же оставил при паше⁶²) — тем более, что подступала зима, когда военные действия приостанавливались.

Обратный путь крымцев лежал через дунайские княжества: Валахию и Молдову. Эта дорога была выбрана ханом не случайно. Триста лет назад земли обоих княжеств входили в улус эмира Ногая и подчинялись Золотой Орде.⁶³ Затем они были покорены Османской империей, и с тех пор правителей (господарей) Валахии и Молдовы назначал и смещал Стамбул. Однако даже после османского завоевания княжества продолжали платить дань Крыму в память обычая, установившегося при ордынском господстве.⁶⁴

Отказавшись от бесполезной борьбы за Волгу, Гази Герай вспомнил об этих бывших владениях Великого Улуса, подчинение которых представлялось вполне осуществимой задачей. Конечно, Гази Герай не рассчитывал отобрать дунайские княжества у Османской империи, но его замысел и не требовал этого: хану было достаточно того, чтобы султан назначал правителями Молдовы

и Валахии не князей из числа местных жителей, а крымских принцев из рода Гераев. В Крыму уже был готов и кандидат в правители Молдовы: Адиль Герай, сын нурэддина Бахта.⁶⁵

Гази Герай считал, что это послужило бы достойным вознаграждением за помощь, оказанную крымцами османам в венгерской кампании, и еще на фронте пытался завести разговор на эту тему с Синанпашой. Ответ завистливого везиря, разумеется, был отрицательным, что однако, не пошатнуло надежд хана добиться господства Гераев над дунайскими княжествами.

Как раз накануне османско-австрийской войны валашский господарь Михай и молдавский господарь Аарон восстали против султана. Особенно силен был Михай: он изгнал турок из Валахии, и османской армии никак не удавалось справиться с ним. Гази Герай решил вмешаться и подавить мятеж — вероятно, он рассчитывал, что за такую услугу султан выполнит его желание.

Поход в Валахию едва не стал для крымского правителя роковым: во время яростной схватки с повстанцами Гази Герай был тяжело ранен пулей. Крымское войско отступило на болгарский берег Дуная, в Силистру. Там армии пришлось задержаться, пока местный цирюльник лечил ранение хана, и потому воины смогли вернуться в Крым лишь весной на следующий год.⁶⁶

Осенью 1595 года Гази Герай продолжил борьбу за дунайские княжества, где у него появился серьезный соперник: польский король. Зигмунт III, который, как и хан, тоже считал себя наследственным господином молдавских земель, послал туда войска, сверг Аарона и поставил на пост господаря своего ставленника Иеремию Могилу.⁶⁷ Хан не мог остаться безучастным к такому шагу соседа — и тоже вступил в Молдову с немалой армией. Вскоре Гази Герай уже сообщал султану, что овладел мятежным краем, и что жители Молдовы сами желают видеть его своим повелителем.⁶⁸ При таком успехе можно было бы не сомневаться, что падишах пойдет ему навстречу и пришлет указ, провозглашающий правителем Молдовы Адиля Герая... Тем глубже было разочарование хана, когда он дождался ответа из Стамбула: совет везирей постановил, что отдавать край под управление Гераев нецелесообразно.⁶⁹

Польские отряды в Молдове, со дня на день ожидавшие схватки с крымцами, были поражены резким разворотом ханской политики: Гази Герай вступил в мирные переговоры, признал Иеремию законным господарем и обязался вывести свои войска в течение трех дней.⁷⁰ Зная подоплеку событий, эту внезапную перемену понять нетрудно: теперь для хана уже не имело значения, кто станет хозяином края; главное, что османы отказали в этом ему, своему верному и заслуженному союзнику.⁷¹ Вряд ли крымский правитель был утешен тем, что Иеремия обязался выплачивать ему дань в прежнем размере: Гази Герай считал, что заслуживает гораздо большего.⁷²

Холодность, которая стала хорошо заметна в отношении стамбульского двора к крымскому хану, объяснялась не только происками завистливых вельмож, но и сменой султана. Мурад III, считавшийся другом Гази Герая, умер в январе 1595 года, и ему наследовал сын, Мехмед III. Восхождение на трон нового падишаха ознаменовалось событием, ужаснувшим весь Стамбул: ради того, чтобы исключить в будущем всякие споры за престол, Мехмед III приказал истребить девятнадцать своих братьев, что было тотчас исполнено.⁷³

Отныне Гази Герай уже не мог полагаться на свой прежний авторитет при султанском дворе: к власти там пришли совершенно другие люди, и все привилегии и обещания, данные когда-то Гази Гераю покойным Мурадом, были — по витиевтому выражению османских летописцев — «брошены в лохань забвения».⁷⁴ Забвению были преданы и недавние заслуги Гази Герая на венгерском фронте: в своих рапортах султану Синан-паша приписал их собственному сыну, румелийскому наместнику Мехмеду.⁷⁵ В лице Синан-паши Гази Герай обрел опасного врага: везирь явно добивался смещения хана и старался убедить нового падишаха, что крымский правитель намерен в союзе с Польшей и Молдовой выступить против Османского государства.⁷⁶

В 1596 году Мехмед III решил лично побывать на венгерском фронте и воодушевить бойцов своим присутствием. Туда же он пригласил и Гази Герая. Хан без возражений собрал войско, взял с собой калгу Фетха Герая и двинулся в путь. Однако когда крымская армия проходила мимо Валахии, Гази Герай отдал калге часть своих отрядов и приказал

ему следовать дальше к Венгрии, а сам остался в валашских землях. Вопрос о дунайских княжествах стал для него делом чести: хан хотел отплатить за свое позапрошлогоднее поражение, свергнуть мятежного Михая и посадить вместо него Симеона Могилу, брата молдавского Иеремии.⁷⁷ Если Стамбул столь упорно не желает отдавать дунайские княжества под правление Гераев — то пусть там правят ставленники польского короля: Гази Герай поможет им взойти на престол и тем самым превратит в вечных должников и данников Крыма.

После разделения войска Фетху Гераю досталось не более 20 тысяч бойцов.⁷⁸ С этими остатками армии Фетх и продолжил путь к Венгрии, где прибытия крымцев уже жаждали султан с везирями.

СУД ЗА ПРЕСТОЛ

*Фетх Герай в Венгрии, его боевые заслуги —
Везирь добивается смещения Гази II Герая — Гази II Герай готовится к обороне —
Уловка с двумя султанскими указами — Суд у кефинского муфтия —
Фетх Герай поднимает мятеж — Гибель Фетха Герая*

(1596-1597)

Насколько известно, Фетх Герай ранее никогда не виделся с Мехмедом III, и их встреча на венгерском фронте стала для калги первой султанской аудиенцией. Первый вопрос, заданный падишахом, наверняка касался того, почему рядом с Фетхом нет его старшего брата с основными силами, и если хан отстал в пути, то как скоро следует ожидать его прибытия? Ответ калги о том, что Гази Герай остался воевать с валашскими мятежниками, немало добавил к тому грузу неприязни и подозрений, который стараниями везиря уже тяготел над ханом.

Итак, хан не удостоил падишаха своим присутствием, но откладывать из-за этого военных действий не стали, и Мехмед III приказал наступать. Главной целью турок в этой осенней кампании 1596 года была крепость Эрлау.⁷⁹ Через некоторое время она была взята османскими и крымскими войсками, но главное сражение было еще впереди: авс-

трийский император Рудольф отправил на помощь защитникам крепости несметную армию. Фетх Герай, посланный в разведку, пронесся со своей ветроподобной конницей вдоль фронтов противника и донес султану, что неприятельское войско поистине огромно (в нем было не менее трехсот тысяч человек!⁸⁰). Пройдя по болотистой равнине к турецкому лагерю, австрийские солдаты нанесли ему сильнейший удар. Пехотинцы императора уже пробились к шатру султана и окружили его — но тут в тыл неприятельскому войску отчаянно врезались Фетх Герай с османским военачальником Чигала-заде. Австрийцы развернулись, чтобы отбить их атаку — и эта передышка позволила туркам собрать последние силы и разгромить нападавших.⁸¹

Победа, в которой была спасена жизнь самого султана, стала грандиозным торжеством для османов. Герои сражения были щедро вознаграждены, а Чигала-заде назначен на пост главного везира.

Так высшая должность при султанском дворе досталась давнему недоброжелателю крымского хана — тому самому командиру, чьи завистливые обвинения когда-то вынудили Гази Герая покинуть иранский фронт. Достигнув вершин власти, Чигала-заде сразу же решил свести старые счеты с Гази Гераем, тем более, что почва для этого уже была подготовлена прежним везирем. И когда на совещании у султана встал вопрос о награде для отважного Фетха Герая, Чигала-заде настоял, что такой наградой может стать лишь возведение героя на ханский престол, а своенравного Газайи давно пора отправить в отставку. Мехмед III согласился с везирем и подписал указ о назначении нового хана.

Когда Фетх Герай узнал о свалившемся на него подарке судьбы, он представил себе, чем может обернуться соперничество с грозным братом, и поначалу пытался отказаться: «Я не могу принять этого поста: он по праву принадлежит моему старшему брату, которого я почитаю, как отца». Но везиря мало заботило мнение калги, который был нужен ему лишь как орудие мести. Чигала-заде обнадежил Фетха Герая обещаниями всяческой помощи со своей стороны и убедил его принять ханский титул.⁸²

Тем временем Гази Герай возвратился из Валахии в Крым, где и был встречен ошеломляющей новостью о своей отставке. Гази Герай умел хорошо воевать, и решил защищаться до последнего. Пример Мех-

меда II Герая, который в одиночку восстал против султана и проиграл бой, убеждал, что для успешного сопротивления туркам понадобится целая международная коалиция.

Не теряя времени, Гази Герай разослал письма ко всем соседним правителям: польскому королю, австрийскому императору, господарям Молдовы, Валахии и Трансильвании и даже к запорожским казакам. Гази Герай извещал их, что порывает всякие отношения со Стамбулом, и приглашал вместе выступить против османов.⁸³

Послания, составленные Гази Гераем в те дни, свидетельствуют, что поступок султана стал для него тяжким ударом: хана потрясла не столько потеря престола, сколько вероломная неблагодарность Стамбула, ведь Мурад III, утверждая Гази на престоле, обещал, что назначит его ханом пожизненно. Гази Герай с горечью сетовал в своих письмах, что ради славы дома Османов провел годы в иранской неволе, и что следы от тюремных кандалов до сих пор остались на его теле — а наградой за все страдания и подвиги стало унижение, которому подверг его ныне султан...⁸⁴ Свергнутый хан более не считал нужным скрывать то глубокое презрение к Мехмеду III, которое накопилось у него в сердце: «Человек ничтожный и лживый, — гневно писал он о султанине, — неверный, рожденный рабыней; грех, что мы до сих пор ему служили!!!».⁸⁵

За короткий срок своего пребывания на везирском посту Чигала-заде развернул кипучую деятельность и успел натворить немало бед: помимо устроенной им интриги вокруг крымского престола, он наложил такие тяготы на население империи, что многие подданные султана присоединились к восстанию мятежников-джеджели, разворачивавшемуся тогда в Анатолии. Поэтому торжество Чигала-заде продлилось недолго: через несколько месяцев Мехмед III отправил его в отставку.⁸⁶

Новый везирь, Ибрагим-паша, немедленно разъяснил султану, какой ошибкой было смещение Гази Герая. Новые беспорядки в Крыму не только лишат Турцию крымской военной помощи, но, пожалуй, заставят отозвать с фронта драгоценные силы для усмирения взбунтовавшегося хана. Потрясения в Крыму неминуемы, даже если султан отменит свой указ о назначении Фетха — ведь у того тоже имелись влиятельные сторонники...

Безрассудная месть бывшего везира завела османский двор в глухой тупик. Султану осталось лишь прибегнуть к уловке: он подписал два одинаковых указа, один из которых утверждал ханский титул за Гази, а второй — за Фетхом. Затем придворному порученцу приказали отправиться в Крым и тщательно разузнать, кто из двух претендентов на престол имеет за собой больше сторонников. Сильнейшему из них и надлежало вручить именную грамоту, а копию, предназначенную для второго кандидата, бесследно уничтожить.

Хандан-ага, которому была поручена эта деликатная миссия, оказался давним другом свергнутого хана. При первой же встрече Хандан-ага передал в руки Гази Гераю бумагу, выписанную на его имя, а экземпляр Фетха, очевидно, тут же превратился в пепел.⁸⁷ Получив заветный документ, Гази Герай не замедлил предъявить его в Кефе и заявить о своих законных правах на престол. Тут же в Кефе появился и Фетх Герай, у которого тоже имелся веский аргумент: падишахский указ, провозглашавший его ханом.

Два разных документа говорили об одном и том же, и каждый утверждал за своим владельцем ханское звание. Чтобы не допустить стычки и кровопролития, вопрос решили вынести на рассмотрение суда. Верховный кефинский судья, кади Абд-ур-Рахман-эфенди, изучил оба султанских распоряжения и заключил, что Фетх Герай обладает более солидными основаниями занимать трон: во-первых, его бумага выдана позже, а во-вторых, на ней присутствует личная подпись султана.

Такое решение не устроило Гази Герая и его приверженцев, и они обратились в наивысшую судебную инстанцию: к муфтию Азаки-эфенди. Глава мусульманской общины Крыма задумался, рассматривая лежавшие перед ним листы, а затем указал присутствующим, что на письме, предъявленном Гази Гераем, присутствует султанская тугра — рисованная каллиграфическая монограмма, издавна служившая знаком власти османских султанов и изображавшаяся на важнейших документах. Без этого символа, своего рода удостоверительной печати, указ Фетха Герая — пусть даже и подписанный султаном — становился простой запиской. На том и порешил суд муфтия: ханом следует признать Гази Герая, а тот, кто воспротивится сему, будет считаться врагом падишаха.⁸⁸

Муфтий нечасто высказывался по вопросам политической жизни, но когда ему доводилось делать это, слово муфтия становилось законом для всех без исключения крымских мусульман. Фетх Герай понял, что теперь ни войско, ни народ не поддержат его, и потому был вынужден признать свою отставку. Справедливость в отношении Гази Герая восторжествовала — но можно ли было представить в прежние времена, что судьба хаканского престола станет зависеть от расположения чернильных завитков на вощенной бумаге стамбульской канцелярии...

После всего, что произошло, Фетх Герай, конечно, не мог оставаться в Крыму. Султанский двор звал его в Турцию и даже обнадеживал, что когда-нибудь снова сделает его ханом — но кто-то предупредил Фетха Герая, что на самом деле султан задумал казнить его.⁸⁹ И действительно: убедившись в неспособности Фетха удержать трон, османы больше не нуждались в его услугах, и им оставалось лишь избавиться от неудачника.

Поэтому Фетх Герай отправился не в Стамбул, а в Черкессию,⁹⁰ последовав давнему примеру Шакай-Мубарека. Судьба этих двух братьев оказалась на удивление схожа (за исключением, разве что, финала). Ранее, после смерти Мубарека, Фетх Герай взял замуж его вдову-черкешенку⁹¹ — и, стало быть, нашел теперь убежище там же, где некогда скрывался от хана и Шакай: во владениях кавказского тестя. Подобно Мубареку, Фетх Герай не желал сдаваться и мечтал вернуться к власти — но не с помощью коварного султана, которому он больше не доверял, а исключительно собственными силами.

Когда летом 1597 года Гази Герай собрал войска и покинул Крым, Фетх Герай подумал, что хан удалился в очередной поход на Венгрию. Понадеявшись на долгое его отсутствие, Фетх Герай вместе со своим калгой Бахтом Гераем и прочими приверженцами ворвался на полуостров и попытался захватить Бахчисарай. Хотя в московских и венгерских походах Фетх показал себя храбрым воином, мятеж раскрыл в нем никудышного стратега: он пренебрег разведкой — а иначе бы знал, что хан отправился вовсе не к далеким венгерским равнинам, а всего лишь к низовьям Днепра.

Услышав о волнениях в Крыму, Гази Герай за считанные дни вернулся к столице со всеми своими силами. Фетху пришлось бежать в

Кефе — прибежище далеко не безопасное, откуда его могли легко переправить к султану. Очутившись меж двух огней, мятежник предпочел просить милости у брата, нежели ехать в Стамбул.⁹²

В милости ему было отказано.

Неизвестно, когда у Фетха Герая зародилась мысль бежать в Московию — то ли еще в Черкессии, то ли уже в Кефе — но об этом его намерении узнали многие.⁹³ Хан помнил, какую угрозу навлекла на Крым эмиграция Мурада Герая, и категорически решил не допустить повторения этого.

Покинув Кефе, бунтовщик явился к хану, чей походный шатер стоял в небольшом селении по соседству с городом. Фетх Герай снял шапку, опустился на одно колено и собрался поцеловать полу ханского халата, когда один из окружавших хана мансурских мирз шагнул к кающемся бунтовщику и разбил ему голову боевым топором. Бахт Герай оставался снаружи шатра и не видел происходящего, но почувствовал опасность и вскочил в седло — однако ханские слуги схватили его лошадь под уздцы и убили Бахта на месте. Вслед за этим мирзы истребили и всю семью Фетха Герая, не исключая девятерых его детей.⁹⁴

Жестокость в отношении потомства поверженного мятежника не может быть оправдана, но может быть объяснена — ведь, по сути, не имело значения, доберется ли до царя сам Фетх Герай, либо только его сыновья: история с крымскими беженцами на московской службе грозила повториться и в том, и в другом случае.

Говорили, правда, и другое: что расправа с Фетхом Гераем свершилась не в присутствии хана и даже без его ведома: якобы некий мирза, желая выслужиться перед ханом, самочинно избавил его от соперника, а Гази Герай, удрученный гибелью брата, даже сложил о этом скорбную эпитафию:

*Жестоко обошлись сегодня
С Фетхом Гераем небеса —
Уместно, коль заплачут сегодня
Люди на земле, ангелы на небе.*⁹⁵

Однако трудно поверить, что кто-либо в Крыму осмелился бы посягнуть на жизнь целого семейства ханских родичей без одобрения

самого хана. Судьба Фетха Герая воистину была достойна сожаления: 39-летний калга, выделявшийся среди братьев своими дарованиями,⁹⁶ верно служивший хану и никогда ранее не помышлявший о бунте, позволил использовать себя в опасной интриге — и был равнодушно брошен своими стамбульскими покровителями, едва только рухнула сделанная на его имя ставка.

ДЕНЬ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

*2-й венгерский поход Гази II Герая —
Силистрийский паша отдает в управление хану западный берег Черного моря —
Мятеж в Крыму — Бегство Селямета Герая в Турцию, опасения хана
по этому поводу — 3-й венгерский поход Гази Герая: зимовка в городе Печ —
Амнистия мятежникам «джеяли» и Селямету Гераю —
Гази Герай возвращается в Крым*

(1598-1603)

Пока в Крыму разворачивалась драма, связанная с воцарением и мятежом Фетха Герая, в Венгрии не прекращалась война, и османы, как и прежде, ожидали крымской помощи. Нетрудно понять, почему они так и не дождались ее в 1597 году: слишком велико было оскорбление, нанесенное хану, чьи прежние подвиги на службе падишаху были поставлены ни во что.

Вряд ли Гази Герай отправился бы сражаться за неблагодарного султана и на следующий год, но дальнейшее игнорирование падишахских призывов становилось опасным: дошли слухи, что Мехмед III снова стал поговаривать о замене хана — на сей раз кандидатом выступал Алп Герай. Приближенные еле отговорили султана от новой попытки устроить переворот в Бахчисарае, втолковав ему, что хан очень популярен в народе и лишить его престола означает вызвать в Крыму новые потрясения с тяжкими последствиями.⁹⁷

То, что в Стамбуле вновь вспомнили об Алпе, должно было всерьез обеспокоить Гази Герая. Хотя османы, занятые войной, и не могли

оказать Алпу Гераю мощного военного вспоможения, тот с легкостью мог одолеть хана тем же оружием, каким Гази победил Фетха: судом! Ни один житель Крыма не смог бы оспорить, что Алп Герай, как старший в ханском роду, несомненно обладает первоочередным правом на престол.

Потому Гази Герай решил не усложнять напряженные отношения с султаном и летом 1598 года в очередной раз вывел крымскую армию в венгерский поход. Он сделал это вопреки своей воле: хан не желал воевать и не скрывал этого от европейских правителей, у которых даже возникла надежда включить Крым в антиосманский союз. Если Гази Герай встанет вместе с Европой против турок, — подсказывали они хану в тайных посланиях, — Крым получит все земли, какие только сможет сам отвоевать у Османской империи.⁹⁸ Известно, что вопрос о землях весьма волновал Гази Герая, но все же заключить подобный союз он решился: хан понимал, что войну с Турцией на стороне христианских держав не поддержат его собственные войска.⁹⁹

Бои на фронте шли вяло: хотя Гази Герай с османским командующим Сатырджи Мехмед-пашой и захватили важную крепость Варад в Трансильвании, других крупных сражений не последовало, и с наступлением осени хан отвел своих бойцов на зимовку к городу Сомбору, а сам отправился в Силистру, где когда-то лечил раны, полученные в валашском походе.¹⁰⁰ Этот городок был столицей обширной османской провинции, что охватывала почти весь западный берег Черного моря от Янболу до Дуная. Наместником этой области и был Сатырджи-паша, который подружился с Гази Гераем и пригласил его перезимовать у себя.

Хан был по-прежнему разочарован тем, что Крым так и не получил от османов должного вознаграждения за участие в войне. Он рассказал паше свою грустную историю о самоотверженном герое и неблагодарном падишахе — и тот, выслушав друга, решил восстановить справедливость. Сатырджи-паша распорядился, чтобы налоги и доходы с Силистрийской провинции передавались в пользу Гази Герая — то есть, фактически, передал край в управление хану. Дружеская щедрость дорого обошлась великодушному наместнику: прибыв на фронт следующим летом, главный везир казнил его за самоуправство.¹⁰¹

Так Гази Гераю был нанесен очередной удар: его добрый товарищ лишился жизни за попытку оказать хану благодеяние. Подобное поведение султана в отношении крымского правителя объяснялось не только наветами клеветников, но, видимо, и страхом — ибо по Турции ходили слухи, что Гази Герай постепенно и без лишнего шума продвигает своих сторонников на высшие посты при падишахском дворе, чтобы затем устроить переворот и занять престол Османской империи!¹⁰²

Убийство Сатырджи-паши заставило Гази Герая опасаться и за собственную жизнь — теперь он встречался с везирем только в сопровождении отряда телохранителей, а вскоре и вовсе покинул Венгрию, как ни старался османский командующий задобрить его дарами и почестями.

Осенью 1599 года хан вернулся на родину. Подарив целый год венгерскому походу, он считал себя вправе заняться делами своего государства. Но Гази Герай не нашел покоя и в собственном доме: на этот раз новая сеть интриг была сплетена в кругу его родичей и приближенных.

Имена тех людей в Крыму, что поддержали недавний мятеж Фетха Герая, остались в тени, но можно догадаться, что это были ширинские вельможи — ведь недаром за расправу с мятежником, его сообщниками и семейством взялись именно Мансуры, давние соперники Ширинов. У предводителя Ширинского клана к тому времени уже накопился длинный список претензий к хану. Первой и главной из них была та, что хан сильно урезал полномочия родовой знати в государственной жизни страны. Гази Герай ввел при своем дворе должность капы-агасы, подобную должности османского везира, и назначил на нее Ахмед-агу — черкеса по происхождению, полностью зависимого от хана и всецело преданного ему. Капы-агасы стал постоянным спутником своего повелителя в боевых походах, его доверенным лицом в переговорах с соседними правителями, главным телохранителем и секретарем. Как и подобало везиру, Ахмед-ага стал одним из наиболее влиятельных лиц в государстве. Помимо того, хан набрал себе из тех же черкесов и гвардию ружейных стрелков-тюфенкджи в полтысячи человек. Она походила на отряды секбанов, учрежденные ранее Сахибом Гераем, — но если Сахибу на содержание гвардейцев деньги присылал султан, то Гази Герай не желал, чтобы его личная охрана каким бы то ни было образом зависела от Стамбула, и содержал ее сам, введя для этого специальный налог с населения Крыма.¹⁰³

Такая самостоятельность хана никак не устраивала Ширинов. Этим решил воспользоваться молодой нурэддин Девлет Герай, который за год отсутствия хана в Крыму успел почувствовать вкус к власти и пожелал сам стать правителем. Нурэддин сговорился с ширинским беєм Кутлу-Гиреем, чтобы тот помог ему убить Гази Герая и занять престол. Кутлу-Гирей одобрил дерзкую затею и отрядил на помощь мятежнику своих сыновей. Но, видимо, кто-то из посвященных лиц выдал тайну, и план покушения стал известен хану раньше, чем заговорщики успели приняться за дело.

12 июня 1601 года, в день Курбан-Байрама (мусульманского праздника Жертвоприношения), Гази Герай по своему обыкновению созвал на праздничный пир крымскую знать — в том числе и верхушку клана Ширин вместе с Девлетом Гераем. Такие празднества проводились у хана каждый год, и заговорщики прибыли в гости к правителю в уверенности, что тот не догадывается об их замыслах. Рассевшись на коврах между шатрами и уже приступив к пиршеству, изменники вдруг с тревогой заметили, что вокруг них собираются ханские гвардейцы. Тюфенкджи вскинули ружья, грянули выстрелы, и самонадеянный нурэддин вместе с ширинским беєм пали в этот день жертвой собственного властолюбия. Братья Девлета — Мехмед и Шахин Гераи — вместе с тремя сыновьями Кутлу-Гирея вырвались из кольца порохового дыма и бежали в Турцию.¹⁰⁴

Калга Селямет Герай, похоже, что-то знал о планах заговора — хотя, с другой стороны, он сам считался первым наследником и вряд ли был согласен пропустить вперед себя на трон Девлета. Гази Герай имел сильные подозрения в отношении Селямета, но подтвердить их, видимо, было нечем, и потому хан ограничился серьезным разговором с братом, после чего оба поклялись всегда быть в ладу друг с другом. Ахмед-ага пытался убедить хана, что Селямет Герай — такой же мятежник, как и прочие, и просил позволения устранить его, но Гази Герай, не желая нарушать клятву, приказал оставить калгу в покое.

Видимо, за Селяметом Гераем действительно водились некие преступления, потому что теперь он стал жить настороже. Он даже покинул свой дворец Салгыр-Сарай и переселился в шатры у Кызыл-Кая, объяснив такую предосторожность тем, что из-за возникшей в городе

эпидемии следует избегать больших скоплений народа. Наконец, в сентябре, улучив момент, калга бросил свой лагерь и умчался из Крыма в степи — в Ак-Керман и далее, в Стамбул.¹⁰⁵

Тайное бегство Селямета стало лучшим доказательством его виновности — а заодно и источником постоянной тревоги для хана: ведь в распоряжении Стамбула оказался новый кандидат на крымский престол, и хану приходилось опасаться новых интриг в свой адрес — теперь уже с участием Селямета Герая.

Гази Герай потребовал от султана, чтобы тот либо выдал беглого калгу в Крым, либо казнил его сам. Падишах отверг эти требования, но пообещал, что отправит беглеца в далекую ссылку, где тот не сможет вредить Гази Гераю. Так и случилось: Селямет Герай был сослан в Анатолию, а Мехмед III, оказав услугу хану, в который раз напомнил ему, что ожидает прибытия крымских войск на венгерский фронт.¹⁰⁶

Селямет Герай недолго оставался в местности, отведенной ему султаном для жительства. В эти годы в Анатолии разгоралось восстание «джеляли» — турецких крестьян и беглых солдат под предводительством братьев Кара-Языджи и Дели-Хасана. Сражаясь с султанскими войсками, мятежники овладели обширными областями в Восточной Турции, где жил теперь Селямет Герай. Недолго думая, крымский беглец покинул место ссылки и присоединился к участникам мятежа.¹⁰⁷ Это могло несколько успокоить хана: ведь дружба с бунтовщиками должна была лишить Селямета всякого доверия при султанском дворе и вычеркнуть его из числа соперников хана.

Поэтому осенью 1602 года Гази Герай решил оставить Крым и выступить в свою третью венгерскую кампанию. Все ханские братья к этому времени либо погибли, либо покинули Крым, и на пост первого наследника был назначен 13-летний сын Гази Герая — Тохтамыш Герай. Отец видел его будущим правителем Крыма и стал смолоду приучать к управлению страной: юному калге было поручено охранять Крым от неприятеля в отсутствие хана. Разумеется, в помощь ему были назначены опытные советники.¹⁰⁸

В прифронтовых землях хан появился лишь в октябре, когда основные сражения уже закончились и османские войска расходились на зимовку. Гази Герай поселился переждать зиму в венгерском городе Печ.

Здесь он нашел себе образованного собеседника: его частым гостем стал местный уроженец, венгр-мусульманин Ибрагим Печеви, знаменитый в будущем историк. Впоследствии Печеви рассказывал о своих встречах с ханом: «Я большую часть дней находился в его благородном обществе, а по временам мы ездили даже на охоту и ходили прогуливаться; иногда же проводили время в писании и в некоторых других похвальных занятиях. Он заставил меня выучиться писать почерком таалик, преподав мне правила, как действовать пером в этом почерке».¹⁰⁹ Гази Герай научил Печеви не только искусству арабской каллиграфии, но и персидскому языку, которым владел в совершенстве и писал на нем стихи.

Обретя вдали от придворной суеты много свободного времени, Гази Герай взялся за создание поэмы — воображаемого диалога между Кофе и Вином, который и был написан долгими зимними вечерами в Пече. Гази Гераю, к слову, было чем гордиться на литературном поприще. Среди всего пестрого разнообразия ближневосточной поэзии он создал целый новый жанр, которому в будущем появилось немало подражаний.¹¹⁰ Если основным лирическим героем у прежних поэтов был влюбленный юноша, то в стихах Газайи заговорил воин-аскет:

*Святого преклоненья перед стягом
Пленительный стан девы не заменит,
И к бунчуку привязанности сердца
Благоуханье пери не заменит.*

*И пылкую любовь к мечу и стрелам,
Которую не излечишь из сердца,
Ни брови, рассекающие душу,
Ни глаз аркан и стрелы не заменят.*

*И наготу клинка, что дарит радость
И нас сопровождает постоянно,
Притворная и приторная сладость
Серебряного тела не заменит.*

*На шелковистой шее иноходца
Узла волос, сжимающего душу,*

*Прядь завитая на висках любимой
И косы юной серны не заменят.*

*Коня мы любим с выучкой искусной,
С упругим, легким, словно ветер, бегом,
Его нам ни красавица, ни пери
С походкою газели не заменят.*

*Мы душу нашу вверили джихаду,
Войну за веру предпочли любимой
С обличьем пери и небесным взглядом,
Которая нам цели не заменит.*

*Лишения военного похода,
К которому влечет нас неизменно,
На муки страсти к девушке жестокой
Мы ни за что на свете не заменим.*

*Мы жаждем всей душою газавата
И, с Газайи испытывая жажду
И требуя той жажды утоленья,
Вода нам кровь неверных не заменит.¹¹¹*

Весной 1603 года венгерские равнины вновь покрылись марширующими колоннами: везирь привел турецких солдат с зимних квартир и расставлял их по прежним позициям. Среди турецкого войска выделялись полки, более похожие на толпы разбойников, нежели на воителей ислама: это были «джеляли». Не сумев подавить восстание силой, султан все же нашел, как укротить мятежников: он пообещал им полную амнистию, высокие посты и плату за участие в венгерской кампании. Вожак «джеляли», Дели-Хасан, чувствовал себя хозяином положения и очень вольно обращался с везирем — а тот, опасаясь немилости падишаха, не смел перечить его бесконечным капризам и дерзким выходкам.¹¹²

Хан был возмущен тем, что султан поставил анатолийских разбойников наравне со всеми честными воинами, и отказался являться к командующему, пока тот держит мятежников при себе. Но гораздо больше его заботила другая мысль: если даже Дели-Хасан, при всех его

прошлых злодеяниях, находится теперь в такой чести у султана — то что же тогда говорить о Селямете Герае? Ахмед-ага укорял хана, что тот не позволил ему расправиться с калгой еще в Крыму: «Вот то-то, государь, зачем ты не предоставил меня самому себе? Если бы я при тебе же зарезал его, как режут желтого быка, так ты бы теперь был избавлен от этих дум и опасений». ¹¹³

Дурные предчувствия оказались не напрасны: к лету стало известно, что все крымские беглецы, присоединившиеся к Дели-Хасану, — Селямет Герай и братья Девлета Герая — тоже получили падишахское помилование. Недожидаясь, пока беспокойные родичи появятся в Крыму с должным образом оформленной грамотой на ханский титул, Гази Герай свернул свои походные шатры и быстрым маршем отправился домой. ¹¹⁴

Хана уговаривали остаться, а командующий фронтом передал ему через Печевы 30 тысяч аспров. «Отнеси-ка это обратно, — сказал гостю Гази Герай, — слава Аллаху, я в этом не нуждаюсь: дать татарам по одной монете мне не позволяет честь моя, а если бы я захотел дать по две, так этого не хватит». ¹¹⁵

Больше в Венгрию хан никогда не возвращался.

На службе султану в венгерских землях он провел в общей сложности два года. Это было бы в порядке вещей для какого-нибудь паши или янычарского командира — но для правителя государства, которого годами не видела собственная страна, это было недопустимо. ¹¹⁶

СТРАНА КРЫМ

*Гази II Герай в союзе с Польшей готовится обороняться от османов —
Новый султан, примирение хана со Стамбулом — Крым и Северный Кавказ —
Дружеские контакты с иранским шахом — Смерть Гази II Герая
и отзывы современников о нем — Краткий итог*

(1603-1608)

Отход с позиций в начале лета грозил дорого обойтись Гази Гераю. Османы и без того были недовольны его слишком поздним прибы-

тием прошлой осенью,¹¹⁷ а покинуть фронт теперь, до начала боевых действий, означало неминуемую ссору с султаном. Тем не менее, хан сознательно пошел на риск: ему требовалось немедленно оказаться в Крыму, пока Мехмед III не вздумал послать туда Селямета Герая.

Очевидно, султан не замедлил излить свой гнев на Гази Герая, ибо тот, вернувшись домой, стал готовиться к обороне — в точности, как десять лет назад; только на этот раз хан избрал своим союзником не Московию, а Польшу. Он написал Зигмунту III о своей вражде с султаном, попросив его помочь в постройке крепости и прислать в Крым побольше огнестрельного оружия. Гази Герай даже намекал в своем послании, что готов признать верховенство Польши над своим государством — если только ему удастся с помощью короля избавиться от верховенства османов.¹¹⁸ Этот неожиданный политический маневр был не столь уж и фантастичен, имея некоторое основание в старинных традициях: ведь когда-то, посадив на крымский престол Хаджи Герая, Казимир считал себя его покровителем (и сам Хаджи Герай, когда ему было выгодно, не отрицал этого).¹¹⁹ В Польше всерьез задумались над предложением хана и горячо обсуждали его.

Тем временем Гази Герай ожидал османского вторжения, напряженность между Бахчисараем и Стамбулом нарастала, над Крымом сгустились тучи — но гроза так и не грянула: в конце года Мехмеда III хватил сердечный удар, и он умер. Новым повелителем османов стал 13-летний сын султана, Ахмед. О характере нового правителя многое сказал его отказ от братоубийства при восхождении на трон: Ахмед I не тронул своего брата Мустафу и отменил этот жестокий обычай.¹²⁰

Перетасовка придворного штата при юном султанине надолго отвлекла внимание стамбульского двора от особы крымского хана, и униженный образ покорного слуги падишаха (должно быть, самый ненавистный из всех образов, которые доводилось принимать Гази Герая) наконец-то мог быть без опаски сброшен. Хан освободился от докучливого надзора и бесконечных упреков; никто больше не слал ему угрожающих требований немедленно явиться в Венгрию: Ахмед I вполне удовлетворился тем, что на фронт из Крыма был прислан Тохтамыш Герай. Хан охотно отпустил часть своих войск на помощь османам: во-первых, Тохтамышу Герая пора было испытать себя в настоящем бою, а во-вторых, в Крыму из-за неурожаев начался голод,

а участие в кампании позволяло прокормить тысячи крымских воинов за счет османского провианта и военной добычи.¹²¹

Примирившись со Стамбулом, хан вернулся к осуществлению своей давней мечты о расширении рубежей собственной державы. Пробовать удачи в дунайских княжествах он больше не стал: все прежние попытки укрепить крымское влияние в этих краях лишь разжигали подозрительность везирей и неприязнь султана. Потому Гази Герай решил довольствоваться данью, что по-прежнему платили ему Молдова и Валахия, и занялся восточным флангом своего государства — Северным Кавказом.

Пока Гази Герай по требованию султана тратил месяцы и годы на защиту османских владений в Европе, Московия на Кавказе, по давнему выражению Девлета I Герая, все упорнее «неслась Крыму в соседи».¹²² Донские и терские казаки стали угрожать Малой Ногайской Орде, чей правитель, Кан-мирза, жаловался, что из-за их натиска вынужден сидеть в османской крепости Азак, «как мышь в гнезде».¹²³ Незавидным было положение и союзных Крыму черкесских князей: враждующие с ними кабардинские племена приняли царское подданство и обрели большую силу.

Уже в правление Гази Герая на границах Кабарды и Кумыкии возводились новые казацкие остроги — но хану, связанному венгерской войной, было недосуг противостоять этому. Теперь, избавившись от фронтовой повинности, Гази Герай взялся наводить порядок в этих землях.

В противовес русским острогам Гази Герай поставил на Кавказе крымскую крепость, которая была названа Гази-Кермен (несомненно, в честь самого хана). Укрепление было выстроено в верховьях Кубани, на подступах к Черкессии, и хан мог отправлять отсюда военную подмогу своим кавказским союзникам.¹²⁴

Занявшись всерьез кавказскими делами, Гази Герай счел нужным примириться с иранским шахом, чье влияние отчетливо ощущалось здесь в Дагестане и Кумыкии. В итоге у хана сложились прекрасные отношения с правителем страны, памятной ему тягостными годами неволи. Многие изменилось с тех пор, и теперь Гази Герай рассматривал Иран как возможное убежище на случай ссоры с султаном.

Так, в осенние дни 1601 года, когда хан с тревогой ожидал возвращения беглого Селямета Герая с турецким войском, во владения черкес-

ского племени Беслене прибыл крымский военачальник Батыр-Шах, один из предводителей Мансуров. Он участвовал в недавнем венгерском походе, был ранен в ногу и прибыл к своим черкесским друзьям для лечения. Батыр-Шах под большим секретом рассказал, что в случае поражения в грядущей схватке с османами хан намерен укрыться в Черкессии, а оттуда перебраться либо на Терек к русским, либо в Персию к шаху.¹²⁵

Новый повелитель Ирана, Аббас I, в 1603 году возобновил войну с османами за земли Закавказья. Шах сильно опасался, что турки бросят против него крымские войска — и поспешил задобрить хана: когда в плен к кызылбашам попал тот самый Хандан-ага, что некогда столь предусмотрительно распорядился султанскими грамотами для Гази и Фетха, Аббас снарядил специальное посольство и отправил пленника в Крым. Расчет на то, что Гази Герай оценит благородство шаха, оказался верен. В ответном посольстве Гази Герай передал Аббасу, что хочет жить с ним в мире и дружбе. Посол Хаджи-Байрам, донесший эту весть до иранского правителя и преподнесший шаху дорогие подарки от хана, был выслушан с великим вниманием и принят с большим почетом.¹²⁶

Мирные заверения хана не были пустыми словами: когда султан пригласил крымцев снова выступить вместе на Иран, Гази Герай ответил ему отказом (тем более, что командующим на персидском фронте опять стал его давнишний недруг Чигала-заде).¹²⁷

Гази Герай шаг за шагом приближался к тому, чтобы действительно стать покровителем всего Северного Кавказа: многие местные владельцы вошли с ним в союз, а когда в 1605 году царские воеводы попытались помешать этому — в Дагестане грянуло сражение, в котором кумыки при помощи крымских войск и турецких янычар истребили и согнали с прикаспийских рек все русские гарнизоны. Московское продвижение на Кавказ было остановлено на целое столетие.¹²⁸

Гази Герай имел все основания торжествовать: его планы наконец начинали сбываться. Все, казалось, свидетельствовало о том, что Кавказ в скором будущем прибавит к достижениям хана-воителя¹²⁹ еще одну крупную победу...

Осенью 1607 года хан прибыл в Гази-Кермен. Он оставался там всю зиму, приводя к присяге правителей Кабарды, Кумыкии и Северного

Дагестана. Воодушевленные победой союзники строили планы на будущее: они решили возвести на Кавказе еще одну крепость на месте заброшенного ордынского города Маджар у реки Кумы.¹³⁰

Ближе к концу зимы Гази Герай собрался обратно: его ждал Крым. Хан направился от заснеженных ущелий Черкессии к Керченскому проливу; горы сменились степями. Пересекая их, хан, вероятно, и не заметил той минуты, когда к нему, уцелевшему среди звона персидских сабель и грохота австрийских пушек, безмолвно прикоснулась гибель: болезнь, само название которой звучало как стон всеобщего бедствия — «таун».¹³¹

Гази Герай умер перед самым порогом Крыма, в Темрюке. Скорбная процессия переправилась через пролив и пересекла с востока на запад весь полуостров, чтобы похоронить Гази II Герая в мавзолее Бахчисарайского дворца рядом с его отцом.¹³²

*Ночью слёзы, сна не зная, льет печальная свеча,
От страданья разгораясь, тает плавная свеча.*

*Понимая, что нет счастья без любимого лица,
Как израненное сердце, пьет отчаянье свеча.*

*Встречи с другом ожидая, жжет горячая слеза.
В доме мира догорает гостья — тайная свеча.*

*Утром с грустью понимая, что желанья не сбылись,
От печали убывая, сникла талая свеча.*

*То разлуки, то свиданья вспоминая, Газайи,
То рыдает, то сияет сострадальная свеча.¹³³*

Этот прекрасный стих Газайи, междустрочия которого полны сокровенными смыслами, зазвучал теперь как автоэпитафия хана, которому в своей жизни слишком часто доводилось сталкиваться с разочарованиями. Не было недостатка и в других эпитафиях — отзывах современников, и их слова свидетельствовали, что незаурядные достоинства Гази Герая были оценены должным образом еще при жизни.

«Он был славнейшим из всех, кто правил Таврикой Перекопской... Он настолько славился своими добродетелями и великодушием, что и чужеземные правители, и собственные подданные почитали его, как второго Марка Аврелия». ¹³⁴

«Это был хан, наиболее достойный трона среди всех своих предшественников... К его редким качествам прибавлялись приветливость и великодушие, покорявшие сердца... Он обладал всеми свойствами, что делают правителя великим». ¹³⁵

Так французский посланник Жюльен Бордье (побывавший в Крыму в правление Гази Герая) и османский историк Абдуллах Ризванпаша-заде (живший в Кефе чуть позже), в один голос — почти в точности повторяя друг друга! — отзывались об ушедшем хане.

Обладая талантами, которых с избытком хватило бы на нескольких человек, Гази Герай прожил срок, едва достаточный и для одного: пятьдесят пять лет. В другое время и в другой стране правитель подобного масштаба наверняка смог бы круто развернуть путь своего государства и войти в число атлантов, что держат на плечах фасад всемирной истории — но пора, в которую родился Гази Герай, оставляла ему мало шансов проявить свой гений в полной мере. Гази Герай пришел править Крымом на переломе двух эпох. Идеал Великого Улуса, двигавший некогда целыми народами, превратился для современников в мертвое предание; эра Великой Орды умерла вместе с Гази Гераем, который собственноручно поставил точку и в борьбе за Престольный Край на востоке, и в обладании Тохтамышевым наследством на западе. ¹³⁶

Преемники Гази II Герая на престоле еще не раз заговорят в будущем об этом древнем достоянии их династии — но эти воспоминания будут служить уже совершенно иным целям и задачам, которые поставит перед крымскими правителями новая эпоха. Прежние, веками существовавшие соотношения сил вокруг Крыма неузнаваемо изменятся и заставят будущих ханов искать новые пути сохранить свое небольшое государство между жерновами соседних держав. Как ни пытался Крым остаться самостоятельной силой между ними, он оказался слишком мал, чтобы заменить собой треснувший жернов Улуса Бату. Новой Ордой вместо Крыма стала Московия, достигнув этого

не по праву наследования, а силой собственных войск и слабостью соперничавших тюркских правителей; и покоренные ею евразийские степи остались для Гераев столь же чужими и грозными, как и во времена владычества Намаганов.

Настороженно следя за северным соседом и порой покидая свой наблюдательный пост из-за внутренних неурядиц, Гераи, конечно, замечали, что с каждым десятилетием всё глубже входят в зависимость от соседа южного. Сила, с которой Стамбул постепенно втягивал Крымский Юрт в свою орбиту, мало зависела от желания или нежелания крымцев, и была столь же неумолима, как притяжение большой планеты, удерживающей рядом с собой меньшую. Степень этого тяготения волновала еще Девлета Герая; Мехмед II и Гази II были готовы и вовсе разрубить узы, наложенные на них Стамбулом — однако не преуспели в этом, и трудные размышления над нарастающей зависимостью Крыма от Османской империи остались в наследство их преемникам.

* * *

Страна Крым продолжала свой славный и трагический путь в бущущем море истории; ее повелители мысленно озирали горизонты двух материков, удерживали равновесие сил на рубежах страны, обустривали свой край и защищали свой трон, а крымцы — те самые несметные тысячи крымцев, которым надлежало воплощать грандиозные замыслы своих правителей — отходя вечерами ко сну, молили Всевышнего, чтобы завтрашний день был не хуже дня минувшего.

¹ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and The Caucasus*, New York 1972, p. 65, 70-72.

² С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 73. В источниках встречается и другая версия пленения Гази Герая: кызылбаши схватили его во время боя, окружив плотным кольцом и отрезав все пути к отступлению (С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 73; Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, Симферополь 2004, с. 43).

³ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 89.

⁴ Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов*, с. 44.

⁵ Гази Герай мог мастерски сыграть роль дервиша, поскольку был досконально знаком с суфийской средой и культурной традицией. Об этом свидетельствуют многие его литературные произведения, изобилующие характерной суфийской символикой и следующие канонам традиционной суфийской поэзии. Известно также, что наставником юного Гази Герая был один из наиболее выдающихся суфийских мудрецов Крыма — шейх Ибрагим-эфенди (Татар-Шейх), которого Девлет I Герай специально пригласил для воспитания сына. Вместе с тем, в список крымских ханов, которые непосредственно членствовали в суфийских братствах (Ислям II Герай, Мехмед IV Герай и другие) Гази II Герай не входит (А. Soysal, *Kırım'da Yetisen Büyükler Kırımı İbrahim Efendi*, "Emel", s. 23, 1964, s. 5-7; Н. Абдульваап, *Суфизм в Крыму*, "Qasevet", №31, 2005, с. 16).

⁶ История освобождения Гази Герая изложена здесь в варианте, приведенном в сочинении «Гульбун-и ханан» (Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов*, с. 44). Существует также и другая версия, где освобождение излагается следующим образом: решив усыпить бдительность шаха, Гази Герай сделал вид, что согласен принять его условия. Тогда Хамза-Мирза выпустил пленника из тюрьмы, взял его с собой в Тебриз — и уже оттуда Гази Герай в образе дервиша бежал в Эрзурум (С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 89).

Подтверждением этой второй версии могло бы служить упоминание о том, что одна из жен Гази Герая приходилась шаху сестрой (С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 227) — стало быть, Гази Герай принял предложение шаха и породнился с ним, как тот и предлагал? Имена четырех жен хана известны: это Фатма-Султан, «Кармешай», Михри-Султан («Мехривафа») и Зейнаб (А. М. Некрасов, *Женщины ханского дома Гиреев*, в кн.: *Древнейшие государства Восточной Европы*, Москва 2000, с. 219), но упоминаний об иранском происхождении которой-либо из них мне пока не встречалось. В этом свете весьма примечательно бытовавшее в Крыму предание о том, что большой мавзолеей над могилой Мехмеда II Герая на Азизе Малик-Аштера в Эски-Юрте был построен на средства погребенной в нем дочери персидского шаха, бывшей замужем за одним из крымских ханов (П. С. Паллас, *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах*, Москва 1999, л. III). Вероятность того, что мавзолей был построен в правление Гази II Герая, может оказаться достаточно высокой — ибо восстановление справедливости, попорченной убийством Мехмеда II, было важной частью политического курса Гази II. Следует, впрочем, заметить, что в семействе Гераев встречается и другая «дочь персидского шаха»: жена Шахина Герая, калги при Мехмеде III Герае в 1624-1628 гг. (оба приходились Мехмеду II Гераю внуками; см. также: О. Гайворонский, *Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце*, Симферополь 2006, с. 8).

Вариант Халима Герая принят в этой книге за основной, поскольку он подтвержден словами султана Мурада III, который в письме к крымским беям особо отмечал, что Гази Герай не поддавался на посулы иранцев, хотя и имел такую возможность (А. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejeay, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577-1588 dans le Khanat de Crimée*, "Cahiers du monde russe et soviétique", vol. XIV, nr. 4, 1973, p. 485).

⁷ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 90.

⁸ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*, Москва 2005, с. 331; Халим Гирав султан, *Розовый куст ханов*, с. 51.

⁹ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 90. Янболу — нынешний г. Ямбол в Болгарии. Наряду с Визе и несколькими небольшими городками на европейском берегу Босфора, Янболу служил местностью, где султаны выделяли чифтлики (поместья) обитающим в Турции членам рода Гераев. Это значение Янболу сохранял на протяжении всей последующей истории существования Крымского ханства.

- ¹⁰ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587-1588 году*, изд. Ф. Ф. Лашков, "Известия Таврической ученой архивной комиссии", №14, 1891, с. 69.
- ¹¹ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejau, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577-1588*, p. 471.
- ¹² A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejau, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577-1588*, p. 485-487.
- ¹³ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 78.
- ¹⁴ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 75.
- ¹⁵ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 77.
- ¹⁶ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 77. В последующем Селямет Герай жил в Крыму и снова занимал пост калги — стало быть, конфликт был улажен и Селямет получил возможность остаться.
- ¹⁷ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 73-74. В старорусском оригинале текста благодарность хана выражена фразой «много челом бью».
- ¹⁸ Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, Санкт-Петербург 1843, с. 84.
- ¹⁹ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejau, *La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577-1588*, p. 472; A. Bennigsen, M. Berindei, *Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587-1588)*, "Harvard Ukrainian Studies", vol. III-IV, 1979-1980, part 1, p. 89.
- ²⁰ A. Bennigsen, M. Berindei, *Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques*, p. 86-87.
- ²¹ В источниках жертвы набега названы «турками и жидами» (С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, Москва 1870, с. 321). Под «жидами», несомненно, следует понимать местных караимов, чья община проживала в Гёзлеве и занимала видное место в торговой и финансовой жизни Крыма.
- ²² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 321; С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар у 1570-1580-х роках*, "Південна Україна", вип. 5, 1999, с. 197.
- ²³ С. А. Леп'явко, *Козацькі походи на татар*, с. 197-198.
- ²⁴ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 321.
- ²⁵ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 80.
- ²⁶ *Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова*, с. 69, 80; A. Bennigsen, M. Berindei, *Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques*, p. 91.
- ²⁷ H. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Volga-Don Canal (1569)*, "Ankara Üniversitesi Yıllığı", vol. I, 1947, p. 96.
- ²⁸ *Посольство Ивана Новосильцева в Турцию (1570)*, в кн.: *Записки русских путешественников XVI-XVII вв.*, Москва 1988, с. 190.
- ²⁹ Московские послы имели точные сведения, что Мурад Герай намерен вернуться в Крым (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*, Москва – Ленинград 1948, с. 37, прим. 110).
- ³⁰ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 37.
- ³¹ Подозрение в том, что гибель Мурада Герая была делом рук крымских агентов, выглядит совершенно несостоятельным уже по той причине, что Гази Гераю (независимо от его истинного отношения к деятельности Мурада Герая на русской службе) в любом случае было выгоднее заполучить хорошо осведомленного племянника в Крым, нежели убивать его, едва тот собрался ехать к хану.
- Материалы «следствия по делу колдунов» любопытны с точки зрения представлений того времени о колдовстве и магии, поэтому приведу здесь их пересказ. Видя, что Мурад Герай с излишним усердием служит русским в Астрахани, «бусурманы» прислали к нему из Крыма и из Малой Ногайской орды колдунов, которые и навели на него порчу. Астраханский воевода привел к Мураду Гераю лекаря-араба, и тот сказал, что излечить его возможно, если будут найдены виновные в порче колдуны. Воевода

взял свой отряд и пошел в местные татарские улусы, где разыскал и задержал колдунов. Во время пытки злоумышленники признались, что пили кровь Мурада Герая и его родичей, пока те спали, и если эта кровь еще жива, то несчастных можно спасти, помазав их ею. Тогда араб приказал колдунам выплюнуть всю проглоченную ими кровь в лохань, и они сделали это. При ближайшем рассмотрении оказалось, что кровь Мурада Герая и его жены уже мертва. Царь прислал в Астрахань для расследования Остафия Михайловича Пушкина и велел снова пытаться колдунов. Но ничего более добиться от них не удавалось. Тогда араб пришел на помощь воеводе, вложил колдунам в зубы конские удила и велел подвесить их за руки, но бить не по телу, а по стене напротив них — и тогда они заговорили и признались в своем злом намерении. Затем воеводы приказали сжечь колдунов на костре, что араб и исполнил, причем гибель чародеев сопровождалась зловещими знаменьями (Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, прим. 254).

³² Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, прим. 254.

³³ A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quellejray, *La poussée vers les mers chaudes et la barrière du Caucase. La rivalité Ottomano-Moscovite dans le seconde moitié du XVIe siècle*, "Journal of Turkish Studies", vol. 10, 1986, p. 32-40; С. М. Кортепетер, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 109.

³⁴ Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, с. 84.

³⁵ Следует заметить, что участие Гази Герая в походах на Москву 1571 и 1572 годов не подтверждено четкими указаниями источников. Московские документы говорят лишь о некотором числе «царевичей», сопровождавших Девлета Герая. Однако, принимая во внимание тот факт, что в 1569 году Гази Герай следовал за отцом в Хаджи-тарханской кампании, причем во главе отдельного отряда, можно с высокой вероятностью предполагать и его участие в походах 1570-х годов.

³⁶ Цифру в 150 тысяч человек подают русские источники (Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, с. 85). Двумя годами позже, в 1593 году, сам хан говорил о 200 тысячах войска в его распоряжении (*Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел*, изд. Ф. Ф. Лашков, Симферополь 1891, с. 29), что подтверждал и московский посланник (*Статейный список московского посланника в Крым в 1593 году Семена Безобразова*, изд. Ф. Ф. Лашков, "Известия Тарической ученой архивной комиссии", №15, 1892, с. 77). Состав этой армии помогает уяснить еще одно высказывание Гази Герая: в первый год своего правления он сообщал, что его силы увеличились на 100 тысяч человек за счет примкнувших ногайцев (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 36).

³⁷ Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, с. 87-88, прим. 265.

³⁸ Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, с. 85-90, прим. 267, 269. Московские послы сообщали, что людей в Крым вернулось «с треть». Это не может означать, что 100 из 150 тысяч ханского войска погибли в московском походе. Следует понимать, что ногайские отряды (насчитывавшие, по словам хана, около сотни тысяч), возвращаясь, повернули не в Крым, а в свои улусы на Дону и Кубани. Доводом в пользу этого объяснения можно принять и то, что через два года хан вновь собрал армию с участием ногайцев, значительно превышающую 100 тысяч человек (см. предыдущее Примечание).

³⁹ Н. М. Карамзин, *История государства российского*, кн. III, т. X, прим. 269; С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 324. Выражением «Хан повелитель!» я передаю фразу оригинала «Вольный человек царь!». «Вольный человек» — одно из принятых в крымско-московской переписке выражений для обозначения суверенного государя.

⁴⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 324.

⁴¹ *Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым*, вып. 1 (1578-1613 гг.), "Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете", кн. III, 1888, с. 75; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 350.

⁴² С. М. Кортепетер, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 120, not. 68.

⁴³ *Сношения России с Кавказом*, с. 75.

⁴⁴ *Сношения России с Кавказом*, с. 72, 75; *Кабардино-русские отношения*, изд. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Ку-

шева, т. I, Москва 1957, с. 68-69; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 120, n. 68.

⁴⁵ Хотя источник перечисляет сразу несколько названий этой переправы — «Кошкити», «Ебулай», «Добрый перевоз» и «Кошкин перевоз», я не смог составить представления о его точном расположении. Источник подает приблизительную локализацию этой местности: «на Днепре, выше порогов» — иными словами, где-то в районе нынешнего Днепропетровска (*Статейный список московского посланника в Крым в 1593 году Семена Безобразова*, с. 82).

⁴⁶ *Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством*, с. 32; *Статейный список московского посланника в Крым в 1593 году Семена Безобразова*, с. 82.

⁴⁷ *Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством*, с. 32-33.

⁴⁸ *Статейный список московского посланника в Крым в 1593 году Семена Безобразова*, с. 82.

⁴⁹ О. Retowski, *Die Münzen der Girei*, «Труды Московского нумизматического общества», т. III, вып. 1, 1903, с. 45-56; О. Ретовский, *К нумизматике Гиреев*, «Известия Таврической ученой архивной комиссии», №18, 1893, с. 118.

⁵⁰ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 325.

⁵¹ Такие печати, подтверждающие подлинность документа, выглядели как фигурные пластинки из золота с кратким благословительным текстом. Это была давняя традиция, чингизидские правители прошлых столетий называли такие печати «пайцза».

⁵² С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 330.

⁵³ «В 1515 году между Крымом и Московией начался длительный конфликт за овладение бывшим Улусом Бату, предметом которого были Казанское и Астраханское ханства и который окончательно завершился в 1593 году победой московской стороны» (А. Bennigsen, Ch. Lemercier-Quelquejay, *Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle. De la tradition mongole a la suzeraineté ottomane*, «Cahiers du monde russe et soviétique», vol. XIII, nr. 3, 1972, p. 323). Следует заметить, что в 1620-1650-х годах тема возвращения Казани и Хаджи-Тархана под верховенство Гераев снова поднималась в высказываниях и письмах крымских правителей.

⁵⁴ Как и его предшественники, Гази II Герай титуловал себя «великим ханом Великого Улуса, Великой Орды и Кыпчакской Степи», добавляя к этому позаимствованный из султанского титула эпитет «абуль-фатих» — «отец победы» (*Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством*, с. 30, 36, 39; *Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел*, изд. В. В. Вельяминов-Зернов, Санкт-Петербург 1864, с. 9, 16).

⁵⁵ А. Fisher, *The Crimean Tatars*, Stanford 1978, p. 45.

⁵⁶ С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. VII, с. 329.

⁵⁷ В этом войске было 20 тысяч хорошо вооруженных бойцов (С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 154, n. 38; *Щоденник Еріха Ляссоти із Стеблева, 1588-1594*, в кн.: *Мемуари до історії Південної Русі*, вип. I (XVI ст.), Дніпропетровськ 2005, с. 193). Сверх того, за ханом следовало не менее 60 тысяч невооруженных участников — скорее всего, это были улусы Малой Ногайской орды, сильно страдавшие в своих землях от усобиц и набегов донских казаков и надеявшиеся поправить свое положение за счет военной добычи. О 70 тысячах войска с ханом и 15 тысячах с калгой говорят и московские источники (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 42).

⁵⁸ Хюсейн Хезарфенн, *Изложение сути законов Османской династии*, в кн. *Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура*, Москва 1990, с. 265; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 243-244, 332; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 141, 219.

⁵⁹ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 142, 155, n. 57. Крепости Рааб и Тата — ныне города Дьёр и Тата в северо-западной Венгрии.

⁶⁰ Шараф-хан Бидлиси, *Шараф-наме*, т. II, Москва 1976, с. 264. Крепость Коморн — ныне город Комарно в Словакии на Дунае.

- ⁶¹ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, ed. A. Bennigsen, P. N. Boratav, D. Desaiue, Ch. Lemerrier-Quellejau, Paris 1978, p. 332.
- ⁶² С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 142; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 42.
- ⁶³ В. Л. Егоров, *Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв.*, Москва 1985, с. 33-36. Общий обзор ордынско-молдавских отношений см. в: Н. Д. Руссев, *Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов*, "Stratum Plus", №5, 1999, с. 379-407.
- ⁶⁴ М. Броневский, *Описание Крыма*, "Записки императорского Одесского общества истории и древностей", т. VI, 1867, с. 357; A. Fisher, *The Crimean Tatars*, p. 14, 19.
- ⁶⁵ *Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historii polskiej służących. Z dodatkiem objaśnień potrzebnych i krytycznych uwag*, wyd. J. S. Siękowski, t. I, Warszawa 1824, s. 110, 121. Кого из своих родственников Гази Герай готовил на престол Валахии, неизвестно. Некоторые исследователи сообщают, что он прочил на молдавский и валахский престолы сыновей умершего в астраханском изгнании Саадета II Герая: Мехмеда и Шахина Гераев (А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 86). Ссылка на источник у автора не приведена, но мне это сообщение представляется весьма маловероятным: в 1595 году Мехмеду Гераю было всего 11 лет, а Шахину и того меньше.
- ⁶⁶ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 142-144.
- ⁶⁷ R. Hejdensztejn, *Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594*, t. II, Petersburg 1857, s. 340-348.
- ⁶⁸ *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 110; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 333.
- ⁶⁹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 333; Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 45.
- ⁷⁰ R. Hejdensztejn, *Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594*, t. II, s. 350-354; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 145-146; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, Warszawa 2004, s. 63.
- ⁷¹ Об этом писали сами османы: *Collectanea z dziejopisów tureckich*, s. 110.
- ⁷² D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 63. Молдавские летописи сообщают также, что в следующем году хану, «чтобы не разорял княжества», были переданы некие шесть селений в Бессарабии (Л. Е. Семенова, *Валахия и Молдавия в системе Османской империи*, в кн.: *Славяне и их соседи*, вып. 8, Москва 1998, с. 151). Значительно позже, в конце XVIII века, немецкий автор перечислял шесть бессарабских селений во владении Крымского ханства: Каушан, Буджак, Паланка, Татар-Бунар, Тобак, Салкуца (И. Тунманн, *Крымское ханство*, Симферополь 1936, с. 60-61).
- ⁷³ Г. Иналджик, *Османська імперія. Класична доба 1300-1600*, Київ 1998, с. 70; G. Necipoğlu, *Dynastic Imprints on the Cityscape: The Collective Message of Imperial Funerary Mosque Complexes in Istanbul*, in: *Cimetières et traditions funéraires dans le monde islamique. Actes du Colloque international du Centre national de la recherche scientifique organisé par l'Université Mimar Sinan*, vol. II, Ankara 1996, p. 32-33; S. A. Skilliter, *Mehemmed III*, in *Encyclopaedia of Islam*, vol. VI, Leiden, 1991, p. 981.
- ⁷⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 347.
- ⁷⁵ Шараф-хан Бидлиси, *Шараф-наме*, т. II, с. 264-265.
- ⁷⁶ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 147, 157, n. 83.
- ⁷⁷ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 149, n. 91.
- ⁷⁸ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 150.
- ⁷⁹ Ныне г. Эгер на севере Венгрии.

⁸⁰ Шараф-хан Бидлиси, *Шараф-наме*, т. II, с. 270.

⁸¹ Шараф-хан Бидлиси, *Шараф-наме*, т. II, с. 270; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 147, 149-150.

⁸² Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 49; А. Ф. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, “Записки императорского Одесского общества истории и древностей”, т. I, 1844, с. 385; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'en l'an 1198 de l'Hégire*, “Journal Asiatique”, t. XII, 1833, p. 429; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 333-334.

⁸³ D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 69-70. Насколько известно, это был первый проект военного альянса между Крымским Юртом и запорожским казачеством (если не считать описанного в одной из предыдущих глав предложения казаков Саадету II Гераю в 1584 году нанять их на службу для совместного противостояния османам).

⁸⁴ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 164.

⁸⁵ D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 70. В польском тексте документа — “poganiес, z niewolnicy się urodził”. Слово “poganiес” (“язычник”), очевидно, является переводом употребленного ханом термина “kâfir” — “неверный”. Цитируемая фраза, промелькнувшая в письме Гази Герая валашскому господарю, приоткрывает воззрения крымского двора на столь малоизученную сферу ханской жизни, как семейные отношения. Хорошо видно, что хан презирает султана за то, что тот рожден бывшей рабыней. Мать Мехмеда III, Сафие, действительно была невольницей: урожденная венецианка по имени Чечилия Баффо, она в юности была захвачена турецкими пиратами, обращена в мусульманство, попала в гарем будущего султана Мурада III и со временем добилась большого влияния при дворе (Ç. Balim, *Safiyye Walide Sultan*, in *Encyclopaedia of Islam*, vol. VIII, Leiden 1995, p. 818a). Хотя в источниках встречаются полные списки имен жен Девлета Герая (А. М. Некрасов, *Женщины ханского дома Гиреев*, с. 216-217), имя и происхождение матери Гази II Герая остаются невыясненными. Но с учетом приведенного высказывания, можно не сомневаться, что она принадлежала к мусульманской родовой аристократии: многочисленные источники свидетельствуют, что Гераи во все эпохи предпочитали заключать браки с женщинами из высшего круга крымскотатарской, ногайской и черкесской родовой знати. Этим женский состав ханского семейства коренным образом отличался от обитательниц султанского двора, которые были невольницами, купленными на работорговых рынках (М. Kravets, *From Nomad's Tent to Garden Palace: Evolution of a Chinggisid Household in the Crimea*, “Toronyo Studies in Central and Inner Asia”, no. 7, 2005, p. 52-53). Происхождение от рабыни выглядело порочащим фактом не только в глазах Гази Герая, но и во всей традиции крымского двора с присущим ему культом аристократизма, столь отличавшим крымские государственные обычаи от османских. Первые указания на происхождение отдельных членов рода Гераев от матерей-невольниц начинают появляться сравнительно поздно, лишь в XVII столетии (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 365). Лица, родившиеся от ханских рабынь, предстают в этих описаниях полноправными членами ханского рода, но сам характер указаний на их происхождение указывает на нетипичность такого обстоятельства для биографий представителей ханского дома.

Постигнуть отношение Гази Герая к Мехмеду III помогает и другой эпизод, имевший место осенью 1595 года во время мирных переговоров с Польшей после молдавского противостояния. Доверенный Гази Герая, Ахмед-ага, заявил, что хан своей славой не только не уступает султану, но и превосходит его (R. Hejdensztejn, *Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594*, t. II, s. 355). В этой связи следует вспомнить, что подобное же отношение высказывалось некогда и Девлетом I Гераем в адрес Селима II. Можно видеть, что Гераи вполне осознавали большее благородство своего происхождения по сравнению с Османами, хотя и весьма редко заявляли об этом вслух.

⁸⁶ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 150, 221.

⁸⁷ В некоторых трудах говорится, что Хандан-ага и Гази Герай встретились в Кефе (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 334, прим. 3; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 150). Другие же сообщают, что Гази Герай отправился на корабле в Стамбул, чтобы защищать там свои права, но морская буря занесла его судно в Синоп. Туда же, якобы случайно, ветры привели и судно Хандан-аги, направлявшегося из Стамбула в Крым. Встретившись с Гази Гераем в Синопе, Хан-

дан-ага передал ему документ и посоветовал, как поступать дальше (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 45; А. Ф. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, с. 386; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, р. 430; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 334). Мне представляется более правдоподобной версия о встрече в Крыму, поскольку поездка в Турцию выглядела смертельно опасным предприятием: во-первых, Гази Герай сам говорил, что султан намеревался лишить его не только трона, но и жизни, а во-вторых, он уже вел переговоры с польским королем о предоставлении убежища в Польше (D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 69, 71-73)

⁸⁸ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 50; А. Ф. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, с. 386; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, р. 430-431; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 334-335.

⁸⁹ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 157, n. 98; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 76.

⁹⁰ D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 76.

⁹¹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 350.

⁹² D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 76.

⁹³ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 157, n. 98.

⁹⁴ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 50; А. Ф. Негри, *Извлечения из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов*, с. 387; М. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, р. 431; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 335-336. О судьбе прочих членов семейства Фетха Герая известно немного. Его черкесская супруга, бывшая ранее за Мубареком Гераем, спустя некоторое время после гибели Фетха вышла замуж за Селямета Герая (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 350). Есть сообщение о том, что другая его супруга, венгерка по происхождению, погибла одновременно с мужем (С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 157, n. 98). С другой стороны, в крымскотатарских хрониках имеется предание о некоей пленнице польского происхождения из гарема Фетха Герая, которая — видимо, за выкуп — была отпущена на родину к отцу и умерла в пути при родах. От рожденного нею ребенка впоследствии выводили побочную ветвь Чобан-Гераев (Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 57; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 365-368).

⁹⁵ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 50-51.

⁹⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 336.

⁹⁷ D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 83, n. 84; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 230.

⁹⁸ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 165.

⁹⁹ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 166.

¹⁰⁰ Варад — ныне г. Орадя на западе Румынии; Сомбор ныне расположен на территории Сербии; Силистра — город в северной Болгарии.

¹⁰¹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 337-338; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 167-172. В Силистрийский эялет, среди прочих, входили и те земли, что когда-то были подчинены Золотой Орде и, стало быть, в глазах хана являлись ордынским наследством Крыма. Наверняка именно это объясняло интерес Гази Герая к Силистрийскому эялету и повлияло на решение Сатырджиджи Мехмед-паши.

¹⁰² С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, р. 180. В Крыму и Турции была распространена убежденность в том, что если род Османов по каким-либо причинам прервется, то стамбульский престол должны будут занять Гераи. Говорили даже о некоем договоре, который был заключен на

данный счет между двумя династиями — причем еще в первой половине XVII столетия этот договор считался «давним правом» (*Wyjątki z negocjacyi kawalera Sir Thomas Roe w czasie poselstwa jego do Porty Otomańskiej od r. 1621 do r. 1628 inclusive*, w *Zbiór pamiątek historycznych o dawniej Polsce*, wyd. J. U. Niemcewicz, t. V, Lipsk 1840, s. 322). Французский посланец де Пейссонель во время своего пребывания в Крымском ханстве в 1750-х годах специально интересовался этим вопросом, но существование такого договора не подтвердили ни служащие ханского двора, ни местные историки (С. Ch. de Peyssonel, *Traité sur le commerce de la mer Noire*, t. II, Paris 1787, p. 230-231; см. также об этом: В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 237-238).

¹⁰³ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 344-345.

¹⁰⁴ *Сношения России с Кавказом*, с. 352; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 176; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 101.

¹⁰⁵ *Trzy poselstwa Ławrzyna Piaseczyńskiego do Kazi Gereja chana perekopskich Tatarów*, wyd. K. Pułaski, “Przewodnik Naukowy i Literacki”, nr. 39, 1911, s. 365-366, 467; D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 104. Дворец Салгыр-Сарай, официальная резиденция калги, находился неподалеку от города Ак-Месджид (ныне Симферополь).

¹⁰⁶ D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 105, 110.

¹⁰⁷ Халим Гирай султан, *Розовый куст ханов или История Крыма*, с. 51; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 340. О мятеже см.: М. Akdağ, *Kara Yazidji*, “Encyclopaedia of Islam”, vol. IV, Leiden 1990, p. 594-595; А. С. Тверитинова, *Восстание Кара-Языджи — Дели-Хасана в Турции*, Москва-Ленинград 1946.

¹⁰⁸ D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 113.

¹⁰⁹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 340-341.

¹¹⁰ H. İnalçık, *Ghazi Giray II*, “Encyclopaedia of Islam”, vol. II, Leiden 1991, p. 1047.

¹¹¹ Стихотворный перевод Франциска Балицкого. Украинский перевод этого стихотворения на основе немецкого переложения Й. Хаммера-Пургшталла (J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*, Wien 1856, p. 71-72) сделал в свое время Иван Франко:

*Проста душа для нас ліпша, як простий ріст,
Від чорних брів милиший кінський хвіст.*
До луків тужимо ми все й до гострих стріл,
Більш ніж до до гарних лиць та до жіночих тіл.
Товариш наш — меч гострий та твердий,
Байдуже до пухких та білих нам грудий.*

...

*Ми серце до коня в'яжем, що бистро ніс,
Не до маленьких ніг та золотистих кіс.
Острогами коня зіпнем, хай бистро грає,
А жадна Пері нас очима не спіймає.
Ми присвятилися війні й боям святим,
Рум'яне личко й стан дівочий — менше з тим!
Душа в нас кожного лиш боротьби жадає,
Замість води й вина нам кров ворожу пить!*

* Так зв. бунчук, що служив татарам за воєнний стяг (Прим. І. Франка).

Специальную работу о поэтическом творчестве Газайи см. в: İ. N. Ertaylan, *Ĝâzî Giray Han, hayati ve eserleri*, İstanbul 1958.

¹¹² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 339; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 178.

¹¹³ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 341.

¹¹⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 341.

¹¹⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 342; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 178.

¹¹⁶ Во время первой венгерской кампании 1594 года Гази Герай провел непосредственно на фронте 2 месяца, но с учетом похода на Валахию и лечения в Силистре его отсутствие в Крыму затянулось на 9 месяцев. Вторая венгерская кампания в 1598-99 годах заняла целых 14 месяцев. Третья, в 1602-03 годах, — 8 месяцев.

¹¹⁷ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 342.

¹¹⁸ D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 121-123.

¹¹⁹ Крымский Юрт никогда не зависел напрямую от Польши и Литвы, однако обе стороны помнили, что до своего прихода к власти Хаджи Герай был гостем и вассалом Витовта и Казимира, и что Казимир возвел его на ханский престол. Стоит вспомнить дипломатичный ответ Хаджи Герая на приглашение папского посла к участию в антитурецком союзе: хан сказал, что окончательное решение зависит от воли его друга и покровителя (в оригинале “brata i pana” — “брата и господина”) Казимира (см. Примечание 75 в части I этой книги). См. также: F. Konieczny, *Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej*, “Ateneum Wileńskie”, rok III, zesz. 10-11, 1926, s. 9-10.

¹²⁰ S. A. Skilliter, *Mehemmed III*, p. 981.

¹²¹ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 179.

¹²² *Сношения России с Кавказом*, с. lxvi.

¹²³ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 41.

¹²⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 342; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 230.

¹²⁵ *Сношения России с Кавказом*, с. 352-353.

¹²⁶ Г. Алкадари, *Ассари Дагестан (исторические сведения о Дагестане)*, Махачкала 1929; С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 228.

¹²⁷ С. М. Kortepeter, *Ottoman Imperialism During the Reformation*, p. 230.

¹²⁸ *Сношения России с Кавказом*, с. cx; Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. XI, с. 43; A. Bennigsen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, *La poussée vers les mers chaudes et la barrière du Caucase*, p. 39-46; Ch. Lemerrier-Quelquejay, *Co-optation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Sixteenth Century*, in *The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World*, London 1992, p. 40.

¹²⁹ Значение имени “Ġazi” — “воитель [за веру]”.

¹³⁰ *Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606-1610 гг.)*, изд. А. М. Гневушев, “Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете”, кн. II, 1914, с. 177. Маджар был крупным ордынским городом, разрушен в конце XIV века во время походов Тимур-Ленка. Ныне в этой местности расположен город Буденновск Ставропольского края России. В окрестностях Маджара находилась одна из главных ставок Малой Ногайской Орды (В. В. Трепавлов, *Малая Ногайская орда. Очерк истории*, в кн.: *Тюркологический сборник, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье*, Москва 2005, с. 281)

¹³¹ Халим Гирай султан, *Гульбун-и ханан или История Крыма*, с. 46; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство*, с. 343; M. Kazimirski, *Précis de l'histoire des Khans de Crimée*, p. 432. “Таун” — чума; от нее же умер и отец Гази II Герая, Девлет I Герай. На Центральном Кавказе поныне существуют природные очаги этого заболевания.

¹³² Халим Гирай султан, *Гульбун-и ханан или История Крыма*, с. 46. Разные источники подают различные даты смерти Гази II Герая: от ноября 1607 года до марта 1608. Отчеты иностранных послов,

находившихся на тот момент в Крыму, указывают, что это произошло в феврале 1608 г. (см. D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 147, n. 329).

¹³³ Стихотворный перевод Франциска Балицкого.

¹³⁴ *Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*, p. 334. Марк Аврелий — древнеримский император в 161-180 гг., прославившийся как «философ на троне». Отличался высокой образованностью, был автором нескольких философских сочинений.

¹³⁵ A. Zajączkowski, *La chronique des steppes kiptchak 'Tevārīh-i Dešt-i Oipčaq' du XVIIe siècle*, Warszawa 1966, p. 84.

¹³⁶ Под «Тохтамышевым наследством на западе» я подразумеваю украинские земли. В первом разделе этой книги говорилось о том, как Хаджи Герай подтвердил акт Тохтамыша, которым тот формально передал бывшие украинские владения Орды под власть Великого княжества Литовского. Последующие ханы (например, Менгли Герай и Сахиб Герай) тоже выдавали такие подтверждения, ставшие своего рода традиционным приложением к мирным договорам Крыма и Польши. Дары, поступавшие ханам от литовских великих князей и польских королей, рассматривались в Крыму как компенсация дани, ранее поступавшей в Орду с этих земель. В 1607 году Гази Герай заключил с королем новый мирный договор, в котором впервые не было упоминаний о «землях Тохтамыша» — то есть, Польша обретала безоговорочное право владения этими территориями. Кроме того, польские дары отныне должны были присылаться только в том случае, если хан по просьбе короля оказывал Польше военную помощь. Иными словами, из обязательной ежегодной дани с переданных земель эти дары превратились в обычное вознаграждение союзнику. Об условиях договора см.: D. Skorupa, *Stosunki polsko-tatarskie, 1593-1623*, s. 141-144.

¹³⁷ «Крымское ханство проиграло длительную битву за наследство Золотоордынской империи, битву, продолжавшуюся столетия [автор цитаты, Х. Иналджик, относит момент проигрыша к 1550-м годам, т.е. к падению Казани и Хаджи-Тархана. — О. Г.]; Москва достигла верховенства в Восточной Европе раз и навсегда. Восточноевропейские степи, которые на протяжении, по меньшей мере, 1300 лет являлись домом для тюрок, оказались теперь под владычеством славян» (H. İnalçık, *The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry*, p. 61). См. также краткое подведение итогов этой борьбы в: А. Каппелер, *Росія як поліетнічна імперія: Виникнення. Історія. Розпад*, перекл. Х. Назаркевич, Львів 2005, с. 45-48.

¹³⁸ Деятельность крымских ханов XVII столетия будет освещена в следующих томах сочинения «Повелители двух материков».

Содержание

ОТ АВТОРА	5
-----------------	---

Часть I **ХАДЖИ ГЕРАЙ** 1441-1466

ДВЕ СТРЕЛЫ (1397-1441).....	13
-----------------------------	----

Смута в Золотой Орде — Предки Хаджи Героя и его скитания в юности — Правления Дев-лет-Берди, Улу-Мухаммеда, Сеид-Ахмеда I — Бегство Хаджи Героя в Литву — Крымские беи избирают его ханом

СТРАЖ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ (1441-1461)	20
---	----

Личность Хаджи Героя глазами современников — Окончательный разгром Сеид-Ахмеда I — Хаджи Герай как наследник ордынских ханов — Передача Литве прав на бывшие ордынские владения

«ОТЕЦ И ГОСПОДИН» (1451-1466).....	25
------------------------------------	----

Отношения Хаджи Герая с генуэзской Каффой — Крым приглашен в антиосманский альянс — «Отец и господин» готских князей — Победа Хаджи Герая над Махмудом — Смерть Хаджи Герая

Часть II **МЕНГЛИ ГЕРАЙ** 1466-1515

ЗНАК, ПРИНОСЯЩИЙ УДАЧУ (1466-1471).....	39
---	----

Воцарение Нур-Девлета и поворот в его политике — Соперничество Менгли Герая и Нур-Девлета — Ханом избран Менгли Герай — Нур-Девлет в каффинском плену — Отношения Менгли Герая с генуэзцами

ОПАСНЫЙ КОЗЫРЬ (1473-1475).....	45
---------------------------------	----

Спор кандидатов на место ширинского бая — Беем становится Эминек — Интрига матери Шейдака — Генуэзцы вынуждают Менгли Герая назначить беем Шейдака — Мятеж беев и свержение Менгли Герая

«КОЛЬЦО В УХО» (1475)	50
-----------------------------	----

Бунт Эминекы и его контакты с османами — Турецкое нашествие на Крым и завоевание Каффы — Менгли Герай взят в османский плен и доставлен в Стамбул

ОСИРОТЕВШАЯ СТРАНА (1475-1479).....	55
-------------------------------------	----

Беспорядки в Крыму — Вторжения в Крым Джанибека и его краткий приход к власти — Эминек просит султана вернуть Менгли Герая на престол — Возвращение Менгли Герая в Крым — Новые отношения Крымского Юрта и Османской империи

«КТО ВСТУПИЛ НА МОЕ ЦАРСТВО КОПЫТОМ...» (1480-1486)	60
<i>Гибель ордынского хана Ахмеда — Пребывание в Крыму его сыновей — Нашествие Сеид-Ахмеда II на Крым и Кефе — Новая внешняя политика Крыма: союз с Москвой и разрыв с Литвой — Поход Менгли Герая на Киев</i>	
ПОСЛЕДНИЙ УДАР (1486-1491)	66
<i>Нур-Девлет и Айдер в Московии — Менгли Герай желает вернуть Нур-Девлета на родину — Последнее ордынское вторжение в Крым — Менгли Герай заключает брак с Нур-Султан и становится названным отцом казанского хана</i>	
ВОЗВРАЩЕННАЯ ПОБЕДА (1500-1502)	73
<i>Шейх-Ахмед пытается прорваться в крымские владения — Противостояние крымских и ордынских войск у реки Сосны — Поход Менгли Герая 1502 года и разгром Орды</i>	
ТРОН «ПОВЕЛИТЕЛЯ МИРА» (1498-1503)	80
<i>Крым становится центром Великого Улуса — Менгли Герай обновляет столицу государства — Строительство соборной мечети, Зынджирлы-медресе, мавзолея Хаджи Герая и дворца Девлет-Сарай — Новые титулы Менгли Герая</i>	
ОДИНОКИЙ ПЛЕННИК (1502-1505)	85
<i>Шейх-Ахмед пытается собрать силы для реванша — Ногайская Орда признаёт верховенство Менгли Герая — Бегство Шейх-Ахмеда в Киев и его арест — Шейх-Ахмед в почетном плену в Литве</i>	
«ДВЕ БАРАНЬИ ГОЛОВЫ В ОДИН КОТЕЛ НЕ ЛЕЗУТ» (1507-1512)	91
<i>Отношения Менгли Герая и Баезида II с сыновьями — Османские принцы на посту наместников Кефе — Селим восстает против султана и просит помощи у Менгли Герая — Конфликт Селима и Мехмеда Герая — Селим I становится султаном</i>	
УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ (1507 –1515)	97
<i>Итоги правления Менгли Герая — Ногайская Орда нападает на Крым — Поход Мехмеда Герая на Волгу — Распад союза Крыма и Московии — События в Казанском ханстве — Смерть Менгли Герая</i>	

Часть III
МЕХМЕД I ГЕРАЙ
1515-1523

«ПАДИШАХ ВСЕХ МОГУЛОВ» (1515–1517)	119
<i>Воцарение Мехмеда I Герая —Его взаимоотношения с Селимом I —Новый титул хана —Неудавшийся поход против Хаджи-Тархана и Ногайской Орды —Ногайские беи добровольно подчиняются Крыму</i>	
СВОЕВОЛЬНОЕ СЕМЕЙСТВО (1516–1519)	124
<i>Отношения хана с Ахмедом Гераем — Ахмед Герай покидает Крым и пытается вести самостоятельную внешнюю политику — Попытки примирения</i>	

– Ахмед Герай просит у султана помощи против хана – Гибель Ахмеда Герая
– Заговор Ширинов

ОТПРЫСК НАМАГАНОВ (1519–1521)..... 130

Ногайцы спасаются в Крымском ханстве от нашествия казахов – Смерть казанских ханов Абд-уль-Лятифа и Мухаммед-Эмина – Московский ставленник Шах-Али на казанском троне – Свержение Шах-Али и воцарение в Казани Сахиба Герая

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ (1520-1521) 136

Цель борьбы крымских ханов за воссоединение Великого Улуса – Мехмед и Сахиб Гераи совершают поход на Москву – Нападение Хаджи-Тархана на Крым и возвращение крымской армии из похода

ХОД ЧЕРНОГО ШАХА (1522-1523) 141

Взятие крымским войском Хаджи-Тархана – Хаджи-тарханским ханом становится Бахадыр Герай – Бегство Гази и Бабы Гераев в Крым – Заговор ногайских беев – Убийство Мехмеда и Бахадыра Гераев – Нашествие ногайских беев на Крым

**Часть IV
СААДЕТ I ГЕРАЙ
1523-1532**

ЛЮБИМЕЦ СУЛТАНА (1523) 153

Беи опасаются возмездия за гибель Мехмеда I Герая – Мемеш Ширин просит султана прислать ханом Саадета Герая – Опыт, приобретенный Саадетом Гераем в Стамбуле – Прибытие нового хана в Кефе и казнь Гази I Герая – Саадет Герай готовится оборонять Крым

ХАНСКАЯ СТОЛИЦА – ПРИГОРОД СТАМБУЛА (1523-1524) 159

Саадет Герай мирится с врагами Крыма – Новые порядки при ханском дворе, недовольство и раскол среди знати – Ногайские беи предлагают польскому королю освободить Шейх-Ахмеда и вместе ударить на Крым – Прибытие Сахиба Герая из Казани и его арест в Крыму

МНИМОЕ БЕГСТВО (1522-1524) 164

Сахиб Герай в противостоянии с Москвой – Его тщетные призывы о помощи к Крыму и Турции – Сахиб Герай оставляет вместо себя Сафу Герая и направляется в Крым за подмогой – Сафа Герай успешно отражает московское наступление

МАТЕРИНСКАЯ КЛЯТВА (1524-1527) 169

Ислям Герай заявляет о своих правах на трон – Сахиб Герай спасает хана из окружения мятежников – Примирение Сахиба и Саадета Гераев – Новый бунт Исляма Герая срывает московский поход Сахиба Герая – Казнь Мемеш-бея Ширина и изгнание Исляма Герая

**«КОГДА ЗЕМЛЯ ПОД НОГАМИ МЕШАЛАСЬ»
(1528-1532) 175**

Ислям Герай заключает союз с последним ордынским ханом – Заговор Ширинов и расправа с ними Саадета Герая – Беи требуют смерти Сахиба Герая, тот отправлен в Стамбул – Последняя схватка между ханом и Ислямом Гераем – Отречение Саадета Герая от престола

Часть V
САХИБ I ГЕРАЙ
1532-1550

«СОЛНЦЕ В СОЗВЕЗДИИ ЛЬВА» (1532)..... 187

Ислям I Герай надеется, что султан утвердит за ним ханский титул — Вместо него ханом назначен Сахиб I Герай — Сафа Герай в Казани свержен с трона — Сахиб Герай укрепляет свои позиции в отношениях с беями — Основание Бахчисарая Сахибом Гераем в 1532 году

ПЕРЕКОПСКОЕ ХАНСТВО (1533-1537) 193

Бунт Исляма Герая против хана — Раскол Крымского ханства — Ислям Герай теряет приверженцев — Сахиб Герай просит Бакы-бея устранить Исляма Герая — Разгром мятежа, хан прощает Исляма Герая — Ислям Герай убит Бакы-беем

«ВОЛК В ОВЧАРНЕ» (1538-1541) 199

Новые нападения ногайских беев на Крым — Примирение Бакы-бея с Сахибом Гераем — Сафа Герай возвращается на казанский престол — Поход Сахиба Герая на Москв — Бакы-бей планирует покушение на хана и срывает поход — Казнь Бакы-бея

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИДЕЛЯ (1546).....206

Отношения Сахиба Герая с крымскими беями — Хаджи-тарханский хан истребляет крымских купцов — Взятие Хаджи-Тархана Сахибом Гераем — Разгром ногайского войска у Перекопа

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ (1546-1549)..... 212

Сафа Герай назначает крымцев на ключевые посты в Казани — Возмущение татарской знати и свержение хана — Возвращение Сафы Герая и наказание мятежников — Случайная гибель Сафы Герая — Татарские беи просят прислать на казанский трон Бёлюка Герая

ЗАКАТ ЗВЕЗДЫ (1550-1551) 217

Сахиб Герай отказывается от участия в персидском походе султана — Интрига стамбульских везирей против хана — Сахиб Герай желает удалить из Стамбула Девлета Герая — Девлет Герай прибывает в Крым и захватывает власть — Гибель Сахиба Герая, его сыновей и внуков

Часть VI
ДЕВЛЕТ I ГЕРАЙ
1551-1577

ЦЕНА ИНТРИГИ (1551-1552) 231

Казанским ханом избран Отемиш Герай — Возвращение и краткое правление Шах-Али — Отемиш Герай и его мать Сююн-бике выданы в Московию — Неудавшийся поход Девлета Герая на Москву — Завоевание Казани Иваном Грозным и ликвидация Казанского ханства

«БЕЛЫЙ ПАДИШАХ» (1554-1556) 236

Девлет Герай ищет союзников — Ногайский нурэддин приглашает Москву к походу на Хаджи-Тархан — Московский ставленник Дервиш-Али заключает союз с Крымом — Завоевание Хаджи-Тархана Иваном IV и ликвидация Хаджи-Тарханского ханства — Царский титул Ивана IV и его претензии на власть над государствами Великого Улуса

РАНЕННЫЙ БАРС (1555-1565) 242

Нападения на Крым днепровских и донских казаков — Неудачи очередных ханских походов на Москву — Переговоры Девлета Герая с Иваном IV — Сыновья и беи предостерегают хана от заключения мира с Москвой — Хан безуспешно требует от Москвы освободить Казань и Хаджи-Тархан

ТОЧКА НА КАРТЕ (1568-69) 248

Османский проект строительства канала между Доном и Волгой — Доводы Девлета Герая против этого замысла — Подготовка экспедиции 1569 года — Провал проекта — Попытка взятия Астрахани османами — Трудности возвращения из похода

ПЕПЕЛ ПО ВЕТРУ (1571).....253

Готовность подданных защищать своего хана — Поход Девлета Герая к Козельску, встреча с беглыми боярами — Перемена цели похода и выступление на Москву — Сожжение Москвы в 1571 году — Переговоры Девлета Герая с Иваном IV

ГУЛЯЙ-ГОРОД (1572-1577).....259

Девлет Герай намерен вернуть ордынские порядки в отношениях с Московией — Очередной поход на Москву, поражение в битве при Молодях — Пленение предводителя Мансуров Деве-бея — Последующие переговоры хана с царем — Кончина Девлета I Герая — Ханская мечеть в Гёзлеве

Часть VII
МЕХМЕД II ГЕРАЙ
1577-1584

ХОЛМЫ ШИРВАНА (1577-1579)..... 277

Ханом становится Мехмед II Герай — Его отношения с братьями — Хан отправляет братьев на помощь османским войскам в Иран — Крымское войско в Ширване, плен и гибель Адиля Герая, прибытие хана на фронт — Возвращение Мехмеда II Герая в Крым вопреки воле османов

ГОРДОЕ СЕРДЦЕ (1580-1584) 283

Хан назначает калгой своего сына Саадета Герая — Возмущение Алпа Герая и беев — Учреждение поста нурэддина — Отказ Мехмеда II Герая от последующих походов в Иран — Противостояние у Кефе, свержение хана османами — Алп Герай убивает Мехмеда II Герая

Часть VIII
ИСЛЯМ II ГЕРАЙ
1584-1588

«ВЛАДЫКА ЧЕТЫРЕХ РЕК» (1584-1589) 295

Сыновья Мехмеда II Герая мстят за гибель отца — Саадет II Герай провозглашен ханом — Осада Кефе — Поражение и бегство из Крыма — Изгнанники скрываются в Кумыкии и Астрахани — Планы Москвы воцарить в Крыму Мурада Герая как вассального хана

КРЫЛО АЗРАЙЛА (1586-1588)..... 301

Недовольство населения Ислямом II Гераем — Мурад Герай как средство давления Москвы на хана — Поход Алпа Герая на Московию — Набег украинских казаков на Гёзлев — Османы планируют новый поход на Астрахань — Кончина Исляма II Герая в Ак-Кермане

**Часть IX
ГАЗИ II ГЕРАЙ
1588-1608**

СОЛОВЕЙ И БЕРКУТ (1588-1589).....311

Гази Герай на иранском фронте — Четыре года неволи и бегство из плена — Встреча с султаном и проживание в Янболу — Гази II Герай назначен ханом — Возвращение крымских изгнанников на родину

«У КРЫМА МНОГО РУК И ГЛАЗ...» (1589-1592) 317

Схватка с казаками в Гёзлеве и ханская экспедиция на Украину — Отмена планов похода на Хаджи-Тархан — Гибель Мурада Герая в Астрахани — Поход Гази II Герая на Москву — Возвращение хана в Крым и беседа с московским послом

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК (1593-1594).....322

Мубарек Герай бежит на Кавказ и строит интриги против хана — Гази II Герай планирует перенести ханскую столицу на Днепр либо в Гёзлев — Османы приглашают крымцев на войну в Венгрию — Гази II Герай заключает мир с Московией — Окончание борьбы за наследство Великого Улуса

ОТВАГА И ЗАВИСТЬ (1594-1596) 327

1-й венгерский поход Гази II Герая, его отношения с везирем — Отвага крымских войск на венгерском фронте — Возвращение в Крым, задержка в Валахии — Гази II Герай желает поставить крымского правителя в Молдове — Смена султана и последствия этого для Гази II Герая — Хан посылает в Венгрию Фетха Герая

СУД ЗА ПРЕСТОЛ (1596-1597) 332

Фетх Герай в Венгрии, его боевые заслуги — Везир добивается смещения Гази II Герая — Гази II Герай готовится к обороне — Уловка с двумя султанскими указами — Суд у кефинского муфтия — Фетх Герай поднимает мятеж — Гибель Фетха Герая

ДЕНЬ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ (1598-1603) 338

2-й венгерский поход Гази II Герая — Силистрийский паша отдаёт в управление хану западный берег Чёрного моря — Мятеж в Крыму — Бегство Селямета Герая в Турцию, опасения хана по этому поводу — 3-й венгерский поход Гази Герая: зимовка в городе Печ — Амнистия мятежникам «джеляли» и Селямету Герая — Гази Герай возвращается в Крым

СТРАНА КРЫМ (1603-1608).....345

Гази II Герай в союзе с Польшей готовится обороняться от османов — Новый султан, примирение хана со Стамбулом — Крым и Северный Кавказ — Дружеские контакты с иранским шахом — Смерть Гази II Герая и отзывы современников о нем — Краткий итог

Науково-популярне видання

Олекса Гайворонський

ПОВЕЛИТЕЛІ ДВОХ МАТЕРИКІВ

Том I

**Кримські хани XV-XVI століть
і боротьба за спадщину Великої Орди**

російською мовою

Підписано до друку: 24.10.2007.

Формат 168 × 215. Папір офсет. Гарнітура Miniature.

Умовн. друк. арк. 29,67. Зам. 1307/1.

Ескіз дизайну Олекса Гайворонський

Малюнки Юрій Нікітін

Редактор Надія Гончаренко

Верстка Олена Мурасьова

Дизайн, макет «Оранта»

Друк «Майстерня книги»

вул. Максима Кривоноса, 2-Б, м. Київ 03037.

Тел.: (8 044) 248 89 14, 248 89 31.

E-mail: oranta@oranta-druk.kiev.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи КШ №82

від 06.09.2005

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В КОНЦЕ XVI СТОЛЕТИЯ

- Территории, зависящие от Крымского Юрта
- Территории, зависящие от Московского царства
- Владения Персии, занятые Османской империей в конце XVI века
- СТАМБУЛ — Столицы государств
- Казань — Прочие населенные пункты
- КРЫМСКИЙ ЮРТ** — Суверенные государства
- Малая Ногайская Орда** — Зависимые государственные образования

ПРИМЕЧАНИЕ:
 — на схеме подписаны только те географические объекты, которые упоминаются в тексте книги

© Олонецкий институт истории, 2007

